

И О В Ъ Л Ў
М И Р

И О В Ъ Л Ў
М И Р

1953

7

1953

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXIX

№ 7

Июль, 1953 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ТИХОН ЖУРАВЛЕВ — Комбайнеры, повесть	3
МАРГАРИТА АЛИГЕР — Гроза. Перед зарёй, стихи	92
ИВАН ШЕГЛОВ — Лес дремучий, драма	94
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН — Солдатская судьба, стихи	129
НОРА АДАМЯН — Два рассказа	130
И. МЕТТЕР — Возвращение, рассказ	158
ИЗ СТИХОВ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ. Перевод Л. Эйшлина	179
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
ЖОРЖ СОРИА — Марокко — Алжир — Тунис. Перевод с французского Л. Любимова	183
ПУБЛИЦИСТИКА	
В. ЧЕПРАКОВ — Углубление общего кризиса капитализма	209
<i>К 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского</i>	
Б. РЮРИКОВ — Великие традиции революционно-демократической эстетики	224
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. БАЙКОВ — Литература свободной Венгрии	237
КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
В. Жданов. Книга о мастерстве поэта. — И. Козлов. Герои Красного Гангута. — Вл. Николаев. Неуважение к теме. — Ст. Злобин. «Россия молодая». — С. Евгенов. Невоплощённый замысел. — В. Логунова. В борьбе за передовую японскую литературу.	252
<i>Политика и наука</i>	
В. Дзорцов. В сегодняшней Америке. — Ю. Милёнушкин. Проблемы наследования в биологии. — В. Доброхвалов. О своих родных местах. — М. Голей. Русские люди — творцы машин. — С. Флор. Путь советского гроссмейстера.	271
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ (май—июнь 1953 года)	285

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»

Москва

ТИХОН ЖУРАВЛЕВ

★

КОМБАЙНЕРЫ

Повесть

Кадыров, потянувшись с постели, открыл окно. Да, комбайны тронулись. Далёкий мощный гул, разбудивший его, вырос так стремительно, что вскоре это был уже не гул, а рёв, от которого дрожали стены и звенели стёкла в окнах. Но крыша сарая мешала увидеть из окна машины. Тогда он встал и, торопливо одевшись, вышел на крыльцо.

Самоходные комбайны с высокими хвостами копнителеей, похожие на красных птиц, развёрнутым строем выплывали из-за крыши сарая на простор. К их изогнутой шеренге пристраивались по краям два потускневших рыжих «Коммунара» на прицепе у приземистых тракторов «натиков». Позади, замыкая эту похожую на птичью стаю шеренгу, отчалил от усадьбы МТС челябинский трактор с голубоватым грузным «Сталинцем».

Комбайны шли по зелёному, недавно скошенному лугу, навстречу только что выглянувшему солнцу, и бока их, промытые утренней росой, отсвечивали зеркальным глянцем. Челябинский трактор сверкал натёртой гусеницей, разбрызгивая солнечные искры.

В низине было столько ослепительного света и оглушительного шума, что Кадыров сморщился. Упираясь руками в перила крыльца, он до боли в глазах высматривал в строю свою машину. Однако эта режущая боль мешала ему разглядеть тот полотняный зонтик на самоходке, под которым он проработал два сезона.

В этом году комбайны выходили в поле без Кадырова. Их блеск вызывал у него смешанное чувство грусти и досады. Так, очевидно, грустила бы весной птица с перебитым крылом, провожая в родные края гворливую стаю.

Из дальних всрот усадьбы, не закрытых от Кадырова крышей сарая, выскочила шустрая машина директора. Обогнав комбайны и дважды блеснув на поворотах синими боками, «Победа» свернула на дорогу, и к солнцу потянулся длинный хвост клубившейся пыли. Кадыров проводил машину долгим укоряющим взглядом.

О рукав его тёрся боками пушистый кот, неслышно ступавший с поднятым хвостом по узкой перекладине.

— Брысь! — оттолкнул его локтем Кадыров.

Кот сорвался вниз и, тревожно оглянувшись на хозяина, — он впервые видел его таким сердитым, — кинулся в курятник.

Самоходные комбайны гуськом вытягивались на дорогу, окутывая поле непроглядной пылью. Полосатые зонтики самоходов, висевшие над пыльным облаком, как цветы одуванчика, постепенно погружались в марево, пока совсем не скрылись.

Кадыров вернулся в комнату.

Семья уже проснулась. Сын сидел, согнувшись в углу на бочке, и оза-

боченно сучил из конского волоса лёску для удочки. Другой конец этой лёски натягивал дед. Он сидел на закраине печки, свесив ноги в валенках, и внимательно следил за проворными пальцами внука. Жена, подвязанная синим фартуком, заглядывала в печь, нацеливаясь кочергой в огонь, как пикой.

— Умылся? — спросила она Кадырова, не оглядываясь.

Тот сердито посмотрел ей в спину.

— Да! Умылся.— Он двинул ногой табурет, и все обернулись на этот грохот.

Сын смотрел теперь на отца, разинув рот.

— Ну что? — спросил его Кадыров.— Опять рыбалить?.. Нет того, чтобы заняться арифметикой. Всё карасей гоняешь.

Сын перевёл удивлённый взгляд на мать — «при чём же тут арифметика?», — но та его не видела, разливая половником суп в тарелки.

— Вторую зиму не дам выезжать на трейках,— предупредил отец.

Дед вздохнул.

— Арифметика не убежит,— заступился он за внука, удерживая лёску.

— Догоню,— ответил мальчик.

Кадыров сел к столу и, заглянув в горшок, отодвинул от себя тарелку.

— Опять лапша,— сказал он, не глядя на жену.— Заладили!..

Старик не вытерпел:

— Ты же её, Федя, любишь!

— Кого?— удивился тот.— Лапшу? Люблю. Только не каждый день.

— Вчера её не было,— заметил сын.

— А ты помолчи,— повернулся к нему Кадыров.

Дед кивнул мальчику: «Видишь? Чего это его ужалило?». Мальчик пожал плечами: «Сам не пойму».

В комнате было тихо. Мальчик торопливо сматывал недосученную лёску.

Кадыров покосился на жену. Та попрежнему возилась у печки, не вмешиваясь в этот разговор, и её упорное молчание начинало угнетать его. Он видел искоса её понимающую грустную улыбку, строгий, задумчивый взгляд, почему-то избегавший взгляда мужа, и невольно чувствовал себя виноватым перед всеми в этой комнате.

Когда все уселись за стол и молча придвинули к себе тарелки, жена спокойно, будто ничего и не было до этого, спросила:

— Что случилось, Федя?

Кадыров прокашлялся.

— Комбайны вышли,— сказал он, будто пожаловался.

В прошлом году Кадыров убрал самоходным комбайном семьсот гектаров. Это почти равнялось рекордной выработке знатного комбайнера МТС Ильи Фатьямова, который половину сезона работал на более мощном комбайне — «Сталинец-б». Но районная газета, погнавшись за голлой цифрой, не разобралась в сути дела и присудила первенство Фатьямову. Такова, как говорили комбайнеры, сила традиции. Вот уже пятый год после того, как Фатьямова наградили орденом Ленина, его фамилия не сходит со страниц газеты.

В прошлом году ошибка редакции была настолько очевидной, что даже самому Фатьямову стало неловко. Он выступил на собрании и заявил, что первенство принадлежит не ему, а Кадырову, который дважды обгонял его на самоходке и если к концу сезона всё-таки отстал на каких-нибудь двадцать гектаров, то ведь у «Сталинца» и мощность побольше и хедер пошире... Однако Фатьямов тут же стал оправдывать себя тем, что в первой половине сезона, когда он работал на самоходке, ему

мешали дожди, а во второй половине, после того как он пересел на «Сталинца», у него нехватило времени, чтобы приноровиться к новой технике. Зато уж в будущем году — будьте покойны! Фатъямов не уступит. Лишь бы были созданы ему все условия.

Это было сказано тем тоном, которым он выучился разговаривать за последние годы. «Когда я был в обкоме...», «министерство мне давно советует...», — говорил Фатъямов. Фамилии районных руководителей он повторял то и дело: «секретарь райкома сказал мне» или «редактор звонил», и каждый раз говорил это мимоходом, будто речь шла о чём-то незначительном.

Всем было ясно, что чрезмерное внимание к Фатъямову печати и районных организаций портило комбайнера.

Когда он, выступая на собрании, после торжественно сказанного «мы» делал значительную паузу и ударял костяшками пальцев по столу, — это был уже не Фатъямов, а председатель райсовета. Разница была только в том, что председатель райсовета во время паузы прислушивался к людям — поняли ли они его, а Фатъямов прислушивался к самому себе. Когда же, закругляя выступление, он держал на весу указательный палец и в подходящий момент угрожающе тыкал им в зал, в этом красивом жесте все тотчас узнавали редактора районной газеты.

Многих друзей Фатъямова всё это раздражало, но Кадыров говорил спокойно:

— Ветром надуло и ветром сдует.

«Да, — думал он, — слава пошла ему не впрок, и тут словами делу не поможешь».

Выступая на партийном собрании, Кадыров не стал нападать на Фатъямова, как некоторые другие, а просто вызвал его на соревнование. В самый разгар этого соревнования когда комбайнеры МТС готовили свои машины к очередному сезону, Кадырова неожиданно выдвинули на должность механизатора в колхоз имени Ленина.

Район должен был скоро получить электроэнергию, и надо было заранее готовить почву для полной механизации. «Начнём с твоего колхоза, создадим у вас показательное хозяйство», — уговаривал Кадырова директор МТС Иван Богданович. Слово «показное» напугало Кадырова, он с недоверием относился ко всему показательному. Богданович так и не смог убедить Кадырова, что новая работа, на которую его посылают, — дело серьёзное. Пришлось убеждать на партийном собрании. А ежели речь уж зашла о долге коммуниста, Кадыров его выполнит, можете не сомневаться. И всё-таки он затаил обиду на директора.

Спустя полгода эта обида улеглась, но стоило комбайнам загудеть моторами, как старое всплыло вдруг с новой силой.

Вечером пришла учительница Магинур.

— Ага, — сказал Кадыров, заметив её мелькнувшую мимо окна голубую кофточку. — Сейчас она покажет арифметику!

Сын испуганно метнулся к этажерке с книгами, сунул под лежавшие наверху журналы недоструганный кинжал из дерева и, присев на корточки, озабоченно стал копаться в учебниках на самой нижней полке.

— Скорей, скорей, — торопил его Кадыров.

Жена разговаривала с гостьей на крыльце, — в её любезном голосе и в звонком смехе он почувствовал ту же глубоко запрятанную тревогу и ту же насторожённость, которыми сопровождалась все её последние встречи с учительницей. Жена почему-то видела в ней не парторга, как называли Магинур колхозники, — она была секретарём партийной организации, — а прежде всего молодую женщину и притом вдову, которая с недавних пор, особенно после того, как поссорилась с Фатъямовым,

слишком много внимания уделяет её мужу — и, кто знает, ограничиваются ли их разговоры наедине только лишь партийными делами.

— Опять учительша, — уныло предупредил старик, заглядывая в горницу.

Магинур вошла и, поздоровавшись с Кадыровым, потом со стариком и мальчиком, присела на предложенный хозяйкой стул, скрестив под грудью полные, чуть загоревшие руки. Грустная улыбка придавала ей озабоченный вид.

— Поручение? — спросил Кадыров.

— Нет, — усмехнулась Магинур, оглядываясь на хозяйку. — Захотелось так зайти, без поручения.

— Пожалуйста, — кивнула хозяйка.

Магинур поглядела теперь на сына Кадырова, тотчас опустившего взгляд в потрёпанный учебник, и, обращаясь одновременно к отцу и сыну, добавила:

— Пришла проведать, как вы отдыхаете.

— Спасибо, — сказал Кадыров.

Магинур спросила мальчика, что он читает. Тот посмотрел на отца.

— Арифметику, — пожаловался дед.

Брови у Магинур поднялись, и она сказала хозяйке укоряющим голосом:

— Не надо, Наташа. Пусть он отдыхает.

— А вы бы его тоже поменьше тревожили партийным делом, — неожиданно выпалил дед, кивнув на Кадырова, — пусть и он отдохнется.

Наташа посмотрела на гостью и на мужа; голова её дёрнулась, и серёжки вздрогнули, а в лице появилось насторожённое выражение.

— Какой же может быть отдых в партийном деле? — сказала она с каким-то вызовом, и все почувствовали, что вызов этот направлен против гостьи.

— Да, — осуждающе глянув на жену, сказал Кадыров, — отдыха не бывает...

Хозяйка смутилась и, сославшись на неотложные дела у печки, пошла на кухню.

— Да, — облегчённо вздохнула Магинур и подвинула свой стул поближе к хозяину, сидевшему на койке. — Я, признаться, не пойму, — сказала она, понизив голос. — Зачем ты вдруг отпуск взял?

— Дела, — уклонился Кадыров. — Надо же когда-нибудь и дома навести порядок.

— Да, но в такую пору... — Магинур выглянула в окно.

— Пора подходящая, — ответил Кадыров. — Получим оборудование — там не до отдыха...

Сказал он правду. Недели через две колхоз получит всё необходимое для фермы. В районе обещают... Но Магинур поджала губы, отчего они теперь казались более твёрдыми, а светлые глубокие глаза её смотрели недоверчиво.

— Думаешь, значит, своё хозяйство подправить? — сказала она с упрёком.

— Так точно, — ответил Кадыров, не глядя ей в глаза. — Подрубку сделаю, — повернулся он к стене и показал внизу, под окнами, расщеплённые брёвна, законопаченные войлоком, — два этих венца надо менять, а то они совсем трухлявые.

— Ну хорошо, — согласилась Магинур. — Тут работы на два, на три вечера. А после?

— Рыбу ловить, — усмехнулся Кадыров, кивнув на сына.

Тот, следивший за разговором взрослых, сунулся в учебник, торопливо стыскивая пальцем потерянную строчку.

— Не верю, — сказала Магинур. — В такую пору, когда все люди выходят в поле, вряд ли усидишь на речке...

Она была права. Но Кадыров недоверчиво нахмурил брови. Чёрные спокойные глаза его смотрели на учительницу вопросительно. Зачем она пришла?

— Федя, — шепнула Магинур в упор, скрывая тревогу, — ты хочешь уйти из нашего колхоза?

— Нет! — Он резко поднялся с кровати и заходил по комнате. — Не уйду. Пока не закончу начатого. Да!.. А чем мне заниматься в отпуске, — тряхнул он на ходу рукой, — это моё личное дело. На отдыхе я сам себе хозяин.

Магинур следила за его тревожными шагами спокойно.

Дед, ушедший на кухню помогать Наташе, снова заглянул в горницу. Желая, видимо, выручить сына, он подсказал ему:

— Дома работы по горло, Федя. Надо ещё и забор поставить.

— Обязательно! — поддержала его Наташа из кухни. — Доски у нас прохудились. Каждая свинья во двор заглядывает.

Магинур, должно быть, приняла это на свой счёт и покраснела. Светлые глаза её теперь казались тёмными.

Наташа снова загремела посудой.

— И крыльцо внизу совсем рассохлось. Надо бы сменить ступени, а не то все ноги обломает, — добавила она.

Кадыров развёл руками.

— Дел, как видишь, много. — Он остановился, заправляя койку. — Боюсь, и отпуска нехватит.

Магинур нагнулась к нему и помогла поправить в другом краю завернувшийся угол одеяла.

— А брёвна где возьмёшь? — показала она глазами на подрубку.

Он промолчал.

— Чем будешь эти самые... венцы менять? — допытывалась Магинур и, не дождавшись ответа, посоветовала: — Можно пару дубков и со склада выписать.

— Ради бога! — сказал старик, входя и усаживаясь на сундук. — Вы бы там похлопотали за нас, Зариповна.

— Не надо! — Жена вошла, вытирая руки фартуком. — Есть у нас под сараем свои обрубки. Хватит, если дотачаем...

Это значило: «Кадырова не купишь брёвнами».

— А доски? — спросила её Магинур.

— И доски найдутся! — Наташа тряхнула головой, так что янгарные серёжки её подпрыгнули.

Всё было ясно. Гости оставались, пока не поздно, подняться и вежливо раскланяться. Но она почему-то сидела, видимо не собираясь уходить. Между ней и Кадыровым было что-то ещё недосказано, и жена следила за ними с порога стерегушим взглядом.

Петя, сын Кадырова, не отрываясь от арифметики, чтобы не привлечь к себе внимания взрослых. Он трудился над непонятной ему задачей, жалея свою учительницу, — чувствовал, что она здесь лишняя.

— Хочешь на комбайн? — спросила вдруг Магинур.

Кадыров сел на койку.

— А где у вас машина?

— Будет!

Чувствуя по голосу, что разговор затеян неспроста, он искоса глядел на гостью ожидающим нетерпеливым взглядом.

— Богданых просит, — ответила Магинур.

В глазах его мелькнула радостная, светлая усмешка. Почему же

директор сам не пришёл к нему, а просит через Магинур? Неужели думает, Кадыров сердится?..

— Видишь ли,— объяснила Магинур,— самому зайти Богданчычу казалось неудобно. Во-первых, ты теперь вроде не эмтэсовский, а наш, колхозный. Во-вторых, на отдыхе...

— Какой там отдых! — махнул рукой обрадованный Кадыров и тут же нагнулся, разглядывая сапоги, чтобы скрыть улыбку: сегодня он и сам хотел пойти к директору проситься на комбайн, хотя бы на резервный «Коммунар».

— Директор очень просит,— повторила Магинур таким тоном, будто сама просила.

Наташа, опустив подоткнутый фартук, присела к столу и, сложив руки, подставила под щеку палец. Она смотрела теперь на гостью большими глазами.

Конечно же, Богданч знает, что, если он попросит, Кадыров не откажется, продолжала объяснять учительница. Но Богданчычу надо знать наверняка, хочет ли Кадыров сам работать на комбайне, чтобы не заставить его помимо желания. Иначе опять воскреснут старые обиды, а Богданч, признаться, терпеть не может, когда Кадыров дуется...

Наташа улыбнулась.

— Хотя бы на два дня,— упрашивала Магинур,— пока вернётся Карев.

— А что с ним? — удивился Кадыров.

Карев, оказывается, упал с копнителя и порезал руку. Уборщица конторы, тётя Сима, намазала рану солидолом, уверяя, что так она скорей затянется. Но рука распухла. Карева отвезли в больницу, и теперь, пока рассекут нарыв да вычистят из раны солидол, пройдёт дня два, не меньше.

— Неделя! — воскликнул старик.— А то и больше.

— Тут, главное, эти два дня поработать,— успокоила деда Магинур,— а там, я думаю, найдутся люди.

Пётя напряжённо следил за отцом, не понимая, почему тот медлит.

— Беда с этим Каревым,— усмехнулся наконец Кадыров, обращаясь почему-то не к Магинур, а к деду, и тот, очевидно поняв его, ответил:

— Так, Федя, так. Всегда спотыкались на этом Кареве. То голову подставит под мотовило, то, будто чёрт спихнёт его, сорвётся с хедера...

Все засмеялись.

— И родитель его, царство ему небесное,— продолжал старик,— был такой же суетливый. Вся порода у них каревская...

— Перестаньте, батя,— попросила Наташа.

Кадыров глядел на сапоги и улыбался. Он вспомнил выступление Карева на собрании перед уборкой: «Я расшибусь, товарищи, но выполняю». Богданч ответил: «В том, что расшибёшься, мы не сомневаемся». Так и вышло...

Магинур и Наташа тем временем ждали его ответа. Сын, придерживая пальцем непонятную строчку, тоже следил за отцом в тревожном ожидании.

— Ну что ж! — Кадыров разогнулся.— Я готов. Но только не два дня,— предупредил он,— а весь свой отпуск.

Сын тоже разогнулся над учебником и, глядя в потолок, зашептал условия задачи, как молитву.

— Знаю,— поднялась учительница,— ты для этого и отпуск просил.

— Для этого,— признался Кадыров.— Я не могу, Магинур, без комбайна.

Жена оживилась.

— Да он сегодня сам не свой,— сказала она восторженно.— Как же! Комбайны вышли, а комбайнер остался...

Дед согласился:

— Конечно, обидно.

— Пусть поработает,— решила Наташа и переставила палец под другую щеку.

— А подрубка? — спросила Магинур.

— Что ты! — отмахнулась Наташа. — Хата не завалится. Перезимует.

— А забор мы и сами залатаем,— поддержал её старик, обращаясь к мальчику.

Тот согласился.

Магинур сказала, что правление колхоза пойдёт им навстречу. И брёвна подвезут и доски, и даже могут выделить двух плотников на помощь...

— Не надо! — сказала Наташа, и по тому, как она стала торопливо разглаживать складки на фартуке, учительница поняла, что Наташа не верит в её бескорыстную заботу.

— Я, собственно, пришла сосватать на комбайн из личной выгоды,— улыбнулась она Кадырову, но эта улыбка была предназначена его жене.— С уговором: первые четыре дня работаешь в своём колхозе. Только так. Иначе нам разрез. Хлеба столько, что самим не справиться.

Кадыров тяготился тем, что у него с учительницей появились какие-то неловкие, натянутые отношения. Когда кончались деловые разговоры, наступала пауза, которую оба не знали, чем заполнить; Магинур смущалась, ожидая, что скажет ей Кадыров, а тот, считая себя обязанным поговорить не только о делах, молчал и виновато улыбался. Трудно было объяснить, как зародились эти отношения, но оба смутно чувствовали, что находятся подчас в довольно глупом положении. Что-то оставалось между ними недосказанным, а что именно — Кадыров не догадывался.

Десять месяцев назад, когда впервые зашла речь о новой должности и Кадыров осмотрел в колхозе несложное машинное хозяйство, он впал в уныние. Четыре грузовые машины были на ходу, у одной потрёпанной полуторки не хватало поршневых колец и рама была надломлена. «Ну хорошо,— рассуждал Кадыров, обеспокоенный нерадостной перспективой стать механиком всего лишь этих четырёх машин в колхозе,— поршневые кольца я достану, раму заварю... А после?». «Пока всё в будущем»,— утешал председатель, обещая, что скоро колхоз получит электррсилу и тогда механику будет работы непочатый край. Но Магинур сказала на собрании: «Ждать не будем». Она предложила начинать механизацию колхоза прежде всего с животноводческой фермы. Вода на эту ферму доставлялась в бочках из дальнего озера, потому что расположенный на горе скотный двор не имел своего колодца.

Незадолго до войны муж Магинур — Кузьма Андреевич — начал было пробивать колодец своими силами, но труб нехватило. Председатель уехал за трубами в город, и, пока раздобыл их, началась война. Кузьма Андреевич ушёл на фронт, а трубы остались лежать под сараем до конца войны. Недостроенный колодец так и не дождался хозяина. Кузьма погиб. Закончить его работу пригласили механика из города, но тот нашёл затею безнадёжной. Он уверил, что подземная вода не близко и, чем вгонять в такую глубь оставшиеся трубы, легче протянуть их по земле до озера. «Так лучше будем бочками возить»,— отказался председатель.

Магинур убедила Кадырова, что муж её не мог просчитаться. Во всяком случае, рассуждала она, если вода и глубоко, то всё же можно до неё добраться. «Хватит колхозу пить плохую воду,— говорили другие,—

дайте нам хорошую...» И Кадыров до неё добрался. Правда, начинал он эту работу, сомневаясь в её успехе, или, как говорил председатель, на собственный страх и риск, потому что гора действительно была высокая, а почва твёрдая. Но когда подземная вода всё же хлынула на поверхность и её неожиданное появление стало событием в колхозе, Кадыров прсникся уважением к своим новым обязанностям.

Чистая, студёная вода, вызванная из глубины земли, заполнила все бочки. Надо было теперь тянуть во все концы водопровод, оборудовать насос, чтобы воду выкачивать не руками, а конным приводом от молотилки, поставить башню... Короче говоря, на Кадырова с этой водой нахлынуло столько забот и дел, что ему уже нехватало времени.

Бочары склепали огромный чан, а плотники втащили его на построенную ими деревянную вышку: водонапорная башня была готова. Председатель колхоза достал в районе добавочную партию водопроводных труб, а вместе с ними привёз и крохотные, величиной в две ладони, механические поилки. Спустя неделю, когда поилки были привинчены к каждому стойлу, а дубовые массивные корыта, пропахшие сыростью и покрытые зелёной плесенью, за ненадобностью сложены в овраге, на ферме стало суше и просторней. Грязные, прогнившие полы, всегда залитые водой и потому невидимые раньше, теперь высохли и обнажили все свои изъяны. Пришлось сорвать все доски и заменить их новыми, а заодно уж перекрыли и взёрошенную крышу.

Как-то Магинур брала воду у колодца и, наполнив голубые вёдра, улыбнулась Кадырову. Но улыбка её была печальной. Может, потому, что выкачивать воду руками действительно трудно.

— Потерпи, Зариповна, — утешил её Кадыров. — Скоро приделаем конный привод, — похвалился он, показав под навесом разобранный крестовину старой молотилки.

Магинур отрицательно покачала головой, будто укоряя, что он не угадал её печали. Мысли её, вероятно, были сейчас далеки от привода.

— Кузьма, — сказала она дрогнувшим голосом, — мечтал не об этом.

Кадыров подошёл к ней ближе. Неужели этот оживший колодец стал отчыне памятником её мужу?

— Кузьма, — повторила Магинур окрепшим голосом, — мечтал восстановить турбину.

— Да? — удивился Кадыров. — Но я ведь и сам об этом думаю... Восстановить её нетрудно. В две недели. Но хватит ли напора?

— Хватит! — обрадовалась Магинур и, тронув его за рукав, пригласила: — Зайди ко мне домой. я покажу его расчёты...

Что-то в её торопливом голосе и особенно в её движениях, когда не дождавшись его согласия, она ушла, покачивая вёдрами, показалось Кадырову и грустным и в то же время вызывающим.

Он долго смотрел ей вслед, не в силах разобраться в своих тревожных мыслях. Но в них довольно скоро и без труда разобралась его жена.

— Куда ты смотришь? — Подойдя к колодцу, она с грохотом поставила вёдра.

Кадыров сердито кивнул на учительницу.

— О чём вы говорили? — шепнула она с угрозой.

— О том же, — ответил он, пожав плечами, и, чувствуя, что этот разговор не передать словами и что жена его сейчас поймёт по-своему, вспомнил только то, что Магинур сообщила ему в самом начале.

— Завтра у нас партийное собрание.

— Да? — прищурилась Наташа. — А то я без тебя не знаю. Спасибо... Но разговор у вас был беспартийный, — добавила она уверенно.

— Оставь, пожалуйста,— устало отмахнулся он рукой.— Ёй-богу, надоело...

Наташа набрала воды и молча пошла от колодца.

— Наташа,— позвал Кадыров,— я сейчас приду обедать.

— Пора,— откликнулась она, не оборачиваясь, и тем же мирным голосом сказала: — Богданыч спрашивал.

Кадыров догнал её и пошёл рядом.

— А что ему?

— Не знаю,— ответила Наташа.— Должно быть, так спросил. Интересно.

Кадыров хотел было взять её вёдра, но жена отказалась от помощи.

— Сама донесу.

Тогда он не выдержал и по дороге к дому рассказал ей о турбине. Лежит она без дела с давних пор у мельничной плотины, и надо бы восстановить её. Кадыров сомневался, хватит ли нагора, но вот Кузьма уже давно рассчитал, а глаз у него верный. Во всяком случае, Зариповна уверена...

Жена молчала. Но Кадыров видел, что у толстых губ её всё чётче обозначалась тонкая печальная морщинка.

Магинур с Наташей были неразлучными подругами. Вместе кончали школу, вместе выходили замуж и провожали мужей на фронт. Ничто, казалось, так их не сроднило, как эти фронтовые годы. Обе, заменяя мужей, работали на «Коммунарах», а весной и осенью — на тракторах. В долгие зимние вечера, бывало, уложив детей в одну кроватку, просиживали рядом до глубокой ночи у крохотного огонька — «моргалика», заглядывая в прошлое и в будущее. Ночевали вместе, попеременно или у Наташи, в просторном доме Кадыровых, или у Магинур, жившей на квартире, потому что у Кузьмы не было своего дома — он пришёл в колхоз после курсов из города, а жену себе взял из соседней татарской деревни Деушево. Каждое письмо от Действующей армии, независимо от кого и кому оно было прислано, изучалось тогда подругами с одинаковой трепетом и радостью. Мужья, неразлучные друзья до фронта, оставались для них такими же неразлучными и в их воспоминаниях.

Но кончилась война, и муж Магинур не вернулся с фронта. Рану, полученную одним человеком, нельзя передать другому, но боль этой раны была ошутима и причиняла Наташе страдание. Искренние слёзы подруги долго утешали Магинур и были серьёзной поддержкой в её безутешном горе.

Так было вплоть до возвращения Кадырова.

То ли оттого, что Наташа не могла поделиться этим счастьем и поэтому была уже не рада своей подруге, то ли Магинур сама увидела, что собственное горе тяжелеет от чужого счастья и слишком трудно возвращаться из шумного, светлого дома Кадыровых в свою притихшую и тёмную квартиру, но она теперь бывала у Наташи всё реже и реже. «А что ей у вас делать? — допытывалась Шура Зацепина, свинарка и первая наташина помощница на ферме. — Ты — ветеринар, она — учительница; у вас даже дело разное».

Свинарка заметила, что эти будто бы обронённые мимоходом слова её попали в цель, на больное место, и приободрилась. «Федя у тебя — дубок, но ты смотри за ним в оба, — учила она Наташу. — Не то раскачает и вырвет его у тебя с корнями...»

Разговоры свинарки стали достоянием всей деревни, и Наташа невольно поддадалась им. Она постаралась оградить свой дом от частых посещений Магинур теми насторожёнными взглядами, от которых веяло на гостью отчуждающим холодом.

— Да, ей тяжело одной, — призналась теперь Наташа.

— Зря отгородились, — пожалел Кадыров.

Открыв калитку и поставив на землю вёдра, наверно для того, чтобы внёс их муж, Наташа оглянулась на него с укором. «Вот я сейчас загородила тебе дорогу вёдрами, ты сознайся, — говорил её взгляд. — Почему бы ей самой не принести сюда своих расчётов?..». «Но ты же знаешь почему», — ответил он скупой улыбкой.

— Бойтся? — виновато кивнула Наташа.

— Надо нам зайти к ней вместе, — предложил Кадыров.

Она ответила:

— Сходи сам.

Кадыров поднялся на комбайн, испытывая то давно изведенное чувство радости, когда кажется, что расправил плечи во всю ширь. Наверху дышалось легче, и, вдохнув полной грудью освежающий ветреный воздух, окинув глазами бескрайнее поле вокруг комбайна, он сел под зонтик.

— Ну вот! — К нему подошёл директор. — Комбайнера узнаю по взгляду.

Богданч снял фуражку и ладонью пригладил мокрые седые волосы.

— Жара, — сказал он. — Думал завтра начинать, но как бы не пришлось сегодня.

Кадыров озабоченно осматривал все точки управления.

— Машину я проверил, — предупредил директор, — можно завести.

Но Кадыров всё-таки нажал педаль, потрогал рычаги и только после этого, перегнувшись на сиденье, глянул на директора сверху. Тот показался очень маленьким.

— Иван Богданч, — сказал ему Кадыров, улыбаясь, — вы просили на два дня. Но я теперь чувствую — не слезу до конца сезона.

— Пожалуйста! — взмахнул директор фуражкой. — Я приветствую... Но всё ли там в порядке? — показал он в сторону колхоза.

— Нет, не всё... — вздохнул Кадыров.

Он спросил директора, знает ли он турбину, ту, что лежит у старой мельницы. Когда-то, ещё до войны, она служила геологам, искавшим нефть за речкой. Но в сорок первом году, весной, во время небывалого разлива, её помяло льдинами и затянуло илом. Геологи ушли на юг от Свяги, а Кузьма Андреевич и Кадыров откопали турбину и подтянули к мельничной плотине. Пора бы теперь оживить её. Пока придёт энергия с этой обещанной станции, существующей только ещё на бумаге, можно бы с помощью турбины уже осветить электричеством все животноводческие фермы.

— Даже на ваши мастерские пустим. Лишь бы хватило напора.

— Хватит, — сказал директор. — Кузьма рассчитал правильно... Турбину мы исправим.

Кадыров поспешно сошёл с комбайна и взял директора за пуговицу. Он смотрел на него изумлённым взглядом.

— Мало того, — продолжал директор, — вчера я ходил с Магинур на мельницу, а сегодня приказал механику привезти турбину в мастерские. Так что дело теперь за тобой. Надо тебе сходить к учительнице и ознакомиться с проектом Кузьмы, а там и за работу.

— Когда? — подался к нему Кадыров.

— Я думаю, — прищурился тот, подсчитывая, — на ремонт у нас уйдёт неделя, две... После уборки, — пообещал он твёрдо. — Одному не справиться. Мы тебе гуртом поможем...

Кадыров завёл мотор и тотчас переехал на озимое поле. Но первый покос, для пробы, дал ему нечистое зерно. Сыроватая солома обматывала залик, забивала пальцы хедера и скользила ворохом по корыту, не попадая в молотилку. Комбайн остановился. Надо подождать, пока сойдёт роса...

Кадыров пошёл осматривать свой участок и вскоре на другом краю загопки встретил Фатьямова. Тот, осадив мотоцикл и обдав Кадырова пылью, встал посреди дороги.

— Привет, коровник!

Кадыров не ответил. Он даже не понял, к чему относилось это слово: то ли к его должности механизатора ферм, то ли к работе на самоходной машине, которую Фатьямов, пересев на «Сталинца», называет теперь не иначе, как «божьей коровкой». Молча пожав протянутую руку, он спросил его:

— Косишь?

— Нет, по участкам мыкаюсь. Как угорелый! Нарезали мне полос по всему району,— пожаловался Фатьямов,— не успеваю поворачиваться. Только на одни разезды-переезды половину времени угробишь.

Кадыров удивился.

— Но ты же сам выпрашивал поля пошире!

Фатьямов сел на мотоцикл.

— Просил,— ответил он.— Только не в разных концах района. Секретарь райкома говорит: большому кораблю — большое плавание. Вот я теперь и буду плавать на комбайне от одного участка к другому. Самоходники, те ещё вчера начали выборочную, а у меня и до сих пор глаза разбегаются...

— Подожди,— остановил его Кадыров.— Ты же сам горевал, что негде на такой мащине размахнуться. Нужен ей простор, а не увалы.

— Правильно. Горевал... Просил... Но одно дело — просить, а другое — косить,— признался Фатьямов.

Озимые на его участках созревают не одинаково. И как бы не пришлось теперь вместо выборочной косовицы прыгать из одного конца района в другой. Вчера он думал начинать в «Чапаевке», но рожь не подошла, а рядом — в «Кирове» — там хоть сейчас коси. Но кировцы ждут Кадырова. Так предусмотрено планом.

— Федя,— спросил Фатьямов.— Нельзя ли этот план чуть-чуть нарушить? Сам подумай: чем переезжать мне десять километров на другой участок, я выхвачу один кусочек у соседей.

— Всю коси,— предложил Кадыров.

— Тю,— испугался Фатьямов.— Это же немисливо. Там, на левом склоне, очень уж клязунный, острый угол, и «Сталинцу» никак не развернуться. А ты приедешь,— утешал он,— и твоя «коровка» вмиг его слижет.

— Спасибо,— отказался Кадыров.

Нет, он не согласен зачищать углы, оставленные «Сталинцем». И пусть не повторится больше прошлогодняя неразбериха, когда в погоне за рекордом, выхватывая лучшие куски, Фатьямов вынуждал своих товарищей гоняться по району за оставленными им клочками.

— Только так,— повторил Кадыров.— Баш на баш. Выкашивай в «Кирове», а я уберу за тебя в «Чапаеве». Без углов.

Фатьямов вспыхнул. Шея у него надулась, а карие глаза округлились.

— Жила! — выдавил он с трудом.

И тотчас за этим словом, как пиво за вытолкнутой пробкой, полились другие, скороговоркой — о близорукости, о местничестве и так далее. Да разве можно в такую пору не считаться с государственными интересами? К чему так слепо придерживаться плану и этим тормосить уборку? План — не догма...

Кадыров придержал его за рукав и предложил разобраться без крика. Но Фатьямов уже не мог остановиться. Оседлав мотоцикл, он погрозил директором:

— Тот живо разберётся!

— Богданыч? — спокойно переспросил Кадыров. — Нет, он не пойдёт на это.

— Тогда я позвоню в райком!

— Звони.

Мотосцикл затрещал, выталкивая синие кольца дыма.

— Порода у вас кадыровская! — крикнул Фатьямов. — Всё под себя подмять готовы!

«Дошло, — решил Кадыров, — напоролся-таки на острый угол...»

— Сидел бы себе на коровнике. Нет же! И на комбайн попёрся. Но это тебе не вторая жена. Запомни, Федя, не усидишь на двух стульях — провалишься...

Мотор заглох. Фатьямов сердито рванул ногой педаль и, пришпорив мотоцикл, умчался, обдав Кадырова едкой гарью.

Вечером Кадыров был у Магинур. Он хорошо помнил эту просторную, с двойными окнами на улицу, обставленную фикусами до потолка и завешанную самотканными коврами горницу. Много вечеров они просиживали в этой комнате с Кузьмой, от которого теперь осталась только большая фотография в васильковой раме на стене да потускневшая тульская двустовка с полотняным патронташем, висевшая над кроватью.

— Не заржавела? — спросил Кадыров и по тому, как Магинур поёжилась, словно от озноба, понял, что спрашивать не надо было.

— Не знаю. — Она поправила сползавший с плеча платок. — В последний раз Фатьямов чистил, когда хотел убить медведя.

Это было осенью. Ходили слухи, будто забрёл медведь с далёкого севера и дважды уже выходил из леса на Свиягу. Фатьямов тогда за четыре дня излазил все кусты на побережье, однако не нашёл там ни медведя, ни его следов и на прощание с досады убил ворону. Охотничья страсть его на этом выдохлась.

Кадыров снял ружьё и, надломив его, заглянул в стволы, блеснувшие кольцами. Налёта не было. Курки работали исправно.

С двух сторон на ложе искусно были вырезаны гончие, хватающие уток из-под выстрела.

— Да, поохотились, — вздохнул Кадыров, погладив ложе. — Бьёт оно без прсмаха. Помню, раз Кузьма ударил по галкам — мешок събрали.

— Полмешка... — поправила Магинур.

Кадыров увлёкся, потому что говорил он о муже Магинур, а думал о Фатьямове. Какой же из него стрелок? По мелкой дичи не охотился. Ему бы только на крупного зверя, да вышла осечка...

— А мы вчера, — заметил он и поднялся, повесив ружьё на стену, — сцепились-таки с Фатьямовым.

— Давно бы надо, — сказала Магинур.

Кадыров удивился. Осенью все считали Фатьямова её негласным женихом, говорили о его предстоящей свадьбе с учительницей. Что же у них разладилось? В ожидании волнующего разговора Кадыров вытащил из кармана папиросу и, прежде чем зажечь её, вопросительно глянул на хозяйку.

— Дыми, — улыбнулась Магинур. — Давно бы так. Пришёл и надымил. Шура, та сама приглашает: пусть, мол, и в моей избе мужиком запахнет. Цветы, говорит она, и те без табачного дыма чахнут. Я тоже боюсь, — добавила хозяйка, показав смеющимися глазами на фикусы, — как бы и мои не завяли.

Кадыров чиркнул спичкой.

— Фатьямов, он тоже курец, дай боже каждому, — сказал он, закуривая.

Но Магинур уклонилась от разговора. Мало ли что говорят об их прошлой дружбе с Фатьямовым...

Она достала из шкафа свёрнутые в трубочку пожелтевшие бумаги и, развернув их перед Кадыровым, села на скамейку рядом.

Это были чертежи и планы её мужа. Эту вот прицепную тележку для «Коммунара», нарисованную синим карандашом на первом листе бумаги, Кадыров отлично знает: и рисовали её и делали вместе. Хорошая тележка. За неё Кузьма Андреевич и Кадыров получили премию... Этот, на втором листе, примитивный двигатель из досок и жести, похожий на тошую мельницу, он тоже видел. Вот эту обводную канаву от ерика давно прорыли, и мельница теперь уже работает не только в паводки...

А этот вот размашистый, но не законченный чертёж на контурной карте России, забрызганной с угла чернилами и выдранный из ученического атласа, Кадыров ещё не видел. Та же водяная мельница на берегу сбмелевской Сулы и тот же обводной канал от ерика, нарисованные чётко, со всеми подробностями, а с другой стороны Сулы к другому ерику намечен двойным и нечётким пунктиром ещё один канал с большим, заштрихованным книзу от него треугольником на заболоченном промежутке. И больше ничего. Но Магинур отлично запомнила, что означают эти пунктирные линии, недорисованные мужем.

К большой, многоводной реке Свяиге тянутся по заболоченной низине три небольших притока. Главный из них — Сула — обмелел от весеннего ила, наносимого паводком, и вода из него перешла в два соседних притока — Голубой и Быстрянку. Эти проворные речушки, или, как называют их местные рыбаки, протоки и ерики, будут соединены искусственной канавой. Быстрянка, перегороженная узкой плотиной, изменит русло и направит свой поток в Сулу. Напор воды на мельничное колесо удвоится, и этого напора хватит и колесу и турбине. Голубая уже даёт Суле сто вёдер добавочной воды в минуту, да ещё Быстрянка прибавит не менее двухсот...

— Таким напором можно осветить все улицы, — сказала Магинур.

Кадыров молча барабанил пальцами по карте. Тяжёлые, обветренные губы его были сжаты, а брови нахмурены. Магинур беспокойно следила за ним искоса и не могла понять, в чём он сомневается. Но потом, заметив его неподвижный взгляд, упёршийся в угол схемы, где был заштрихованный косыми линиями треугольник между протоками, поняла и пояснила, что этот заболоченный участок осушится и даст колхозу двадцать четыре гектара добавочной сенокосной площади.

— Да, — разжал он губы, — сложная система.

— Ничего тут сложного. — Магинур нагнулась к листу. — Вот здесь, — провела она пальцем по Суле, — пророем лопатами. Русло очистится... На эту вот плотину потребуется восемь кубометров кольев. Да щебня...

Кадыров не следил за её подсчётами. Он видел её розовый ноготь, скользивший по схеме, но думал не о схеме. Незримое присутствие Кузьмы, которым объяснял он все восторги Магинур и её решимость защищать проект, мешало ему сосредоточиться.

— Надо подумать, — сказал он неопределённо.

— Возьми. — Она свернула чертёж и сунула его Кадырову под руку. — Подумай.

Наступила неизбежная в их разговоре пауза, когда о деле всё уже сказано, но осталось ещё что-то очень важное. Кадыров чувствовал, что сейчас не заговорить об этом просто невозможно. Магинур смотрела

на него что-то потерявшим и чего-то теперь ожидающим взглядом. Влажные глаза её, казалось, готовые заплакать от каждого неосторожно сказанного слова, ждали сочувствия.

— Кузьма, конечно, прав, — сказал Кадыров. — Рано или поздно будем запрягать Свиягу. И надо сейчас начинать с её притоков. Но сможем ли мы осилить?

— Сможем, — ответила Магинур. — Осилим...

Кадыров оглянулся на часы.

— Пора мне, — сказал он, подымаясь, — Наташа беспокоится.

— Ревнует? — неожиданно спросила Магинур.

Кадыров сел.

— Да, знаешь ли, такая неприятность, — обрадовался он возможности поговорить об этом откровенно и начал прямо с жалобы на то, что он теперь не может даже заходить к ней домой.

— Не ходи, — сказала Магинур. — Она права, — и, подумав, призналась: — я женщина.

Кадыров потупился. Его поразило не то, что он услышал, а то, что это было сказано спокойно.

— Жаль только, что все об этом забывают, — добавила она с лукавым сожалением, — одна лишь Наташа помнит...

На дворе уже потемнело. Круглая луна в окне заглядывала на кровать, освещая белые подушки задумчивым голубоватым светом. На кровати спала девочка, рассыпав на подушке чёрные, такие же, как у матери, густые волосы. Час тому назад она листала на столе тетрадь, поглядывая изредка на гостя, но он тогда не догадался посмотреть её рисунки. Волна щемящей нежности к этой незаслуженно обиженной им девочке поднялась теперь в груди Кадырова, нахлынула на сердце... Магинур встала и, чтобы лунный свет не падал на кровать, задёрнула окно занавеской.

— Наташа беспокоится, — сказал он извиняющимся голосом. — Что у вас произошло с Фатьямовым?

— Наташа? — удивилась Магинур, прислушиваясь. — Хочешь помирить нас?

— Да. С Наташей.

— Хорошо. Я сама ей расскажу о том, что у нас произошло с Фатьямовым. Спасибо... Чего вы с ним сцепились?

Кадыров ответил. Беда с этим Фатьямовым. Каким он был чудесным комбайнёром! А теперь? Замахивается кулаком, а лупит растопыренными пальцами, как говорит механик. Кидается туда-сюда, и, кажется, не удержи его, всё нажитое растеряет. Разогнался так, что вряд ли уже опомнится, если его не одёрнуть.

Магинур пока не выражала своего отношения к тому, что говорил ей Кадыров, но когда он дошёл до сути их вчерашней ссоры, она сказала:

— Тут Фатьямов прав.

Не ожидавший этого Кадыров пожал плечами.

— Но иначе его не призвать к порядку.

— Тоже правильно, — сказала Магинур. — Но только по отношению к Фатьямову. А кировцы не виноваты. Коллектив не должен пострадать от того, что одного человека призывают к порядку. Хлеб не ждёт, — рассуждала Магинур, — и хлебу дела нет, кто будет убирать его — Фатьямов или Кадыров, — лишь бы уборка была своевременной. Комбайнерам сориться в такую пору — преступление. Надо уступить...

Кадыров поднялся.

— Нет, — сказал он, собираясь уходить.

— Ну хорошо! — Магинур придержала его за рукав; ей, видимо, тоже хотелось проучить Фатьямова. — Но ты учти. Если запоздаешь в эти

три-четыре дня и не сжосишь урожай на двух полях — у нас и у наших соседей, — то ничего не докажешь Фатьямову. Наоборот...

— В четыре дня? — переспросил Кадыров.

— ...наоборот, — повторила Магинур, не слушая, — дашь ему повод оправдываться. Тебя же он будет обвинять, что ты ему подставил ножку...

— В четыре дня убрать немисливо, — сказал Кадыров. — Это надо ксрить от зари до зари и на третьей скорости.

— А ночью? — спросила Магинур.

Он усмехнулся:

— Одному? Без отдыха? Не выдержу.

— Выдержишь! — Магинур пожала ему руку. — Поможем.

Кадыров глянул на неё, не понимая.

Она ответила:

— С Наташей.

Первый прокос Кадыров сделал на заре, до восхода солнца. Это был вчера ещё начатый для пробы прокос. Сегодня Кадыров довёл его до конца загонки. Влажная солома и грузные от ночной прохлады колосья вначале подавались туго. Но потом Кадыров убедился, что, если отрегулировать машину, ускорив обороты молотилки, можно убирать и ночью. А в этом теперь была прямая необходимость. Магинур не зря настаивала на ночной работе.

Когда через холмистое ржаное поле, опускаясь на увалах и подымаясь на бугры, легла позади комбайна светлая дорога пажити, Кадыров заглушил мотор и сошёл на землю. В поле было тихо. Вдали, на просёлочной дороге, утопая по грядущку в ниве, уныло скрипели две подводы — одна увозила на ток зерно из бункера, другая возвращалась порожней. Вблизи, на прокосе, где-то за копной, послышался женский голос. Кадыров прислушался. «Должно быть, Магинур». — подумал он и, зачерпнув из копнителя выбитые колосья, чтобы проверить их на эщупь, пошёл ей навстречу.

Но из-за крайней копны стремительно вышла, будто вынырнула, Шура Зацепина. Кадыров не любил эту бойкую на язык свинарку. С другой стороны показалась жена. «В клещи», — подумал Кадыров.

— Щупаешь? — Шура прищурилась.

Её вкрадчивый голос и торопливые движения рук, которыми она заправляла кофточку, не сулили ему ничего доброго. Он бросил смятые колосья под ноги, отвернулся от свинарки и вопросительно, с досадой глянул на жену. Та ответила спокойно:

— Машины получишь только к вечеру.

— Как?! — крикнул Кадыров. — Срываете мне всю обедню!

Жена, выждав, пока он успокоится, ответила, что две машины в разгоне и вернутся, может быть, к обеду, не раньше, а те, что занаряжены Кадырову, потребовались ей, на свиноферму, и нужны сейчас им с Шурой позарез — перевезти всех поросят на озеро, к летнему выпасу. Одна свинья у них околела, и надо срочно перебросить остальных в другое помещение, чтобы изолировать от заразы.

— Маток уже погнали, — добавила она, дав понять, что дело это неотложное и поросят никак нельзя теперь задерживать.

— Не признак! — сказал Кадыров. — Никаких свиней!

— Федя, — упрекнула жена, — ты же можешь обойтись пока подводами.

— Действительно. — поддержала Шура — Не носить же нам поросят в подоле!

Кадыров не выдержал:

— Пусть вам председатель носит! Хоть на своём горбу!

— Федя, — сказала жена. — Я уже с ним говорила. Он тоже просит. Потерпи до вечера. А там мы с Магинур поможем.

Кадыров утих. Плечи его опустились.

— Ушли машины? — спросил он с угрозой.

— Ушли, — ответила жена.

Не в силах до конца унять своей досады, он повернулся и пошёл к комбайну.

Солнце согнало росу, подняло её над буграми прозрачной испариной. Где-то между этими буграми защёлкал перепел, над головой призывно зазвенел невидимый в небе жаворонок, и, словно вторя им, застрекотали на земле моторы. Видимые и невидимые на полях комбайны приступали к очередному дню уборки.

Свежее утро, озарённое солнечным сиянием, первый удачный прокос и первые центнеры зерна, отправленные на колхозный ток, радовали Кадырова, и второй прокос показался ему удивительно лёгким. Широкий стрекочущий нож входил в густые заросли, как в сливочное масло, подрезая слой колосьев начисто, без гривок и огрехов, так что позади, за хедерной площадкой, оставалась ровная шетинистая пажить. Зерно лилось из рукава элеватора шумящей струйкой, и бункер наполнялся доверху задолго до возвращения подводы. Это вынуждало Кадырова останавливать комбайн. Вопреки своей радости, он досадовал на председателя.

В одну из таких остановок он увидел на дороге машину директора и тотчас, поднявшись во весь рост на бункере, замахал фуражкой. Машина послушно свернула на его прокос.

— Выручай, Богданыч! — встретил Кадыров директора. — Свинью подсунули... Вчера обещали две машины, а выслали только две подводы.

— Председатель? — спросил директор.

— Хуже, — вздохнул Кадыров. — Жена. Понадобилось ей перевозить в такую пору поросят на озеро.

Директор не поверил. Наташа не может помешать мужу. Сама работала на самоходке, знает. Наташа не такая... Но, стало быть, сегодня поросята ей дороже хлеба...

Кадыров сдался:

— Свинья у них на ферме околела.

— Вот видишь, — упрекнул директор. — Причина уважительная. Надо изворачиваться.

— На подводах? Наверняка зарежусь. Хлеб, Иван Богданыч, как порох. И если где поеду на третьей скорости, — предупредил он, угрожая, — буду выгружать на землю.

— Не надо, — сказал директор. — «Ни одного зерна в стерню», — напомнил он подписанное комбайнерами обращение. — Машины я пришлю.

Он пошёл по стерне, присматриваясь к срезанной соломе, затем развернул руками первую копну и, присев на корточки, продул на земле полюву.

— Чисто, — предупредил Кадыров, — ни зёрнышка.

Богданыч, сидя на корточках, задумался.

— Стало быть, можно? — спросил он, имея в виду ночную работу.

— Вполне, Иван Богданыч.

Директор поднялся.

— Мне Магинур говорила. Действуйте.

— С этой же ночи начнём, — похвалился Кадыров.

— Пожалуйста, — сказал Богданыч. — Завтра я пришлю всех комбайнеров на твою загонку — пусть они тоже убедятся.

Он сел в машину и, прежде чем уехать, попросил:

— Работай. А с машинами я сам улажу.

Когда из потока ржи, в котором идёшь, погружённый по шею, и видишь вокруг одни колосья, взбираешься на комбайн по его ступеням. как на высокий берег, и, усевшись на своём сиденье, включаешь мотор навстречу освежающему простору и ветру, — испытываешь радостное чувство облегчения, ни с чем не сравнимое и, должно быть, знакомое только птице, оттолкнувшейся от земли и расправившей крылья в воздухе.

Кадыров, казалось, попал в свою стихию. Не было ещё работы, которая так освежала бы его и доставляла бы ему такую радость. Впереди расстилается море нескошенной ржи, позади остаются высокие копны только что срезанной и обмолоченной соломы, и чувство этого подвластного ему простора делает Кадырова зорким: глаза его видят дальше, а мысли уходят глубже. Теперь он без труда различает вдали две крохотные самоходки, действительно похожие отсюда на божьих коровок, оставляющих светлые полосы на туманном поле, и даже видит в мерцающем мареве за Свягой красное пятнышко сельского магазина, в котором стоит за прилавком известный всему району голубятник Алексей Петрович, когда-то снабжавший Кадырова и Фатъямова породистыми вертунами. Однажды, будучи уже в последнем классе, они возвращались от Петровича с голубятами за пазухой и заблудились на первой колхозной ниге. Оба зашли в густую рожь зыгнуть оттуда единоличного телёнка, но тот, вырыкивая задними ногами, разгулялся так, что закружил их во ржи. Погорев и телёнка и направление, они уже не знали, в какую сторону им выйти на дорогу. Рожь была высокая — не выглянешь, и сколько Фатъямов, более длинный, ни подпрыгивал — ничего не видел, кроме колосьев. Измученные, сели они на землю, досадуя и на телёнка и друг на друга. Кончилось тем, что Кадыров упёрся руками в колени, как при игре в чехарду, а Фатъямов залез к нему на спину и только тогда увидел дорогу...

Машина работала чётко; срезаемые ножом колосья, мелькая, текли в молотилку сплошным потоком, и мысли Кадырова были чем-то связаны с этим движением. В размеренном гуле мотора слышался воркующий голос директора: «Действуйте!», в звоне визгливой косы, особенно когда она скользит на поворотах вхолостую, чудится лукавая усмешка Шуры: «Щупаешь?», а в мрачном перестуке молотилки повторяется одно и то же, неприятное: «Получишь вечером!».

К чему относилось это напутственное «действуйте», прозвучавшее скорее, как «зыручайте», — то ли к ночной работе, на которую другие комбайнеры пока не отважились, то ли к совместному стремлению Кадырова и Магинур одёрнуть Фатъямова, — он тогда не понял. Теперь же был уверен, что директор, конечно, имел в виду второе. Да, Фатъямова надо наконец призвать к порядку...

Стоп! Бункер полный. Зерно уже льётся через край. Но, прежде чем заглушить мотор и выругать председателя с Наташей, Кадыров оглянулся назад, не едут ли подводы, и увидел скользившую к нему колхозную автомашину. Из кабины высунулась на ходу рыжая голова Кирюши. «Вот это да!» — шепнул Кадыров.

— А поросята? — крикнул он шофёру.

— Поехали, — ответил тот, махнув рукой по направлению к озеру.

Машина пристроилась к самоходке, подставив свой кузов под выгрузной рукав. Из мешковины элеватора хлынуло зерно. Кирюша, поймав

одобрительный взгляд комбайнера, сдвинул фуражку набок. Это значило: «Теперь мы поработаем. Дуй без остановки!».

— Поросят увезли на подводах, — сказал он, будто выругался: «Чтоб им!..»

Вечером приехала на смену Магинур. Она сошла с полуторки и по ступенькам поднялась к Кадырову.

Солнце, уже покрасневшее в вечерней дымке, но ещё не растерявшее к закату полуденного жара, коснулось краешком мерцающей земли и, будто не желая отставать от самоходки, покатилося вдоль по горизонту. Полуторка уже подставила свой кузов под рукав, но комбайнер её не видел против солнца.

— Выгружай! — Магинур нагнулась к его плечу и сама включила рубильник.

Из трубы элеватора, вздыхающей на частых оборотах, с шумом полилось зерно. Струя плескалась в кузов брызгами, закрывая солнце. Впереди, от колён, озарённых ярким светом, по жнивью тянулись на несколько метров чёрнеющие тени, и Кадыров вёл по ним комбайн, как по ступеням.

— Двадцать четыре, — сказала Магинур, но он не понял в гуле мотора, что означала эта цифра.

Солнце ни на шаг не отставало от комбайна и медленно катилось по земле, цепляя краешком бугры и проплывая в воздухе через увалы. Когда же, выгрузив последнее зерно из бункера и проводив полуторку, отчаливающую в сторону, Кадыров остановил комбайн, солнце, увязнувшее на бугре до половины, тоже стало.

— Всё, — сказал он, опустив натруженные руки.

— Двадцать четыре гектара, — повторила Магинур, и он почувствовал себя уставшим.

Шёл уже двадцатый час уборки, позади остались многочисленные копны, уложенные в шахматном порядке, две полуторки — одна из МТС, другая из колхоза — отправили на ток заметные даже отсюда горы хлеба.

— Хватит, — сказала Магинур. — Иди на отдых.

Кадыров уступил ей место нехотя.

— Справишься? — спросил он недоверчиво.

— Я думаю, — сказала Магинур, усаживаясь.

Она была в синем, полинявшем на коленях и локтях комбинезоне мужа. Однако этот комбинезон не мог успокоить Кадырова. Доверять машину женщине после войны, да ещё в такую пору, ночью, когда от комбайнера требуются двойные усилия, — казалось ему рискованным.

— Я, пожалуй, не пойду на отдых, — сказал он, заглянув в инструментальный ящик. — Надо цепи смазать, то да сё... И вообще нельзя тебе работать без помощника. А вы с председателем, — добавил он, гремя железом в ящике, — не догадались даже до сих пор прислать копильщика... Да где же эта чёртова маслёнка!

Магинур засмеялась. Ей понятно было состояние Кадырова, но она уговорила его не тревожиться. Ей уже не раз приходилось работать ночью — пусть он не волнуется. Пора ему на отдых. Комбайнеру, будь он хоть железным, нельзя без отдыха.

— В крайнем случае, ложись хоть на копну, — предложила Магинур. — Наташа придет — разбудим.

Машина тронулась. Кадыров сошёл на землю и, проводив комбайн до поворота, вышел на дорогу. Самоходка ушла от него, окутанная светлым облачком пыли. Солнце уже погрузилось в землю, и чёрные тени от колён растаяли в серых сумерках. Пора на отдых...

Кадырова действительно тянуло на копну. Она сейчас, пожалуй, мягче

любой постели. «Но, — подумал он, — надо сперва к механику — пусть выдаст из запаса ведущий валик для приёмной камеры». Этот валик с самого утра не давал Кадырову покоя, весь день держал его в тревожном напряжении. В слаженном гуле машины он уловил посторонний шорох и тотчас поморщился, потому что шорох, похожий на перебой, доносился из приёмной камеры, которую комбайнеры считают сердцем комбайна. Кадыров остановил машину и среди многочисленных осей и звёздочек обнаружил ту самую, валик которой был слегка согнут и ковылял, — Карев, должно быть, выправляя, колотил её кувалдой, и, конечно, на такую звёздочку теперь нельзя надеяться. Надо заменить её.

У широких эмтеэсовских ворот белеют на доске показателей фамилии комбайнеров и рядом с ними вписанные мелом первые цифры выработки. Самоходчики, судя по количеству скошенных вчера гектаров, точно уложились в график, то есть дневную норму выполнили. Два «Коммунара» тоже не отстали — один из них перевыполнил на полгектара, другой не дотянул на столько же. А «Сталинец» застрял на половинной норме. У самого большого комбайна оказалась, таким образом, самая маленькая цифра. Должно быть, Фатьямов начал убирать вчера после полудня, позже всех.

Свежие цифры на доске показателей — у кого побольше, у кого поменьше — были у всех комбайнеров, за исключением одного Кадырова, против фамилии которого зияло пустое место.

«Ничего, завтра Магинур напишет», — успокоил он себя, направляясь в мастерскую.

Запасного валика на складе не было: надо вытачивать новый. Кадыров пришёл в токарную, но оба станка там оказались занятыми — токари спешно вытачивали полуоси для полевого колеса Фатьямову.

— Неужели сломалась? — спросил он у тракториста, присланного Фатьямовым с заказом.

— Нет, — утешил тот. — На всякий случай.

Кадыров удивился. Такую деталь в комбайне нарочно не ломаешь. А тут вытачивают сразу две и обе в запас, «на всякий случай».

— Как же так? — спросил он тракториста.

— А так вот, — похвалился тот, — хозяин у меня запасливый!

Напуганный прошлогодним случаем, когда на крутом развороте хедер зацепил за косогор и ось поломалась, Фатьямов решил вдруг не во-время загрузить станки работой.

Кадыров предложил освободить один станок для более важного дела, но тракторист упёрся. Ему приказано во что бы то ни стало явиться к утру с полуосями, потому что утром «Сталинец» переезжает в дальний угол района, а дороги там такие, что не только полуось — и голову сломаешь...

Кадыров пошёл в контору. Но директора в кабинете не было. За широким столом его, спиной к дверям, стоял маленький большеголовый агроном Корнеев, исполнявший обязанности уехавшего на учёбу замполита. Он рисовал на красном полотнище какой-то лозунг.

Кадыров попытался, чтобы выйти за дверь без шума. Но Корнеев уже повернулся к нему, поднял одну руку над головой и, прихрамывая на протезе, ещё издали протянул Кадырову другую руку.

— А! Старая гвардия!.. Садись, рассказывай...

— Я не рассказывать, — признался тот, — ругаться.

— О! — Корнеев потянул его за руку. — Тем более. Никогда не слышал, как ты ругаешься. — Он улыбнулся, убеждённый, что Кадырова из равновесия не вывести.

— Дело серьёзное...

— Ну, ну.— Корнеев склонился над столом, вычерчивая на плакате очередную букву. — Я слушаю.

Кадыров рассказал ему.

Агроном закончил рисовать на лозунге большой восклицательный знак и поставил жирную точку.

— Что-то все вы сегодня ополчились на этого Фатьямова, — упрекнул он, усаживаясь против комбайнера, — как сговорились.

Большая вихрастая голова его на короткой шее казалась втянутой в маленькие плечи. Серые глаза под чёрными бровями глядели остро, и Кадыров не выносил их пристального взгляда. Он потупился.

— Одному не нравится, что у Фатьямова два помощника, — продолжал Корнеев басом, всегда удивлявшим комбайнеров: откуда у такого небольшого человека такой внушительный голос? — Другому — что у «Сталинца» четыре копнильщика, третий прибежал — нельзя ли Фатьямову срезать участки, чтобы и самоходкам можно было развернуться, а теперь и ты — с полуосями...

Кадыров понял, что попал Корнееву под настроение — ему не терпелось «отслужить обедню», как называли механизаторы незаметную у него раньше и невыносимую теперь, когда он стал исполнять обязанности замполита, страсть поговорить. Он подумал, что волей-неволей придётся выстаивать эту обедню до конца.

— Фатьямов у нас и новатор и общественник, — рассуждал Корнеев, доказывая Кадырову неосновательность его претензий на токарный станок в данную минуту, — и наша задача — не мешать, а поддерживать его всем коллективом. Я понимаю, что в этих условиях, когда пробивается новое, неизбежны пережитки старого — и зависть и нежелание понять...

— Завидовать? Фатьямову? — приподнялся Кадыров. — А где Богданыч?

Корнеев досадливо тряхнул волосами: «Не мешай, мол».

— ...и нежелание понять, что наша печать и общественность, — продолжал он, но в это время с крыльца донёсся ворчливый голос директора, и Кадыров, не дослушав его, вышел из комнаты.

Штурвальная «Коммунара», Нур-апа, или, как называли её комбайнеры, тётя Нюра, волнуясь, доказывала Богданычу, что у них в молотильном агрегате вот-вот поломаётся какая-то деталь и надо её срочно вытачивать.

— Пожалуйста, — разрешил директор

Но тётя Нюра беспомощно развела руками:

— На чём? Станки уже заняты.

— Мне тоже, — подошёл Кадыров. — Ведущий валик вытачивать. Но полуоси мешают.

— Какие? — не понял директор.

— Фатьямова.

Торопясь опередить Кадырова, тётя Нюра объяснила, что это за полуоси, и попросила освободить один станок прежде всего для «Коммунара».

— Куда ему две? — сказала она о Фатьямове. — Хватит ему одной.

— Снять обе, — приказал Богданыч. — О полуосях надо раньше думать.

Комбайнеры собрались на крыльце конторы до рассвета. Правда, Корнеев пригласил их на собрание к восходу солнца, но все они, за исключением Фатьямова и двух самоходчиков, работавших в отдалённых колхозах, приехали и пришли сюда пораньше. В небе уже прояснилось — неяркие в эту короткую ночь звёзды, бледнее, незаметно гасли, но синие сумерки внизу ещё не таяли — дома, деревья, копны за дорогой и сарай

плавали в тумане, будто невесомые, а мост через Свиягу, сваи которого были закрыты речной испариной, и вовсе казался повисшим в воздухе.

Самоходчики сидели на перилах крыльца и дымили самосадом из кисета дяди Васи, пожилого комбайнера «Коммунара», который уверял, что самосад у него особенный и что сама жена его, штурвальная тётя Нюра, отварила этот самосад в молоке и настояла донником. Двое некуривших сидели на нижней ступеньке; один чертил носком сапога на земле какие-то углы и что-то горячо доказывал другому, но тот молчал и даже, очевидно, спал, потому что голова его всё ниже и ниже опускалась к согнутым коленям.

Кадыров сидел на верхней ступеньке. Облокотившись на колени, он раскуривал вторую папиросу.

Его самоходка работала сегодня до утра. С вечера косила Магинур, а с полуночи — Наташа. Они за ночь убрали тринадцать гектаров, да у него было за день двадцать четыре. Такая цифра сделала бы честь любому агрегату. У всех комбайнеров за два неполных дня записано в среднем по тридцать два гектара и самое большое — тридцать четыре. Кадыров мог бы смело теперь записать все тридцать семь гектаров за сутки, но не посмел высказывать вперёд, тем более, что неизвестно, сколько уже скосила и сколько ещё скосит Наташа до восхода солнца, и записал всего лишь тридцать три. Остальное запишется завтра. Иначе такая цифра, да ещё в самом начале сезона, обязательно вызовет оживлённые разговоры, а Кадыров избегал их, какими бы они для него ни были — хорошими или плохими. Ночью, когда он вернулся из токарной с новым валиком, Магинур сказала: «Вот тебе седьмой гектар и, кажется мне, самый важный». А жена добавила: «Мы тебя вытянули, теперь держись». Этим седьмым гектаром Кадыров догонял всех комбайнеров, и те не смогут остаться к такому событию равнодушными.

Действительно, пришёл Фатьямов и, прочитав цифры на доске показателей, начал первым.

— Привет кореннику! — помахал он Кадырову ладонью.

Тот не понял.

— С такими пристяжными, — пояснил Фатьямов, усмехаясь, — можно и в герои вылезть.

Кадыров понял.

— Зануздать жену с подругой, — продолжал Фатьямов, усаживаясь на крыльце, — да на такой тройке можно далеко заехать.

Самоходчики оживились. Будто в полусонный, вялый разговор попала искра. Это было на заре, в тот переломный момент между светом и тьмою, когда угнетающая потребность сна вытесняется утренней бодростью и какой-то непреодолимой жадной веселья. У невыспавшихся людей, с большим усилием переборовших предутренний сон, она бывает особенно сильной. Злая шутка Фатьямова попала в самый раз. Подхваченная комбайнерами, она завертелась колесом по кругу, мелькая частыми остротами, как спицами.

— Жену-то — можно, — говорил один, — да подруги нет.

— Надёжной, — подсказал другой.

— На подругу нужна подруга. — ответил третий.

— Надёжная...

Колесо веселья вертелось, не задевая Кадырова, хотя Фатьямов и старался подхлестывать его довольно грубыми намёками.

— Супруга не подруга, — бросал он в круг, не думая, лишь бы чем-нибудь да подогреть этот игривый разговор, и одобрительно смотрел на всех сверкающими глазами.

— А моя стара, — пожаловался дядя Вася, — не потянет.

— Зато у меня, — вздохнул Фатьямов, — ни жены, ни подруги.

— Совсем беспомощный, — пожалел его дядя Вася.

Кадыров усмехнулся. Не обращиваясь к Фатьямову, он спросил его:

— А сколько у тебя помощников?

— На «Сталинце»?

Веселье спало. Колесо, поскрипывая запоздавшими усмешками, остановилось.

— Да разве то помощники? — сказал Фатьямов. — Кто в лес, кто по дрова...

— Неправда, — оборвал его дядя Вася. — Ты взял у меня лучшего штурвального. А мне теперь жену приходится эксплуатировать.

— Ему дозволено, — заметил кто-то из комбайнеров. — На чужое рука у него широкая.

Чужа недоброе, Фатьямов попытался вернуть игривый разговор.

— А что помощники? — сказал он, глядя на Кадырова. — Тебе с такой надёжной опорой можно спать и по ночам не беспокоиться. Первую ночь Наташа вывезет, вторую — Магинур...

Но грубая шутка Фатьямова на этот раз повисла в воздухе. Её не подержали. Наоборот, комбайнеры накинулись теперь на Фатьямова. Без шуток, с каким-то возрастающим ожесточением. Действительно, почему он забрал себе лучших помощников? Где это видано, чтобы в агрегате было два заместителя и четыре копнильщика? Не слишком ли жирно Фатьямову?

— Мы тоже люди, — возмущался дядя Вася. — Не лыком шиты.

— Ему — особые условия, — подсказал другой.

— Набаловали!

— Почему тебя обслуживают три машины, а я перебиваюсь двумя телегами? — допрашивали комбайнеры. — Кто ж это распорядился выделять на помощь «Сталинцу» полбригады, а я не могу допроситься одной копнильщицы?..

Фатьямов расстегнул воротник и повёл натёртой щеей, будто собиравшись вылезать из комбинезона.

— Почему... — высунулся было другой комбайнер с каким-то наболевшим вопросом, но в это время из-за угла конторы показался директор.

Шёл он заспанный, в распахнутом настежь кителе, накинутом на голое тело, так что видна была заросшая волосами грудь.

— Не спится? — спросил он всех, протягивая Кадырову загорелую по локоть руку.

— А что же нам время терять? — с укором за всех ответил дядя Вася.

— Правильно, — одобрил Богданч. — Собрание будет коротким. Сейчас разъедемся...

И, пожимая всем поочерёдно руки, он уже начал это собрание:

— Кадыров доказал, что можно убирать и ночью.

— Рано, — заметил дядя Вася.

— Не рано, товарищи, — ответил директор. — Сейчас поедем на его загонку, посмотрим, и вам станет видно. У Кадырова рекордная выработка.

— Бабы вытащили, — вставил Фатьямов.

— Тем паче, — ответил ему директор. — А мы с тобой не бабы. Собрание затягивать не будем.

Кадырову нужна была копнильщица, и, после повторного разговора с председателем колхоза, дали ему наконец Шуру Зацепину.

— В твоё распоряжение, — представилась она. — Двух тебе, наверно, мало. Третью выслали.

Кадыров смотрел на неё с комбайна удивлёнными глазами. Да, ему очень сейчас нужна копнильщица, но только не Шура.

— Лучше бы ты свиней пасла, — сказал он с нарочитой грубостью, — чем тут под ногами пугаться.

— Моё дело маленькое, — ответила Шура. — Меня послали. Ступай, говорят, сторожи нагашиного мужа...

Кадыров сел. Кричать и возмущаться было бесполезно — Шуру не проймёшь.

— Сторожить тут нечего, — сказал он ей устало.

— Конечно, — согласилась Шура. — Трудодни за это не запишут.

— Да, тут надо солому ворочать! — предупредил Кадыров.

— Я навороочаю, — пообещала Шура.

В её уверенном и, главное, спокойном голосе он чувствовал какой-то дерзкий вызов и долго не мог понять, кто, собственно, прислал ему в такое время это наказание. Наташа, та не могла так просто отдать свою помощницу, когда на свиноферме столько возни с поросятами. Тем более не может она опуститься до того, чтобы поручить Шуру подглядывать за мужем. Наташа не такая. А Магинур, той вовсе дела нет до этой Шуры.

— Ступай, — отмахнулся Кадыров от Шуры; ему бы надо отослать её обратно в колхоз, но рожь была высокая — половина из копнителя вываливалась через край. — Иди, — повторил он, кивнув головой на копнитель, — сторожи солому.

Шура его успокоила:

— Не убежит...

Пока он заливал горючее и плоскогубцами прикручивал шуруп на баке, неслышно подошла к комбайну синяя машина. Кадыров разогнулся. Вытирая тыльной стороной ладони вспотевший лоб, он пристально смотрел на директора. Тот, подымаясь по ступенькам наверх, тоже следил за Кадыровым.

— Ты что сегодня такой расстроенный?

— Свинаруку подсунули, — пожаловался Кадыров; швырнув щипцы в инструментальный ящик.

Владимир рассмеялся.

— Да у этой свинаруки золотые руки, — заступился он за копнильщицу.

— Зато язык... Не знаю, кто её сюда пихнул.

— Сама! — отозвалась Шура. — Самой захотелось.

— Тем лучше, — утешил его директор. — У такой солома не застрянет.

Он снял фуражку и, приглаживая мокрые волосы ладонью, сообщил, что вернулся Карев и завтра может приступить к работе.

— Я думаю, — предложил директор, — пока он ещё не в полной форме, пусть проработает с Фатьямовым. Тем более, что у тебя теперь надёжные помощники.

— Не надо — возразил Кадыров. — Пусть лучше мои помощники идут к Фатьямову. А мне, пожалуйста, верните Карева. Мы с ним, и с одноруким, справимся.

— Правильно! — поддержала копнильщица. — Пусть говорят потом, что Фатьямова бабы вывезли.

Директор поднял брови. Светлые глаза его улыбались.

— Хватит с меня одной, — ответил ему Кадыров, досадуя на Шуру. — Дай бог и с этой справиться.

К вечеру Кадыров успокоился. Досада на Шуру улеглась, потому что у неё действительно оказались золотые руки. Работала она за двоих. Там, где рожь была особенно густой и высокой, копнильщица успе-

зала не только расшвыривать вилами вспенившийся ворох соломы, но и время от времени перелезает на ходу к хедеру, чтобы протолкнуть застрявшие колосья.

Комбайн косил бесперебойно. Последняя загонка ржи заметно суживалась, укорачивалась, и к заходу солнца можно было рассчитывать на переезд к соседям. Но приехал в поле председатель Иван Семёнович и стал упрашивать Кадырова убрать пшеницу.

— Не могу,— ответил комбайнер.— По плану должен быть у кировцев.

— Не сегодня,— напомнил Иван Семёнович.— По плану должен ты гуда приехать только послезавтра.

Да, Кадыров докашивает рожь в своём колхозе раньше срока. Помогли Наташа и Магинур. Но это совсем не значит, что можно ему нарушать последовательность в уборке. Что скажешь тогда комбайнеры, особенно Фатьямов, которому Кадыров позавчера доказывал неизбежность составленного плана?

— Нет, нельзя,— повторил он твёрдо.— Машина только что вошла во вкус — втянулась в уборку ржи, а переехать сейчас на пшеницу — значит надо всё отрегулировать заново. Не буду ломать порядок.

— Магинур отрегулирует,— предложил председатель.

Кадыров отказался.

— Не я решаю.

— Кто же за тебя решает? — уговаривал Иван Семёнович.— Ты хозяин. Пшеница у нас по плану должна поспеть через неделю, но что с ней поделаешь, если она созрела раньше? Я уже выслал туда косарей. Но косари не справятся. А ждать комбайна, когда он вернётся от кировцев и будет косить по плану, — половина зерна осыпется. Потому и прошу тебя, Федя: поработай у себя хоть ночку — скоси гектаров десять, а с остаточками сами управимся. К соседям не опоздаешь, у них ведь не так горит — они сеяли чуточку позже.

— Я не решаю,— громче повторил Кадыров.— Говори с директором. Председатель рассердился.

— Камень! Упёрся в план, и с места не сдвинешь. Я не Фатьямов. И нечего мне свой характер показывать. Знаю, какой упрямый! А тут — чересчур. Узбеки говорят, чтобы заставить упрямого осла идти вперёд, когда он упирается, надо потянуть его назад. Гляди, чтобы я тоже не зашёл с хвоста... Давай покурим.

Кадыров не обиделся. Он принял предложенную председателем папиросу и сел с ним рядом на свежий ворох соломы. Нельзя, рассуждал он, сердиться на человека, если речь идёт о государственном хлебе.

— Я тебе дал в помощники лучших женщин,— напомнил председатель.— А переедешь к соседям — могу не дать. Богданыч, правда, спрашивает, но раз на то пошло — не дам и не пойду навстречу. У нас ведь тоже план...

Кадыров остановил его:

— Свою жену выпрашивать не буду. А Магинур, пожалуй, и сама не пойдёт из колхоза. Если же Богданыч просит, то с ним и разговаривай.

— С ним-то я договорюсь,— ответил председатель.— Главное, добиться твоего согласия... Как же ты без женщин?

— С Каревым,— сказал Кадыров.

— Ну Шуру тогда попросишь.

— Шуру? — усмехнулся Кадыров и, оглянувшись на сброшенные сегодня ею копны соломы, ответил: — От Шуры я не откажусь.

Да, пусть на его комбайне будет тогда эта Шура!

Копнильщица сошла с тележки и, видимо взволнованная разговором, упрекнула председателя:

— Нельзя же так, Иван Семёнович! Ты знаешь только свой колхоз. А надо и к соседям заглядывать. Мы же не одиночки.

— Соседи пусть дают свою копильщицу.

— От них дождёшься,— обиделась Шура. — Наплачешься, пока научишь. А мы уже с Фёдей сработались..

Не получив определённого ответа и чувствуя, что Кадырова, как горит, за хвост не потянешь, председатель уехал к директору.

Кадыров, соображая, посмотрел на копильщицу, будто видел её впервые.

— Будем работать вместе, — объявил он.

— Мы нароботаем,— пообещала Шура.

Комбайн после короткого перерыва тронулся в последние заходы.

Шура, возбуждённая предложением Кадырова, успевала всюду — и поругаться с водовозом, который, казалось ей, привозит воду не вовремя, и прыгнуть на ходу с комбайна, чтобы убрать с дороги замеченный Кадыровым камень, и даже показать кулак нерасторопному шофёру.

— Да кто же у вас на комбайне хозяин? — спросил из кабины рассерженный Кирюша.

Кадыров, усмехнувшись, пожал плечами.

— Вижу, — согласился шофёр. — С этой бабой не погибнешь! — Он захлопнул дверцу, отчаливая от комбайна.

Второй водитель, хранивший долгое, упорное молчание, тоже не выдержал. Вытирая рубахой потное лицо, он вполне серьёзно посоветовал Кадырову убавить прыть.

— Я тебе убавлю! — погрозила Шура вилами.

— Да у меня мотор не выдержит! Уже кипит. — Он кивнул на радиатор.

— Долей! — приказала Шура.

Водитель плюнул и спрятался в кабину.

«С этой действительно не пропадёшь», — радовался Кадыров.

Оглядываясь на копильщицу и подолгу любясь её проворными движениями, он уже начинал недоумевать, за что же так строго осуждают эту, в сущности, очень хорошую женщину.

Да, личная жизнь её была изломана...

Шура за годы войны потеряла двух мужей. Первый — бригадир, с которым она только что сыграла свадьбу, — погиб на фронте. Второй муж — тот самый Алёша, который утешал её потом с передовой длинными письмами, — вернувшись домой одноруким, считал, что в тылу ему теперь море по колено, и, напившись однажды пьяным, утонул в Свияге.

Потеряв второго мужа, с которым тоже только что сыграла свадьбу, и не надеясь найти себе третьего, Шура с досады накинулась на подвернувшегося под руку подростка — свинопаса Мишеньку и обхаживала его с материнской нежностью, называя его «сосунком», то «сусликом», но вскоре, избитая за него свинарками, атаковала со всем своим вдовьим пылом пожилого, овдовевшего чуть ли ещё не в ту войну сапожника Архипа, мирно доживавшего свой век на краю деревни, но его «тихое ремесло» ей скоро наскучило, и она загуляла с другими.

Вызывающе красивая, с мерцающим лукавым прищуром, с еле заметными усиками по краям изогнутых губ, Шура, казалось, без труда находила поклонников.

— Мне любовью заниматься некогда, — предупреждала она избранную жертву, — так что в небе нам делать нечего — я по земле хожу...

Женщины лорой способны прощать тайные грехи своих подруг, если они их скрывают и после расказываются, но никогда не простят греха,

выставляемого наружу. Стало быть, Шура уже потеряла совесть и не способна когда-нибудь раскаяться, если она так открыто щеголяет своей бездумной жизнью. Женщины погребовали на собрании выгнать её из колхоза. Но председатель развёл руками.

— На такое дело, товарищи, уздечку не накинешь,— рассуждал он, стараясь свести разговор к шутке.

Ему было жаль расставаться с Шурой. Она в ту пору как раз работала на сенокосе и каждый день выкашивала чуть ли не двойную норму.

— Я думаю,— изворачивался председатель, уговаривая женщин,— поскольку её недостойное поведение пока не отражается на нашей производительной работе...

Ему с трудом удалось успокоить разбушевавшийся женщин.

Фатьямову не повезло.

Рожь на его участке в бывшем чапаевском колхозе, а теперь в чапаевской бригаде, откуда он должен был начинать уборку в этом сезоне, созрела недружно. То ли потому, что чапаевцы плохо сеяли,— возможно, даже разными семенами, и сеяли в разные сроки: осенний сев дважды прерывался затяжными дождями,— то ли от того, что колхозники задерживали снег по-разному — где шитками, где разбросанными в поле корявыми ветками или снопями,— то ли, наконец, повлияли на всхожесть ранние заморозки, ущипнувшие нежные ростки на восточных склонах, более доступных осеннему обжигающему ветру,— понять теперь было трудно. Но рожь стояла дымчато-зеленоватая, с жёлтыми плешинами. Фатьямов приехал убирать её подряд, сплошной загонкой, но когда увидел эти вылинявшие пятна в поле, понял, что ему не миновать выборочной косовицы. А это значило — танцуй на «Сталинце» по всем углам огромного поля, растрачивая время и горючее на холостые переезды, коси да оглядывайся, как бы по соседству с вызревшим углом не зацепить хедером незрелые колосья.

— Нет,— сказал он бригадиру,— теперь объединили вас, и вы косите сами. Осилите и без комбайна. А мне за каждым колоском гоняться по вашим плешинам невыгодно.

— Ищи, где выгодней,— обиделся бригадир.— Оно, конечно, с таким огромным хедером тебе у нас не развернуться. Попросим самоходчиков. Те не капризные...

Фатьямов повернул к соседям. Но кировцы ждали Кадырова, да и тот упёрся, не уступая своего законного права «Сталинцу». Что оставалось делать? Пожаловаться директору? Но директор непременно спросит, знает ли он, как сеяли чапаевцы. Комбайнер обязан готовиться к уборке с осени, а Фатьямов на этот раз понадеялся на прошлый опыт — не первый год убирает хлеб чапаевцам. Поля у них открытые со всех сторон, покатые, как две огромные опрокинутые миски, и не держат влаги: её выдувает ветрами, а снег весной и дождевую воду летом сносит в соседние овраги ручьями. Рожь на таких возвышенностях вызревала раньше. А в этом году чапаевцы подвели Фатьямова.

Нет, решил Фатьямов, жаловаться не на кого. Надо самому выкручиваться, без директора. Иначе скажет: жалуешься на себя...

Фатьямов переехал в свой колхоз, решив начинать уборку не у чапаевцев, а в родной деревне. В своём доме, говорят, и стены помсгают.

Он хотел убрать в своём колхозе всё до колоска, даже на тех удалённых участках, где должны были косить сами колхозники, потому что комбайну там не развернуться. Кого-кого, а своих односельчан ему нельзя обидеть. Жаль только, ржи у них маловато посеяно, да и поле местами неровное.

К исходу второго дня, выкашивая рожь на последней, очень кляузной загонке с многочисленными поворотами, Фатьямов убедился, что «Сталинец» теряет темпы. Его обгоняли не только самоходчики, но и «Коммунары». Стремясь наверстать упущенное, он вернулся к Чапаевцам, но там его уже не ждали. Бригада мобилизовала на уборку всю рабочую силу — в поле вышли даже старики и подростки. Все пожелтевшие плешины были уже скошены — где вручную, где лобогрейками, — и дозревающая рожь пестрела теперь частыми заплатами. Гонять свою машину по этим заплатам Фатьямову не было смысла, да и сами колхозники, увлечённые уборкой хотя и пёстро, но очень высокого в этом году урожая, не упрасивали больше комбайнера. Управятся, дескать, своими силами.

Выкосив два крайних участка, Фатьямов поздним вечером приехал в МТС. Директора не было. Тогда он зашёл к агроному и застал у него Кадырова.

— Я вам не позволю партизанить. — Корнеев стучал карандашом. — Планы составляются не для того, чтобы ломать их.

Кадыров, не отвечая, смотрел в окно.

Фатьямов кивнул обоим и, чтобы не мешать их разговору, сел у второго окна.

— Кто вам разрешил косить пшеницу? — продолжал допрашивать Корнеев. — С кем согласовали?

— Председатель договорился. — Кадыров встал и надел фуражку.

— Председатель? — переспросил Корнеев. — С директором?. Хорошо, я выясню. — Он положил карандаш на стол.

Это значило: «Больше говорить нам пока не о чем».

Кадыров вышел.

— Ну? — Корнеев повернулся к другому окну, отодвинув бумаги в сторону. — Докладывай.

Фатьямов пересел на место Кадырова и снял фуражку.

— Беда, Сергей Иванович, — пожаловался он, — начало у меня такое, хоть караул кричи.

Фатьямов объяснил, что вынужден работать на клочках — «перебиваться чёрствыми кусками где придётся, когда у кировцев готовый каравай под боком». Да вот Кадыров не даёт. По плану. И этого Кадырова, Сергей Иванович, пора пересмотреть и призвать к порядку. С самого начала подставляет ножку. Затеял с бабами какую-то возню и думает — теперь один управится. Не почувствует товарищу...

Корнеев усмехнулся. То, что говорил ему Фатьямов, не относилось к уборочной кампании.

— О бабах, — предупредил он, — после. В этом я и сам постараюсь разобраться. Давай сперва поговорим о деле. Почему ты упёрся в кировцев?

— Видишь ли, — объяснял ему Фатьямов, — те участки, что лежат на моём маршруте, могут подождать. А кировцы уже готовы — рожь у них вполне созрела.

Агроном постучал карандашом о стол.

— Коси!

Корнеев сказал это с такой не присущей ему решимостью, что Фатьямов не сразу поверил.

— Видишь ли... — Фатьямов придвинулся к нему ещё ближе. — По плану, правда, не моя обязанность убирать у кировцев. Но если бы не осадили меня Чапаевцы...

— Коси! — прервал его Корнеев. — «Сталинцу» всё позволено.

— Хорошо... А директор?

— Директор? — переспросил Корнеев. — Я думаю... — Он действительно задумался. — Богданых возражать не станет. Тем более, что Кадыров уже и сам из плана выбился. Коси...

К полуночи Фатьямов переехал к кировцам.

Двумя часами позже, докосив пшеницу в своём колхозе, туда же переехал и Кадыров.

Он увидел «Сталинца» издали, только перевалив через бугор, и, будто не веря своим глазам, оглянулся на Шуру. Та провела рукой по шее. «Вот именно, — кивнул ей Кадыров, — наверняка зарежет». Но Шура, наклонившись к нему, чтобы рёв мотора не заглушал её голоса, крикнула:

— А ты не подставляй ему шею!

Кадыров свернул комбайн с дороги и, не сбавляя скорости, поехал наперерез комбайну Фатьямова. «Сталинец» докашивал первый круг, опоясав широкое поле яркой полоской жнивья.

— Ты посмотри! — Копнильщица толкнула его в плечо. — Какую он петлю накинуд.

Кадыров остановил машину.

— Лучший кусок из-под носа выхватил! — не могла успокоиться Шура.

— Только ты помолчи, пожалуйста, — досадливо попросил её Кадыров.

Мотор самоходки урчал холостыми оборотами и вздрагивал, покачивая выхлопной трубой. «Сталинец» приближался. Фатьямов разогнулся на штурвальном мостике, выжидаяще присматриваясь к самоходке, и неожиданно махнул рукой в сторону: сойди, мол, с дороги, не загромождай.

— Не сходи! — уговаривала Шура. — Пусть на таран напорется.

Кадыров заглушил мотор. Но «Сталинец», стремясь во что бы то ни стало соединить прокос, описал кривую, выкосив колосья у самого ножа самоходки.

— Торопишься? — крикнула Шура. — Ишь, в какую рань выскочил! Даже роса тебя не держит. То, бывало...

— Замолчи! — остановил её Кадыров.

— А что же он сам под нож лезет! — возмутилась копнильщица.

Фатьямов остановил комбайн и торопливо сошёл на землю.

— Вот я и закруглил загонку, — похвалился он, оглядываясь на прокос. — Великовата, правда, но есть где разгуляться.

— Подавишься! — ответила Шура. — Чужой кусок поперёк горла встанет. Ишь, отмахнул серёдку, чтоб тебе застряло!

Кадыров сердито поморщился в её сторону, будто хотел чихнуть, и Шура тотчас от него ушла.

— Ну? — спросил Кадыров Фатьямова.

Тот стоял перед самоходкой, заложив руки за спину и широко расставив ноги. Он смотрел на Кадырова снизу, из-под козырька фуражки, одним глазом, как петух смотрит на солнце.

— Разъедемся? — спросил он в свою очередь, виновато улыбаясь.

— Э, — спрыгнув, вмешался тракторист, поспешая на выручку, — помирному вам не разъехаться. Вижу, без пол-литра не разберётесь.

Кадыров не ответил. Он пристально смотрел куда-то в сторону, в разгоревшееся на востоке зарево. Фатьямов тревожно оглянулся туда же и в ярком свете зари увидел сверкавшую стёклами синюю легковую машину.

— Пусть директор сам разбирается, — объявила Шура.

Из подъехавшей машины вышли Магинур и Богданых. Директор

отошёл немного в сторону и заглянул в зазор между комбайнами — не зацепились ли они колёсами, потом удивлённо посмотрел на Кадырова и Фатьямова.

— Что случилось?

— Коса на камень, — ответил тракторист. — Одной загонки не поделят.

— А что её делить? — спокойно сказал Кадыров. — Моя загонка.

Директор понял. Он вернулся к своей машине, и следом за ним поплёлся Фатьямов.

— Я не самовольно, Иван Богданыч. По закону.

— Кто распорядился? — устало спросил директор.

— Корнеев.

— Корнеев? — повторил Богданыч, присматриваясь к Магинур.

Она наклонилась к пшенице, потёрла в ладонях переспевший колос и молча показала сухие зёрна.

— Коси! — махнул рукой директор.

Фатьямов стремглав побежал к своему комбайну.

Кадыров попрежнему сидел на самоходке, провожая отплывающий «Сталинец» унылым взглядом.

— Федя! — Магинур взобралась к нему. — Не спорь, — попросила она, показав на ладони зёрна, — пшеница переставает.

Кадыров молча прыгнул с комбайна и подошёл к директору.

— Коси! — приказал Богданыч. — Рядом начинай загонку.

— С Фатьямовым? — переспросил Кадыров.

— Да! С Фатьямовым, — строго ответил директор и, стараясь опередить возражения Кадырова, добавил: — Только, смотри, в глубину не зарывайся. Коси лишь до яра. А там, по-над яром, оставь ещё одну полоску для загонки. Я вижу, вам тут и двоим не справиться. Третью машину вышлю.

— Мало, — сказал Кадыров. — Надо бы сюда всю эмтеэс. По колоску на брата.

Директор полез в карман за папиросами.

Фатьямов, развернув машину для второго прокоса, остановился перед самоходкой.

— Обьеду, что ли? — сердито крикнул он Кадырову. — Убирай с дороги!

Но тот, прикуривая, не ответил.

«Сталинец» угрожающе рычал мотором. Богданыч смотрел искоса на Кадырова, удивляясь и досадуя. Потом он обернулся к Магинур и кивнул ей головою. Та поняла его: взобралась на самоходку, завела мотор и отвела машину в сторону.

Фатьямов и Кадыров косили рядом.

— Нам не, до рекордов, — утешала Шура — За рекордами гоняться некогда. Нам лишь бы скорей с пшеницей разделаться...

На каждом повороте к яру комбайны встречались, и Фатьямов, не решаясь затрагивать Кадырова, задорно подбадривал копнильщицу:

— Давай, давай, Шура, соревнуйся!

— Споткнёшься, — отвечала Шура.

Тогда он обращался к Кадырову.

— На одной загонке — это не то, что в тылу, — кивал он головой на посёлок.

Неоконченный разговор откладывался до следующей встречи.

— На такой загонке хоть шаром катись, — восторгался Фатьямов.

— На чужой накаетаешься! — грозила Шура.

— Это не чужая — наша, — возражал Фатьямов, — колхозная!

Шура говорила молчавшему Кадырову:

— Гляди-ка! Откуда у него сознательность выперла.

Но Кадыров не глядел и не слушал. На повороте к яру пшеница пошла густая — не до разговоров. Полотно хедера подавало колосья сплошным потоком, и нагруженная до отказа молотилка, вздыхая, работала глуше.

— Включаю на скорую, — хвалился тем временем Фатьямов, и Шура, дабы не остаться в долгу, отвечала:

— Дуй хоть на курьерской! А мы, — кивала она в сторону Кадырова, — догоним и на медленной...

По мере того как загонки суживались и комбайны постепенно удалялись друг от друга, так что кричать стало трудно, эти переговоры становились короче, пока наконец Фатьямов и вовсе не оставил своего соперника в покое.

Наступил молчаливый трудовой день. Кадыров, погружённый в работу, меняя на поворотах скорости, оглядывался на Шуру, и та, на ощупь проверяя выбитые колосья, кивала ему головой: солома, дескать, чистая. Фатьямов же, видимо, спешил и вёл машину по косогорам, не сбавляя скорости даже у яра. Но приехал в поле председатель, развернул копну соломы ногами и, продув на земле полову, махнул рукой Фатьямову: глуши!

— Доигрался! — ликовала Шура. — Мало ему. Не наглотеается.

Но Кадыров не разделял её злорадного восторга.

— Подожди, — предупредил он, — сейчас и нам продует.

Председатель действительно перешёл на покос Кадырова и тоже разворошил копну. Пока он, стоя на коленях, продувал полову и, лёжа на локтях, искал на земле зёрна, Шура, забыв о соломе, следила за ним в напряжённом ожидании рокового взмаха рукой. Но Иван Семёнович поднялся и, стряхнув с ладоней землю, перешёл к другой копне.

— Чисто! — шепнула успокоенная Шура. — Поехали, Федя.

Кадыров вёл машину, не оглядываясь. Председатель продувал полову поочерёдно под всеми копнами за комбайном и, заметив издали выжидающий взгляд копнильщицы, показал ей большой палец, напутственно махнув рукой: продолжайте!

— Золото — наш председатель, — сказала Шура.

Кадыров усмехнулся. Хорошо работаешь — и люди все для тебя хорошие, подумал он, вспомнив, какими словами костила вчера копнильщица этого же председателя за то, что он не хотел пускать её на самоходку.

Судя по тому, с какой поспешностью председатель вернулся к «Сталинцу» и что-то горячо доказывал, кивая головой то на разворошённые у комбайна копны, то на Кадырова, он, видимо, отказывался принимать работу Фатьямова.

— «Сталинец» спотыкается, — докладывала Шура. — Запоролся.

Кадыров не смотрел по сторонам, но краем глаза видел, что Фатьямов слишком часто останавливает свою машину. Что-то у него не ладится. Самоходка завершает пятый круг, а «Сталинец» всё ещё на первом.

Председатель неотступно следовал за комбайном Фатьямова, ворошил солому в каждой копне и, сгребая ладонями землю, подносил её комбайнеру. Кадыров сперва испытывал подогреваемое Шурой чувство радости, но потом оно сменилось досадой не то на самого себя, не то на копнильщицу. На пятом круге ему даже стало неловко от того, что самоходка безмятежно кружится на своей загонке, а «Сталинец» стоит на месте... Нельзя же, в самом деле, демонстрировать своё благополучие перед попавшим в беду товарищем!

Кадыров остановил комбайн на самом коротком расстоянии от «Сталинца». Но в это время на покосе неожиданно появилась Магинур,

и он, не спрашивая, почему она пришла так рано, подозвал её к себе нетерпеливым жестом.

— Посиди, пожалуйста, — сказал он, уступая ей место. — Я сбегаю, узнаю, что случилось.

— Сама узнаю, — ответила Магинур.

Кадыров сел. Минутное чувство неловкости перед Фатьямовым почему-то исчезло. «Ну хорошо», — думал он, следя за удалявшейся Магинур сердитыми глазами, и тотчас обернулся к Шура. «Давай, — кивнул он головой, — мы им сейчас покажем». «Кому?» — широко улыбалась Шура, и он почувствовал, что это «покажем» относится больше к Магинур, чем к Фатьямову. И Шура, должно быть, поймала его на этом чувстве.

— Ревнуешь? — спросила она с упрёком.

— Кого? — спросил Кадыров и тотчас, будто спохватившись, крикнул, что случилось с ним редко: — Ворочай солому!

А это значило: не суйся, куда не следует.

— Вижу, вижу, — не обиделась Шура, продолжая разжигать Кадырова. — Милые грызутся — только тешатся, — кивнула она в сторону Магинур и Фатьямова. — То ему сперва дорогу твоей самоходкой уступила, то побежала теперь к нему сама от тебя, как ошпаренная...

Кадыров заглушил её голос включённым мотором. Самоходка тронулась. Шура вскочила на копнитель и заработала вилами с таким ожесточением, словно отбивалась от набегавшей соломы.

Вскоре вернулась Магинур и тревожно сообщила, что очистка у Фатьямова капризничает.

— Он замучился. Кажется, надо сменить ему решето. Но одному не справиться. Может, сам посмотришь? — спросила она робко.

Кадыров не ответил. Он молча передал ей руль и, спрыгнув с комбайна, пошёл по нескошенной пшенице к «Сталинцу».

Председатель встретил его жалобой.

— Ну куда мне такие потери? — Он показал на ладонях смешанные с землёй зёрна. — Этак половину хлеба высеет на ветер.

Кадыров полез в молотилку. Вторая очистка выдувала зерно с половиной, потому что решето первой очистки, сплошь забитое мякиной, было уже похоже на щётку.

— Да, — согласился Кадыров, — надо менять решето.

— А то я без тебя не знаю, — упрекнул Фатьямов. — Может, своё уступишь?

Запасных решёт с более крупной ячейкой у «Сталинца» не оказалось, да и нужды в них до этого не было, потому что пшеница в прошлые годы была не такой мякинистой, как в этом.

— Моё решето, — серьёзно ответил Кадыров на шутку Фатьямова, — сюда не влезет. Надо своё перетягивать.

Фатьямов протяжно свистнул.

— Сколько ж это уйдёт на переделку?.. Пока я буду проволоочки дёргать, ты, пожалуй, смахнёшь и мою загонку. Appetit у тебя — ой-ой!

Кадыров пожал плечами: как хочешь, твоё, дескать, дело...

Но тут в разговор вмешался председатель.

— Тогда я откажусь от «Сталинца», — заявил он решительно. — Не дам урожай уродовать. — Он развернул ногой копну, под которой пшеница лежала россыпью. — Пусть один Кадыров убирает.

Фатьямов полез в молотилку; ворча и ругаясь, вытащил решето и сбросил его на землю. Кадыров попросил щипцы. Продолжая ругаться вполголоса, Фатьямов полез в инструментальный ящик.

— Твоя самоходка вот уж куда рванула! — Подавая щипцы, он показал ими на Магинур. — Смена у тебя надёжная.

— Ничего, — успокоил его Кадыров. — На завтра я эту смену тебе сосватаю. Будет и на гвоем комбайне праздник ..

Председатель удерживал решето, придавив его к земле колечьями, а комбайнеры с двух сторон выдёргивали через одну отполированные проволочки. Оба угрожающе молчали.

Председатель пытался примирить их:

— Ну из-за чего вы?! Люди отдают последнее, лишь бы только хлеб не переставал. Я вам отпустил трёх женщин: и Шуру с Наташей оторвал от свинарника — сами как-нибудь управимся, и даже Магинур не пожалел, а мне ведь без неё в такую жару, как без рук...

Фатъямов торопился. Кадыров не успел ещё отогнуть очередной крючок, а тот уже выдернул проволочку, ободрав ему при этом руку. На грязной, глубоко оцарапанной ладони проступила кровь. Кадыров молча страшнул её на землю.

— Постой! — участливо перегнулся к нему через решето Фатъямов. — Высоси!.. Егор! — позвал он тракториста. — Неси аптечку!..

Через полчаса решето было готово. Кадыров, после того как первая копка успокоила председателя, вернулся на свою загонку. Магинур, увидев его с переязанной ладонью, остановила самоходку и сшла на землю.

— Что это? — спросила она тревожно.

— Готово. Наладили, — ответил ей Кадыров.

— А кровь? — допытывалась Магинур.

Кадыров поднялся на помост и сел за руль.

— Ободрал.

— Так тебе и надо! — вмешалась копнильщица. — Кровь за друга!..

А я бы такому не то что крови...

— Поехали, — скомандовал Кадыров.

Магинур спросила:

— Но, может, тебе рука мешает? Давай тогда сменю до вечера.

— Не надо, — сказал Кадыров. — Завтра смени Фатъямова. Будешь у него на «Сталинец».

— А ты? — удивилась Магинур. — Один?

— С Наташей! — Он включил мотор.

Самоходка тронулась, покинув удивлённую учительницу на прокосе.

— Видишь? — Шура сочувственно кивнула ей и, догнав копнитель, проворно взобралась на него перевалившись через борт всем телом. — Теперь я вижу! — крикнула она Кадырову, замахиваясь вилами. — Ревнуешь.

Погружая нож в колосья до отказа, Кадыров усмехнулся:

— Я тебе поревную!

Вечером, когда загонка была докошена, Кадыров, перед тем как переехать на третью загонку, в поле, где кружила самоходка дяди Васи, вытащил нож из хедера — заточить и сменить сегменты. Средних два сегмента были выщерблены, вероятно прокусили проволоку, третий затупился.

Шура, пользуясь моментом, вернулась к прерванному разговору.

— Жёсткое сердце у тебя, Кадыров, — начала она с упрёка.

Он молча положил зубастый нож на походную наковальню и, сменив сегменты, вставил шесть заклёпок.

— Ничего не смыслишь в нашем деле, — продолжала Шура, удерживая конец ножа руками.

— Держи крепче, — предупредил её Кадыров, замахиваясь молотком.

— Держу, держу, — ответила Шура, прижав нож коленями. — Знаю, на что намекаешь: держи, мол, язык за зубами. Но разве его удержишь? — Перестань, — попросил её Кадыров.

Но пока он заклёпывал сегменты, она вставляла между стуком:

— Зря ты отбрил парторга... Она ведь с тобой нараспашку... С открытой душой... А ты ей — дулю!..

Кадыров замахнулся было молотком в последний раз, но не ударил.

— Да ты о чём? — переспросил он Шуру.

Та вздохнула.

— О том же. Будто не понимаешь! — И, скорбно улыбнувшись, добавила: — Она же тебя любит. И ждёт от тебя, Федя, подвига.

Кадыров бросил молоток на звякнувшие сегменты и растерянно сел на землю.

— Думаешь, парторг не живая душа? — наступала Шура. — Если она войной обижена, так надо ещё и тебе обидеть?

Кадыров, отодвигаясь в сторону, перекрестил её

— Очнись.

— Боишься? — улыбнулась копнильщица. — От нас ты не откристишься! Она не виновата, что мужа потеряла. Это горе общее, и надо нам делить его поровну. А вот твоя Наташа...

— Ах, вон ты куда загнула, — понял её Кадыров и, отталкиваясь от земли руками, отрезал: — Этим не делятся!

— Единоличники! — выругалась Шура — Частная собственность...

Шуру прорвало. Остановить её сейчас было немисливо, и Кадыров, сдерживаясь, пошёл с ножом к хедерной площадке. Но Шура не отставала от него.

— Случись какой прорыв у нас в хозяйстве — коммунисты пулей на собрание. Любую мелочь обсуждаете до пота. А это разве не прорыв — мне мужа нехватает?

— Отстань, — попросил Кадыров. — На первом же собрании и этот вопрос обсудим, — пообещал он.

Шура поёжилась.

— Смеёшься? — спросила она с угрозой. — Поддержать бы тебя в моей шкуре! — добавила она сорвавшимся голосом и вдруг заплакала.

Кадыров оглянулся. Похолодевшее поле в сумерках теряло свои очертания. В густой, над горизонтом сизой, дымке розовело горячее облачко. Было оно очень крохотным и, видимо, далёким. Виновато прислушиваясь к заглушённым всхлипываниям Шуры, Кадыров следил за этим облачком, пока оно не покраснело. Внизу, под облачком, — на «Сталинце» Фатьямова — зажглись огни. Самоходка дяди Васи, поворачав немного в сумерках, тоже вспыхнула яркими фонарями.

— Пора, — сказал Кадыров, но таким нерешительным голосом, точно упрашивал Шуру.

Та будто очнулась.

— И то! — Она поднялась, приглядываясь под ноги, словно уронила булавку или пояс. — Не даёшь мне душу отвести. Только разгорелась. Такое настроение — поговорить бы в самый раз.

— Такими разговорами хлеб не скосишь, — сказал Кадыров.

— Неправда, — ответила Шура — Хлеб не только машинами косят. И настроением. Я сейчас работаю вплоборота, а дай мне настроение — горы навороचाю... Помнишь Алёшу? Пришёл он с войны в сенокос. Пора была горячая. Ну куда его с одной рукой? Сунули в наше звено помощником — бабам натачивать косы. Так я тебе скажу, он и косы нам правил и настроение. Рука у него проворная. А много ли бабе надо? Я, бывало, погляжу на его широкую спину и скошу две нормы... Ну вот, опять смеёшься... Так что работа у нас кипела тогда, со звоном...

Кадыров ходил вокруг комбайна, смазывая цепи. Шура сидела на приподнятой площадке хедера и, поёживаясь от вечерней прохлады, болтала ногами.

Вытирая паклей руки, Кадыров смотрел на облачко и видел, что это уже не облачко, а продиравшийся из сизой дымки над горизонтом огромный месяц.

По стерне вдали зашуршали скорые шаги. Кто-то приближался к самоходке, быстро выплывая из сумрака. Шура оглянулась на Кадырова.

— Смена, — ответил он.

Месяц, выглянув из марева ярким краешком, озарил серебристым светом всё поле. Фонари на комбайне Фатьямова погасли.

— Ты кого здесь агитируешь? — спросила Наташа, подходя к Шуре. Та пожаловалась:

— Чёрствый он у тебя, не угрызёшь.

Наташа засмеялась, махнув рукой.

— Не говори, — согласилась она с копнильщицей.

Огненный месяц полностью вышел из марева и, как огромный воздушный шар, оторвался от горизонта в синее небо. В поле стало светлее и просторнее. Погасли фонари и на комбайне дяди Васи.

— Ясно, — сказал Кадыров. — Можно без огня работать.

А вот почему Наташа так легко соглашается с копнильщицей, будто ей сочувствует, — это ему было неясно. Он заглянул в приёмную камеру и застыл над ней, озабоченно присматриваясь к транспортёру.

— Полонка? — спросила Наташа.

— Хуже, — сказал он и признался, что копнильщица напугала его своими разговорами.

— Тебя запугаешь, — неожиданно отозвалась Шура. — Ты мне скажи спасибо, что я такая откровенная. Другая никогда не скажет, только подумает...

Кадыров не поддержал разговор.

— Переезжай на ту загонку, — показал он жене светлую в сумерках ниву за яром, — и начинай с того конца.

Шура тотчас отошла от комбайна — ей, должно быть, захотелось пройти пешком на ту загонку, чтобы не мешать их разговору.

— Ты не расстраивайся, — утешала Наташа. — Она сейчас на всех кидается.

Вскоре после собрания, на котором колхозники накинулись на Шуру, она заколотила окна в своём доме и ушла работать к лесорубам, за Каму. А ровно через год вернулась оттуда с ребёнком. Была она такая же независимая, но уже притихшая, даже, казалось, внутренне довольная своим незавидным положением, и вскоре все увидели, что этой жизнерадостной, здоровой женщине, дважды наказанной жизнью, как раз и нехватало ребёнка.

Наташа взяла её к себе на ферму.

— Стоило же за таким добром мотаться к лесорубам, — упрекнул её однажды Карев и вскоре убедился, что пошутил на свою голову.

Шура не разговаривала с ним два месяца. Когда он при встрече пытался поклониться ей, она отворачивалась или обходила его стороной. Тогда он спросил Магинур, не сможет ли она помочь ему помириться с этой свинаркой. Дело, мол, в том, что он, «холостяк со стажем», как называют его девушки, серьёзно хочет предложить ей руку. «Зачем мне его рука?» — отказывалась Шура, и эта затянувшаяся на полгода распра

закончилась тем, что Карев для решительного объяснения пришёл к ней прямо домой.

— Теперь она волнуется, как бы Кареvu руку не отрезали, — объяснила Наташа.

В полночь, когда Наташа доканчивала новую загонку и ждала на смену Магинур, явился Карев. Он разбудил спавшего в копне Кадырова и упрёкнул его:

— Не стыдно?

Кадыров, сидя на копне, посмотрел на него снизу.

— Не стыдно, говорю? — повысил голос Карев, показывая в сумерках белые зубы. — Выезжаешь на бабах. Пора и самому впрягаться.

— Впряжёмся, — пообещал Кадыров.

Зная беззлобный характер Карева, он принял его упрёк за шутку. Но тот заговорил всерьёз:

— С бабами только свяжись...

— Завтра они перейдут к Фатьямову, — успокоил его Кадыров. — Можешь не волноваться.

— Только Наташа, — поправил Карев. — Магинур, та не пойдёт к Фатьямову.

— Почему?

— А потому, что она теперь — ни тебе, ни Фатьямову. Завтра вызывают в район на курсы.

Кадыров выругался:

— Нашли время!

В просторном, чистом небе сияла полная луна, и в поле также было чисто и просторно. Самоходный комбайн Кадырова шёл от яра за собственной чёрной тенью, бегущей впереди, и хедер его поэтому казался огромным.

— Надо в один конец зажигать фонарь, — догадался Карев, — а то в темноте наткнёшься.

— Ты что — на смену? — спросил Кадыров.

— Да, Федя, — торжественно ответил тот, — в твоё распоряжение. Будем пока воевать на пару.

— Вот и засветишь.

— Непременно, Федя. В землю не заруюсь... Был сейчас у директора и поклялся ему, потому что завтра нам с тобой вручат знамя.

Кадыров поднялся. Он ещё не знал об этом. Глаза его светились, отражая сияние месяца.

— Надо бы Шуру заменить, — сказал он глуховатым голосом не столько для Шуры, сколько для того, чтобы спрятать своё волнение. — А то, бедняга, целые сутки стоит без отдыха.

— Шуру ко мне, — предупредил Карев. — В мою смену! — Он провёл рукой по шее. — Во как нужна!

Кадыров, не поняв, что означал этот жест — петлю или перерезанное горло, смотрел на Карева удивлёнными глазами.

— Буду жениться, — ответил тот.

— Как?!

— С налёту!

— Подожди, — остановил его Кадыров, — не морочь мне голову. Дай сперва управиться. Не до женитьбы.

— Нет, я серьёзно.

— А если так, — ответил Кадыров, — то ради бога! Избавь меня от наказания. Но только ей пока не говори, — посоветовал он, — пусть она заслужит Ей-богу, этой Шуре надо бы настолько вот укоротить язык.

— Да что ты! — заступился Карев. — Такой характер. Не переде-

лаешь. Она только, Федя, на языке теперь широкая. Можешь не сомневаться. Я проверил... Знаю, кого беру, — доказывал Карев, когда они шли с Кадыровым навстречу самоходке за яром. — Из этой Шуры верная жена получится. Хлебнула всякого. А то в моих летах женись на девушке и сторожи потом всю жизнь, как бы не раскаялась и в сторону куда не заглянула...

— А ну тебя! — отмахнулся от него Кадыров. — Ты ещё пришёл мне голову дурить своей женитьбой!

Комбайнеры или их помощники, сменные трактористы и штурвальные — все, кто был свободен в это утро от работы, сходились на собрание. У крыльца конторы было шумно. Приходившие усаживались на ступеньках и даже на земле. Корнеев с уборщицей вытащили из конторы длинный стол с ободранной клеёнкой, поставили его посреди двора и накрыли скатертью. Стулья передавались из рук в руки.

Невыспавшийся после ночной работы Карев сел на верхнюю ступеньку и тотчас, широко зевая в руку, прислонился головой к перилам. Зря его послал сюда Кадыров. Неудобно получать за него знамя...

— Работал? — обратился к нему директор, сидевший ступенькой ниже.

— Да, начали. — Карев очнулся, прикрывая затылком ладонью.

— Смотрите, — предупредил директор, — не зевать...

Но в это время его позвали. Богданыч сошёл по ступенькам вниз и, по-хозяйски опершись ладонями о стол, заглянул в бумаги. Корнеев показывал ему карандашом какую-то цифру. Карев следил за ними сверху и всё больше удивлялся тому, что оба они — агроном и директор — были оскорбительно похожи друг на друга. Оба небольшого роста, но большеголовые, только волосы у директора светлей, а плечи шире; оба даже в одинаковых кителях с золотыми пуговицами. И это подчёркнутое сходство раздражало Карева, потому что он любил директора и не любил агронома. Внешне похожие друг на друга, были они, в сущности, разные люди. Богданыч мало говорил и много думал. Корнеев, наоборот, больше говорил, не думая. И эта слабость агронома стала особенно заметна в последнее время. В семенах он, видимо, лучше разбирается, чем в людях... Скорей бы уж вернулся старый замполит!

— Вас догоняют, — оглянулся директор на Карева. — Так и передай Кадырову.

— Не догонят, Иван Богданыч, — ответил Карев

Директор усмехнулся и показал Корнееву на стулья: давай, мол, начинай собрание...

Вот они оба смотрели сейчас на Карева, и даже глаза у них одинаковые, только взгляды разные: у Богданыча с тёплым, у Корнеева — с холодноватым блеском. «Ага! Попался!» — казалось, говорил недверчивый, острый взгляд Корнеева. «Но ты не ухватишь меня голыми руками!» — успокоил себя Карев.

Корнеев вызывал к столу президиум. Директор улыбнулся Кареву и показал ему рядом свободный стул.

Карев удивлённо посмотрел на сидевшего рядом Фатьямова, но тот сердито подтолкнул его локтем:

— Ступай, не важничай.

— Сюда! — позвал его директор.

Карев осторожно протискался вниз.

— Не успел на работу выйти, а его — в президиум, — позавидовал ему вдогонку Фатьямов.

Карев так же осторожно присел на краешек стула рядом с директором и, потупив глаза, как виноватый, смотрел на скатерть.

— Надо бы Кадырова, — сказал Корнеев.

Карев покраснел. Он хотел было встать, но Богданыч удержал его за руку: сиди!

— Какое-то неуважение к собранию, — проворчал Корнеев.

«Ладно, -- подумал Карев — Я тебе уважу!»

— Кадырову некогда, — ответил директор. — Знамя за него получит Карев.

«Ладно! — Карев разглаживал ладонями скатерть. — Подожди немного, разгуляюсь. Будто я уже совсем не человек...»

Собрание открылось.

Богданыч подводил итоги. Самоходчики, объявил он, ушли вперёд и могут завершить уборку задолго до срока. Четыре комбайна уже догоняют Кадырова. Остальные отстали от него совсем немного, и по сравнению с прошлым сезоном комбайновый парк перекрыл свою норму вдвое. В этом году комбайнеры уже добились невиданных успехов и, будем надеяться, ещё добьются.

-- Герои, — похвалил Корнеев.

— Героизм у нас, — говорил директор, — стал массовым, и мы теперь от рекордов одиночек переходим к рекордам коллективным. Пример Кадырова показывает...

А что показывает, Карев прослушал, потому что в это время на крыльце конторы появилось знамя. Секретарша вынесла его из кабинета директора и протянула остриём древка через головы комбайнеров. Знамя, подхваченное собранием, пошло по рукам, и Карев следил за ним с таким напряжением, словно боялся, как бы его не выронили.

— За первую неделю, — объявил директор, — переходящее Красное знамя райсовета завоёвано агрегатом Кадырова. Будем надеяться...

А на что надеяться, Карев опять не услышал, потому что старательно вытирал под столом о колени свои вспотевшие ладони.

Но принял он вручаемое знамя без волнения, несмотря на бурные хлопки собрания и чей-то заглушаемый аплодисментами завистливый голос: «Везёт же человеку! Не работал, а ему — знамя!»

Считая торжество оконченным, Карев с особым усердием потряс директору протянутую руку и, прижимая знамя локтем, хотел было уйти от стола, но Корнеев задержал его: «Куда?».

Все засмеялись. Корнеев угрожающе поднялся над столом и неожиданно предоставил Кареву слово. Тот растерялся.

— Мы, — поспешил он начать, но Корнеев показал ему глазами на собрание.

«А кто это вы? — казалось, упрекнул его острый взгляд. — Ты ведь говоришь за Кадырова».

-- Мы с Кадыровым, — сказал Карев, опираясь на древко знамени, — заявляем, товарищи, твёрдо: больше не отдадим этого знамени! Я ручаюсь...

— В это время кто-то сзади пропищал: «Один получает, другой обещает», — рассказывал потом Карев о собрании. -- Наверно, Фатьямов. Но я и тут стерпел. Думаю, ладно, раз попало это знамя в наши руки — будьте покойны, вам его больше не видеть. Так что, Федя, пожалуйста, держись, — предупредил он, — самому Корнееву поклялся. А тот теперь с живого не слезет...

— Поклялся? — переспросил Кадыров. — Зря.

Карев посмотрел на него сбоку доверчивыми глазами. Он понял, что это «зря» отнесится не к клятве, а к агроному.

— Странно, — признался он, — мне казалось, только я не люблю Корнеева. Думаю, сидел бы себе за печкой! А то какой же из него замполит?

Раньше, когда агроном действительно сидел за печкой в своём однооконном кабинете, отгороженном от общей канцелярии фанерными листами, и молча копался в своих бумагах или на целый день уезжал в колхозы и возился там с посевами и семенами, не мешая комбайнерам, Карев считал его неплохим человеком. Но теперь, когда Корнеев временно исполнял обязанности замполита, Карев понял, что с этим человеком трудно договориться.

— Глубоко запускает корни, — жаловался он. — Как бы теперь дров не наломал.

Но Кадыров не разделял его опасений.

— Заводи, — сказал он сердито. — Нам с тобой не замполитов убирать.

Магинур приехала в поле поздравить Кадырова, но тот опередил её:

— Поздравляю. — Он пожал ей руку. — И твоя победа.

— Нехорошо получилось, — упрекнула Магинур. — Надо бы тебе самому идти на собрание. А то Корнеев теперь...

— Я был занят, — не дал ей говорить Кадыров.

— Знаю, Федя, — улыбнулась Магинур. — Не будем ссориться! — Она вздохнула и оглянулась на Шуру. — Пришла проститься.

— Не пускай! — заговорила копильщица. — Пусть оца сперва порядок наведёт. Мы тут, как заклятые, из жил вылазим, а вы там, на току, совсем не чешетесь.

Кадыров поддержал её:

— И в самом деле!

Он вытащил из-за голенища свёрнутую вчетверо газету и ногтем отчеркнул предпоследнюю строчку в районной сводке.

— Что это? Мы вас зерном по шею завалили. А вы его держите.

— Не успеваем, Федя, — пожаловалась Магинур. — Всех рабочих бросили на вывозку.

— С тока?

— Нет, пока на ток.

Он торопливо свернул газету ещё раз, в трубочку, и снова сунул её за голенище. Магинур следила за его резкими движениями, пряча улыбку. Ну какое, казалось бы, ему, комбайнеру, дело до ихнего тока, говорил сè восторженный взгляд.

— Комбайны виноваты, Федя, — пошутила она. — Сразу к нам столько машин нахлынуло — только зерно отгребай. Ведь никогда ещё такого не было.

Кадыров смерил её сердитым взглядом.

— А я ведь думал, ты, действительно, того...

— Парторг, — подсказала Шура.

— Да, парторг, — повторил Кадыров. — При чём же тут комбайны? — упрекнул он. — Радоваться надо!

Магинур не сдержала улыбки.

— Вот и хорошо, — сказала она, радуясь. — Как раз у нас об этом разговор сегодня. — И, приглашая ровно к девяти на колхозное партийное собрание, предупредила: — Выступаешь первым.

Колхоз, на полях которого кружило сейчас пять комбайнов, заканчивал уборку в районе первым, но хлеб государству сдавал последним. Особенно резко он съехал вниз в районной сводке за последние три-четыре суматошных дня. Как-то всё подоспело сразу: и пять агрегатов вместо

одного, которые надо теперь обслуживать и рабочей силой и подводами, и три колхозные лобогрейки, списанные было в расход и брошенные теперь докашивать овёс, и три сенокосилки на люцерне. А тут ещё вдобавок ко всему не во-время дозрел ячмень, и туда срочно требовалась бригада косарей. У председателя, как уверял он, были круги перед глазами от подобной карусели. Пришлось почти всех рабочих снять с колхозного тока и перебросить в поле. Обработка хлеба на току застряла.

Кадыров, передав комбайн Кареву, приехал туда на попутной подводе. У крытого соломой навеса на осиновых столбах, по крышу засыпанного холмами непровеянного хлеба, стояла запылённая, обляпанная косями дорожками грязи райкомовская машина. Черняев, секретарь райкома, в серой фуражке и в сером костюме с заправленными в широкие солдатские сапоги помятыми брюками, немного сутулясь и вытянув шею, напряжённо всматривался в председателя. Тот, беспокойно оглядываясь по сторонам и, видимо, на что-то жалуясь, виновато разводил руками. Кадыров усмехнулся: он знал, что Иван Семёнович в таком положении обычно старается «от всех чертей отгородиться». Чтобы не мешать этому разгоравшемуся разговору, он отошёл к веялкам и сортировкам.

Два подростка в засученных до колен штанах крутили ручку зернопульта, две загорелые девушки носили им зерно кошёлками. Завидев Кадырова, они проворно одёрнули подоткнутые юбки. За прозрачной струёй пшеницы, вылетающей веером из зернопульта, среди мешков, насыпанных доверху пшеницей, бродил озабоченный сотрудник районной газеты Коршунов. Кадыров невольно пригнулся, чтобы тот его не увидел. Журналиста в этом шуме и грохоте у веялок, видимо, стесняли его тщателью проглаженные брюки, пиджак с приподнятыми плечами и широкий, выхлестнутый наружу, как язык, розовый галстук. Он машинально брал горстью на ходу из каждого мешка провеянное зерно, подбрасывая его на ладони и швырял обратно: газетчика, должно быть, интересовала только грязная пшеница, а эта была не годна для фелетона.

Кадыров, уклоняясь от встречи с ним, зашёл за веялки и сел покурить на землю. Коршунов ему не нравился: шарахается из одной крайности в другую, интересуется в жизни только необычным — или передовиками, или отстающими. Для Коршунова нет середины, а Кадыров уверен, что не в случайных рекордах, а в этой середине, где работает большинство — не забегающих вперёд и не остающихся позади, — закладывается прочная победа. В прошлом году Коршунов, как шутили механизаторы, весь уборочный сезон не слезал с двух героев — Фатьямова, опередившего за две недели всех комбайнеров на двадцать гектаров, и Карева, отставшего от остальных почти на столько же. Газетчику не было дела до потерь у первого, измеряемых в среднем семью колосками на метр покоса, ни до задержек у второго, вызванных частыми остановками отработавшего срок мотора; он видел только голые цифры скошенной площади и судил по этим цифрам о людях.

Коршунов перешёл от мешков к машинам, пробуя всё, что попадалось под руку. Сперва он похлопал ладонью решётчатый барабан триера, буд-то хотел убедиться, прочно ли тот привинчен, затем постучал пальцами о железную спираль сортировки, словно сомневался, не из фанеры ли она скручена, и, наконец, кругнув вполборота ручку веялки, за которой сидел Кадыров, обдал его освежающим ветром с половой.

— А, Кадыров! — Журналист выглянул из-за веялки. — На ловца, говорят, и зверь бежит! — Обойдя веялку, он пожал комбайнеру руку. — А я, признаться, разогнался на твою загонку, да вот, — кивнул он в сторону секретаря, — на току застряли.

— Зачем на мою загонку? — спросил Кадыров. — Там и без того людей достаточно.

Коршунов не понял.

— А что случилось?

— То! — Кадыров мрачно кивнул. — Косим пятью комбайнами.

— Вот и хорошо! — ответил Коршунов. — Ваш новый метод интересует наших читателей. И если бы ты поделился опытом...

Кадыров поднялся.

— Что это ещё за метод? — Он недоумённо смотрел на Коршунова.

— Ты не сомневайся, — уговаривал тот, — Черняев знает, он уже одобрил.

Чиркнув спичкой и прикуривая на ходу, Кадыров пошёл было к секретарю, но Коршунов, взяв его под локоть, потянул в другую сторону.

— Давай-ка покурим на пару — в рукав, по-фронтальному, а то на току не разрешается. Бросай махорку! — Он вытащил «Казбек».

В стороне от веялок, за горой зерна, куда Коршунов потащил Кадырова, будто боялся, чтобы кто-нибудь не подслушал их разговора, в перерыве между двумя затяжками он спросил у комбайнера, кто сейчас работает на его машине.

— Помощник, — ответил Кадыров уклончиво, зная, что Коршунову нужна Магинур, которой он так интересуется в этом сезоне, и, чтобы не дать ему возможности расспрашивать дальше, спросил, как работает сейчас электростанция колхоза имени Будённого. Об этой электростанции, построенной колхозниками осенью на крохотной речушке Бирля, районная газета напечатала недавно целую страницу.

Коршунов ответил не сразу.

— Так же, как было написано, — сказал он неохотно и, главное, без присущего ему восторга.

— Сломалась? — насторожился Кадыров.

— Нет, работает, — ответил Коршунов. — Но, — признался он, — Черняев не одобрил моей полоски. Он остался равнодушным к этой затее. Овчинка выделки не стоит...

Кадыров не понял. Речь, должно быть, шла о газетной полоске. На этой странице говорилось, что колхозный механик — инвалид войны — сделал турбину своими руками. Колхозники запрудили речушку, через которую можно было до этого перейти вброд по колено, и поставили мельницу. Напора воды вполне хватило вертеть и жернова и генератор; осветивший электричеством всю деревню. Днём энергия переключалась на просорушку и лесопилку. В газете приводились убедительные цифры: кроме того, что колхоз получил обширный водоём для гусей и уток птицефермы и колхозного карпа, мельница и просорушка в первые же два месяца окупили все расходы, затраченные на постройку плотины. За зиму колхоз получил семнадцать тысяч рублей чистой прибыли.

— Прямая выгода, — сказал Кадыров.

— Убыток, — возразил Коршунов, — и свет не радует...

Колхозники погнались за длинным рублём, пояснил он, и увлеклись подсобным хозяйством в ущерб основному делу. Вся энергия была направлена то на распилку досок заказчикам, то на просорушку, в последнее время развернули даже черепичное производство, а про хлеб совсем забыли. Урожай в этом году у будённовцев снизился, а по вывозке хлеба государству колхоз отстал настолько, что в районной сводке очутился на последнем месте.

— Рядом с нами, — отметил Кадыров.

— Да, недалеко от вас, — кивнул Коршунов. — А всё оттого, что не догадались всю энергию направить на колхозный ток. Прежде всего — для хлеба... Где же Магинур? — между прочим спросил он.

«С этого и начинал бы,— подумал Кадыров. — Говоришь об энергии, а думаешь...».

— Не знаю,— сказал он сухо.

— Кого же ты оставил на комбайне? — спросил Коршунов. — Жену или учительницу?

— Карева! — досадливо ответил Кадыров. — Жена и Магинур ушли от меня. К Фатьямову!

Коршунов тронул его за рукав, словно хотел утешить.

— Мы сейчас вместе туда поедем. Мне — вот как — надо организовать у вас полоску.

— Магинур там не застанешь, — предупредил Кадыров. — Она, должно быть, уже в район уехала.

— Зачем?

— Спроси Черняева! — Он освободил руку, направляясь к секретарю райкома.

Но Коршунов снова придержал его.

— Постой. Узнаем после... Давай-ка мы с гобой потолкуем теперь о главном. Расскажи, пожалуйста, как же это получилось? То был на ферме, теперь на комбайне...

В это время за горой зерна, где разговаривали секретарь и председатель, послышался взволнованный голос Магинур.

— Не было бы счастья, да несчастье выручило... — начал было Кадыров.

— Пойдём,— потянул его Коршунов.

За ворохом зерна, рядом с райкомовской машиной, у которой согнулся шофёр с засученными рукавами, вытирая тряпкой забрызганные крылья, стояла новенькая, должно быть только что обмытая в Свяиге, синяя машина директора. Богданыч, стоя у машины, прислушивался к разговору. Черняев что-то горячо доказывал учительнице, но Магинур, видимо, не соглашалась и, досадливо сдвинув брови, ждала, когда ей можно будет высказаться.

— Радоваться рано,— уверял секретарь,— надо сперва осмотреться...

Председатель ухмылялся. Неторопливо потирая руки, словно только что вымыл их, он лукаво поглядывал на Корнеева, стоявшего поодаль, и будто хотел сказать ему: «А я, мол, своё получил и кое-как отгородился, теперь и ты попробуй». Но Корнеев не замечал этого ликующего взгляда и пристально следил за Черняевым в каком-то напряжённом ожидании, должно быть ждал своей очереди вмешаться в этот разговор не столько по необходимости, сколько по долгу службы. При каждом, хотя бы малейшем движении секретаря в его сторону он тотчас солдатски вытягивался, поправляя за козырёк свою фуражку.

Обернувшись на шорох, Черняев шагнул из круга и пожал Кадырову руку, продолжая разговаривать с учительницей. Теперь он, будто заручившись поддержкой, поглядывал на Кадырова смеющимися глазами, словно приглашая принять участие в разговоре и помочь ему убедить эту неподатливую Магинур.

Разговор шёл о групповом методе, об этом новом порядке, хотя и возникшем, как считал Черняев, из беспорядка, но вполне заслуживающем внимания. Кадыров не знал ещё, в чём была суть этого метода и с чем сейчас не соглашалась Магинур, поэтому он отошёл к директору.

— Много осталось? — спросил тот спокойно, не поднимая головы.

— До вечера, — ответил Кадыров.

— Заканчивай, — сказал Богданыч, — ночью переедешь в «Красный дол».

— Один?

— С Фатьямовым.

— Опять? — Кадыров недовольно посмотрел на него.

Должно быть, ему не отделаться от такого метода до конца уборки. Поле «Красного дола» на очереди у Кадырова. При чём же тут Фатьямов? Неужели так и будет он путаться вне плана с этакой машиной?

— Я не против группового метода, Иван Богданыч...

— Но против Фатьямова, — улыбнулся директор.

— Да, — ответил Кадыров. — Зачем же нам планы ломать?

Директор тоже посмотрел на него сбоку.

— Знаешь, Федя, — сказал он с упрёком и в то же время с какой-то радостью. — Если вы мне ломаете планы снизу, почему же я не могу ломать их сверху? Посмотри на дядю Васю. Вечно отставал от планов. А теперь и он уже нарушил мне порядок. Вместо недели управился в четыре дня, и я теперь вынужден посылать его на другие поля, к другим комбайнерам. Потом, учти, нескошенное поле суживается — стало быть, комбайновый парк увеличивается и надо нам объединять машины. А в будущем году мы вообще перейдём на этот коллективный метод. Машин уже достаточно...

— Правильно. — Коршунов подсел к ним. — Хватит комбайнерам быть единоличниками.

Директор повернулся к нему, будто видел его впервые.

— Послушай, — спросил он с досадой. — когда ты перестанешь уродовать мне Фатьямова?

Разговор у Черняева с учительницей продолжался в том же духе. Магинур доказывала необходимость нового метода, при котором и комбайнерам хорошо и колхозам лучше. Если только подсчитать время, затраченное на вынужденные простои, когда удалённые друг от друга комбайны ждут заправщика или ремонтную летучку, то и в этом видна прямая выгода группового метода. Тот же Фатьямов, которому вчера Кадыров помог наладить решето, первым пришёл к убеждению, что вместе работать легче. В поле один комбайнер не воин... Секретарь слушал её внимательно, будто принимал экзамен, и в то же время улыбался Кадырову, спрашивая: правду ли говорит учительница? «Правду», — отвечал ему Кадыров такой же улыбкой, чувствуя, что он, обогнавший всех комбайнеров по количеству скошенных гектаров, здесь, в зарождении нового и очень простого метода, отстал даже от Коршунова, которому крайне важно сейчас организовать полосу об этом возникшем на его загонке большом деле.

— Вы не правы, — сказала Магинур на какое-то возражение Черняева, и голубые глаза её от волнения стали синими.

— Как? — неожиданно вытянулся Корнеев и, считая наконец-то удобным вмешаться в этот разговор, стал защищать секретаря райкома.

— Товарищ Черняев прав. Заставить комбайнеров ходить гуськом, друг за дружкой, значит связать инициативу и лишить их простора...

— Не об этом речь, — поморщилась Магинур, — простор останется за комбайнерами.

Секретарь, улыбаясь, покосился на Кадырова: а это, дескать, нравится? «Конечно», — кивнул Кадыров.

— Почему вы думаете, — обратился Черняев к Корнееву, — что секретарь райкома не может ошибаться?

Магинур усмехнулась и, не в силах удержать этой непрошенной усмешки, продолжала сердиться:

— Вы уже и в прошлом году ошиблись, товарищ Черняев, когда создавали нашему Фатьямову особые условия. Туго пришлось нам с этим

избранником. Такие условия надо было создавать не Фатьямову, а всем комбайнерам...

Секретарь райкома терпеливо слушал Магинур, любуясь её горячностью и подстёгивая изредка лукавыми возражениями. Он вовсе не возражал, а советовался — можно ли сейчас переходить на этот самый метод, в разгар уборки не вызовет ли это новых беспорядков.

— Нет, не вызовет,— доказывала Магинур...

И по тому, с каким вниманием слушал её секретарь, Кадыров догадался, что Черняев уже не нуждается в доказательствах и спорит с Магинур не для того, чтобы в чём-то убедить её или самому убедиться, а, видимо, с единственным желанием послушать, что она скажет.

— Надо перестраиваться на ходу,— закончила Магинур.

— Да,— улыбнулся наконец Черняев, соглашаясь.— И прежде всего на току,— показал он на горы хлеба.

Председатель, встревоженный тем, что разговор из области деятельности МТС так неожиданно вернулся в область колхозную, переступил с ноги на ногу.

— Кому-кому,— вздохнул он,— а мне петля от такого метода.

— Хлебу не рады? — спросил Черняев.

— Дело не в хлебе,— ответил председатель,— а в людях. Оно, конечно, выгодней от такого метода и комбайнерам и колхозу, но где же нам сил набраться? Я не могу повернуть такие горы хлеба. Так что волей-неволей придётся посидеть в районной сводке на нижней ступеньке, пока сойдёт горячка. Тогда управимся. Хлеб на току целей, чем в поле.

— Но государству от этого не легче,— вмешалась Магинур.— Хлеб целей не на току, Иван Семёнович, а в государственном закrome. Мало ли что может случиться. А вдруг дождь?

Председатель развёл руками.

— Тогда,— сказал он с упрёком,— надо выкручиваться дома, а не бегать по комбайнам.

Магинур посмотрела на него вопросительным взглядом.

— Я говорю,— пояснил председатель,— надо нам сперва болеть за свои непорядки. У него,— кивнул он на директора,— хватит генералов. А ты у меня сейчас одна.

Председатель жаловался и упрекал парторга не от хорошей жизни. Людей на току не было. Этот самый групповой метод забрал из колхоза всю его основную силу. Взрослые вышли в поле обслуживать комбайн и косить ячмень. Другие бригады, не полевые, тоже были заняты не менее срочными делами. Нельзя же, скажем, снять огородников с люцерны, потому что выращенные с таким трудом и с такими заботами первые семена травы были сейчас председателю не менее дороги, чем хлеб. А школьники и подростки, вышедшие на подмогу своему колхозу и своей учительнице, много ли они наработают, когда зернопулт вертеть — и то вот сколько силы надо...

— Была бы турбина,— пожалел Кадыров.— Двух киловатт по горло хватило бы на зернопулт и пару веялок... Иван Богданыч,— попросил он директора,— надо выручить...

Тот уклонился от взгляда Кадырова.

— А где же я людей возьму?

Кадыров ответил:

— Нужны сейчас не люди, а тот забытый электромотор, что без дела стоит в мастерской под лавкой, да два с половиной киловатта энергии от эмтеэсовского движка. Занмообразно,— уговаривал он.— На время будет в колхозе своя турбина — в долгу не останемся.

Черняев, говоривший с председателем, уловил этот разговор и оглянулся.

— Механизировать? А сколько надо?

— Три киловатта, — ответил Кадыров, накинув лишних полкиловатта.

— Нет, — улыбнулся Черняев. — А времени?

— Полгода, — ответил председатель.

Корнеев поддержал его:

— Не меньше. Это наверняка уже к будущему сезону. А сейчас комбайнеру лучше работать в поле, чем на току. Тут у них свои генералы.

Кадыров оглянулся на Магинур и, встретив её ожидающий взгляд, ответил:

— Сутки.

Председатель и Корнеев недоверчиво переглянулись, а Черняев сказал директору:

— Дай ему энергию.

Кадыров догнал самоходку на повороте и, взобравшись наверх, потянул Карева за рукав, чтобы тот уступил ему кресло. Зная обычай Кадырова — убежать на комбайн, когда в поле появляется какая-нибудь комиссия или неприятный человек, с которым ему не хочется разговаривать, Карев оглянулся назад, но в поле никого не было. Тогда он искоса посмотрел на солнце.

— Рановато, Федя, — сказал он, намекая, что смена ещё не подошла. — Я пока не вымотался.

Но Кадыров нетерпеливо потряс его за плечо:

— Вставай... Дай отдохну немного.

— От чего? — удивился Карев, невольно уступая место.

— От разговоры.

Кадыров уселся и, включая скорость, предупредил:

— Сейчас сюда нагрянет Коршунов. Так ты поговори с ним сам.

— А, — понял Карев. — О чём же я буду говорить?

— О знамени. Ты получал его — ты и отчитывайся.

— Ну что ж. Об этом я могу... Только до смерти не люблю его привычку — возьмёт человека под локоть и водит из края в край. В таком положении, — лукаво сощурился Карев, понимая Кадырова, — лучше уж водить комбайн. А с кем он сюда приедет?

— Не знаю.

Карев вздохнул.

— Должно быть, опять с Магинур. Ему ведь не зная нужно...

— Ступай отсюда, — отмахнулся от него Кадыров.

Карев послушно прыгнул с помоста и тотчас взобрался на копнители к Шуре.

Кадырову хотелось остаться наедине со своими мыслями. Нигде так хорошо не думалось, как на комбайне. Сколько было передумано и принято хороших решений на этом штурвальной мостике! А теперь, когда он вызвался механизировать колхозный ток, надо было подумать, как это лучше сделать. Но мысли, подстёгнутые лукавым замечанием Карева, бежали не в ту сторону. Он чувствовал себя уставшим.

— Хочу побывать на вашей загонке, — сказал журналист Кадырову, а улыбнулся Магинур, и эта улыбка теперь оскорбляла комбайнера.

«Какое он имеет право?» — волновался Кадыров. Он чувствовал необходимость оградить учительницу от этих приторных улыбок.

Загонка, суживаясь клином, кончилась. Он перевёл рычаг — убавил скорость — и круто завернул машину в обратный рейс. Копнитель накренился.

— Эй! — погрозила Шура. — Кто же так закручивает?!

— Ты на кого там сердиться? — усмехнулся Карев. — Меня тут Шура чуть не задавила от твоего рывка.

— Тороплюсь, — ответил Кадыров.

Вхолостую стрекочущий нож погружался в колосья до отказа, на полный хедер. Выровняв машину, Кадыров перевёл рычаг на место и с облегчением откинулся к холодной спинке железного сиденья.

Зубастый нож с неутомимым скрежетом перекусывал стальными плоскими сегментами густые стебли. Колосья, вздрагивая, падали в корыто хедера, и Кадыров не сводил с них пристального взгляда.

Что-то в этой пляске срезанных колосьев, когда они, подкушенные сталью, вздрагивали и, кивнув Кадырову, гуртом валились с ног в широкое корыто, было упрекающее. Что ему Коршунов, когда впереди такое море хлеба! Спиральные винты в корыте подхватывали из этого наплывающего моря пшеницы пену колосьев, несли их двумя ручьями навстречу один другому и, слив на транспортёре в один поток, проталкивали в молотилку. Помятая солома падала в копнитель, золотистая пыль и половина улетали облаком, а чистое зерно из рукава лилось в просторный бункер неторопливой струйкой. Всё было простым и ясным комбайнеру в этом сложном течении. Море пшеницы превращалось машинной в ручеёк зерна. И Кадырову надс было только регулировать это превращение привычным движением рук и ног. Значительно труднее было управлять своими слишком расхажившимися мыслями.

Впереди, на просёлочной дороге, наконец-то показалась долгожданная подвода с тремя седоками. «Везут», — хотел было кивнуть Кадыров Кареву, но, заметив рядом с ездовым плечистый пиджак журналиста и синюю кофточку Магинур, поморщился. «Мотается в поле, будто ей делать нечего! — подумал он с досадой. — Опять, наверно, смотрит на неё своими сладкими глазами. Неужели ж она не замечает? Но, может, ей это нравится. Призналась же Шура, что, когда на неё смотрят такими задумчивыми глазками, ей легче, потому что она чувствует себя под такими взглядами, как рыба в воде...»

— Шура! — сердито позвал он копильщицу. — Гоги сюда Карева! Тот моментально перебрался на площадку.

— Садись. — Кадыров поднялся, одной рукой удерживая руль. — Я сам поговорю с этим Коршуновым!

Подвода остановилась на покосе Фатьямова. «Сталинец» вела Наташа, заканчивая смену и загонку. Фатьямов сидел на копне у дороги, похожий на кршуна с опущенными крыльями. Он только что проснулся и, вытряхивая из волос полову, крутил головой, как пьяный.

— Переспал, — заключила Шура.

Кадыров пошёл гостям наперерез и, увидев, что Коршунов взял Магинур под локоть, прибавил шагу.

— Не торопись, — усмехнулась вдогонку Шура — Споткнёшься.

Фатьямов, отряхиваясь, нехотя поднялся и тоже пошёл гостям навстречу. Комбайнеры сошлись с двух сторон одновременно. Когда журналист начал восторженно трясти руку сонному Фатьямову, Магинур взглянула на Кадыроза.

— Что у тебя? — спросила она, обеспокоенная его нахмуренным видом.

Кадыров не ответил.

— Сколько осталось?

— Два заезда, — сказал он.

Магинур кивнула на комбайн Фатьямова.

— Наташа кончает.

— За Наташей дело не станет, — сказал он с досадой.

Магинур следила за ним встревоженным взглядом.

Коршунов тем временем терзал Фатьямова, допрашивая, что же мешает ему и в этом сезоне добиться первенства. «Бабы», — зло усмехнулся Кадыров, ожидая приблизительно такого же ответа и от Фатьямова, но тот пожал плечами.

— Кадыров виноват, — сказала Магинур.

Фатьямов, собиравшийся ответить Коршунову, или не услышал, или притворился, что не слышит.

— Сам не знаю, кто мне мешает, — сказал он мрачно. — С самого начала не заладилось.

— Кадыров перешёл ему дорогу, — с непонятной настойчивостью повторила Магинур.

Фатьямов глянул теперь на неё из-под козырька фуражки и, заметив осуждающе сдвинутые брови, потупился.

— Дело не в Кадырове, — сказал он тихо.

Брски у Магинур ослабли. Она перевела удивлённый, восторженный взгляд на Кадырова и, чтобы не спугнуть своей радости, шепнула:

— Он всё-таки понял.

Коршунов смотрел на всех, не понимая, что случилось. Он видел каждое движение на выразительном лице своей спутницы — и эти сдвинутые на Фатьямова брови и незаметный взмах этих бровей, когда она перевела восторженный взгляд на Кадырова; он даже уловил в этом мимолётном взгляде ликующую радость, но только не мог понять причины этой радости. Возможно, дело, о котором говорили трое вокруг него пока намёками, было и не в Кадырове, а где-то глубже, но журналист, не привыкший заглядывать слишком глубоко и тем более разбираться в глубинах человеческих отношений, чувствовал только, что дело тут не обошлось без Кадырова. Однако ему сейчас некогда было разбираться в сути этого дела и, чтобы закончить слишком тонкий для его газетной полоски разговор, решил подсесть его в самом начале и под самый корень.

— Смотри, — предупредил он Фатьямова, — мы на тебя надеемся. Уборочный сезон ещё в разгаре.

Фатьямов промолчал. Возможно, он даже не слышал Коршунова, потому что внимательно разглядывал носки своих ботинок. Магинур следила за ним искоса, едва скрывая светлую улыбку, и что-то в её стерегущем взгляде показалось Коршунову подозрительным. Так, должно быть, смотрит мать на провинившегося, но любимого сына. «Конечно, — сделал он первое открытие, — она его любит». Кадыров тоже косился на Фатьямова, однако в суровом взгляде его не было той материнской нежности.

— Ну что же, товарищи, — вздохнул Коршунов, — приступим к делу.

Журналист имел в виду настоящее дело, ради которого приехал он в поле: создать газетную страницу о новом методе. Но Кадыров сразу же отказался от этого метода.

— Не мой, — заявил он и, показав глазами на Фатьямова, закончил: — Его метод.

Тот в свою очередь насторожился. Услышав, что речь идёт о каком-то групповом методе, спросил:

— А что это за зверь?

— Ну как же! — воскликнул Коршунов. — Ты отстаёшь от жизни...

Пока он, взяв под локоть Фатьямова, объяснял ему суть этого метода, Кадыров досадовал: к чему такой трезвон?

Вчера, когда Фатьямов, захвативший накануне слишком большую площадь для своей загонки, убедился, что ему не справиться одному в три-четыре дня, а председатель требовал, потому что пшеница уже осыпалась, он попросил самоходчиков помочь ему. Кадыров и дядя Вася пристроились к «Сталинцу» и косили всю площадь за сутки. Разная ширина захвата у комбайнов и разная скорость их не помешали косить организованно. Только и всего. Конечно, три машины лучше, чем одна. О чём же разговор?

— Мне прежде всего нужна статья инициатора, — доказывал Коршунов.

— Так это не моё начало, — разубеждал его Фатьямов. — Первой Наташа предложила...

Коршунов потащил его к машине.

Магинур посмотрела теперь на Кадырова. Но тот опередил её:

— Зачем пришла?

— Приехала, — поправила Магинур.

— Зачем? — переспросил он строго.

Магинур растерялась. Она смотрела на него тревожными глазами, и губы её раскрылись.

— Ты что? — шепнула она испуганно.

Гнев его, копившийся на Коршунова, готов был теперь обрушиться на Магинур.

— Ты же хотела уехать. Зачем вернулась? — спросил он громче.

— К тебе, — ответила она покорно.

Он тоже растерялся. Обезоруженный её ответом, проворчал:

— Бездельники... В такую пору...

— Дел, Федя, непочатый край, — призналась Магинур, — но главное — твоё. Ты обещал Черняеву, и я волнуюсь. Выполнишь?

Кадыров прислушался. Коршунов и Фатьямов возвращались. Наташа, должно быть, не хочет разговаривать с ними, пока не закончит последнюю полоску. «Молодец», — подумал он.

Коршунов с ходу оглядел обоих и, заметив на их лицах оживление, спросил:

— Вы о чём?

Магинур ответила, что Богданч уже дал распоряжение выделить энергию и монтёры тянут линию: к заходу солнца на току загорится лампочка. Председатель тоже приказал колхозным плотникам готовить загрузочный бункер, и те уже строгают доски: вечером ящик с двумя рукавами для веялки и зернопульта будет готов. Кадырову останется привернуть мотор и соединить его с двумя приводами...

— Хорошо бы ещё и подачу зерна механизировать, — сказала Магинур, испытующе глядя на Кадырова. — А то нашим девушкам слишком тяжело таскать его кошёлками.

Фатьямов покосился на неё с любопытством, видимо соображая, что бы тут можно было придумать.

— Если бы ещё один мотор, — вздохнул он.

— Тогда бы это был не ток, а целая электростанция, — вмешался Коршунов. — Нет уж, друзья, выкручивайтесь на одном моторе.

— Но как его соединить с двумя машинами? — спросила Магинур, опять обращаясь к одному Кадырову. — Я уже, Федя, заказала деревянный вал с двумя шкивами

— Зачем? — упрёкнул её Кадыров. — Надо с тремя. Третий шкив для мотора.

Магинур оживилась: наконец-то он подал голос!

— Стало быть, сделаешь? — обрадованно спросила она. — За ночь... Я уже и стойку заказала На земле...

— Не надо, — прервал её Кадыров. — Стойка будет наверху, под крышей.

— Правильно! — понял его Фатьямов. — Лучше привернуть вверху, на перекладинах. Тогда можно мигом разобрать его, да и в другой колхоз.

Коршунов заходил вокруг, потирая ладони.

— Переносный ток, — уговаривал он сам себя. — Механизация очистки... Новый поточный метод, — и, остановившись перед Фатьямовым, обрадовал его: — Да это же, товарищи, ещё одна полоска!

Тот засмеялся.

— Ты поживи у нас недельку, — посоветовал он, — мы обеспечим тебя этими полосками на год.

Магинур следила теперь за комбайнерами, радуясь оживлению Фатьямова и ожидая прямого ответа от Кадырова.

— Справишься один? — допытывалась она. — К утру... Я тоже помогу. На конференцию уеду завтра.

— Какую? — спросил Кадыров.

— Учительскую.

— С ума сошли! В такую пору людей отрывают.

— Но это же, Федя, учителя. Им хлеб не убирать... Секретарь райкома на тебя надеется...

«Конечно, справлюсь», — надо бы ответить Кадырову, но у него ночная смена, к сожалению, а Карев с одной рукой вряд ли справится. Во всяком случае работать ему две смены без отдыха нелегко.

— Надо спросить помощника, — сказал Кадыров.

— Пойдём, — пригласила Магинур.

Шли они к самоходке по нескошенной пшенице. Кадыров торопился перенять комбайн, но Магинур отставала. Раздвигая колосья руками, она, казалось, нарочно замедляла шаги, чтобы наедине поговорить с Кадыровым.

— А на чём ты подвесишь валик? — спросила она на ходу.

Кадыров подумал. «Один конец в гнездо, — рассуждал он, — другой — в скобу кронштейна...»

— Подвесим, — ответил он уверенно.

— Я думаю о кронштейне, — продолжала Магинур.

Кадыров удивился. Было странно, что мысли их сошлись на этом кронштейне.

— А что о нём думать? — сказал он сердито. — Есть кронштейн.

Магинур улыбнулась.

— И ещё, — попросила она робко, — пригласи Фатьямова.

— Куда?

Магинур покраснела:

— На помощь.

Он понял. Магинур, конечно, хочет узнать, почему Фатьямов, в начале разговора такой обвисший, будто его неудачи сломили, под конец оживился. Ясно, оживающий Фатьямов радуется её. Но при чём же тут Кадыров?

— Сама проси.

— Видишь ли, — замялась Магинур, улыбаясь и оттого ещё больше краснея, — он подумает... А что подумает, — засмеялась она, — сама не знаю. Но мне просить его неудобно.

Кадыров сослался тогда на жену — не сможет она работать за Фатьямова вторую смену.

— О! — сказала Магинур уверенно — Сможст. Наташу я сама управлю.

Пока Магинур и Кадыров подвешивали на току под крытым навесом деревянный вал для привода к веялке и зернопульту, Фатьямов ушёл в мастерскую за мотором. Магинур собиралась вечером провести партийное собрание и тотчас уехать в город, но теперь она изменила свои планы. Конференция откроется в восемь утра, опаздывать нельзя, но можно поехать туда на рассвете — что ж, она не поспит эту ночь ради такого дела: на её току работают сейчас два комбайнера.

Кадыров сидел верхом на перекладине и прочно завинчивал скобы шурупам. Магинур помогала ему, поддерживая снизу шестигранный вал и скобы.

Перекладин под навесом было много. На двух комбайнеры уже уложили широкую доску для мотора, под третьей Кадыров привинчивал теперь вал с опущенными книзу шкивами, а на четвёртой перекладине горела электрическая лампочка, ярко освещающая соломенную крышу, под которой, как прилипшие к настилу, висели воробьи. Они повертывали с боку на бок шустрые головки, поглядывая сверху то на лампочку, то на Кадырова.

— Фатьямов говорит, не наше дело, — упрекала Магинур, удерживая снизу гнутую скобу кронштейна. — Комбайнеру будто на току и делать нечего. Зря. Он ошибается. Комбайнер у нас в колхозе первый механизатор и должен быть на всех работах...

— Ясно, — ответил ей Кадыров сверху. — Меня-то агитировать не стоит. Об этом скажи самому Фатьямову. Или на собрании. А я уже грамотный, — намекал он на свое положение колхозного механизатора, но тут же признался: — Комбайнера сделать механизатором нетрудно, только никогда не надо разлучать его с комбайном...

Кадыров доказывал, что комбайнер до сих пор в МТС был сезонным рабочим. Два месяца косит, а все остальные десять месяцев то с машиной возится, то глушит самосад в конторе или дома лежит на печке, мечтая о геройстве. Пора уже расширить круг обязанностей комбайнера. Пусть он будет механизатором не два месяца, а круглый год. Работы в колхозе ему — непочтёный край. Но подойдёт уборка — будьте ласковы, не держите его на току или на ферме. Комбайн — его конёк..

— Я вам в колхозе фабрику построю, — пообещал он, воодушевляясь, — только от комбайна, пожалуйста, не отрывайте.

Магинур согласилась.

— Надо бы написать в газету.

— Коршунову? — усмехнулся он.

Она задумалась и, когда Кадыров привернул скобу наглухо, опустила уставшие руки.

— Зря ты ололчился из газетчика, — сказала Магинур с сожалением.

— Старая песня, — ответил Кадыров, перелезая на вторую перекладину. — Может, ты без ума от его таланта? А я, признаюсь, не могу терпеть, когда он смотрит на тебя такими вывернутыми глазами.

Она улыбнулась.

— На то и глаза... Не запретишь...

Кадыров положил шурупы в рот и, придерживая их губами, не ответил.

Он прилаживал теперь вторую скобу. Магинур говорила, что правда, этот Коршунов немного странный человек — с недостатками. Что-то у него там с женой случилось: то она скандально ревновала на весь район и сторожила его под окнами редакции, то писала жалобы на него в обком и выше, а потом бросила его, уехала с кем-то... Но всё это, право же, нисколько не мешает ему быть хорошим журналистом.

— Конечно, — сквозь зубы сказал Кадыров, втыкая шурупы в гнезда, — журналист он, может, и не плохой, но...

— Но ты бы его, я вижу, заклевал, — усмехнулась Магинур.

— За тебя, — сказал Кадыров.

— Чувствую, — призналась она. — Спасибо.

Кадыров пояснил:

— Если у него случилось что-то с первой женой, то почему же не может случиться этого и со второй? Я за тебя волнуюсь, как бы и с тобой этого не повторилось.

— Можешь не волноваться, — ответила Магинур, — потому что не собираюсь за Коршунова.

— А Фатьямов? — Кадыров прыгнул с перекладины.

— Фатьямов? — растерялась Магинур. — А ты, Федя, его тоже не любишь?

— Я что! Моя нелюбовь, — сказал он с досадой и полез на перекладину, — может, лучше твоей любви...

В дальнем отсвете лампочки, косой освещавшей из-под навеса полувину тока, показались ноги. Приближались двое: Фатьямов и Иван Семёнович. Первый, сгорбившись, тащил на спине рогожный мешок с мотором и удерживал подмышкой похожий на самоварную трубу изогнутый элеватор с «Коммунара». В руках у второго была небольшая дорожная сумка.

— Что это? — встревожился Кадыров, показав глазами на трубу.

— Элеватор, Федя, — похвалился Фатьямов. — С поломанного комбайна.

— Вижу, что не с вейлки. Но куда его?

Председатель тем временем лукаво посматривал то на Кадырова, то на учительницу.

— Будем зерно подавать, — ответил Фатьямов. — Не всё же девушкам таскать его кошёлками. Я ведь тоже, Федя, кое-что соображаю в технике.

— Плохо соображаешь, — сказал Кадыров. — Не потянет. Энергии у нас на твою трубу нехватит.

— А это? — показал Фатьямов на сумку председателя.

Тот поставил сумку на землю и вытащил крохотный моторчик.

Фатьямов бережно взял его на ладонь и протянул Магинур, как подарок:

— Вполне потянет...

Учительница осмотрела мотор со всех сторон и передала его Кадырову. Считая, что помощь её теперь не нужна — вал привинчен, а всё остальное поможет доделать Фатьямов, она стала прощаться.

— А в любви ты действительно скуповатый, — сказала она Кадырову, уходя домой увязывать чемодан в дорогу.

Фатьямов и председатель подозрительно переглянулись.

— А собрание? — спросил её Кадыров.

Магинур ушла, не оглянувшись, — должно быть, не услышала.

— Вот собрание! — Председатель крутнул привинченный вал и, обращаясь к Фатьямову, пообещал: — Управитесь к утру — озолочу.

— Не надо злата, — пошутил Фатьямов, — отдай парторга.

Председатель согнулся, рассматривая комбайнера снизу, и что-то показал ему в зажатом кулаке.

— Дудки! — сказал он серьёзно. — В плохие руки не отпустим.

— Сама пойдёт, — заявил Фатьямов.

Чувствуя, что комбайнер обиделся, приняв его шутку всерьёз, председатель спросил:

— Ну что ты нашёл в ней хорошего? Вдова и есть вдова. Девочек тебе мало?

Фатьямов сплюнул.

Он ушёл к элеватору и сопел над ним, завинчивая гайки. Больше он не разговаривал с председателем. Когда же тот ушёл, а Кадыров напомнил, что ночью комбайны переедут в «Красный дол» и надо бы у Ивана Семёновича, пока не поздно, выпросить подводу, Фатьямова словно прорвало:

— Пешком дойдём, но кланяться не будем!.. Не барин!

Кадыров не понял, к кому относится это озлобление: к нему или к председателю, — и, чтобы не раздражать Фатьямова, согласился:

— Да, мужик он скуповатый.

— Жила! — ответил Фатьямов. — Всё бы себе захапал!

Кадыров понял, куда клонился этот разговор, и тотчас прервал его:

— Завтра будем работать без отдыха.

— Конечно, будем, — мрачно повторил Фатьямов, закручивая гайку на кожухе элеватора. — Нам с тобой тесно вдвоём на одной загонке.

— Ничего, — успокоил его Кадыров. — Не зацепимся.

— Нет, будем цепляться, — уверил Фатьямов. — Потому что мы с тобой теперь непримиримые противники. За Магинур!

Кадыров протяжно свистнул.

— Тогда ненадолго, — сказал он, улыбаясь.

— До гроба, — заверил Фатьямов и, крутнув последнюю гайку так, что скрипнуло железо, бросил щипцы на кожух. — О чём вы говорили? Про какую любовь?

Кадыров устанавливал на доске мотор. «Оставила-таки занозу», — подумал он о Магинуре.

— У меня от этих разговоров о любви уже голова опухла, — признался он Фатьямову.

— Горло у тебя, Кадыров, ненасытное! Мало своей, и к чужой лезешь. Надо же такой размах... Подожди, — погрозил Фатьямов тише, — я твоей Наташе глаза раскрою.

— Ага, — кивнул Кадыров, — раскрой, пожалуйста. А то она совсем слепая — ничего не видит, — и, показав щипцами лежавший на земле железный обруч, попросил: — Подай-ка вон ту штуку.

В «Красный дол» переехали две самоходки и «Сталинец». Ранее созревшие участки поля были уже выкошены работавшим там «Коммунаром».

— Это же надо с ума сойти! — ахнул Фатьямов, завидев четыре комбайна.

Они возвращались на подводе к своим загонкам. Кадыров, управляя лошастью, терпеливо слушал попутчика. Тот всю дорогу жаловался то на усталость после бессонной ночи, то на бесцельность затраченных на току усилий.

— Дёрнуло меня пойти на ту работку, — ворчал он, намекая, что комбайнеру в такую пору надо быть на комбайне. — И в мыслях не было соваться к этим веялкам, если бы Наташа не попросила. Тебе-то хорошо — твоя обязанность, а мне за это выработку не запишут.

Теперь же, приближаясь на подводе к полю, он и вовсе расстроился:

— Куда ж столько машин! В таком хороводе последние проценты растеряешь.

Кадыров прыгнул на ходу с подводы и по стерне, пересекая поле, пошёл на свою загонку. Самоходка уже завершила два покоса и докашивала третий. На копнителе за комбайном стояла девушка, повязанная цветным платком по самые брови. Проводив Кадырова, когда он обхо-

дил копнитель, косым насторожённым взглядом, она поплевала на руки и взмахнула вилами с ещё большим усердием, чем это делала Шура. Кадыров усмехнулся: «Посылает же нам бог работников».

Карев сидел за рулём тяжело осевший, словно придавленный: голову он втянул в плечи, а мятый картуз надвинул до самого носа. Встретив поднявшегося на помост Кадырова долгим взглядом, он остановил комбайн и, выключив мотор, с тяжёлым вздохом навалился на руль локтями.

— Устал? — участливо спросил его Кадыров.

Ну как же не устать ему? С одной рукой просидеть за рулём две смены!

— Хуже! — вздохнул Карев. — Зря вы на току возились.

Отвечая на вопросительный взгляд Кадырова, он пожаловался:

— Этот председатель — жмот! Вы ему добро, а он вам дулю... Шуру отобрал!

«Ну и хорошо», — подумал Кадыров, потому что Шура вчера его окончательно обидела. Когда он вернулся от Фатьямова и Коршунова и стал было рассказывать Кареву о групповом методе, она посмеялась: «Видела ваш метод. Накинулись трое на одну, как вороньё».

Кадыров теперь засмеялся.

— И ты заплакал? — пошутил он. — Вон тебе ещё одна невеста.

Карев стрельнул в него обоблённым взглядом.

— Я не из тех, чтобы за двумя гоняться. — Он сдвинул картуз на затылок. — Да и одной — по горло..

Кадыров обиделся. Не за себя, за Карева. Он думал и надеялся, что Карев сумеет повлиять на эту Шуру, а вышло наоборот: его напарник говорил теперь её словами.

— Стало быть, свадьба у вас расстроилась? — спросил Кадыров.

— Ни капли, — заверил Карев. — Шуру от меня уже не спрячешь, я её из-под воды достану. Сегодня же пойду к председателю.

— Ступай сперва выпишь, — посоветовал Кадыров и тронул его за рукав.

Но Карев не поднялся.

— А ты? — спросил он озабоченно. — Выспался?

— Выдержу.

— Да я не о твоём здоровье! Какой же из тебя сейчас работник? Пошёл бы и поспал часок, а то запорешься. Беда! Смотри, Наташа у тебя того — всерьёз вывозит Фатьямова. Всю ночь напролёт кружила на его загонке. Этак они могут обогнать нас, и как бы, Федя, знамя нам с тобой не потерять. Оно в два счёта может улыбнуться.

Опасения Карева оказались не напрасными. Фатьямов сменил Наташу и часа через два зачистил свою загонку.

Бригадир колхоза потянул Фатьямова на ячмень, но поле там для комбайна оказалось неровным. Фатьямов не растерялся — выбрал себе кусок получше: овёс на косогоре. Благо, убирать его под гору было нетрудно. Однако часа через полтора примчался Корнеев и предложил ему переехать за тридцать километров, в самый дальний угол района. Там, в колхозе имени Максима Горького, — затор. Соседняя МТС не справилась в этом году с урожаем, и у горьковцев стоит двести гектаров нетронутой пшеницы. Корнееву звонил из района редактор и передал свой разговор с Чернылевым: секретарь райкома, дескать, не возражает, если Фатьямов согласится выехать на выручку.

«Сталинец» остановился.

— Ну как же соседей не выручить! — обрадовался Фатьямов.

Он подождал, пока комбайн Кадырова поравнялся со «Сталинцем»,

и пошёл ему наперерез не столько посоветоваться, сколько поделиться радостью.

— Еду! — Он поднялся на площадку и, наклонившись к плечу Кадырова, рассказал ему, куда и зачем он едет.

— Смотри!.. — предупредил его Кадыров.

— А что смотреть? Думаешь, не по плану? — ухмыльнулся Фатьямов. — Двести гектаров — целое море! Такому кораблю...

— Я говорю не об этом, — прервал его Кадыров: — Пшеницу, конечно, так нельзя оставить. Надо скосить её. Но почему же именно только твоему комбайну?

— «Сталинцу» всё позволено, — повторил Фатьямов слова Корнеева. — Большому кораблю...

— Я уже слышал. Но лучше бы послать туда две самоходки — они скорей доедут. А тебе, сам подумай, разобрать комбайн в походное положение, потом собрать его на месте из походного в рабочее, да пока доберёшься на прицепе за гусеничным — целые сутки потеряешь.

Фатьямов забеспокоился. Не потому, что Кадыров убедил его, а потому, что кадыровские мысли могут дойти до директора и тот раздумает.

— Молчи, — попросил он, — пока я выеду... Что же, по-твоему, лучше на овсах елозить? Косишь, косишь, а в бункере пусто. Овёс никудышный. На этом овсе в герои не выедешь. Сам скорее отощaeшь.

— Ах, вот оно что! В таком случае надо тебе торопиться. А то опоздаешь. Только смотри, чтобы за длинным рублём не погнаться. И смену себе подбери надёжную: Наташа не поедет.

— Не пустишь?

— Сама откажется.

— Посмотрим, — пригрозил Фатьямов.

Кадыров, не уверенный в своём предположении, поправился:

— Колхоз не пустит.

— За что? — возмутился Фатьямов. — За наши выдумки? Мы же с тобой не для этого ночь промучились. Тогда я им всю карусель на току разломаю.

— Попробуй! — сказал Кадыров.

Уговорив председателя, Фатьямов попросил Наташу ехать с ним. Она согласилась. Дальний рейс на «Сталинце» не испугал её.

— А муж? — удивился Фатьямов.

— Муж? — задумалась Наташа, будто вспоминая, что бы это значило. — Ах, муж! — улыбнулась она, поняв комбайнера, и тёмные глаза её заискрились. — Что ж его спрашивать? Мы с ним давно потерялись на этом просторе. Вторую неделю не найдём друг друга.

Кадыров услышал об этом разговоре от копнильщицы. Он удивился не тому, что сказала Наташа, а тому, что новая копнильщица оказалась не хуже старой во всех отношениях, даже на язык. Не успела на две минуты отлучиться от самоходки — и вот уже принесла от «Сталинца» столь важную новость. Кадыров даже растерялся. Возможно, разговор Наташи с Фатьямовым копнильщица, пока возвращалась к своему комбайну, приукрасила, чтобы уколоть и вывести из равновесия дубоватого, неподатливого на девичьи шутки Кадырова. А всё-таки зачем же Наташе ехать в такую даль от своего колхоза?

— Так что Наташа велела кланяться, — поспешно добавила копнильщица и, будто убегая от преследования, лихо взобралась на тележку.

Карев, проследив за её взметнувшимися юбками, испуганно оглянулся на Кадырова. Тот молчал.

— А? — спросил Карев.

— Да, — вздохнул Кадыров, — посылает нам бог работничков. Что языком, что вилами.

— Не говори, — согласился Карев. — Пришла и надымил.

У Кадырова сорвалось:

— Вторая Шура.

— Нет! — заступился Карев. — Шура лучше.

— Все они хорошие, — досадливо сказал Кадыров, и по тому, с какой поспешностью он полез на самоходку, Карев догадался, что это «всё» относилось прежде всего к Наташе.

Новая копнильщица, осведомлённая во всех делах не хуже старой, кажется, добила своего — Кадыров тронул с места самоходку, не оглядываясь, и девушка от неожиданности упала на солому.

— Эй, ты! — поднялась она, отряхиваясь. — Дёргаешь, как занузанный! Кто же на машине зло сгоняет? Я тут ни при чём.

Карев провожал самоходку задумчивым взглядом. «Фатьямову, значит, можно, — досадовал он на председателя. — Жила! Даже чужую жену для него не жалеет. Как свою, уступает... Нет дыма без огня», — решил он, сочувствуя Кадырову, и тотчас направился в посёлок — может, и ему удастся уговорить председателя вернуть на самоходку Шуру.

Фатьямов и Наташа выехали на комбайне с поля после обеда. Оставленный ими овёс на косогоре, по просьбе бригадира, докашивал Кадыров.

— Нет у тебя самолюбия, — упрекнул его вернувшийся вскоре Карев. — А я бы не стал зачищать хвосты Фатьямову! Хватит ему хватать! Набаловали до одури! Каждому хотелось бы кусок получше. А нет же! Только ему дозволено. Даже Наташу умчал без разговора...

Кадыров остановил машину.

— Куда ходил? — спросил он Карева.

— Туда, — кивнул тот на посёлок. — Шуру клянчил у председателя. Фатьямову можно, а Кареву нет. Свиньи, говорит, осиротеют без Шуры...

Кадыров засмеялся.

— И ты ещё смеёшься?! — удивился рассерженный Карев. — Жену увезли из-под самого носа, а он хохочет!

Он глянул на копнильщицу.

Та не поняла, но подошла к ним ближе на этот смех и, неизвестно к кому обращаясь, сердито спросила:

— Обьедки собираешь?

— Какие? — насторожился Карев, опасаясь, как бы та не обидела Шуру.

— Такие, — ответила копнильщица. — Будто не было куска получше. Елозишь, елозишь — и всё впустую.

— Да ты про кого? — допытывался Карев.

— Про вас! Куда вы заехали? Тут же не овёс — одна солома.

Карев вздохнул с облегчением.

— Так это же твой овёс! — удивился он. — Тебе его косим, твоему колхозу. Чего же ты плачешь?

— Я не плачу. Мой овёс не осыпется, — ответила копнильщица. — Мне за вас обидно. Фатьямов, гляди, из-под вашего носа в герон вылезет...

Кадыров глянул на неё искоса: и эта — в герон!

— А вы уши развесили, — продолжала выговаривать ему копнильщица, попрежнему глядя на Карева. — Тут не только урожаем прозегаете...

Кадыров полез на самоходку и включил мотор.

«Как же её зовут? — думал Карев, тронутый заботой копнильщицы. — Кажется, Груня... или нет... бригадир называл её Клуныя...»

Кадыров участил обороты.

— Не горюй, Груша, — утешил её Карев, но заревел мотор, и копнильщица не услышала.

— Что? — наклонилась она к нему.

— Не горюй, говорю, Клуша! — крикнул ей Карев на ухо.

— Луша, — поправила копнильщица.

— Догоним, Луша! Фатьямов от нас не ускачет. — Он хотел похлопать её по спине, но она увернулась и полезла на копнитель.

Карев проворно взобрался к Кадырову.

— Она права, — вздохнул он, соглашаясь с Лушей. — На этом овсе далеко не уедешь.

— А ты куда собрался?

— Туда же, Федя, — признался Карев. — В герои. Кому-кому, а нам теперь с тобой и карты в руки. Лишь бы этот Фатьямов не опередил... Давай сменю, — предложил он, — мы его живо с этой Лушей...

— Нет, я лучше сам уберу, — отказался Кадыров. — А то вы, я вижу, герои, накосите...

Овёс против солнца мерцал серебристыми серёжками.

Что-то в этом бисерном мерцании, — особенно когда под мотовилом серёжки вздрагивали, как у Наташи в минуты гнева, а мерцание гасло под ослепительным блеском ножа, — напоминало Кадырову прошлое. То он видел яркие блики воды за бортом баркаса, на котором они впервые встретились с Наташей, то сияла ему из прошлого озарённая лунным светом зимняя дорога, по которой шли они вдвоём из города. Это было в марте. Яркая звёздная полночь. Снег под ногами скрипит на весь район. Дорога, до блеска накатанная полозьями саней, лопается от мороза. Но им с Наташей не холодно... Зима в ту ночь ещё держалась крепко. Но где-то: в морозном ли воздухе, в этом искрящемся под месяцем инее, или в блеске накатанной дороги с хрустом оседающего наста по обочинам — ощущалось уже приближение весны. Кадыров сломил на ходу ветку придорожного тала и под красной лакированной кожицей увидел зелёную плёнку... Зимняя дорога привела в их деревню, где дома утонули в сугробах по самые окна и на улицах было уютно, как дома. Они ходили тогда по этим улицам до рассвета, и было им жарко. Он даже распахнул свой полушубок, а Наташа раскрыла шаль, набросив её одним крылом через плечо... А что же он сказал ей тогда у её ворот и чему она так звонко рассмеялась, что в глазах её от смеха заискрились слёзы?..

Кадыров, грустно улыбаясь, вёл самоходку под гору. Слова уже давно забылись, но в памяти остались очень яркими и это лунное сияние и эти слёзы. Овёс широкой полосой, похожей на поток, стекал по косогору вниз, до самых верб над озером. Вербы заглядывали с берега в зеркальную воду и, кажется, любясь своим отражением, надолго застыли в тягостном раздумье. У самого берега, под вербами, стояла по колено в озере женщина, полоскавшая бельё. Что-то в её проворных движениях, особенно когда она гулко лупила вальком по солнечным бликам, опять напоминало Кадырову Наташу. Где-то она тоже стояла в воде и, согнувшись, вот так же ловила руками солнечные пятна... Ах, это он сам тогда, засучив до колен штаны, стоял посредине ручья, измеряя напор воды, а Наташа пришла к нему позже. Кадыров мечтал в то время загородить ручей плотиной и, наполнив пруд, поставить первую турбину. Кузнец уверил его, что несложную турбину можно сделать своими руками из собственной жести. Но вот задача — хватит ли напора? Кузнецу для его трубы, которую он делает, кроме колхозной жести, нужен ещё водопад с таким давлением, чтобы на турбину падало в одну

секунду четыреста литров. Да пол-литра за работу. Кадыров отмерил по течению ручья расстояние в десять метров, обозначил его колышками и пустил бутылку. Надо было время, за которое бутылка проплывёт от колышка до колышка, перемножить на глубину и ширину ручья, затем полученную сумму разделить на шестьдесят. Почему на шестьдесят — Кадыров не мог понять, но он поверил механику на слово. Да и чему не поверишь в эти почти мальчишеские годы! И вот в разгар таких арифметических подсчётов на ручей пришла к нему Наташа. Она застала его пускающим по воде бутылку и долго улыбалась: должно быть, он тогда, в засученных штанах, действительно похож был на мальчишку. Увидев её, Кадыров смутился и хотел было отвернуть штанины, чтобы спрятать свои волосатые ноги, но в это время Наташа сама сбросила туфли и, приподняв юбку, вошла к нему по колено в воду.

Однако и её расчёты ничего не дали — напора не хватало. Наташа трижды измеряла ручей, а Кадыров и так и этак перемножал и делил её числа, но давление до заветной цифры натянуть не удавалось.

— Пруд получится, — решила тогда Наташа, — но света не будет..

— Будет свет! — уверяет теперь Магинур, и Кадыров чувствует, что напора хватит. Кузьма не ошибся: надо соединить два протока.

Вечером полоска сузилась. Теперь она сбегала вниз по косогору не тем широким потоком, что похож был на Свиягу в половодье, а маленькой, вошедшей в свои берега, речкой. Овса оставалось на два захода, но эти последние круги показались Кадырову особенно тяжёлыми. Женщина с бельём ушла, и солнце скрылось. С запада подудло холодом. и за озером в полнеба выросла синяя грозовая туча. Её только недоставало! Овёс волновался на ветру, мелкая бисерными серёжками, как моросившим понизу дождём, и очень трудно было уловить его ножом. Крылья мотвила вертелись на ветру вхолостую, потому что колосья уклонялись в сторону.

Кадыров досадовал.

Зря уехала его Наташа в такую даль. Теперь её дождём прихватит, и будет она торчать на загонке, пока не просохнет.

Разгулявшийся ветер трепал колосья из стороны в сторону, и косить овёс на ощупь стало невозможно. Тогда Кадыров погнав машину под гору на третьей скорости, словно хотел догнать убежавшие колосья. В сумерках внизу мерцала потревоженная гладь канавы. С двух сторон канава заросла густыми камышами и высоким тростником. За гулом мотора Кадыров не слышал, как шумел камыш, но видел его широкие укоряющие взмахи метёлками над рябью. Там, где канава подходила к озеру, над камышами и золотистой стенкой тростника, стояла стройная, высокая верба. Сама она была спокойной, а зелёный водопад её листьев находился в беспрестанном трепетном волнении. Космы веток раскачивались, отклоняясь то вправо, то влево, то сразу в разные стороны, а когда порывистым ветром согнуло-таки вербу назад и оголило её шершавый ствол, все листья вдруг, повернутые светлой стороной, засеребрились на посиневшем небе, как проливной, сверкающий на солнце ливень.

Кадырову стало грустно. Что напоминало ему это бурное кипение листья, мелькнувшей светом на потемневшем небе, он пока не понял. Но чувствовал, что боль подкатывала к сердцу так, что впору бы заплакать. Он улыбнулся, потому что никогда ещё с ним такого не было.

— Наташа на тебя за Магинур обиделась, — говорил Карев. — Теперь она со зла начнёт заигрывать с этим Фатьямовым. И как бы, чего доброго, не доигралась. Да, да. Чего только со зла не сделаешь, Федя!

Теперь они с Фатьямовым наговорятся досыта; потому что у них одна обида.

— Как у тебя рука? — спросил Кадыров.

— Ты постой, не хватай меня за руку. Я тебе толком говорю, а ты послушай. С бабами у тебя так туго закручено, что может оборваться. Да подожди, не смейся. Когда я торчал в больнице, то, грешным делом, гоже про тебя подумал: вот, мол, жук, собрал на моём комбайне самых красивых баб из деревни и теперь катается. Ну хорошо, прикинул, там у него с двумя помощниками-заместителями дело ясное: человека шибануло в петушиный азарт — есть чёрная, подай белую. Но зачем же, думаю, Шуру в эту карусель запутывать? Она ведь для тебя ни чёрная, ни белая... Ты подожди, дай выскажусь... Я ведь за тебя волнуюсь: Видишь ли, — он придвинулся ближе, — люди могут всё подумать. Одни считают, что ты недюдим и никого не любишь. А это неправда. Другие думают так же, как я в больнице. И это неправда. Вчера дядя Вася доказывал комбайнерам, что любишь ты всех — и Магинур, и директора, и даже того же Фатьямова, но любовь у тебя грубоватая, и ты её прячешь. Но от Наташи, Федя, не надо прятаться.

Кадыров остановил его.

— Ты бы лучше о хлебе думал, — посоветовал он.

— Вот как раз об этом и разговор. Голова у нас забита не только хлебом. Скосить его недолго, лишь бы машина была налажена. А в нашей эмтеэсовской машине — перебой. Вчера я слышал разговор, что замполит наш может не вернуться, а на этом Корнееве далеко не уедешь. Надо теперь своего человека, и все на тебя надеются... Да ты не смотри, пожалуйста, на меня такими круглыми глазами. Я серьёзно. Богданых без того замполита будто без ноги. Какой-то осиротевший. Увидел я его на собрании, и даже мне жалко стало...

Кадыров не выдержал:

— Что у тебя с рукой?

— На! Полюбуйся! — Карев протянул ему ладонь с незажившим рубцом на мякоти.

— Отпущу у меня кончается, — сказал Кадыров. — Так что скоро будешь сам заведовать этой каруселью. А мне на коровник, — улыбнулся он, — пока в замполиты не выдвинули.

Карев махнул рукой: что, дескать, с ним говорить, с несознательным, и, разворошив одной рукой солому, лёг в копну.

Ветер утих, и туча уменьшилась — видимо, потянуло её в другую сторону. Оттуда, из-под тучи, где вспыхивали, как зарницы, молнии без грома, доносило протяжную песню. Должно быть, пели девушки.

— Заныли под дождь, — пожаловался Карев.

Кадыров ушёл от него на другую копну.

Он долго сидел один у притихшей самоходки и, раскуривая в третий раз потухавшую цыгарку, пристально всматривался в далёкие огни на горизонте.

Слева, на востоке, разгоралось жидкое зарево, похожее на очень далёкий пожар за горизонтом. Скоро там покажется луна. Туда сегодня, в это лунное сияние, уехал «Сталинец». Интересно, что сейчас там делает Наташа? Он всматривался, не видно ли там, под лунным заревом, блуждающих огней комбайна. Спит или работает?..

Справа, на западе, под грозовой тучей, переливались электрические огни, похожие на рассыпанные по склону и раздуваемые ветром горячие угли. Туда, в это мерцание фонарей, уехала Магинур. Он теперь и за неё беспокоился. Коршунов, должно быть, кружит не хуже Фатьямова. Интересно, когда же она вернётся?..

Ночью Кадыров пришёл к директору и прямо с порога спросил его, зачем тот сегодня отпустил Фатьямова.

— Здравствуй, — сказал Богданых. — Мы с тобой, кажется, не виделись.

— Разве? — удивился Кадыров, усаживаясь на диван.

Несмотря на поздний час, Богданых сидел в кабинете и старательно зачёркивал толстым карандашом новые полоски на карте. Лицо его было спокойным, но в слегка приподнятой брови застыл немой вопрос: директор, очевидно, удивлялся не тому, что спрашивал Кадыров, а тому, что он пришёл так поздно.

— Скосил овёс? — Богданых подвинул свободной рукой портсигар Кадырову.

Но тот полез в карман за махоркой.

— Фатьямовский? — переспросил он, усмехаясь. — Кто же, кроме меня, скосит.

Директор, зачеркнув ещё одну полоску, провёл от неё жирную линию за озеро, в дальний угол карты.

— Утром переедешь в «Красный пахарь».

— Нет, — заявил Кадыров, — не моя территория. На очереди у меня «Заря».

— Уже, — кивнул директор, — скосили. С «Зарёй» «Коммунары» справились.

Кадыров с недовернутой цыгаркой пересел к столу.

— Иван Богданых! — сказал он, заглядывая в карту. — Я вижу, мой комбайн совсем из плана вышибли. Обьедки добираю.

— Почему обьедки? В «Пахаре» нетронутое поле.

— Всё равно, — продолжал Кадыров. — Из маршрута окончательно выбился. Стоило Фатьямову дать поблажку — и всё покатило под гору.

Насторожённо приподнятая бровь директора опустилась, и где-то в складках у небритого, щетинистого подбородка и в морщинках под глазами затеплилась понятливая улыбка.

— «Сталинец» рванул у «Коммунара», — доказывал Кадыров, чиркнув спичкой и прикуривая, — «Коммунар», не будь дурак, — у самоходки. — Он пустил через стол густую махорочную струю. — А мне теперь за это в дальний угол, к «Пахарю». Обидно, Иван Богданых. Полный беспорядок...

— Не вижу, Федя, — спокойно ответил директор, показав глазами на карту. — Возможно, с твоей самоходки, снизу, — он подчеркнул карандашом один треугольный знак на овсяной полоске, — это покажется и беспорядком, но сверху, — провёл он по карте ладонью, — всё в порядке. За две недели убрали двойную норму!

Кадыров, желая убедиться, перегнулся к карте, усеянной косыми крестами. Перечёркнутых, скошенных, полос на ней оказалось больше, чем незачёркнутых. Теперь, испещрённая вдоль и поперёк репутанными линиями, карта на столе директора напоминала Кадырову боевую схему. Стрелы движения комбайнов были похожи на стрелы наступающих подразделений, и даже самоходки помечены точно таким же знаком, каким отмечались на фронте боевые машины. Среди этих знаков, рассыпанных по карте, не сразу найдёшь свою крохотную самоходку.

«А, вот она», — увидел её Кадыров на овсяной полоске.

— Радоваться надо, — ещё раз перечеркнул Богданых эту полосу. — Радоваться, — повторил он, — такому беспорядку! И этот беспорядок от тебя, Кадыров...

Комбайнер отодвинулся от стола, гремя скамейкой.

— А за тобой и другие тянутся, — продолжал директор. — Тут не Фатьямов, и не я вам, а вы мне ломаете планы...

В глазах Богданыча сияла та же добродушная улыбка, с которой провожал он когда-то Кадырова на его новую должность.

— Читай, — подвинул ему директор районную газету.

Кадыров глянул на неё искоса. Это была полоска о новом методе. «Кадыров» — мелькнуло в заголовке одной статьи. Он осторожно пробежал её по строчкам сверху вниз. Мелькали слова: «инициатор», «новатор», «не думал о награде», «партийный долг» и «Кадыров», «Кадыров», «Кадыров» до самого низа. У него зарябило в глазах от этих слов.

— Коршунов! — ахнул он, прочитав подпись автора, и, отодвинув газету в сторону, растерянно посмотрел на директора.

— Фатьямов, говоришь? — лукаво сощурился тот, возвращаясь к началу разговора. — А почему бы его не пустить на пшеницу? Работы у нас, — показал он снова на карту, — не так уж много. Можно теперь и к соседям посылать на помощь.

— Только не Фатьямова, — сказал Кадыров. — Лучше самоходку.

— Сам он просился, — пояснил директор. — Надо же, наконец, и ему пойти навстречу.

Кадырову показалось, что Богданыч попрежнему чувствует себя обязанным Фатьямову. Но ведь Фатьямов теперь уже не тот, за которым тянулись комбайнеры. Его уже считают не новатором, а рекордсменом. Кадыров досадовал. Но вслух он сказал только:

— Не знаю, чем вас купил Фатьямов.

Богданыч нахмурился.

— Ты бы, я вижу, в порошок его растёр.

— Во всяком случае, воли не давал бы. А прежде подчинил бы порядку.

— Постой. — Директор положил карандаш на карту. — Станешь директором — будешь тогда заводить свои порядки. А пока в мои не вмешивайся.

Кадыров улыбнулся: директор сердится. А сердится он очень редко и только на себя, когда, задетый за живое, чувствует свою неправоту.

— Как же я стану директором, — пошутил он, — когда вы меня даже от эмтеэс отшили. Загнали куда-то на коровник.

— Будешь директором! — стукнул Богданыч ладонью по столу. — И будешь им как раз через свой коровник! Там сейчас — главная работа механизатору!

— Насчёт коровника согласен, — сказал Кадыров. — Но только нельзя отрывать комбайнера от машины. Разлучить его с комбайном, Иван Богданыч, — это всё равно, что снять моряка с парохода.

Он придвинул скамейку поближе к столу и выложил директору всё, что говорил уже учительнице. Комбайнеры были до сих пор, по существу, не механизаторы, а вроде сезонных рабочих. Лето косят, зиму загорают дома. Больше того, иные только два месяца работают, а круглый год всё думают о звании героя.

— Подожди, — досадливо поморщился директор. — Опять на Фатьямова. Начал хорошо, а кончил за упокой. Он уже и без того наказан.

Богданыч объяснил: Фатьямов промахнулся. Рассчитывал в этом году на переменную погоду, как в прошлые годы, когда убирать мог только «Сталинец», потому что самоходки после дождей буксовали. А нынче лето, как видишь, выпало сухое, и самоходки, более проворные, опередили «Сталинца».

Кадыров удивился.

— Плохо, — сказал он, — когда комбайнер надеется на плохую погоду.

Директор не ответил.

— Но, — продолжал он, показав на чёрное окно, мигавшее всё чаще молниями, яркими, но пока ещё беззвучными, — погода не сегодня — завтра может измениться. Да и сводка, — он вытащил из-под телефона телеграмму, — обещает большие осадки. Будет ливень.

Кадыров заглянул в телеграмму, чтобы скрыть своё смущение. Директор оказался прав. Нельзя посылать самоходки под самый дождь. Забуксуют.

— Окажись ты на месте Фатъямова... — продолжал директор.

— Не дай бог, — прервал его Кадыров, оглядываясь на районную газету.

— ...ты бы тоже просился на большую площадь.

— Конечно, — согласился Кадыров. — Коршунов сменил пластинку. Теперь он, чего доброго, и меня потянет по фатъямовской дорожке.

— Тебя-то не собьёшь, — успокоил директор.

Но Кадыров, досадуя на себя, что он так плохо мог подумать о директоре, накинулся теперь на Коршунова. Ну зачем же трезвонить об этом новом методе? Это же и без газеты ясно: будет машин достаточно — сами перейдут на групповую работу. Без Коршунова! Ему бы только пошуметь!

Он напал на журналиста с не меньшим ожесточением, чем только что напал на Фатъямова.

Директор защищал обоих. Нельзя же этак опрометчиво судить о людях со своей колокольни. Все они что-то делают, и делают с пользой.

— А чем они тебя задели, Федя? — спросил он неожиданно.

Кадыров вплотную придвинулся к столу и достал из директорского портсигара первую папиросу.

Карев переехал в «Красный пахарь», Кадыров завернул домой. Не был он дома вторую неделю, и надо же проверить, что сейчас там делается без Наташи

Во дворе лежали в беспорядке тёсанные брёвна и свежие доски, утопившие в ворохе пенистой стружки. Старые ступени были выбиты из пазов, а новые пока не вставлены, и Кадырову пришлось взбираться на крыльцо через перила. Старый кот, дремавший на перилах, лениво приоткрыл глаза и, провожая хозяина лукавым взглядом, снова зажмурился: пойдя, мол, полбуйся, что там делается...

Дед и сын Кадырова, сидевшие на корточках у плиты, встретили его недружелюбно. Сын кидал в огонь щепу и стружки, дед, удерживая подмышкой тряпку, жарил на сковороде яичницу. Борода его уже была осмолена.

— Совсем от дома отказался. — Он вытащил шипевшую сковородку и сбил огонь с загоревшейся тряпки. — Наташка тоже юбки подобрала.

В комнате казалось уютно и даже пусто, несмотря на обилие мусора по всем углам. На столе стояла невымытая посуда, и в застывшей луже супа лежали корки хлеба.

— Давно её не было? — спросил Кадыров.

Сын оглянулся на деда, и тот ответил:

— С митинга.

Кадыров не пёнял.

— Когда тебе знамя давали, — пояснил старик. — Забежал за ней Фатъямов, и с той поры её Митькой звали.

На языке у деда «Митькой звали» означало крайнюю степень раздражения. Если он вспомнил Митьку, то дело с Наташей плохо: она убежала из дому, никому даже не сказав об этом.

Кадыров поспешно расстегнул комбинезон и, засучив рукава, подошёл к умывальнику.

— Бабе только отпусти поводья, — ворчал старик, — обрадуется воле — не удержишь, а там, гляди, пойдёт ещё выбрыкивать... Дай жаровню, Петя.

Воды в умывальнике не было. Зато под умывальником — целая лужа; там же битые черепки с землёй и поломанные листья фикуса. Кадыров посмотрел на сына.

— Кошка, — ответил тот. — За воробьями прыгнула.

— Как же они залетели в горницу?

Петя посмотрел на деда.

— Из окошка прыгнула, — заступился тот.

— Кошка... Из окошка... — повторил за ними Кадыров, толкнув черепки ногой. — И тут не уследили!

Пока он доливал в умывальник воду из ведра и затем плескался, разбрызгивая мыльную пену, дед и сын молчали. Но тягостная тишина давила Кадырова.

— Книги читаешь? — спросил он сына. — Или забросил?

Дед не вытерпел.

— Опять накинуся! — Он хлопнул дверкой плиты. — Сгонял бы зло не дома. А то, чуть неустойка, за сына хватаешься. Будешь ещё укорять арифметикой, знаю. Она тебе не палка, чтобы мальчика наказывать...

Петя смотрел на деда влажными глазами. Кадыров смутился. Вытирая руки грязным полотенцем, он следил за сыном и, когда их взгляды встретились, улыбнулся.

— Ничего, — сказал он виноватым голосом. — Фикус можно и в новый горшок поставить. Лишь бы корешок был целый.

— Уже. Пересадили, — ответил Петя.

— Вот и хорошо! — Кадыров повесил полотенце и сел за стол.

Пока он отодвигал тарелки в сторону, сын поставил перед ним яичницу.

— На яйцах выезжаем, — пожаловался дед. — Круглые сутки жарим.

— Надо пригласить Ульянику, — сказал Кадыров. — Пусть наведёт порядок. А то у вас тут наворочено... — Он выглянул в окно.

— Это мы, — похвалился Петя, — развернули такое строительство.

Кадыров засмеялся.

— Вижу, — сказал он, — как вы развернули. Даже на крыльцо не заберёшься. Кто же вам доски тешет?

— Савоська, — ответил подобревший дед, — прямо из плотницкой приходит. Правление даже дало ему наряд подрубку сделать.

— Не надо, — сказал Кадыров. — Сами подрубим. Пусть только поможет крыльцо поставить, а то не пришлось бы в окна лазить.

— Федя, — упрекнул старик. — Дают — бери. Зачем же помощь от себя отпихивать? Мало ты мотаешься для государства? Пусть же и государство на твоём дворе потрудится.

Мимо окон по улице промчался мотоцикл, сопровождаемый собачьим лаем. По грохоту его мотора Кадыров угадал Фатьямова.

— А ну-ка, — махнул он сыну в горницу, — выглянь, кто это?

Дед, продолжавший сидеть у плиты, перегнулся к порогу и, стоя на четвереньках, заглянул в окно.

— Фатя-я-мов, — протянул он разочарованно. — Зря только собак тревожит.

Кадыров торопливо застегнул все пуговицы комбинезона.

— Мне пора, — поднялся он, оправдываясь на ходу, — я на две минуты.

Петя смотрел ему вслед, не понимая, что на две минуты: пришёл он домой или уходит из дому.

— Наташка тоже убежала на минутку, — заметил дед, — а до сих пор домой не заявляется.

Кадыров задержался на пороге, к чему-то прислушиваясь. В тишине, где-то за околицей, возобновилось далёкое татаканье. Мотоцикл вернулся и стремительно приближался к дому. Наконец его возрастающий грохот оборвался у самой калитки. Выглянув за дверь, Кадыров испуганно следил за перелезавшим через перила Фатьямовым.

— Федя! — сказал тот, входя в комнату. — Выручай!

— Где Наташа? — спросил его Кадыров.

— Едет, — успокоил тот, — на «Сталинце»... Федя, — посоветовал он, — дуй туда на самоходке. Там тебе раздолье!

— А ты? — удивился Кадыров.

Фатьямов сплюнул.

— Черти! — тряхнул он головой. — Ты знаешь, что они удумали? Будылья!

Кадыров понял. Горьковцы для снегозадержания посеяли подсолнух

— Вот такие стручки оставили на зиму без шляпок, — показал Фатьямов руку по локоть. — Метель задерживать! А задержали «Сталинца». Рядки у них — сам чёрт не пролезет, рассчитаны как раз по самоходке. А куда же с моим хедером!.. И те головотяпы, — кивнул он в сторону города, — не разобрались толком и звонят... Так что пришлось вернуться, Федя. Съездил туда за здорово живёшь, полюбоваться этой самой дурацкой агротехникой.

Кадыров смеялся.

— Тебе-то весело. — упрекнул Фатьямов, — а мне бы впору плакать. В этом сезоне, скажи ты, не везёт, как заклтому. Зря я пересел на «Сталинца».

Кадыров перестал смеяться.

— Ты не сомневайся, Федя, — успокаивал Фатьямов. — Пшеницы — море. Дуй на самоходке без разговоров — не расквасишься. Будешь там кататься по этим аллеям из будыльев, как по улицам. Сразу в герои выедешь. Я ведь не такой злопамятный, добра тебе желаю.

Но Кадыров недоверчиво отнёсся к доброте Фатьямова.

— Ты откуда узнал, что я в деревне?

— В конторе, — ответил Фатьямов. — Мотнулся туда сгоряча поговорить с Корнеевым. От сердца! — добавил он с угрозой. — Да жаль, тот уже в район умчался. На совещание. Но я догоню! И там ещё с этим редактором заодно побеседую. Надо же их обоих поблагодарить как следует. В какую дыру меня пихнули! Сдуру. А тебе, Федя, советую. Пусть у меня сорвалось. Ты же знаешь — я отстал от вас уже на полсезона. Хватит! Ухнуло! Как бы теперь и совсем не пришлось отказаться от «Сталинца».

— Как? — удивился Кадыров. — От своей машины?

— Моя машина, Федя, — самоходка. Та увёртливей. В любую щель пролезет. А этот паром — куда ему, не по нашим хлебам! На Кубани, скажем, там ему другое дело...

Проводив за ворота Фатьямова, Кадыров удивлённо посмотрел на деда.

— Ветрогон, — ответил тот. — И родитель его, царствие ему небесное, такой же был кручёный.

Кадыров с нетерпением ждал Наташу. Но та вернулась и тут же, у ворот, стала упрашивать его переехать к соседям.

— Пшеницы — море, — сказала она словами Фатьямова.

Кадырова бросило в жар.

— И ты за него? — спросил он грозно.

— За них, — поправила Наташа. — Колхозники просят. Пшеница уже осыпается.

Кадыров похолодел: жена его нарочито увернулась от вопроса. Она смотрела в другую сторону, где фыркал у двора конторы «Сталинец».

— С чего это он так раздобрился?

— Кто? — Наташа оглянулась, тряхнув серёжками.

Кадыров усмехнулся одними губами.

— Фатьямов? — удивилась Наташа, и в лице её появилось насто-рожённое выражение.

Он молчал.

— А что случилось, Федя?

— Не знаю, что у вас случилось, — ответил он грубо. — Сам не пойму, в чём вы сошлись на «Сталинце».

У Наташи опустились плечи. Она теперь стояла перед ним, как побитая.

— Федя, — сказала она, не то упрекая, не то упрасывая, — мы же с тобой коммунисты. Там, — кивнула она в сторону, — осыпается пшеница. И надо говорить о главном...

— А это не главное? — оборвал её Кадыров.

Заметив печальную, даже, казалось ему, виноватую улыбку, он хлестнул её словами:

— Ступай домой! И дома наводи порядок. А то, я вижу, совсем от рук отбилась.

Наташа растерянно смотрела в землю. Но в глазах её, он это заметил, искрились недобрые, вызванные досадой слёзы. Кадыров боялся этого блеска. Он чувствовал, что жена сейчас уклонится от прямого разговора.

— Не пора ли к свиньям? — добивал её Кадыров. — Горячка уже проходит. В поле и без тебя управимся.

— Дай же и мне заработать, Федя, — попросила Наташа, горько улыбаясь. — А то посмотри, — показала она на заплатанную сбоку юбку, — обносилась, и на люди выйти не в чем. Ты же мне после войны ни одной обновы не справил. Магинур, и та в новой кофточке, даром что без мужа.

— При чём тут Магинур? — возразил Кадыров.

Наташа не ответила. Но он её понял. «А при том, что сам запутался и теперь на жене своей зло сгоняешь», — казалось, говорил её обиженный взгляд. «Мешаю?» — будто спрашивала она в упор. Стало быть, Фатьямов уже постарался: раскрыл ей глаза.

— Наташа, — вернул ей Кадыров, — мы же коммунисты.

— Знаю, Федя. Слышала...

Она стояла перед ним такая же, как там, у её ворот, когда он ещё до войны предложил ей руку, и даже первые морщинки её не старили.

— Не раз говорил, — продолжала она не то шутя, не то всерьёз, обиженным тоном, — дай сперва людей нарядим, а сами всегда успеем, оденемся после. Нет уж, Федя, хватит! Не всё же время о семье и людях, надо наконец и о себе подумать. — Она вдруг засмеялась и еле выговорила сквозь смех и слёзы: — А то совсем обабишься. И в этой дырявой юбке... вовсе мужа прокараулишь.

Кадыров шёл к самоходке и, словно придавленный, сгорбившись, нёс на себе груз неприятного объяснения с Наташей. Что-то осталось после их разговора ноющее, как заноза, и он торопился на свою загонку, будто хотел убежать от боли. Видимо, в напряжённой работе он, забыв о доме, слишком уж суровым был к семье, особенно к Наташе. Она могла истолковать его суровость действительно по-своему. Этот неожиданный для

Кадырова разговор о кофточке приоткрывал завесу и несколько оправдывал Наташу. Он уже раскаивался в том, что наговорил ей лишнего. Надо было разговаривать не так, но, к сожалению, нужные мысли для такого разговора, как всегда, приходили к нему с запозданием.

Вспоминалось, как когда-то началась их любовь. Кадыров хорошо запомнил растерянный и жалкий взгляд, которым Наташа встретила у ворот его первое, неожиданное признание.

— Но я же и не думала об этом, — сказала она виновато, напуганная тем, что комсомольская дружба их столь неожиданно привела Кадырова к такому объяснению.

Наташа после того вечера долго избегала Кадырова, опасаясь разговора с ним наедине, пока он однажды не пришёл к ней прямо домой.

— Зачем? — спросила она с порога, держась руками за дверные косяки и загораживая вход.

Но в это время в сени выглянул её отец и пригласил Кадырова на кухню. Мать провела его ещё дальше — в горницу. Пока он разговаривал с ними, Наташа незаметно вышла из дому. Но Кадыров её дождался. Ему хотелось решить судьбу, не откладывая, и он затянул разговор с родителями до её прихода. Наташа заглянула в горницу и, увидев Кадырова, который в этот момент прислушивался — кто это скрипнул дверь, нахмурилась. «Сидишь?» — казалось, говорил её сердитый взгляд. «Сижу!» — ответил он таким же взглядом. — И не уйду, пока не выскажусь». Наташа, внешне безучастная к общему разговору в горнице, села в дальний угол, прячась в тени от фикуса. Но Кадыров чувствовал её стерегущий взгляд из-за цветка и когда наконец повернулся к ней, чтобы начать с родителями этот самый разговор, к которому он долго не мог приступить, она, показалось ему, отшатнулась в угол и посмотрела на него оттуда умсляющими глазами. Он поднялся и, с тяжёлым вздохом пожелав её отцу и матери «спокойной ночи», вышел из дома.

Спустя полгода Наташа уезжала на межрайонные курсы ветеринаров, по окончании которых была возможность выбрать любую, не обязательно свою, деревню. Кадыров спросил её:

— Когда приедешь?

— Наверно, никогда, — ответила Наташа.

Он продолжал навещать Наташу в городе по воскресным дням, убеждая её вернуться после учёбы в свой колхоз.

Тот мартовский морозный вечер, когда они вдвоём пришли пешком из города и до рассвета ходили по безлюдным, заснеженным улицам, и был началом их предсвадебных отношений.

Кадыров незаметно подошёл к овсяному полю. Когда он увидел колею под ногами, продавленную на стерне колёсами его комбайна, то почувствовал что-то очень близкое, даже родное, и в этой колее и в этих вот озарённых утренним солнцем из-за озера копнах за нею, которые, казалось, улыбались ему, как старые знакомые. Да, подумал он, пусть овёс уродился неважным, а всё же вот его убрали. И чувство исполненного долга по отношению к этому овсу освежало теперь Кадырова. Он пересёк овсяное поле, вышел к озеру и сел под вербами на крайнюю копну подымит махоркой. Табачный дым всегда заменял ему в дороге собеседника.

Покулив, он вытащил из камышей в канаву старую лодку и вычерпал воду из неё ладонями. Пшеница «Красного пахаря» была по ту сторону озера. Оттуда, из-за верб, пригнувшихся к воде под тяжестью листьев, доносился ровный гул моторов и частые выхлопы трактора. Самоходка должно быть, косила на пару с «Коммунарком».

Чтобы не обходить озера кругом, по берегу, можно переправиться на лодке. Но не было вёсел. Тогда он, отодрав засохший нижний сук от старой вербы и упираясь им в илистое дно, вытолкнул из канавы лодку на озеро. Зеркальная гладь ослепила Кадырова. Чайки с тревожным криком носились над водой, и одна из них чуть не задела крылом его фуражку. Он огляделся. Недалеко от воды, на овальном лопухе, притихли два птенца, насторожённо приподняв кверху стрельчатые крылья. Кадыров махнул им рукой, и они с отчаянным криком перелетели на другие лопухи, подальше. «Не бойтесь, не трону», — улыбнулся Кадыров.

Круглое озеро, заросшее камышами и вербами, сияло, как зеркало в зелёной раме. Когда-то в этом озере купались они с Наташей. Она заплывала далеко от лодки, потому что плавала быстрее Кадырова, и чем-то смех её тогда напсминал эти звонкие крики чаек.

Солнце в тот вечер садилось уже за вербы, и озеро было розовым. Волны вокруг Кадырова, когда он плыл за Наташей, тоже были розовыми — правда, розовыми только с одной стороны, а с другой — голубоватыми. И чайки вот так же стремительно летали над озером, и даже одна из них чиркнула воду крыльями, оставив солнечную чёрточку. Странно, что эта чёрточка, давно погасшая на озере, сохранилась в памяти Кадырова такой же яркой, солнечной, как тогда.

Причалив лодку к берегу, Кадыров поднялся на бугор и увидел оттуда обкошенное поле. «Коммунар» заворачивал вправо на дальнем краю километровой загонки, самоходка стояла ближе. Под комбайном, между колёсами, торчали согнутые в коленях ноги Карева, и оттуда слышались глухие удары по железу. «Уже ломает», — подумал Кадыров и заторопился.

Недалеко от комбайна сидели на соломе две копнильщицы, повязанные белыми платочками. Обе насторожённо повернули головы к Кадырову и молча следили за ним.

Лёжа на спине, Карев сучил ногами, что-то привёртывая под комбайном.

— Сломалось? — подойдя, спросил Кадыров.

— Что ты! — испуганно отозвался Карев. — Гайка ослабла.

Кадыров полез к нему под комбайн и прощупал все гайки. Средняя, только что закрученная Каревым, держалась косо.

— Резьба сорвалась, — оправдывался Карев.

«Конечно, сорвется, если по ней молотком лупить», — подумал Кадыров, но сдержался.

— Не свалится? — спросил он, сомневаясь.

— Что ты, Федя! До вечера вполне дотерпит.

Но Кадыров уже отвёртывал гайку.

— Давай заменим.

Карев полез на комбайн в инструментальный ящик и вернулся оттуда с новой гайкой.

— И шплинт, — попросил его Кадыров.

— Зачем? И на старом дотянем. А то мы совсем задержимся. Посмотри, «Коммунар», и то уже третью полоску чешет.

Кадырову не понравилось, что Карев торопится. «И этот по фатьямовской дорожке».

— Лучшие сейчас, чем после, — ответил он таким спокойным тоном, что возражать было трудно.

— Конечно, — понял его Карев, соглашаясь, — пока не поздно, Федя А то ещё в деку влетит и в молотилке такого наворочает!..

— В прошлом году Фатьямову так четыре зуба выбило, — напомнил Кадыров.

Карев принёс и новый шплинт. Лёжа рядом с Кадыровым, он толкнул его локтем в бок и показал на копнильщик.

— Видел синичек?.. Сразу двух прислали. Одна не может. На каждом круге меняются. Не то что наши — Луша или Шура. Те, бывало, сами круглые сутки шпарят, без смены. Э, Федя! — вздохнул он. — Нам уже таких не видеть — что на язык, что на руку!.. А эти слова путного не скажут. Сядут на копне, как пришибленные, и щебечут в рукав... Сюда закручивай.

Кадыров прилаживал шплинт, стараясь закрутить его надёжней. Карев жаловался:

— Шуру, ту пихнули к свиньям. А этих вот на технику! Телятницы! Но я бы их, наоборот, — в свинарник. Вместо Шуры. Пусть над поросятами колдуют.

— Обидели? — спросил Кадыров.

— Хуже, Федя! Говорю им: Шура, та за двух работала, размах у неё такой... А они мне за это шпильку: где уж нам равняться с Шурой, мы, дескать, девушкики... Ты слышишь? Девушки!.. Видал?

Но Кадыров прислушивался к учатившимся выхлопам трактора. «Коммунар» приближался к самоходке.

— Ну хорошо, говорю им, — рассказывал Карев, — что же с вас возьмёшь, хотя вы и девушкики, если даже вилами не можете...

— Что у них с мотором? — прервал его Кадыров.

Карев оглянулся на него обиженный.

— Ты что! — сказал он. — С неба свалился? Будто первый день в эмтеэс работаешь!.. Это же та самая телега, что никак её на слом не спишут. Из уважения к старости. Знаешь, какой стаж у этого трактора? Да «Коммунарам», тем как раз и ездить за такой телегой. Сами уже в землю смотрят... — Он сердито упрекнул Кадырова: — Я думал, из тебя и в самом деле замполит получится, а ты, выходит, не человека, а трактор слушаешь...

Кадыров больше не стал прерывать его, и он продолжал доказывать, что нельзя же всю жизнь человека наказывать за старые грехи.

— Видел её девочку? Чудо! Какой же это грех? Всякая женщина должна быть матерью.

Кадыров закончил закручивать гайку.

— Готово! — сказал он, вылезая из-под комбайна.

Вытирая руки паклей и невольно улыбаясь, Кадыров смотрел на копнильщик. Те, в одинаковых платочках, лихо завязанных стрельчатыми бантиками у подбородков, были чем-то похожи на птичек. Хотелось махнуть им рукой, чтобы спугнуть с насиженного места.

— Подай команду, — предложил он Кареву. — Я сам поеду.

Зная, что если Кадыров лезет на комбайн раньше своего часа, значит убегает от какой-нибудь неприятности, Карев спросил:

— А что с тобой, Федя? Ты вроде сегодня какой-то пришибленный.

— Беда, — вздохнул Кадыров.

— С Наташей?

«Почему он подумал о Наташе?» — Кадыров внимательно посмотрел на Карева.

— С Фатьямовым.

— А что случилось?

Кадыров ответил, что Фатьямова надо выручать. Иначе ему теперь не только рекорда, нормы своей не выработать. Хлеб кончается, и люди скажут: «Сталинец» не оправдал себя, неважная машина, если в руках такого комбайнера даёт такую выработку. Будут новую машину поминать на всех собраниях, а машина тут не виновата. Поэтому надо помочь Фатьямову, пусть хоть он машину не порочит.

«Опять о машине», — подумал Карев.

— Оставим это поле «Сталинцу», — предложил Кадыров, — а сами передем к соседям. Пшеницы там — целое море!

— Что ты! — рассердился Карев. — Отдать ему свою загонку? Я думал, ты ходил за делом. А выходит — горя себе набегал!

— Ты, кажется, уже работал на «Сталинце»? — спросил директор, отыскивая точку на карте.

«Зачем он спрашивает? — насторожился Кадыров. — Неужели думает оправдать Фатьямова?»

— Работал, Иван Богданыч.

Директор нашёл-таки нужную точку, отметив её треугольным знаком.

— На фронте? — сказал он, ожидая подтверждения.

— Да, на Кубани...

Полк, отступая с боями, держал оборону впереди зернового совхоза, где шли последние приготовления к эвакуации. Комбайнеры совхоза у линии фронта выкашивали всю пшеницу, чтобы не оставить её противнику. Двух комбайнеров, когда они шли в лощину к машинам, накрыло огнем налётом. Командир полка объявил по ротам: нет ли среди солдат комбайнеров? И тотчас к нему на командный пункт явились два сержанта, один офицер и бронейщик Кадыров. Потом они вылезали по ночам из траншей и шли к машинам. Комбайны были закрыты в лощине ветками, как боевая техника...

— И «Сталинцы» у нас, Иван Богданыч, работали прекрасно, — заверил Кадыров. — Правда, скошенную площадь мы не мерили гектарами, но за две ночи пшеницы не осталось.

— Верю. — Директор поднялся и, бросив карандаш на карту, впервые глянул на комбайнера. — Выручай.

Тот стремительно перегнулся к карте. Жирный треугольник, только что помеченный директором, стоял на пшенице «Красного пахаря».

— Ну что ж, — согласился он. — Мы уже советовались с Каревым. Пусть убирает. Уступим...

— Нет, сам убирай. На «Сталинце».

Кадыров тоже встал.

— Фатьямов отказался, — сказал директор.

— Иван Богданыч!

— Да, да, да, — не дал ему говорить директор. — «Сталинец» должен сейчас работать. О Фатьямове после будем говорить. Я пока не могу его заставить.

— Если вы не можете, — сорвалось у Кадырова, — то мы заставим, собрание!

— Поздно, дорогой. — Богданыч возбуждённо заходил по комнате. — Он уже уверился, вернее — уговорил себя, что эта машина не по нашим хлебам. И надо теперь убеждать не словами, а делом. — Он подошёл к столу и, глядя на карту, понизил голос: — Надо нам, Федя, спасти автосборку комбайна. «Сталинец», учти, пока один в районе. Так что я сейчас на тебя надеюсь...

Кадыров сел. Богданыч стоял у стола. И оба они смотрели на карту, в одну и ту же точку. Жирный треугольник за озером с усердием был вдавлен карандашом.

Директор ждал ответа. Кадырову обидно было работать за Фатьямова, но ему не хотелось огорчать директора. Когда-то, будучи ещё механиком, Богданыч обучал Кадырова на курсах трактористов. Там и стали они друзьями.

— С кем поеду? — спросил наконец Кадыров.

Богданыч тоже сел, придвинув кресло.

— С Наташей.

Кадыров отодвинулся.

— Нет,— сказал он,— не получится.

— Как же так? — поднял брови директор. — Вначале получалось...

— Мы с ней больше будем спорить, чем работать.

— Тогда Наташу — на самоходку.

— Пора бы ей, Иван Богданыч, в свинарник.

— Отпустим,— не возражал директор, заметив сдвинутые брови Кадырова,— после «Пахаря». Но ты не обижай её... Кого же тебе в напарники? — спросил он.

— Фатьямова.

Директор засмеялся.

— Федя! — взмолился он.— Опять сначала... Пойми же! Я не могу заставлять такого! Если он не хочет быть начальником, то кто же станет принуждать его в помощники?

— Партийное собрание,— сказал Кадыров.

Дядю Мишу, старшего механика, избрали секретарём партийной организации МТС только нынешней весной. Но тут как раз началась горячка с машинами, и до сих пор у него на партийную работу нехватало времени.

Когда Кадыров зашёл к нему, дядя Миша развёл руками.

— Видишь ли, с Фатьямовым действительно беда. Но мы его не баловали.

— Однако мы за него ответим,— сказал Кадыров.

— Ссгласен... Районные организации взяли его под свою опеку и таскают на руках по старой памяти. Он, признаться, даже как-то вышел из-под нашей власти. Сам себе хозяин.

Кадырову хотелось ответить: «Какого же вы чёрта молчали до тех пор, пока такого комбайнера не угробили!». Но он сдержался.

— Дядя Миша! Фатьямова теперь не обвиняйте. Мы виноваты.

Старший механик следил за ним из-под замасленного козырька и думал, разглаживая пальцами обвисшие усы.

— В таком случае,— сказал он, предугадывая мысли Кадырова,— будем говорить начистоту. Больше всех виноват Корнеев.

Кадыров улыбнулся.

— А кто он для вас?

Дядя Миша ответил с сожалением:

— Замполит. И за Фатьямова -- горой. Не подступись.

— Понятно,— вздохнул Кадыров.

Он осмотрелся. В просторной конторе механического цеха было накурено. Вместительная пепельница, похожая на срезанный снаряд, завалена доверху окурками. Рядом на столе под рукой парторга лежал продолговатый, как полотенце, лист бумаги, запятнанный масляными пальцами. «Отчётный доклад»,— прочитал Кадыров написанное вверху размашистым почерком. Вниз колонкой сбегали крохотные цифры, очевидно для будущих тезисов. Кадыров усмехнулся: работа тяжёлая, ничего не написал, а столько выкурил. Хотелось посоветовать ему не ломать напрасно головы, а написать всего лишь один тезис: «Работы не было».

— Трудно с отчётом? — посочувствовал он механику, показав глазами на окурки.

— Не я курил,— оправдывался механик.— До меня накурено.

— А что писать? — продолжал Кадыров.— Зря только бумагу портить. Ничего же, дядя Миша, не было.

— Потерпи.— Разгладив рукавом бумагу, механик пригрозил: —

Выберем тебя в парторги — тогда узнаешь, как работать с этим Корнеевым.

— Опять Корнеев. За Корнеева теперь не спрячешься. Надо работать не с Корнеевым, а с коммунистами. Так я понимаю? А ты же ни разу в поле не выглядывал. Я, и то тебя впервые вижу...

— Ладно! — стукнул механик ладонью по столу. — Скажешь на собрании. А тут говори о деле. Учить меня — вас много, а помогать — никого не докличешься. Вам нельзя прийти к парторгу — день и ночь на комбайнах кружитесь; мне тоже прийти к вам некогда — и я кручусь в механическом не меньше вашего. У вас план, и у меня план.

Дядя Миша выкручивался, словно репетировал своё выступление на отчётном собрании.

— Тогда продолжай, — согласился Кадыров и подвинул ему пепельницу, из которой посыпались через край окурки. — Докуривай.

— Но я же не курю, — с досадой повторил механик. — Это председатели накурили.

И он объяснил: председатели шести колхозов только что совещались тут с инженером и секретарём райкома. Всё по тому же вопросу. И, кажется, договорились.

— О чём? — не понял Кадыров.

— А ты разве не знаешь? О батенька! — Механик поднялся, сгребая руками окурки. — Тут сейчас такое!.. Поважней Фатьямова! Строим электростанцию. — Он смахнул рукавом со стола весь мусор. — Завтра уже подводы выедут.

Кадыров выглянул в окно. Разговоры об этой электростанции, которую когда-то ещё будут строить на Свяиге, рядом с МТС, давно уже ходили по району. Однако всем казалось, что это — дело далёкого будущего. А тут вдруг — уже подводы!

— Куда ж теперь турбину? — спросил он растерянно.

Механик засмеялся.

— Возьми её отсюда, Федя, недоделанной. Зря только я лопасти ей выкручивал. Мы теперь и без твоей турбины обойдёмся, — говорил он, оживляясь. — Весь район зальём огнями.

Но Кадыров, удивлённый новостью, пока не разделял его восторга.

— Не унывай, — успокаивал механик. — Твоя турбина — пройденный этап. Тут секретарь райкома вспомнил на совещании и твой ручей. Я тоже помню, как ты в нём барахтался. Потом Кузьма с протоками. И вот, пожалуйста, — от крохотного ручейка да от двух протоков подошли к Свяиге. Речку запрягаем! Да и то, что сделал ты с Фатьямовым на току у кировцев, тоже не забудется. Колхозники уже благодарят... Кстати, Федя... — он присел к столу и вытащил из кармана свёрнутую газету с такими же масляными пятнами, как на отчётном докладе, — прочитал я в «Комсомольской правде» важную заметку. Один комбайнер, — развернув газету, он отыскивал строчки, — вот он... Волчихин. Предлагает поставить на «Сталинце» новую очистку. Над самым бункером. Я уже думал об этом. По-моему, стоит. И, кажется, не так уж трудно, а главное, с пользой. Ты у нас мастер на такие выдумки. Может, попробуешь?

Кадыров не ответил.

— Ещё одна, третья очистка, — убеждал механик, — великое дело. Мы продвинем зерно к элеватору... А что? И Магинур советует. Она уже звонила.

— Подумаю, — пообещал Кадыров.

— А насчёт Фатьямова, — сказал парторг, провожая комбайнера до двери, — не советую. Решайте сами, с директором. Тревожить коммунистов для такого дела пока не стоит. Зачем их отрывать от работы?

Кадыров пришёл к Богданычу и позвонил в редакцию. Коршунов, к сожалению, не знал, где остановилась Магинур. Тогда он позвонил в райком, и там, неожиданно для него, быстро подозвали её к телефону.

— Федя? — спросила она без удивления, будто сегодня с ним виделась. — Что с тобой?

— Не со мной, а с Фатьямовым, — ответил Кадыров и, изложив суть дела, попросил, не сможет ли она поговорить с секретарём райкома.

— Конечно, смогу.

— Нет, — возразил Кадыров, — дело очень сложное. Тут не уговаривать надо...

— Кого? Черняева? — удивилась Магинур.

— Фатьямова. Надо заставить его. Он должен остаться на «Сталинце».

Магинур подумала.

— Останется, Федя, — ответила она уверенно и, когда разговор кончился, сказала: — Спасибо.

За что «спасибо», он не понял и поэтому, повесив трубку, растерянно смотрел на директора.

— Что потерял? — Богданыч усмехнулся. — Кончил разговаривать? Ступай теперь и начинай работать. «Сталинец» не ждёт.

Кадыров и Фатьямов работали вместе. Наговорившись досыта, косили молча. Сменяясь через каждые шесть часов, они убрали всю пшеницу трёх колхозов и уже заехали в ячмень четвёртого. «Сталинец» кружил безостановочно не потому, что у его штурвала стал Кадыров и заново с механиком проверил все узлы комбайна, а потому, что не было уже необходимости гоняться в поле за хорошими кусками. Хлеба оставалось мало, надо было убирать его подряд, без выбора, не щупая колосьев, где зерно лучше. И оттого, что холостые проезды кончились, а молотилка «Сталинца» на каждом круге была теперь загружена до отказа, выработка увеличивалась.

Фамилии комбайнеров на доске показателей переместились. Вверху, на месте Кадырова, появился Карев, сменивший его на самоходке, а Кадыров съехал вниз, так как у «Сталинца» была самая низкая выработка за сезон. Кто-то вписал его фамилию в нижнюю строчку такими жирными буквами, словно хотел её там увековечить: тут, мол, тебе и торчать до конца уборки. Но к вечеру, после того как «Сталинец» обогнал «Коммунара», пришлось эти буквы стирать и переносить фамилию с последней строки в предпоследнюю. Первая победа на «Сталинце» неожиданно для самого Кадырова, который не считал её победой, произвела на всех механизаторов сильное впечатление. Комбайнеры, собравшиеся в этот вечер у доски показателей, говорили о ней с большим восторгом, чем говорили они в своё время о его первых победах на самоходке. Только Корнеев считал победу «Сталинца» случайной, он говорил, что «Коммунару» в этот день не повезло — на развороте лопнул ведущий валик...

На следующий вечер «Сталинец» опередил и второго «Коммунара». Однако Корнеев и на этот раз переносил фамилию Кадырова повыше с оговорками: говорил, что «Коммунаров» нельзя считать достойными соперниками «Сталинцу».

— Обогнать такие ветхие машины, — убеждал он у доски, — не много чести.

— Хорошо, — сказал тогда Кадыров трактористу и в третью ночь, работая без отдыха, обогнал ещё один комбайн — работавшую рядом самоходку дяди Васи.

— А ну-ка, — вручил он сводку трактористу, — мчи в контору. Что теперь он скажет?

Корнеев принял сводку с недоверием.

— Сам видел? — спросил он тракториста.

— Без обмана, — заверил тот, — всю ночь не спали.

— А Фатъямов?

— И тому не спалось.

— Проверю, — погрозил Корнеев. — Что-то слишком он легко шагает.

— Как бы не сорвался, — в тон ему добавил тракторист, — и не сломал себе головы. Ишь, подымается! Как по ступеням...

Уверенно подымаясь на доске показателей, Кадыров радовался теперь не столько успеху своей машины, сколько тому, что их отношения с Корнеевым проясняются. Скрытая неприязнь агронома, о которой Кадыров догадывался, пугала его больше, чем открытое сопротивление Фатъямова.

Тот, заступая впервые на смену после Кадырова, предупредил его прямо:

— Не жди от меня азарта.

— Набегался? — грубовато срезал его Кадыров. — А мне твоего азарта, с которым ты гонялся по району за рекордами, не надо. Будем косить без выбора!

Фатъямов напыжился.

— Ты раззвонил по всему району? — спросил он с угрозой.

Кадыров не понял.

— Кто наплакался Черняеву, чтобы задержали меня на «Сталинце»?

Кадыров подумал.

— Я просил, — ответил он, — у директора. И Магинур — у Черняева.

— Магинур?

— Она тебе добра желает, — сказал Кадыров.

Фатъямов притих.

— Добра... — повторил он, сомневаясь. — От вас дождёшься... Федя, — он взял Кадырова за рукав, — интересуюсь, как же ты не побоялся брать меня в сменщики? Я ведь сейчас такой — не дай бог! Другой бы на моём месте шайбу в деку подсунул. Ей-богу!

— Попробуй! Машину починим — себя сломаешь. Скажут, вот уже и до шайбы докатился...

Работал Фатъямов хоть и без азарта, но с явным желанием гнать отставать от Кадырова. А тому и этого было достаточно. Косили поровну. Даже в ту ночь, когда Кадыров не спал, обгоняя самоходку, и скосил двенадцать гектаров с четвертью, Фатъямов тоже работал без отдыха и дал двенадцать с четвертью — ни больше, ни меньше. Кадыров даже удивился.

— Почему такая точность? Мог же ты убрать на полгектара больше?

— Могу, Федя, могу, — заверил Фатъямов, — и на три и даже на пять гектаров. Только не буду. Я не такой зловредный. Пусть не подумают, что мне таким путём из-под твоего начальства надо вывернуться...

К исходу четвёртых суток, когда репутацию «Сталинца» можно было считать восстановленной, Кадыров рассказал Фатъямову о предложении Магинур и механика — поставить дополнительную очистку.

— Что ж, — пожал тот плечами. — Твоя машина.

Кадыров чертил на песке предполагаемую схему этой очистки, но Фатъямов, хотя и следил за ней из уважения к «начальству», оставался попрежнему равнодушным к его предложению.

— Мы с тобой механизировали ток, — уговаривал Кадыров, пытаясь вывести его из безразличия, — и кировцы нам до сих пор говорят за него спасибо. Но это, Илюша, пока начало.

— А где «кончало»? — уставился Фатъямов в схему.

«Врёшь,— подумал Кадыров,— не увернёшься».

Он доказывал, что пора уже уборку хлеба механизировать до конца, что в хлебном потоке от комбайна в поле до элеватора есть досадный разрыв и разрыв этот, к сожалению, происходит на колхозном току. Пока механизация будет продвигаться в деревню сверху, надо и комбайнерам идти ей навстречу снизу, чтобы сойтись на току и ликвидировать этот разрыв.

— Зерно сейчас пошло сухое, почему бы нам с тобой не попытаться, минуя ток, отвезить его на элеватор прямо с комбайна? Что же для этого надо? Немного. Усилить очистку на «Сталинце», чтобы отбивать полову начисто и доводить зерно, как говорят заготовители, до нужной кондиции...

— Давай,— устало согласился наконец Фатьямов.— Может, и в самом деле что получится.

С дополнительной очисткой провозились до утра. Механик дважды за ночь приезжал к «Сталинцу», интересуясь, как подвигается дело, и доставлял изготовленные в мастерской детали.

— Теперь ты не будешь говорить, что я не бываю в поле,— сказал он Кадырову.

За ночь выработки не было. Корнеев тотчас опустил фамилию Кадырова на доске показателей.

— А что случилось? — спросил он Фатьямова.

— Комбайн ломаем,— пожаловался тот.

Первый заезд с дополнительной очисткой не дал готового зерна. Полова отбивалась плохо. Пришлось переделывать очистку — расширить каркас и увеличить обороты вентилятора. Зерно очистилось. К двенадцати часам отправили первую машину прямо в город мимо колхозного тока, но заготовители в городе зерна не приняли, вернув его на ток для дополнительной просушки. Зерно оказалось повышенной влажности, правда всего лишь на пять процентов, но и этого было вполне достаточно Корнееву, чтобы объявить затею Кадырова неудавшейся.

Фатьямов усмехался.

— Надо бы ещё и печь поставить,— предложил он Кадырову,— и дымовую трубу для тяги.

— Мы тебе устроим тягу,— пообещал механик.— Дай только с урожаем справиться. Будет тебе и труба и печка. Только пока не дыми, пожалуйста...

Кадыров и механик в эту ночь не спали, хотя и не работали на «Сталинце». Им не давали покоя пять процентов повышенной влажности.

Дополнительная очистка, заново рассчитанная комбайнером и механиком, оказалась довольно сложной. Механик уже склонен был отложить переоборудование до конца уборки, но Кадыров не соглашался. «Это значит,— рассуждал он,— отложить на целый год. Проверить новую очистку надо обязательно в этом сезоне...»

До самого рассвета в механическом шла заготовка деталей, а с восходом солнца ремонтная летучка доставила их в поле. Кадыров и механик сняли бак для горючего и вскрыли крышку молотилки, чтобы увеличить каркас и поставить дополнительную, третью, очистку на место второй, а вторую — над третьей. Новый вентилятор ещё раз просушит зерно, выдувая из него с половиной те самые пять процентов влажности, из-за которых приходится не спать вторые сутки.

Вид развороченного комбайна приводил Фатьямова в отчаяние.

— Да вы, я вижу, всерьёз решили угробить мою машину!

Только к вечеру следующего дня механик сел на трактор.

— Я потяну, а ты попробуй,— сказал он торжественным голосом.

Кадыров завёл мотор и, стоя у штурвала, напряжённо вслушивался в нарастающий гул молотилки, в котором теперь отчётливо слышался плавный шелест добавочных цепей. Зерно с приподнятого над бункером элеватора текло такой же равномерной струйкой, как и раньше, но было оно теперь светлее и чище. Кадыров потянулся попробовать струю на ощупь, но в это время чуткий слух его уловил еле заметный, шаркающий на оборотах шелест.

— Иди сюда. — Он махнул рукой Фатьямову, стоявшему на прицепной тележке.

Тот спрыгнул с копнителя и стремительно поднялся по ступенькам вверх.

— Послушай, — сказал ему Кадыров.

Фатьямов поморщился. Шелест и его раздражал, как фальшивая нота. Он согнулся к ведущей звёздочке, и та, словно испуганная, защёлкала громче. Стремительно возрастающий стук оборвался вдруг железным скрежетом, и цепь слетела.

Кадыров остановил комбайн, растерянно глядя на Фатьямова.

— Не знаю, — ответил тот, — пока ничего не вижу...

Ведущая звёздочка действительно как будто была в порядке, но цепи лопались. Два раза Кадыров с Фатьямовым меняли звенья и в третий заменили даже всю передачу новой цепью, а щёлканье каждый раз по-прежнему возобновлялось. Тогда они решили сменить ведущий валик и поздней ночью, вконец измученные, сделали пробный заезд. Валик согнулся.

— Слишком большая нагрузка, — решил механик, а это значило, что вся работа пошла насмарку: новый, дополнительный мотор для очистки не поставишь.

Кадыров молчал.

— Говорил же я, — упрекал Фатьямов, — не насилуйте машину. Там, на фабрике, не безголовые — сделали её по силам. Каждый валик рассчитан по мотору. Ничего нет лишнего. А вы суете на комбайн колхозный ток с амбарами — и веялку, и сеялку, и сортировку. Нехватало ещё мельницу поставить, чтобы сразу выгружать из бункера готовую муку. Или пекарню, чтобы сыпались булки...

Фатьямов зудел надоедливо, не зная, с какой стороны больше ужалить. Хотелось отмахнуться от него, но связывала руки неудача. Звёздочка на валике стояла косо. Механик потрогал её растопыренными пальцами, словно собирался выправить, и заглянул в гнездо. Кадыров следил за ним с надеждой. Но тот уныло покачал головой над валиком и, махнув рукой, молча ушёл с комбайна к ремонтной летучке.

— Всё, — обречённо сказал Фатьямов. — Отвинчивай обратно. Карусель не крутится.

Кадыров опустил на колено перед звёздочкой и, согнувшись, тоже заглянул в гнездо. Валик виден был ему в зазор на всю Длину.

— Что же будем делать? — спросил Фатьямов.

Кадыров не ответил. Он стоял всё в том же положении, словно застыл над звёздочкой.

Наговорившись, Фатьямов утих, и в голосе его теперь послышалась озабоченность.

— Надо же столько времени промучиться!

Кадыров смотрел на согнутый валик, но думал сейчас не о валике. Он видел, что Фатьямов уже начинает ему сочувствовать.

— Не знаю, — сказал он, пожав плечами, словно приглашая Фатьямова тоже заглянуть в очистку, — что бы тут могло случиться?

Фатьямов нагнулся. Он осмотрел гнездо со всех сторон, подёргал звёздочку, словно хотел убедиться в её прочности, и, приподняв крышку каркаса, влез головой в очистку.

— Вон уж и дед идёт на помощь,— сообщил механик.

Кадыров приподнялся: может, дома что случилось? Зря старик не пойдёт в такую даль.

Стояли они на корточках у вагона ремонтной летучки, над разобранными лопастями вентилятора, и насторожённо следили теперь за дедом. Тот обходил комбайн стороной, подозрительно озираясь на него и волоча по стерне суковатую палку.

— Сейчас он тебя клюкой отдует,— усмехнулся механик и, словно опасаясь, как бы ещё и его не зацепило, полез в вагон.

— Что это за птица? — Дед небрежно ткнул клюкой в разбросанные по земле детали.

Кадыров усмехнулся.

Выравнивая молотком железное крыло, он искоса поглядывал на деда. Тот степенно приставил суковатую палку к двери вагона и сел на нижнюю ступеньку.

— Наташка послала,— объявил он.

«Наконец-то вспомнила»,— обрадовался Кадыров.

— Стоит? — кивнул старик на «Сталинца». — И надолго?

— А что ей надо? — спросил Кадыров.

— Наташке-то? Конечно, хлеб! Она, поди, больше тебя заработала. Косила без выдумок... От этих разных выдумок хлеба в закорме не прибавится...

— Дядя Миша! — прервав его, позвал механика Кадыров. — Давай-ка соберём эту птицу.

— Куда? — не понял дед.

Механик выглянул из вагона.

— А, папаша,— обрадовался он,— моё почтение!

Старик оглянулся.

— Добрый день, сынок.

— Проветриться?

— Да, проведать.

— Правильно. — Механик сошёл вниз. — Дома засидишься.

— А мне и в поле дом,— ответил дед.

Механик сел с ним рядом и предложил папиросу. Нет, спасибо, дед не курит. Но, тронутый его вниманием, он раздобрился.

— Мне, Степаныч, в поле одному пройти, что с другом побалакать. Каждый при дороге куст — приятель. И горевал и радовался... Больше горевал. Бывало, намахнешься косой... А что вы делаете? — не то упрекнул, не то спросил он, тронутый воспоминаниями.

— Крылья,— ответил механик,— «Сталинцу».

Дед рассердился.

— Чёрт-те что удумали! Крылья! Летать ему незачем. От ваших крыльев третьи сутки машина стоит на приколе..

Кадыров остановил его.

— Что у нас дома?

Старик словно ждал этого вопроса.

— Наташка опять уехала,— ответил он.— В племенной совхоз, за бором. Председатель-таки вычуганил у директора. Петька дома. С книжками у него в порядке, только...— он замаялся,— вчера подрался. Там у тебя с этой чёрной доской у ворот задержка, и вот ребята его чем-то обидели. Так он того...

— Молодец,— сказал Кадыров.

— Конечно, молодец,— ответил дед.— Петька у нас кадыровский, не подкачает. — Он вздохнул и покосился на механика.

Тот почувствовал, что деду надо высказаться, и, чтобы не мешать ему, ушёл с вентилятором к «Сталину».

— С Наташкой беда,— шепнул старик.

Кадыров опустил на ступеньку и долго доставал табак из кармана, ожидая удара.

— Волнуется,— пояснил старик.

Ему, должно быть, не хотелось огорчать Кадырова. Но после затяжного вдоха он отвалился:

— Над Кадыровыми, Федя, никогда не смеялись. Не было ещё такого случая.

— Смеются? — спросил Кадыров.

— Смеются, Федя,— пожаловался дед.— Пока ещё за углами, но уже хихикают. Я по глазам их вижу... Наташка послала: поди, мол, узнай, что он там делает. А вы тут на крыльях застряли. Смотри, Федя, как бы ты сам не остался без крыльев. Жена — такое дело... Надо не комбайн, а жену держать на привязи.

Кадыров поперхнулся дымом.

— Крепкий? — спросил старик. — Самосад, наверное, с корешками. Надо протереть его... Вчера учительша была...

— Магинур? — удивился Кадыров.

Старик посмотрел на него сердито.

— Об ней и разговор,— ответил он с досадой.— С Наташкой преговорили до ночи.

— О чём?

— О том же. Тебя, наверно, не разделят. Я, правда, не слышал, но духом чую.

— Плохой у тебя дух,— засмеялся Кадыров.

— Регочешь? — обиделся дед. — Как бы потом не расплакаться. В крови у нас такого не было... Ваш комиссар, и то уже два раза на двор заглядывал. Чего-то вынюхивает, да выпрашивает. «Интересуюсь, говорит, как тут живёт Кадыров...»

— Стало быть,— прервал его Кадыров,— Магинур уже приехала?

— Уехала,— сказал старик. — Целый вечер шло у них закрытое собрание. А что решили — не знаю. Но разошлись по-мирному... Вот я и говорю: мы с Петькой сейчас все руки об это крыльцо обдираем, для тебя стараемся. А подружку сделаем, и дом у нас будет к осени лучше нового. А там, глядь, как бы из-за тебя в самом доме не рухнуло, в самой серёдке...

— Не рухнет,— сказал Кадыров.— Крыльцо готово?

— Осталось воткнуть одну ступеньку. Сегодня сделаем.

— Давайте.— Кадыров поднялся.— А то надоело через перила лазить.

Фатьямов ещё с вечера уехал на мотоцикле в город на ремонтный завод, посоветоваться с главным инженером, и до сих пор не возвращается.

Кадыров готовился к последнему испытанию. Заново укрепили стойки с гнёздами и, насколько можно было, облегчили нагрузку. Но пробный очередной заезд не обрадовал. Кожух забивался половой. Пришлось ещё раз переделывать — поставили над вентилятором вытяжной рукав из жести.

— Вот нам и труба готова,— грустно пошутил механик.— Вышло по Фатьямову. Как бы теперь и самим в эту самую трубу не вылететь.

Кадыров понял: механик теряет веру. «Вытяжная труба не вытянет», — слышалось в его унылом голосе.

— Мы с тобой ищем на ощупь,— доказывал механик,— а так нельзя...

Труба и в самом деле не выручила Кадырова. На пробном заезде зерно попрежнему подавалось с перебоями; где-то оно тормозилось очистками, а тут ещё вдобавок и вентилятор захлопал крыльями о кожух.

Механик опустил руки.

— Нос вытащишь — хвост увязнет,— пожаловался он.

— Надо крылья подрезать,— предложил Кадыров.

Это значило: снова разбирать вентилятор.

— Нет уж,— отказался механик.— Делай сам. Надоело. А то я уже окончательно от мастерской оторвался...

Механик ушёл с комбайна к ремонтной летучке и вскоре уехал. Кадыров остался один.

Поднялся ветер. Утром он был не таким ещё резким, но по свежести его Кадыров уже тогда почувствовал: не миновать дождя. С утра на западе выглянуло тяжёлое густое облако, похожее на очень далёкую снежную гору, и вслед за этим облаком с двух сторон осторожно высунулись другие, помельче, рассыпанные по горизонту, как копны. Теперь же они поднимались развёрнутым строем, в полнеба, загородив от Кадырова солнце.

Густая прохладная тень уплывала от «Сталинца» к озеру. Поле за озером, озарённое солнечным светом, сияло особенно ярко. Видны были все его чёткие линии — и та вот извилистая дорога, что лихо, размашистым полукругом завернула к усадьбе МТС, огороженной белым частоколом, и те вот придорожные кусты, как пешеходы, устремившиеся вдали от набегающей тени, и даже вот тот крошечный велосипедист, который выскочил из ворот усадьбы, где мерцает чёрным пятнышком прибитая к белому забору доска показателей, и который мчится теперь, пыля по дороге, навстречу тени. Кто это, и куда он едет?

Мрачная тень, подгоняемая порывами холодного низового ветра, погасила сверкавшую рябь на озере и поползла теперь по жнивью, сгоняя свет и стирая все чёткие линии. Кусты, наступаемые тенью, гасли поочерёдно. Вот уже и пыливший по дороге велосипедист въехал в эту тень, и по наклону его головы, словно перекошенной на правую сторону, Кадыров узнал Корнеева.

Вверху, над кромкой седеющей тучи, нависшей над полем, как войлочная крыша, кружил одинокий ворон. Плавал он, купаясь в воздухе перед грозой, шёл то вверх, то вниз, мелькая распластанными крыльями, словно кружило его вихрем, пока наконец не ринулся к озеру — падающий с неба чёрный крест.

— Чует падаль,— усмехнулся Кадыров, и почему-то вспомнились ему слова старинной волжской песни, которую часто пел вполголоса чем-нибудь обиженный дед на печке: «Кдёт моей погибели, как чёрный ворон крови».

Корнеев, свернув с дороги, положил велосипед на крайнюю копну и шёл, прихрамывая, к «Сталинцу». Странное чувство испытывал Кадыров к этому человеку. Он стыдился этого чувства, но не мог преодолеть его.

— Застрел? — Корнеев поднялся наверх, заглядывая в вентилятор.

— Нет, вертится,— ответил Кадыров.

— Я про комбайн,— пояснил Корнеев.

— А я про вентилятор,— ответил Кадыров.— Где Богданыч?

Корнеев обошёл очистку, заглядывая в бункер.

— Порожний? — кольнул он Кадырова и, не дав ему опомниться, ответил: — Богданыч уехал к соседям. Завтра туда переезжают все ком-

байны. Вы с Фатьямовым тоже. Так что снимайте эту машину — хватит. Надо работать.

Кадыров, погасив окурёк, молча присел к вентилятору и взял щипцы.

— Вашу загонку другие скосят, — объявил Корнеев, — я уже распорядился. «Коммунары» едут.

— Можно бы не торопиться, — нехотя возразил Кадыров. — Подождём Богданыха.

Но Корнеев его не слушал.

— «Коммунары», — повторил он, чётко выговаривая это слово, будто хотел оскорбить Кадырова, — «Коммунары» вас будут вытаскивать.

— Зачем торопишься? — не выдержал Кадыров.

Корнеев показал на небо.

— Видишь, что вверху творится? Надо спешить. Не я тороплюсь, колхозники требуют. Председатель заявил, что если до завтра не скосим — он своих косарей пришлёт. Но мы не допустим такого позора. Это же подрыв авторитета. Начали сезон комбайнами, а кончим косарями?

Кадыров отвинтил кожух и снял с него крышку.

— Я понимаю, — продолжал Корнеев, — «Сталинцу» нехорошо кончать на буксире у «Коммунаров», но что поделаешь... «Сталинцу» не повезло! А кто виноват — коммунисты разберутся.

Кадыров насторожился.

Ось вентилятора не подавалась. Что бы это значило?

— Вначале помешали Фатьямову, — продолжал рассуждать Корнеев, — а теперь и у тебя не ладится...

«Вот она где собака зарыта...» Кадыров выдернул ось. У того конца вентилятор слегка был отогнут. Стало быть, дело не в большой нагрузке. На передачу действуют какие-то посторонние силы, и надо искать их не в новой, дополнительной очистке, а в старых...

— А кто же всё-таки виноват? — заинтересовался Кадыров.

— Сам знаешь, — усмехнулся Корнеев.

Он достал папиросу и возбуждённо постучал мундштуком о ноготь.

— Тот, кто подставил ножку, — сказал он. — Вынудить такую мощную машину прыгать по клочкам, а теперь и вовсе вывести её из строя — преступление.

— На комбайне, — сказал Кадыров, — не курят.

Корнеев спрятал папиросу.

— Будем привлекать к партийной ответственности, — предупредил он.

— За Фатьямова?

— За «Сталинца».

Кадыров заглянул в соседние механизмы. Не было ли там, в передаточных звеньях, причины этого слишком большого нажима?

Странно, что этот Корнеев наконец-таки отважился говорить с ним самостоятельным голосом. До сих пор он вроде никому ещё не грозил партийной ответственностью.

— Ничего не получится, — сказал Кадыров.

Но сказал таким спокойным голосом, что Корнеев его не понял.

— А я это сразу увидел, — подтвердил он, — когда вы ещё только начали комбайн ломать.

— Нет, — пояснил Кадыров, — не с комбайном. С партийной ответственностью.

— Получится, — пообещал Корнеев.

— А если всё-таки «Сталинец» будет работать? — спросил Кадыров.

— Без очистки?

— Нет, с очисткой.

Корнеев подумал.

— Всё равно, Кадыров. Сезон уже потерян. Будем привлекать, — решил он, угрожая, — и ещё как получится!

Кадыров поднялся. Корнеев насторожённо следил за его руками, пока тот вытирал их паклей.

— Коммунисты тебя не поддержат, — твёрдо сказал Кадыров.

— Поддержат, — так же уверенно ответил Корнеев.

Блеснула молния, и за нею вдогонку грянул первый гром.

— Ты бы шёл от греха с комбайна, — искренне попросил Кадыров. — Мне только тебя сейчас и нехватало.

Тяжело остаться в поле одному, когда машина не работает.

Кадыров только что выправил вентилятор и сидел теперь на бункере, выглядывая на дорогу — не покажется ли кто-нибудь, кого бы можно посадить на трактор. Но дорога была безлюдна. Даже кусты, накрытые тенью, потеряли сходство с пешеходами. Кадыров был один. Пока он возился у вентилятора и закручивал щипцами гайки, шум железа развлекал его, теперь же на комбайне было тихо, и эта угнетающая тишина давила хуже клубившихся туч на небе. Сидеть одному на «Сталинце» оказалось так же грустно, как дежурить у постели тяжело больного, потерявшего сознание. Кадыров не выдержал — он включил мотор комбайна, и тот, приветливо пофырвав, разогнал тоску, но жечь горячее впустую было совестно. Тогда он, заглушив мотор, сошёл с комбайна и вдоль прокоса направился к озеру.

Ветер шумел в загонке — разглаживал ниву и ерошил солому в копнах. Несжатая пшеница укоряла Кадырова печальным шелестом и црвожала его, уныло покачивая колосьями. Чайки над озером тоже кричали нерадостно, и звонкие крики их были похожи на стоны.

Зеленоватые седые волны, вспыхивая издалека белой пеной, били в берег, и переезжать теперь на лодке с той корягой было уже рискованно. Кадыров сел на берегу, прислушиваясь к шуму камыша и любуясь бушующим кипением листьев над озером. Вербы лениво раскачивались, разворачивая листья бурным водоворотом, похожим на густые зелёные клубы дыма. Что-то было тревожное и угнетающее в этом зелёном пожаре без пламени. Всё, казалось, в жизни Кадырова сошлось в одну точку, но странно, что его на этот раз не душили внутренние слёзы. «Да, — уже не рассуждал он, а только чувствовал, — что-то, действительно, было потеряно и что-то найдено...»

Комбайн — довольно сложная машина, а всё же разобраться в ней вполне возможно. Следует только расчёты сделать не в одной очистке, а во всём комбайне. Чтобы очистка была не дополнительной нагрузкой, а составной, органической частью всего механизма.

Куда сложнее разобраться ему в своих собственных чувствах, пока ещё далеко не ясных. Когда Кадырову не угрожало никакой опасности, он волновался больше. Точно как в бою. Готовясь к наступлению, он задолго до боя испытывал сосущий страх, но в наступление шёл уже спокойным.

Страху ему хватало ненадолго; переболев им до боя, он освобождался от него в самом бою. Видимо, и здесь тревога и за очистку и за свою жену сыграла роль предохранительной прививки. Он сейчас испытывал уже не опасения, что может потерять Наташу и что новая очистка не будет работать, а досаду на себя за то, что мог поддаться этим опасениям. Да, очень трудно разобраться в этом чувстве самому Кадырову, но в нём с невероятной лёгкостью мог разобраться посторонний человек, и это злило...

В шуме камыша слышался далёкий, заглушённый цокот мотоцикла. Сперва он похож был на робкую дробь коростеля, притаившегося где-то

поблизости в камышах, и Кадыров пытался рассмотреть его, заглядывая в заросли, но когда этот цокот, вырастая, определился в знакомое татаканье с перебоями, Кадыров встал. За озером, в просветах между ьербами, мелькая, мчался мотоцикл, и следом за ним, как на прицепе, сползала по дороге вниз райкомовская запылённая машина.

«Этого ещё нехватало! — выругался Кадыров. — Тянет за собой и Коршунова».

Он снова сел на берегу, чувствуя себя таким уставшим, что, если позовут к комбайну, вряд ли до него дойдёт. Ноги его ослабли; хотелось вытануться на траве и спать, пока не позвёт механик. Неизвестно, чем была вызвана эта усталость: то ли двумя бессонными ночами, то ли неприятным разговором с Корнеевым или же вот этим появлением газетчика...

«Опять начнёт допрашивать, — досадовал Кадыров, всматриваясь в набегавшие на берег белые гребни, — сделает вид, что кровно интересуется этой очисткой, мало понимая в технике и скрывая подлинный интерес к другому». Да, у газетчика сейчас выгодный случай осадить Кадырова и оправдать Фатьямова...

Гул моторов, обогнувший озеро и на минуту заглохший у «Сталинца», неожиданно вспыхнул торопливым татаканьем мотоцикла где-то сзади. Фатьямов приближался по прокосу к берегу.

— Колдуешь? — Он осадил мотоцикл. — Поедем!

Кадыров не ответил. Почему — колдуешь? А, должно быть, над водой...

— Инженера видел? — спросил он, не оглядываясь.

— Ох, какой же ты тяжёлый на подъём! — упрекнул Фатьямов. — Конечно, видел. Даже сюда его примчал!

Кадыров оглянулся.

— Он целую ночь меня мучил допросами, — доложил Фатьямов, — говорит, что наша очистка, Федя, делает переворот в молотильной технике. Да, да, не смотри на меня такими глазами. Но только мы с тобой, Федя, искали не там, где надо... Подымайся, он сам покажет!

Кадыров встал. Увидев, что на комбайне стоят два человека, он спросил:

— Коршунов?

Фатьямов улыбнулся.

— Нет, секретарь райкома.

Черняев спросил его, что он делает.

— Сiju и делегации встречаю, — ответил Кадыров. — Только что перед вами проводил Корнеева.

— Ну, мы, надеюсь, последние, — улыбнулся Черняев и светлыми глазами показал на своего спутника.

Это был молодой, безусый инженер. Комбайнер с недоверием пожал его руку. Но тот, успев уже проверить очистку, спросил, оглядывая комбайнера, кто её придумал первый.

— Парторг, — сказал Кадыров.

Инженер вопросительно посмотрел на Черняева.

— Старший механик, — ответил тот.

Фатьямов понял его по-своему.

— Нет у нас парторга, — пожаловался он секретарю райкома.

— Есть у вас и парторг, — сказал Черняев, — но вы его пока не замечаете.

Кадыров показывал инженеру, какое место в очистке не выдерживает нагрузки. Тот, опираясь руками о кожух, заглядывал в зазор и слушал внимательно. Не веря, что этот слишком уж молодой и несолидный

инженер сумеет чем-нибудь помочь ему, Кадыров, чтобы сократить объяснение, сослался на соседние звёздочки. Возможно, там не всё рассчитано верно.

— Правильно! — одобрил его инженер и вытащил из бокового кармана крохотную записную книжку с расчётами.

Фатьямов тем временем оправдывался:

— Парторг, может, и занимает место, но партийной организации будто и не было.

— Неправда, — сказал Черняев, — есть у вас партийная организация. И коммунисты на местах.

Фатьямов понял, что он, пожалуй, один потерял своё место и лучше ему не спорить. «А я?» — тем не менее спрашивал его растерянный взгляд.

— И ты сейчас на месте, — утешил его Черняев.

Когда Фатьямов повёл инженера показывать с другой стороны комбайна звёздочки, о которых, должно быть, он рассказывал ему ночью, Кадыров, оставшись наедине с Черняевым, сказал ему:

— А вот замполита нет у нас.

— Будет, — сказал Черняев и, заглядывая под кожу, попросил: — Показывай, что у тебя не ладится...

Когда Черняев с главным инженером уехал в мастерские МТС, обещав прислать оттуда механика с недостающими деталями, Фатьямов угостил Кадырова чёрствыми лепёшками. Они лежали у него в инструментальном ящике, должно быть, ещё с той недели, и Фатьямов, выпав их из кожаной сумки прямо на помост, так, что они застучали, как деревянные, засмеялся:

— Коржики с прошлого сезона. Давай-ка погрызём их. А то, я вижу, тебя в эти дни совсем не кормят.

— Некому, — сказал Кадыров.

Но не успела рассеяться пыль за райкомовской машиной, как на дороге к озеру показался новый пешеход. Кадыров присмотрелся к нему и вскоре узнал в нём сына, — он нёс в одной руке не то чемодан, не то огромный узел.

— Вижу на горизонте ещё одного делегата, — объявил Фатьямов.

— Куда же он прётся, — недоумевал Кадыров, — да ещё с таким узлом?

— Наташа послала, — уверенно сказал Фатьямов.

Кадыров нахмурился.

— Её нет дома.

— Вернулась, — так же уверенно ответил Фатьямов.

Кадыров покосился на него.

— А ты откуда знаешь?

— В дороге встретились...

Да, сын тащил отцу тяжёлый узел из дому. В этом клетчатом платке Петя уже не раз приносил ему на комбайн обед и ужин. Стало быть, Наташа дома. Кончила свою загонку. И с борозом расправилась.

— С таким узлом да в такую даль, — пожалел он сына.

— Ничего, — утешил Фатьямов каким-то игривым тоном. — Пускай несёт. Не отсылать же его обратно? Я думаю, Федя, развяжем этот узел...

— Давно пора, — ответил Кадыров.

— Богданыч собирается тебе за оскорбление Наташи объявить в приказе по эмтеэс... — Фатьямов показал руку по самое плечо, — вот такой выговор...

Петя, заметив, что за ним следят с комбайна, застеснялся и, сбавив

шаг, закружился вокруг трактора. Он долго рассматривал гусеницы, не решаясь подойти к комбайну.

— Петя! — позвал его Фатьямов.

Мальчик, подымаясь на комбайн, смотрел куда-то в сторону. Фатьямов поднял Петю и, чтобы не смущать его, полез в очистку.

— Ты что принёс? — спросил сына Кадыров.

— Сметану. — Он поставил узел к ногам отца и тотчас отошёл к Фатьямову, заглядывая, что он делает.

— Пришёл, значит, на выручку? — спросил его Фатьямов.

Мальчик не ответил.

Кадыров развязал платок, откуда высыпались на помост пышки, и выставил на угол бункера горшок сметаны. В горшке торчали черенки двух деревянных ложек.

— Тебе, — сказал Кадыров, протянув одну Фатьямову.

— Спасибо, — отказался тот.

— Ешь! — приказал Кадыров, сунув ему ложку в руку.

Фатьямов заглянул в горшок и, сняв фуражку, вытер ладонью губы.

— Давно уже не пробовал такой сметаны, — сказал он, усаживаясь к горшку поближе.

— Попробуй...

Сметана оказалась густой и вкусной. Ели её молча. Фатьямов, соблюдая очерёдность, лез в горшок после Кадырова и, чтобы не капало, придерживал снизу ложку румяной пышкой.

Петя, насторожённо вытянув шею, заглядывал в очистку, и, видимо, хотелось ему подойти к ней ближе, но он боялся. Кадырову также хотелось расспросить его о матери, но он не решался говорить о ней при Фатьямове.

— Грозы не будет, — сказал он, глядя в небо, затянутое тучами.

— На кой она! — испугался Фатьямов.

— А сыростью всё-таки потягивает. Как бы дождь не хлынул!

— Что ты! — возразил Фатьямов. — Посмотри! — Он махнул ложкой на запад.

Там, над горизонтом, сияла ясная голубая полоска неба. Тяжёлые сплошные тучи, похожие на льдины, покрытые сугробами, отчалили от горизонта, как в половодье от берега.

— Да, — согласился тогда Кадыров, — дождя не будет.

— Ветром сдует. Послушай. как он понизу гуляет. Так и нижет.

Они притихли, и тотчас в шуме низового ветра, с шорохом сквозившего по жнивью, услышали встречный шум далёкого мотора.

— Летучка! — Фатьямов заторопился, глядя в горшок и нарушая ложкой очерёдность.

Механик приехал к «Сталинцу» взволнованный. Быстро подымаясь на комбайн, он задержался на ступенях, словно удивляясь и не веря своим глазам, что комбайнеры могут есть из одного горшка.

— Садись, — пригласил его Фатьямов, уступая место.

Облизав ложку и тщательно вытерев о рукав, он подал её механику. Тот заглянул в горшок и разгладил усы.

— Вижу, добрая у вас сметана.

— Ну что, сынок? — Фатьямов вернулся к очистке. — Нашёл помолку?

Петя посмотрел на него с недоверием.

— А где у вас ломается?

— Видел? — усмеянулся Кадыров, кивнув механику на сына. — Ещё один комиссар объявился.

— Это неплохо, — сказал механик, разламывая пышку, — семья у тебя -- дай боже каждому!

А дождик всё же проморосил под вечер. Очистка была уже готова, сделали пробный заезд — и механизмы работали чётко. Но помешал этот запоздавший дождик, и пришлось комбайн остановить, не наполнив бункер. Механик уехал: на летучке в мастерские, уверенный, что очистка теперь и без него будет работать исправно. Фатьямов ругался. Мелкий, назойливый дождик срывает все планы. Обидно: те густые тучи, что клубились в небе и грозили если не ливнем, то проливным дождём, давно прошли, а тут вдруг на закате солнца появилась эта крохотная тучка, даже на тучку не похожая, и просеяла на землю густой и непроглядный, как туман, бисерный дождик.

— Откуда что возьмётся, — досадовал Фатьямов, — и тучка такая плюгавенькая, а поди ж ты — всё поле обмочила. Душу забрызгала...

Но Кадыров был спокоен. Главное, очистка была налажена. Несмотря на то, что завтра у него кончается отпуск и надо было возвращаться в колхоз, он радовался ругани Фатьямова. Тот, совсем недавно мечтавший о таком же дожде для «Сталинца», чтобы обогнать буксующие самоходки, проклинал его теперь и жаловался на сплошные неудачи, которые с таким упорством преследуют его комбайн до конца сезона.

— Но ты не отчаивайся, Федя, — утешая себя, сказал он Кадырову, — я сейчас махну к председателю на зажигалке и уговорю его, пусть он протянет твой отпуск на пару дней. Надо же проверить нашу технику.

— Не надо, — отказался Кадыров, потому что подменный слесарь, исполняющий в колхозе его обязанности, получил путёвку в санаторий, и нельзя было его задерживать. — Сам проверишь.

— Я?! — удивился Фатьямов, заглядывая в глаза Кадырову, но, заметив, что тот говорит серьёзно, заверил: — Будь покоен, Федя! Можешь положиться...

Кадыров ушёл домой в сумерки. За озером, где сходились дороги: одна — от свинарника на летнем выпасе, другая — в МТС, он заметил путника и, ускорив шаг, догнал его. Это была Шура.

— Ты что по ночам блукаешь? — спросил её Кадыров.

— Тебя ищу, — ответила Шура.

Промокшая кофточка её прилипла к телу. Босые ноги белели выше колен — Шура подвернула юбку, чтобы не хлесталась.

Кадыров поравнялся и пошёл с ней рядом.

— Ходила к пороссятам, — сказала Шура, на ходу одёрнув юбку. — Да, — спохватилась она, тронув его за рукав, — Магинур приехала.

— Вот и хорошо, — сказал Кадыров. — Совсем?

— Нет, — вздохнула Шура. — Хорошо, да не дюже. Совсем от нас уедет.

— Куда?

— Должно быть, в другую школу отпрасилась. Уже и дела сдаёт директору... А что ты вылупился? Правду говорю.

Ветер подгонял их в спину, шелестел по жнивью дождём. Кадыров прибавил шаг, но Шура задержала его за рукав.

— Постой, — оглянулась она по сторонам. — Давай-ка под куст присядем.

Они свернули с дороги к двум берёзкам.

Шура ладонями оправила юбку, будто сцеживая воду, и села на траву.

— Садись!

Он сел на корточки у другой берёзки и мокрым пальцем выковырнул папиросу из кармана.

— Дубок ты, Кадыров, — усмехнулась Шура. — Ничего не смыслишь...

Дождь усилился. Он шумел в листьях и ширским шорохом рассеивался по полю.

Кадыров чиркнул спичкой и, прикуривая, насторожённо следил за Шурой. Та смотрела на него лукавыми глазами.

— Замёрзла, — поёжилась она от озноба.

— Когда у вас свадьба? — спросил её Кадыров.

— А тебе какое дело? — ответила Шура. — Ты, ради бога, в свадьбу мою не суйся. Там без тебя управимся. Мне за Магинур обидно...

Кадыров остановил её и сказал тем же спокойным тоном:

— Карев просил меня поговорить с директором...

Но Шура не дала ему досказать.

— Пускай не просит! — вспыхнула она. — Директор не поможет. На моём горбу и так и этак в герои не пролезешь.

Кадыров глянул на небо, но тучка не проходила.

— Так как же у тебя с Каревым?

— Он же, Федя, какой-то шалопутный. Мне его жалко, но я не допущу его в свой дом, пока он мою дочку не поймёт. Терпеть не могу, кто косится на моего ребёнка!

— Шура! — обрадовался Кадыров. — Но он же не нахвалится твоей дочуркой...

Шура пристально посмотрела на Кадырова, потом взяла его за руку и, другой рукой погладив его ладонь, вдруг молча потянула на дорогу.

Дождь прошёл, и в прохладных сумерках оба они возвращались к эмтеэсовской усадьбе. В конторе за резным забором светилось яркое окно директора. Перед конторой у ворот белела на чёрной доске не смытая дождём фамилия Кадырова. Заметив её издали, Шура пожалела:

— Вон куда тебя загнал Корнеев! В самый низ. Обидно, Федя. Начал первым, кончаешь последним.

Вечером Кадыров сидел у раскрытого окна.

Слабое дыхание с улицы еле колышет узорчатую занавеску. За крышами домов, утонувших в голубоватых сумерках, чернеют тяжёлые от влаги вербы и розовеет за ними озеро. Закат, вначале огненный, теперь уже оранжевый, догорает, и над закатом, в прозрачной полоске неба, где слабые зеленоватые тона переходят в голубые, заискрилась первая робкая звёздочка. Но огней на «Сталинце» пока не видно, и шума его не слышно. Пшеницу ещё не проветрило. Дожди перестали после обеда, и в поле по-весеннему стало тепло и тихо. Даже, казалось, деревья дышали в этой испарине, и где-то очень далеко раскричались на сверкающей Свяиге звонкие лягушки.

В горнице уже стемнело. Бойко тикают часы на кухне, скрашивая одиночество, и коротко, задумчиво трещит сверчок за печкой. Волна необъяснимой радости подкатывает к сердцу, но поговорить Кадырову не с кем. Наташа с ведрами ушла по воду и что-то очень долго не возвращается, а дед и Петя пошли на колхозный ток смотреть бесплатное кино. Тогда он закурил папиросу, и синеватые кольца дыма, уплывающие в окно под занавеску, немного успокоили. Трудно после шума на комбайне и говора людей в такую пору одному сидеть в безлюдной горнице.

— Поладил с Наташей? — спросил его сегодня директор тем же озбоченным тоном, каким только что спрашивал: «Наладил очистку?».

— А мы с ней и не ссорились, — ответил Кадыров.

— Конечно, — обрадовался Богданых. — Разве можно с Наташей ссориться!

Богданых это понимает. А вот Корнеев...

Жаль, не повезло директору на замполитов. Первого — Черняева — выбрали в райком, второго взяли на учёбу. Хорошие люди везде нужны... Кстати, старый замполит прислал письмо и спрашивает о Кадырове.

«Ты ему сам за себя ответишь». — Директор дал конверт с обратным адресом...

По улице, видно в окно, идут от колодца Магинур и Наташа. Лица их и ведра озарены закатом, и обе сейчас дороги Кадырову.

Ему так не хотелось, чтобы Магинур уезжала из колхоза.

Все комбайны — и «Коммунары» и самоходные, — покинув «Сталинец», переехали на поля соседней МТС докашивать пшеницу. Фатьямов один остался дежурить у своей загонки, и, поскольку она была единственной в поле, её прозвали опытной. За ночь росу и влагу на колосьях выдуло ветром, к обеду высушило солнцем, и «Сталинец» после обеда, сделав пробный круг, выгрузил первое зерно из бункера в машину. Директор сам повёз его сдавать на элеватор и на обратном пути из горёда, сделав порядочный крюк, завернул на скотный двор порадовать Кадырова.

А вечером, когда Кадыров завинчивал последнюю трубу в коровнике, Наташа привела на скотный двор Коршунова.

— Привет! — махнул тот рукой.

Он с ходу пожал Кадырову локоть, потому что руки у того были грязные, и, ловко разостлав свою газету, сел на брёвна.

— Я сейчас был у Фатьямова, — сказал он, вытащив блокнот, — а теперь хочу поговорить с Кадыровым.

Наташа засмеялась.

— С ним сейчас наговоришься! Лучше бы дома, за чаем.

Кадыров, не зная, как ему избавиться от разговора с Коршуновым, спросил Наташу:

— Что у нас дома?

— Я сейчас от Магинур, — с готовностью ответила жена, словно ждала этого вопроса. — Корнеева сняли.

Кадыров, кажется, не удивился.

— Давно пора, — сказал он, закручивая гайку.

— Решение райкома о Корнееве было ещё на той неделе, — сообщил Коршунов.

— Кто же теперь замполитом?

— Пока будет Магинур, — ответила Наташа.

Кадыров поднял голову, соображая, и неожиданно оглянулся на Коршунова.

— О чём у нас разговор?

— О! — воскликнул тот, вытаскивая авторучку. — Разговор у нас, Федя, длинный. Придётся тебе рассказывать от самого Адама.

— Он расскажет! — Наташа улыбнулась.

— А куда же его теперь? — спросил её Кадыров.

— Корнеева? На своё место.

— Давно пора, — повторил Кадыров.

— Действительно, — поддержал Коршунов, чтобы не спугнуть готовность Кадырова отвечать на его вопросы. Он разгладил блокнот и отчеркнул написанное в нём жирной линией. — Да, хотел бы я узнать, откуда зародилась мысль о той очистке.

Начался обычный допрос, но Кадыров прервал его:

— Был на Свяге? Как там с электростанцией?

— Одни берега и камни. Туда сейчас Магинур ушла... Но ты подожди мне, Федя, голову забивать своей электростанцией. Давай сперва разберёмся в очистке.

— Ты же сам туда лазил.

— Не в этом дело, — усмехнулся Коршунов. — Не могу же я потащить туда своих читателей! — И, верный своей привычке перед беседой

задабривать своего собеседника, чтобы легче было вызвать его на откровенный разговор, он тут же сослался на Черняева: — Теперь он голову ломает, как тебя на героя представить. Там ведь звание дают за цифры — сколько скошено. А у тебя до нормы далеко, и всё теперь упёрлось в эту очистку.

Кадыров смотрел на него растерянно. Он не понимал, чего же хочет от него этот Коршунов.

— Учти, задание секретаря райкома. Читатели должны знать своих героев. Поэтому надо рассказать им подробно, в чём суть твоих успехов. Газета не любит секретов...

Кадыров понял.

— Пиши, — сказал он, — в чём мои секреты. Я два года в комсомоле, пять — в партии, четыре — на фронте.

На этом повороте Свягу сжимают горы, продолговатые, как две огромные насыпи моста, уже разрушенного или ещё не построенного. Жители татарских деревень по ту сторону Свяги называют эти горы: одну — «Киз-тау», другую — «Джигит-тау», а русские по эту сторону реки переводят их на свой язык — «Девичья гора» и «Гора героя». Странная форма этих гор удивляла Кадырова с детства. «Гора героя», подмытая бурным течением полной воды, выдавалась вперёд крутым обрывом. «Девичья гора», с курганом наверху и с двумя покатыми выступами к песчаной отмели, отклонялась от Свяги в сторону и была в самом деле похожа издали на девушку, присевшую над берегом и положившую на колени голову. Заросли орешника на склоне горы с той стороны усиливали это сходство, потому что похожи были на кудрявые, рассыпанные по спине, густые волосы.

Не менее странные легенды ходили в народе про эти горы. Старики уверяли, что на «Девичьей горе» была зарыта под курганом девушка — героиня Булгарского царства на Волге. Пала она в бою с монгольскими завоевателями: по одним рассказам — поражённая в грудь стрелой с того берега, по другим — сама закололась, увидев поражение своего народа на той стороне Свяги. Волжские татары — не те татары, что пришли с востока и полонили Русь, а коренные жители её — болгары, предки нынешних татар, потерявшие имя своё после монгольского нашествия, — похоронили свою героиню в золотом гробу и выставили на «Горе героя» караул — сторожевую башню. Столбы той вышки сохранились до сих пор, засыпанные двумя небольшими холмами. Посменный караул, из поколения в поколение менявший форму — от обязательной военной стражи у предков до простого добровольного дежурства у потомков, — тянулся века, вплоть до нового нашествия с востока белочехов. После этого нашествия в гражданскую войну старые легенды сменились новыми. Уже не старики, а жители постарше Кадырова рассказывают, что белые, захватив Свягу, оцепили «Девичью гору» постами и раскопали курган на её вершине. Что они вырыли под тем курганом — жители не знают, но видели, как прилетал и садился на берегу самолёт с нерусскими буквами на крыльях, как он принял на борт какой-то продолговатый ящик. Девушка улетела в Англию, твердили старики, а дед Кадырова доказывал, что, кроме англичан, такое и выдумать больше некому. Следы этих раскопок видел и сам Кадыров. Сбоку на кургане был разрыт узкий проход в гробницу, обложенный камнями, и в каменных стенах этой гробницы остались пустые ниши. Что там лежало в нишах — оставшимся кускам перепревшего дерева трудно догадаться. Когда Кадыров, будучи учеником, принёс эти куски учительнице, та, увлечённая находкой, положила начало музею в школе. Вскоре музей наполнился битыми черепками и глазурными бусами, подобранными в каменных осыпях

«Девичьей горы», и вырытыми плугом у подножия «Горы героя» бронзовыми стрелами, позеленевшими от времени, ржавыми мечами и копьями.

Кадыров поднялся теперь на «Гору героя» и увидел оттуда разбросанный вниз, по берегу, брёвна, протянутый через Свягу на козлах временный мост в одно бревно и сложенные на том берегу пирамиды белого известнякового камня с «Девичьей горы». Солнце уже садилось, и даль была видна до горизонта, особенно дороги и даже самые дальние. По одной из них, похожей на светлую ниточку, мчался крохотный всадник, и навстречу ему пылила сверкающая стёклами, не менее крохотная машина. От гор уходили к востоку огромные тени, вершины которых уже достигали с одной стороны эмтеэсовской усадьбы, с другой — зареченского леса. Серебристая лента Свяги уползала к далёкой, мерцающей на горизонте Волге. На всём просторе, озарённом последними лучами солнца, темнели островками зелёные пятна деревень и круглые светлые озёра. Каждое дерево и каждый куст видны были чётко на этой необозримой местности, но Магинур на Свяге не было. Она, должно быть, ушла на пасеку в Деушево, к своему отцу Гаязову, старому и непоседливому инвалиду с одной ногой. Правда, на вершине «Девичьей горы» мелькнуло за курганом чьё-то платье, но вряд ли Магинур — она не может перейти Свягу по такому скользкому бревну; должно быть, то зареченская девушка пришла на гору собирать орехи.

Свяга — река тихая, спокойная от самого истока до устья. Местами её можно даже перейти по шею вброд. Но в этом месте, между горами, зажатая двумя обрывистыми берегами, она была и бурной и глубокой. Вода ревела в козлах моста, бессильная столкнуть дубовые косые сваи. Две горы пока соединялись только этим временным мостом, но скоро они будут спаяны плотиной, и бурное течение осветит все колхозы. Кадыров шёл по скользкому бревну, удерживаясь руками за канат, и думал, как бы не сорваться там, на самой середине. Этого напора, высчитывал он, присматриваясь к бурному потоку, пожалуй, хватит для всего района. Рассуждая, он и не заметил, как прошёл то опасное место, к которому так готовился, и вспомнил о нём уже на том берегу.

Внизу, на склоне «Девичьей горы», из каменных расщелин бил родник, и звонкий ручей от него по россыпям известняка сбегал в Свягу. Вода из родника была такой прозрачной и свежей, что, глядя на неё, хотелось пить даже тому, кто не испытывал жажды. Кадыров опустился у родника на одно колено и долго любовался, как на дне его струился веером чистый песок, выбиваемый водой из расщелины. Он зачерпнул воду ладонями и пил её большими глотками.

Сверху к роднику посыпались мелкие камни.

— Простудишься! — услышал он голос Магинур.

Кадыров поднялся, отряхивая мокрые руки. Магинур спускалась к нему с горы. Она опиралась одной рукой о камни, другой что-то удерживала в подоле, должно быть орехи.

— Ну, здравствуй! — Она подошла к роднику и, согнувшись, сполоснула измазанную о камни руку.

— Пришёл воды напиться, — ответил ей Кадыров, утираясь рукавом.

— Вода хорошая, — сказала Магинур. — Я тоже её люблю.

— А кто её не любит?

Магинур достала из подола горсть орехов и подала их Кадырову.

За разговором незаметно взойшли на гору и поднялись на курган.

Издали этот курган казался крошечным, потому что огромная гора и расстояние скрадывали его размеры. Но здесь, на горе, он был таким высоким, что с его вершины, куда бы ни глянуть, казалось, будто стоишь на краю обрыва. Под горой, внизу, ветра почти не было, а здесь он дул

так сильно, что Магинур, опасаясь, как бы её не сдуло, присела на землю.

Кадыров стоя любовался далью. Солнце уже зашло, и дороги погасли. Тёмные пятна деревень таяли в сумерках, и солнечный свет сохранялся только на озёрах, сиявших теперь, казалось, ярче прежнего. Свежые луга по ту сторону Свяги и тёмные леса по эту были особенно дороги Кадырову: там они с Кузьмой и Богданычем излазили все кусты и пригорки в поисках дичи.

— Та сторона почему-то милее, — сказала Магинур.

— Восток? — удивился Кадыров; он и сам любовался только что той стороной, куда сейчас показывала Магинур. — Это, наверно, потому, что кровь у тебя восточная, — пошутил он. — Откуда пришла — туда и тянет.

— Я тут родилась, — ответила Магинур, — и никуда не собираюсь.

— Я тоже, — сказал Кадыров.

Да, восточная сторона и ему была ближе к сердцу, особенно утром, когда всходило солнце, и вечером, когда оно заходило, и луга, весь день залитые солнечным светом, погружались в задумчивые сумерки...

— Садись, — пригласила Магинур, — пощёлкаем орехи... У меня, если долго на горе стоять, голова кружится.

— Не упадёшь, — сказал Кадыров.

— А мы с тобой на этом кургане, — продолжала Магинур, — как на ладони. Со всего района видно... Помнишь огонёк на этом месте?

Да, Кадыров помнит. Он загорался на горе каждую полночь, и старики со всех окрестных деревень молились ему, уверяя, что это не простой огонь и зажигает его не простая рука. Ребята, а с ними и Кадыров, не раз ходили на этот огонёк и видели с берега, что на кургане полыхает пламя. Но стоило им переплыть Свягу, пламя гасло, и на кургане от костра не оставалось никаких следов. Хотя бы уголёк или брошенная спичка. Пусто. И так продолжалось до глубокой осени, пока деревенский пастух Никита не спрятался на ночь в орешнике и не выследил, что ровно в полночь на «Девичью гору» приходит из Деушева тот безбородый мюрид, которого так боялись дети за его пискливые молитвы, и зажигает костёр на листе железа, а потом угли и железо уносит под гору...

— Скоро с этой горы огни разольются по всему району, — сказала Магинур.

— Другие огни, — поправил её Кадыров, усаживаясь рядом.

Магинур вздохнула.

— На, расколи мне орех. Попался большой, но жёсткий... Мне эта гора дорога и будущим и прошлым. Мы тут впервые, — шепнула она, обхватив руками колени и положив на колени голову, — целовались.

Кадыров удивлённо отодвинулся чуточку в сторону.

— С кем?

Магинур засмеялась:

— А ты не бойся, — и, заметив его смущение, пошутила: — Наташа не увидит.

Кадыров хотел подняться, но Магинур задержала его:

— Сиди. Не трону.

— Нет. — Кадыров, покраснев, оторвал лоскут на закрутку для папиросы не от газеты, а от колхозной справки. — Мне бы надо поговорить серьёзно.

— Мне тоже, — сказала Магинур.

Кадыров прилаживал оторванный лоскут к справке и думал, с чего бы начать ему этот разговор. Но Магинур его опередила:

— Нам нужен парторг.

— В колхозе? — растерялся Кадыров.

— Нет, в эмтеэс. Все надеются на тебя. Ты уже много сделал.

Кадыров, прикуривая, посмотрел на неё искоса.

— Фатьямова поставил на ноги, — сказала Магинур. — Спасибо.

— Фатьямова? — Он обжётся спичкой и отшвырнул её в сторону. — А Корнеев сказал наоборот, что я будто сбил его с ног...

— Корнеева? — Магинур улыбнулась. — Да. Срубил под самый корень.

— А Шура говорила... — замялся Кадыров, но Магинур его выручила.

— Что я в тебя влюбилась? Та скажет.

Внизу, в потемневшей долине, вспыхнули яркие огни на эмтеэсовской усадьбе. Они переливались, отражаясь в Свяиге, как небольшой, но жаркий костёр, и очень были похожи на те огни по всему району, о которых только что мечтали на кургане Магинур и Кадыров.

Когда уселись ужинать, хозяйка объявила:

— Будем готовиться к празднику. Хлеба хватит.

— А кофточка? — спросил Кадыров.

Наташа засмеялась.

— И на кофточку останется.

Тогда он наклонился к деду.

— А в закром?

— Куда же его столько! Заработали, Федя, на три года. Я уже подсчитывал. И дом подрубили, надо же его обновить гостями, — соглашался дед. — Как тут не отпраздновать!

— А гости? — вмешался Петя.

— С моей стороны — Магинур, — смело предложил Кадыров.

Старик тревожно оглянулся на хозяйку. Та задорно ответила:

— С моей — Фатьямов.

Дед покосился теперь на хозяина.

— Фатьямов?.. На кой он!

— А пусть не думает, что мы ему противники, — задумчиво ответила Наташа.

Дед не успокоился. Он даже отодвинул от себя тарелку.

— Только не Фатьямова. И пусть он не заглядывает...

Во дворе как будто посветлело. Солнце уже давно зашло, но в небе сохраняло его свет большое розовое облако, и чем темнее становились на земле сумерки, тем ярче горело оно, озарённое закатными лучами.

А дед продолжал доказывать:

— Пустой он человек, Наташа. Слов не понимает. Сколько ни бей словами — ничего не выбьешь. Всё одно, что цепями на току молотить пустые колосья...

Кадыров понял, почему дед с таким азартём напал на Фатьямова, и, обращаясь к жене, постарался его утешить:

— Надо их помирить, Наташа.

— Меня? С Фатьямовым? — не понял дед.

— Нет, его с Магинур.

Хозяйка порозовела, и тёмные карие глаза её в это мгновение казались чёрными.

— Непременно, Федя.

— Меня хоть с чёртом помири, но только не с Фатьямовым. Нехватало в своём доме занозы. Несут его под руки, а он, знай, болтает ногами и думает — сам идёт...

Петя смеялся в тарелку. Ему была забавна эта горячность деда.

— Гостей созовём со всего района, — сказала Наташа.

Петя посмотрел на неё испуганно: куда же помещать их?

— Зовите хоть всю эмтеэс и весь колхоз, — волновался дед, — но только не Фатьямова.

Обиженный дед поднялся и вышел на крыльцо. Во дворе было тепло и уютно от светлого облака. Старик сошёл с крыльца и, набрав у ворот охапку свеженакошенной травы, понёс её корове.

— Кыш, окаянные! — Дед разогнал ногой цыплят у коровника. — Петька! — закричал он сердитым голосом. — Ступай-ка, загни курят!

Кадырова поднял из-за стола далёкий гул моторов.

— Машины вернулись! — объявила Наташа, уступая дорогу мужу.

Он вышел на крыльцо. По светлому жнивью, залитому ярким лунным светом, как стая перелётных птиц, развёрнутой шеренгой возвращались домой комбайны. Впереди шёл «Сталинец». Гусеницы трактора, освещённые фонарём с комбайна, мерцали искрами, и рядом, над самоходками, покачивались крохотные силуэты зонтиков.

МАРГАРИТА АЛИГЕР

★

ГРОЗА

Нет, никогда копеечных печалей,
грошовых радостей не знали мы!
И ярче нет тех зорь, что мы встречали,
красней — весны, суровее — зимы...

Всё наше, всё, о чём я вспоминаю,
всё поднимает сердце в вышину.
..Я помню вечер, длинный вечер мая,
сосновую лесную тишину.

Чуть-чуть горчащей и чуть-чуть колючей
та тишина вечерняя была.
Но как он дрогнул, тот покой дремучий,
под тяжестью огромной сизой тучи,
что тихо от Ромашкова плыла.

И стало вдруг неповторимо мрачно,
неповторимо грозно всё кругом,
и мы укрылись на платформе дачной
в последний миг... И с неба грянул гром.

И хлынул ливень, дружный майский ливень,
он рухнул наземь, силы не щадя,—
и чёрных пашен не было счастливей,
и благодатней не было дождя.

Он словно бы достиг в своём разбеге
всего, к чему стремился с вышины.
А мы, как будто в Ноевом ковчеге,
от гибели для жизни спасены!

Какая шла гроза по Подмоскovieю!
Какая с неба грянула гроза
над нашей неуступчивой любовью,
но смело мы глядели ей в глаза.

...И если вдруг нехватит мне отваги
и гордости, в моём пути крутом
я вспомню молний смелые зигзаги,
животворящий ливень, добрый гром.

Они прошли, победу торжествуя.
На сердце ясно... В воздухе свежей...
Умолкло всё...

Но я грозу такую
желаю даже дочери своей!

ПЕРЕД ЗАРЁЙ

Ни с того, ни с сего
ты сегодня приснился мне снова,—
перед самой зарёй,
когда дрогнула мгла, —
и негромко сказал мне
хорошее, доброе слово,
и от звука его
я проснулась
и больше уснуть не могла.

Чтоб его не забыть,
я почти без движенья лежала.
Занимался рассвет,
в петушиные трубы трубя...

Вот и минула ночь!
А ведь я за неё возмужала,—
до неё мне казалось,
что я разлюбила тебя.

ИВАН ЩЕГЛОВ

★

ЛЕС ДРЕМУЧИЙ

Драма в 3 действиях, 5 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОСИП СТРУНИН, крестьянин, 104 лет.

ПАВЕЛ, его сын, 60 лет.

СЕМЕН, сын Павла, 34 лет.

ЕЛЕНА, его жена, 30 лет.

АЛЕКСЕЙ, сын Павла, 32 лет.

ВАРВАРА, его жена, 28 лет.

УСТИНЬЯ ОРЕШИННА, дочь Павла, 36 лет.

ИЛЬЯ ОРЕШИН, её муж, 40 лет.

ТАТЬЯНА, младшая дочь Павла, 20 лет.

САВУШКА, деревенский дурачок, 36 лет.

ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИПАТОВ, секретарь сельсовета, 32 лет.

Колхозники и колхозницы.

Время действия — 1930 год.

ДЕЯСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме Струниных. Окна выходят на сельскую улицу, за которой виден высокий сосновый лес. Обстановка разнохарактерная и грубая. Около окон — стол, вокруг него несколько стульев и посудный шкаф. Стены оклеены цветистыми обоями; на них несколько фотографий, зеркало и картина, изображающая закат солнца на берегу моря. Двери: входная, в горницу и в комнату Липатова. В глубине сцены — русская печь с лежанкой и душниками и за пологом из яркого ситца — деревянная кровать. Вторая половина июля. День склоняется к вечеру. Посреди комнаты на полу стоят два чемодана, которые в обстановке избы имеют вид случайных предметов. Варвара у лежанки надевает на Осипа чистую рубашку. За полуоткрытым пологом виден лежащий на кровати Алексей.

Варвара (Осипу). Семён из Москвы приехал. С молодухой. Городскую привёз.

Осип (не расслышал). О? Нет... Неохота...

Варвара. Семён, говорю, приехал. Чуешь? Семёна-то помнишь?

Осип. Семён? Он с войны в рабочие ушёл...

Варвара. Вот... Приехал. На побывку.

Осип. Ась?

Варвара. На побывку, говорю!

Осип. Жнут, что ли?

Варвара (махнула рукой). Тоже... Житель.

В комнату вбегает чем-то рассерженная Татьяна. Она в светлом платье, с косынкой.

Татьяна (подбежала к окну и в него грозит кому-то, находящемуся на улице). Только зайди, попробуй! Я тебя крапивой нажарю!

Барвара (прибирает в комнате). Кого это?

Татьяна. Савушку. Вот умок-то! (Грозит в окно.) Смотри, а то нажарю! Смеётся дурень. Ещё посмейся!

Барвара. А что он?

Татьяна. Смеялись над девчонкой: «Савушкина невеста!». Вот он теперь мне проходу не даёт. В деревне на смех поднимают.

Алексей (с кровати). Эх ты, девка! С дураком совладать не можешь. А как же с мужем будешь?

Татьяна. Тебя не позову, не думай! Иди-ка совладай! Он, как смола, липнет. Я уж его кнутом отгоняла. Он смеётся — и только. Что с дураком делать станешь?

Алексей. А ты, как на гулянье итти, в бакю его запри. Пускай там сидит.

Татьяна. И запру.

Алексей. Или утопи.

Татьяна. И утоплю. Пускай не лезет.

Алексей смеётся.

Барвара (подошла к Татьяне). Сама ещё дурочка. Что он тебе?.. Такая красавица! Парни, поди, все глаза проглядели.

Татьяна (отвернулась). Ну их! Исподлобья глядят. Всё умничают... Поумней их найдутся... Не нужны они мне!

В комнату входит Савушка.

Савушка (степенно). Моё почтение!

Алексей. Здорово, жених!

Татьяна (проходя мимо Савушки). У-у, липень, старый грех! (Поправила у зеркала косынку, мимоходом подошла к двери в комнату Липатова, заглянула в неё, убедилась, что Липатова нет, и вышла из комнаты.)

Алексей (с иронией). Что это она тебя не сильно уважает?

Савушка (простодушно). Кто её знает!

Алексей. С кем она теперь гуляет?

Савушка (кивнул на дверь в комнату Липатова). С вашим. С секретарём.

Алексей. Деревенскими брезгует?

Савушка (вздыхнул). Известно. Городские чище.

Алексей. А ты ухаживай. Уговаривай. Уважаю, дескать, и жить без вас не имею возможности.

Савушка. Я и так уж... Не слушает. Избегает.

Алексей. А ты не отступай! Добивайся! Я, мол, не какойнибудь секретарь, а сельский пролетарий. Они теперь в моде! (Хохочет.)

Барвара выходит в горницу и возвращается со свёртками цветистых половиков и чистых скатертей.

Барвара (Алексю). Хватит тебе! И правда, девке зазор — повсюду за ней таскается. (Савушке.) Савушка, поесть не хочешь ли?

Савушка. Премного благодарим! Нынче я у Бажиных. Там сороковицу справляют. Кормят вкусно!..

Алексей. Жизнь у тебя, Савушка, я смотрю, распрекрасная. Не сеешь, не жнёшь. Как птица божья!

Савушка. Летом ещё ничего. Где так дадут, где поробишь. А зимой очень неинтересно...

Алексей. Ишь ты! Хочешь, чтобы всегда интересно. У тебя, я гляжу, губа не дура.

Осип (на лежанке, про себя). Пахал, скажу, землю... детей, скажу, рóстил...

Алексей (с усмешкой). Вот он! всю жизнь прожил интересно. А теперь отчёт богу готовит — сказать нечего.

Осип. Крестьянин Рязанской губернии... Елозинской волости... села Дубровина... пять душ тягла...

Алексей. Вот и всё. Дури-то!

Варвара расстилает половики и накрывает стол скатертью.

Савушка (задумчиво). Известно... Какой уж там...

Алексей. Ты про что?

Савушка. Рай-то.

Алексей. Ишь ты! Рай... (С иронией.) Рай тебе на земле сулят. Обожди, таким барином будешь, чище секретаря! Заместо портков тебе брюки дадут, сапоги новые, рубаху. А потом в парикмахерской всех вшей изничтожат и — пожалуйста, Савелий... Как тебя по батюшке-то?

Савушка. Егорыч.

Алексей. Савелий Егорович, в рай. Складно или нет?!

Варвара (Алексею). Будет уж! Сколько в тебе злого-то! Чего к человеку пристал?

Алексей (мрачно). А тебе что? Всё добрых ищешь. С чего добрым быть — не знаю! А то бы раздобрел!

Варвара обиделась и продолжает приборку. Пауза.

Савушка (обратил внимание на убранство комнаты). А у вас, видать, праздник.

Варвара. Семён из Москвы приехал.

Савушка (обрадованно). Семён Павлович? Неужто? Где же он?

Варвара. Пошли деревню смотреть.

Савушка. О! Я побегу.

Алексей (с сарказмом). Беги. Он тебе обрадуется, на водку даст.

Савушка. Ну? Право, побегу. В одной ватаге гуляли. Окуней вместе удили. Эх ты! (Выбежал на улицу.)

Варвара заканчивает прибирать комнату. Алексей поднимается с кровати и смотрит на преобразившуюся обстановку.

Алексей (Варваре). Разукрасила. Давно в доме такого наряда не было.

Варвара. Ведь гости у нас.

Алексей. Я ничего. Глазу радостно. Всегда бы так... (Помолчав, зовёт Варвару.) Варь! А Варь!

Варвара. Чего тебе?

Алексей. Иди-ка сюда. (Варвара медлит.) Иди, сказываю!

Варвара нехотя подходит к Алексею.

Алексей (обнимает Варвару). Эх ты, гладкая!

Варвара отстраняется.

Алексей. Не сердись. Пошутил я. Вон лебедь какая! У Семёна-то против тебя — пигалица. Если тебя так разодеть, ты сиять будешь!

Варвара (высвобождаясь). Ладно уж... Пусти. Недосуг мне.

Алексей (держит Варвару). Обожди! Пройдёт это время. Всё уляжется. А там — знай наших Струниных! Опять коней заведём. Лесопилку поставим. Снова жизнь наладим. Живи тогда! Всем пользуйся! Красуйся в своё удовольствие!

Варвара (силится освободиться). Пусти!

Алексей (не отпускает). Да ладно! Не сомну! Не бойся!

Варвара с силой оттолкнула Алексея и, освободившись, отбежала от него.

Алексей (привстал). Ты что?

Варвара. Ничего! Лежишь и лежал бы. Прихотник!

Алексей (угрожающе). Варвара! Иди, говорю! Чего ждёшь?!

Варвара. Озоруешь. Не пойду я.

Алексей. А я говорю, пойдёшь! (Идёт к Варваре, хочет её схватить, та сопротивляется.)

В дверях показался Липатов. Он в сапогах, в косоворотке и с портфелем. Увидев происходящее, он задержался и кашлянул. Варвара вырвалась от Алексея и отскочила в сторону. Липатов прошёл в свою комнату. Входят низкорослая Устинья и высокий, бородатый Илья. Устинья у порога чинно перекрестилась на передний угол. Алексей пошёл за полог и там одевается.

Устинья. Сказывают, братец приехал? (Оглядела комнату.) Видишь, как обряжено! Так при маменьке-покойнице и в престольный праздник не бывало. (Варваре.) Где гости-то?

Варвара. По деревне пошли.

Устинья (показала на чемоданы). Ихние? Поди, гостинцев привёз. С коих пор не был. (Илье ласково.) Илья, садись! (Илья сел. Алексей пошёл к выходу.) Алексей, ты куда?

Алексей (грубо). До ветру! (Хлопнул дверью и вышел из комнаты.)

Устинья (Варваре). Чего это он?

Варвара. Говорит, что недужится.

Устинья. Спесь всё. Подумаешь, царь-король. Не к нему пришли. Пусть не ярится. Илья, квасу не хочешь ли? (Варваре.) Дай-ка испить!

Варвара выходит и вскоре возвращается с большой кружкой квасу.

Устинья. Так уж от веку ведётся. От покойницы-маменьки всё дочерям. Тут и сердать нечего.

Варвара. Он не об этом, поди. (Поднесла квас Илье. Он пьёт.)

Устинья. Вижу я. Ты тоже хороша. С добрую треть упрятала.

Варвара. Была бы нужда да охота.

Устинья. Знаю я. Илья, ещё не изопьёшь ли? Испей.

Илья молчаливо передаёт кружку Варваре и соглашается выпить ещё. Варвара вышла и возвращается с квасом.

Варвара (со сдерживаемым возмущением). А тебе, сестрица... Даже слушать обидно. Сама всё забрала, Татьянке на приданое ничего не оставила, а туда же, коришь.

Устинья (встала, подошла к чемоданам и один из них поднимает). Тяжёлый. (Варваре, подозрительно.) Привёз, что ли, чего?

Варвара. Не знаю. Не раскрывали.

Устинья. Поди, сестру не забыл. (Илье, который допил вторую кружку квасу.) Илья, испей ещё!

Илья что-то буркнул и протягивает кружку Варваре. За сценой послышались голоса. В комнату входят Семён, Елена и за ними, с медным пяточком в руке, Савушка.

Савушка (упрашивает). Семён Павлович, давай метнём ещё разок! Ну, пожалуйста...

Семён. У тебя больше денег нету.

Савушка. Больно отыграться охота.

Семён (смеясь, присутствующим). Дал я ему три рубля, а он на них со мной играть стал. Ну, и проиграл.

Устинья. Дурак, дурак, а до денег жадный. (Низко кланяется Семёну.) Здравствуйте, братец!

Семён (обрадованно). А, Устя! Здравствуй! (Целуются.) Э-э, как ты, сестра, постарела!

Устинья. Постареешь. Время-то нынче какое! (Илье.) Илья, встань! (Илья встал.) Муж мой, Илья. Знакомьтесь.

Семён (жмёт Илье руку). Здорово, Илья! Как она, жизнь?

Илья порывается ответить, но Устинья его опередила.

Устинья. Ничего. Слава богу. Спасибо! (Кланяется Елене.) Здравствуйте, сестрица!

Елена. Здравствуйте.

Семён (сел). Эх, и погуляли мы! Всё село исходили. Вспомнил родные места. Улицей знакомою прошёлся. У околиц постоял. Избы-то изветшали. Церковь совсем развалилась. А лес... Как вырос! Каким дремучим стал! Не узнать. Помню, мальчишкой я одну сосёнку облюбывал, она мне тогда по пояс была, а сейчас макушкой небо подпирает.

В комнату вошёл Алексей и молча прошёл за полог.

Савушка. Семён Павлович, метнём, а?

Семён (встал). Ну давай. По сколько?

Савушка (озабоченно). По рублю.

Семён. Мечи!

Савушка мечет пятак.

Елена (у зеркала). А я ужас как устала! Привыкла в городе на колёсах, прямо-таки ноги отваливаются стоять.

Семён (Савушке). Решка! Давай рубль.

Савушка (огорчённо). Нету, Семён Павлович. Право слово, нету. С большим бы удовольствием. Поверь в долг.

Семён. Эх ты, игрок! (Вынул из кармана деньги и даёт Савушке.) На вот. Возьми свои три рубля, да смотри, больше не играй.

Савушка (оживился). Семён Павлович! Господи! Премного вам благодарен. Не извольте сомневаться. Я побегу... У Бажиных нынче сороковицу справляют. Вкусно! (Весёлый, выбежал из комнаты.)

Варвара (Семёну). Зря вы, братец, расходуетесь. Всё равно он все деньги ребятам проиграет. Такой уж умок у него. Всё разбогатеть хочет.

Семён прошёл к окну и задумался.

Устинья (после паузы). Да... Интересно...

Семён (обернулся). Что интересно?

Устинья. Сколько лет не виделись...

Алексей (лёжа на кровати). А встретились — сказать нечего.

Семён. А ты всё лежишь, Алёшка? Вставай! Я сейчас вещи распакую. Закусим. (Идёт к чемоданам и один из них раскрывает.)

Устинья (заинтересованно, села). Илья, сядь.

Илья сел.

Алексей (мрачно). Недужится мне нынче.

Семён. И от недуга средство найдётся. Выпьем. (Достаёт из чемодана и выкладывает на стол свёртки с закусками и ставит бутылку водки. Елена и Варвара накрывают на стол, раскладывают закуски и ставят рюмки.) Помнишь, как мы с тобой учились водку пить? (Присутствующим.) Мне было лет тринадцать, а ему девять. Мужики пьют, а мы чем

хуже? Купил я шкалик, пошли в сосняк, там притаились и пьём. (Смеётся.) Я ещё ничего. А Алёшка обжигается, морщится, а пьёт. (Закрывает чемодан и сел на него.) А помнишь, Алёшка, как мы с тобой дёгтем торговали? Бежишь ты по деревне — от горшка два вершка, — кричишь: «Дёгтю! Дёгтю!». А я сижу на возу. Покупателей ожидаю. Отец требует: «Не доливай мерку!». А я не могу. Мне совестно. Ох, и попадало мне от отца! (Алексею.) Тебе меньше. Ты ему на меня жаловался. А я света не видел. Спасибо мать-покойница выручала. Встретит, бывало, на дороге и суёт тайком рубливку: «На-ко, Семушка. Отдай отцу-то. Всё ласковой станет». (Воспоминания взволновали его.) Алёшка, вставай, а?

Алексей (раздражённо). Сказываю, недужится, чего ещё!

Варвара (отвлекая Семёна). Братец, дедушка-то не спит.

Семён (подошёл к лежанке). Здравствуй, дедушка!

Осип. Плохо...

Семён. Здравствуй, говорю!

Осип. В груди давит... Кто его знает...

Семён (Варваре). Да он совсем глухой!

Варвара. На него находит. Бывает, что слышит лучше всякого. А то заложит, и не докричишься.

Семён (подошедшей Елене). Вот она, старость! Сто четыре года! Ещё на помещицу работал. Крепостным был. Шутка сказать!

В комнату входит Павел. Он в поношенном пиджаке, под которым видна ситцевая рубашка. На ногах сапоги.

Павел (снял картуз и повесил его у входа). Ещё раз здравствуйте! (Увидел убранство комнаты и строго.) Кто это расстелил-то?

Варвара. Я.

Павел. А тебя просили? Давай собери всё. Спрячь!

Семён. Это почему же?

Павел (сел к столу). В глаза кидается. Нынче, Сёма, держи ухо востро... Особенно не разукрасишься. Неровен час, зайдёт кто. Эва, скажут, его не проймёшь. Всё вверх растёт...

Варвара (подавив обиду, к присутствующим). Кушать пожалуйста! (Принимается свёртывать половики, снимать занавески.)

Семён нахмурился и сел за стол. Рядом с ним садится Елена. Пауза.

Павел (Семёну). Ну, пропащая душа, как вы там, в Москве-то?

Семён. Работаем.

Павел. С германской войны не был! Только слухом слышали, что жив.

Семён. Всё некогда.

Павел. Написал бы.

Семён. Не о чем. У вас — своё, у меня — своё.

Павел (кивнул на Елену). А мне молодухка твоя нравится. Худовата только. Известно, городская. Городские — все тощие.

Елена (смутилась). Мух у вас ужас как много. Прямо-таки в рот лезут.

Алексей (с кровати). Мухе у нас привслье. Обожди, в колхоз взойдём — все сдохнут.

Павел (Алексею). А ты чего лежишь?

Алексей. Неохота мне.

Павел (строго). Иди, садись!

Алексей нехотя поднимается и садится к столу.

Семён (Устинье и Илье). А вы чего в стороне? Подсаживайтесь!

Илья порывисто встал, но Устинья сверкнула на него глазами, и он замер.

Устинья (надутю). Спасибо. Мы кушали. (Павлу.) У нас, тятя, к тебе дело есть.

Павел. Какое?

Устинья. Кушайте. Мы обождём.

Сидящие за столом начинают закусывать.

Павел. А Танька где?

Алексей. Ей не до еды.

Павел. Что с ней?

Алексей. Невестится.

Павел (Алексею строго). Говори ладней! Не злобствуй! (Помолчал.) Девка в поре... И с лица — вся в мать... Пускай она... Кому какое дело...

Устинья (ехидно). Уж славят по деревне, что с вашим квартирантом снюхалась.

Павел (ударил рукой по столу). Устинья!

Устинья (оторопело). Илья, сядь!

Илья сел.

Павел. Она девка толковая. Не промахнёт. И он человек дельный. Глупостей себе не позволят.

Елена (встала). Ну, я, кажется, наелась.

Павел. Что мало?

Елена. Хватит... У меня после дороги аппетит небольшой. А дороги у вас ужас какие! Прямо-таки растрясло до невозможности.

Павел (с грубым добродушием). Сразу видать — городская. К еде непривычная... А у нас животы глубокие, крепкие. От протряски только интерес к пище прибавляется. (К Илье.) Верно или нет?

Илья несуразно засмеялся, но Устинья цыкнула, и он осекся.

Елена (взяв чемодан). Варя, покажи мне, где с вещами расположиться.

Варвара. Пойдёмте, сестрица, в горницу.

Елена и Варвара, забрав чемоданы, уходят.

Павел (Семёну). Учёная?

Семён. Кондукторша.

Устинья (язвительно). Учёные все такие.

Семён. Это какие же?

Устинья. С фокусом.

Семён. Ты, Устя, из себя золотку не строй. Прошло то время... Теперь ни к чему это.

Устинья (надутю). А мне что!.. Не буду... Уезжаем мы вскорости.

Павел. Куда?

Устинья. Тоже в городе поживём. Илья в плотники хочет.

Павел. А хозяйство?

Устинья (вздыхнула). Избу-то заколотим. А скотину и остальное — известно... С собой не возьмёшь. Всё равно проку нет. Или в колхоз ступай, или ещё что. Вот мы и надумали. Люди одинокие. Детишков нет. Чего, думаем, не поехать!..

Из своей комнаты вышел Липатов. Он с портфелем, в кармане пиджака видна газета.

Липатов. Приятного аппетита!

Павел (Липатову). Опять на работу?

Липатов. Да. Дела.

Павел. Всего не переделаешь. И отдохнуть не вредно. (Встал и приглашает.) Присядьте испробовать городских гостинцев. (Указал на Семёна.) Вот сын с женой из Москвы приехал.

Липатов. Сын? (Подошёл к столу.) Очень приятно. Будем знакомы. (Протянул руку.) Липатов.

Павел (хлопочет, усаживает). Пожалуйста! Садитесь! (Липатов отложил портфель в сторону и сел.) Вот рыбки копчёненькой откушайте.

Липатов. Лещ? Хорошая рыба лещ! Люблю рыбное! И удить люблю. Только мне не попадается. Другой раз клюёт, и рыба крупная, а начнёшь тащить — срывается... (Семёну.) А вы любите?

Семён. Чего? Лещей?

Липатов. Нет, удить.

Семён. Смолоду уживал. Бывало, больших щук вылавливал...

Липатов. А мне не везёт.

Алексей (мрачно). На уду не везёт, зато девка клюёт.

Павел (резко). Выды!

Алексей встал из-за стола, взял картуз и вышел из комнаты.

Павел (Липатову). Такой уж он у меня. Не обессудь. Давай откушайте гостинцев-то. (Наливает вино.)

Устинья (церемонно встала). Мы, пожалуй, после зайдём. Не до нас тут. Илья, пойдём!

Илья встал и последовал за Устиньей к выходу.

Липатов (выпил). Как там в Москве жизнь идёт? Наверное, оживление царит. Бывал я в ней, проездом. Шумный город. Многолюдье. На улицах чистота, порядок. Милиция кругом... После Москвы вам у нас дико покажется. Ни удобств, ни развлечений. Глушь.

Семён. Ничего... Эта глушь мне знакома. Не привыкать.

Павел (наливая вино, Липатову). А вы пожалуйста! Закусите. После можно и поговорить...

Липатов (выпил и закусывает). К папаше погостить приехали?

Семён (уклончиво). Да... В отпуск... Посылали в дом отдыха, а я решил сюда...

Липатов. Вы, никак, давно здесь не бывали?

Семён. Лет пятнадцать.

Липатов. Эге! За пятнадцать лет и отца забыть можно.

Семён. Здесь родился и рос. Это не забывается.

Липатов. Что верно, то верно! Родной дом — дело большое. Его забыть трудно хоть кому.

Семён (встал). Не в этом дело... Поглядеть на деревню захотелось. Лесным воздухом подышать...

Липатов (смеётся). Поглядеть тут у нас, пожалуй, не на что. А вот насчёт воздуха — дело другое. Воздуху у нас много. Дыши, сколько влезет. Для здоровья хорошо!

В комнату входит Татьяна.

Татьяна (Липатову). Яков Васильевич, вас там ждут!

Липатов. Одну минутку. Я сейчас...

Татьяна (прошла мимо Липатова). Какой вы, право! Вас не дождёшься.

Липатов. Сию минутку. Сейчас иду.

Татьяна, недовольная, вышла.

Липатов (многозначительно). Так. Понятно... А теперь, значит, в Москве? Чем же там занимаетесь?

Семён. Работаю.

Липатов. А где, если не секрет?

Семён. На городском транспорте.

Липатов. А по специальности кто будете?

Семён. Вожатый.

Липатов. Это чего же?

Семён. Трамвая.

Липатов. Интересная профессия.

Семён. Профессия сложная. Ответственность большая. Людей возить приходится, не шутка.

Липатов. Учились?

Семён. Курсы специальные прошёл. А потом практика.

Липатов. Вожатый... Каких только профессий не бывает! Один мой знакомый в бане у людей на ногах ногти чистил, а назывался педикур! (Смеётся.)

Павел (подхватил смех). Всякие бывают... Разные... (Наливает.) Пожалуйте ещё, попробуйте!

Липатов (выпил, закурил, достаёт портсигар и предлагает Семёну папиросу). Курите?

Семён (отказывается). Спасибо... Изредка... Пробовал совсем бросить. Да, признаться, не могу.

Липатов (курит). А что в Москве нового слышно?

Семён. Там нового много. Позавчера шестнадцатый партийный съезд закончился. На нём что ни слово, то новость. И в жизни новостей *хоть* отбавляй.

Липатов. Да... Съезд шуму наделал. Везде прогремел. И *здесь у нас* все, словно очумелые, ходят. Обстановка напряжённая. Не *идёт* как к войне!

Семён (недоуменно). К войне?

Липатов. А вы как думаете? (Вынул из кармана газету.) За границей не дремлют. Почитаешь — вокруг нас военные манёвры проходят, во Франции самолёты готовят, Америка с Англией союзы организуют. (Развернул газету.) Вот и у нас в «Правде» пишут (читает): «На пути превращения России нэповской в Россию социалистическую стоят ещё большие трудности. Обостряется противоречие между капиталистическим миром и СССР, растёт угроза войны». Как вы полагаете, будет она или нет?

Семён. Не знаю.

Липатов. А по-моему, будет. Очень уж момент сейчас подходящий.

Семён. Для кого?

Липатов. Вы беспартийный?

Семён. А что?

Липатов. Так, между прочим... Для ясности. Нынче лучших ударников в партию вовлекают.

Семён (усмехнулся). Значит, я не лучший.

Липатов (успокоенно). Вот я и говорю. Момент подходящий. Куда ни посмотри — такая заваруха идёт!

Семён. Да, жизнь кипит. Дальше ещё сильнее кипеть будет.

Павел. Как бы не перекипела...

Семён (Павлу). А что? (Липатову.) Здесь разве плохо?

Липатов. Как вам сказать? Хорошего мало. Посеять — с грехом пополам посеяли, а как убирать будем — не знаю.

Семён. Это почему же?

Липатов. Бестолковщины много. Взбаламутили народ, у мужика изпод ног почву выбили, а порядка установить не можем.

Семён. Руководства, что ли, недостаточно?

Липатов. Руководства хватает. Хлебоцентр, Колхозцентр, Колхозсоюз, Центросоюз. Засыпали бумагой, а толку мало.

Семён. Толк выйдет.

Павел. Когда он ещё выйдет! А пока что не видно. Куда ни помотришь — всё к упадку идёт.

Семён. Это ты напрасно. Упадка не будет. В Москве об этом по-другому говорят.

Липатов. Говорят-то много... И у нас здесь разговоров хватает. А вы на середняка поглядите. Основной производитель считается. А теперь работать перестал. Мечется.

Семён. А колхоз?

Павел. Что колхоз? Он не даёт, а просит. Собралась одна голытьба... Ни тягла, ни инвентаря. Без грамоты, без опыта... Чего они нахозяйствуют!

Семён. Опыт — дело наживное.

Павел. А лодырей развелось сколько! Работать никто не хочет, а делить — так по едокам.

Липатов. Урожайность падает. Скотина гибнет. Ни учёту, ни порядку. Какое это сельское хозяйство!

Семён. Придёт время — наладится. Не сразу Москва строилась.

Липатов. Вот именно, не сразу! А мы хотим, чтобы сразу. Коллективизация! Переворот в сельском хозяйстве! Нет, директивой мужика не возьмёшь. Одним махом вековой уклад не разрушишь. Тут исподволь действовать надо.

Павел. По-моему, объяви: «Кто хочет итти в колхоз — пожалуйста. А не хочешь — живи сам по себе».

Семён. А по-моему, и сейчас никого не приневоливают.

Липатов. Это только на словах. На деле совсем другое. Вам из Москвы не видно. Вы бы посмотрели, что тут зимой делалось. Стон стоял!

Семён. А статья о головокружении? Значит, направляют.

Липатов. Направляют. Одной рукой направляют, а другой заталкивают. Такого натворили — не расхлебать. Темпы! Энтузиазм! Вам бы познакомиться с нашим председателем. Мужик грамоты толком не знает, а энтузиазму хоть отбавляй.

Павел. Оттого и вся смута! До власти дорвались, как следует не разберутся и творят неведомо чего...

Липатов. А сколько народу из-за этого страдает!

Семён. Кулака в виду имеете?

Липатов. Какого там кулака?! (Указывая на Павла.) Вот он! Родитель ваш. Какой он кулак? Жил землёй. Вывозкой леса занимался. Бажины — другое дело. У тех лесопилка. Капитал. Детей в гимназиях учили. Они сразу беду почуяли, всё ликвидировали, одних баб да стариков здесь оставили, а сами разъехались по разным местам. А Павлу Осиповичу ехать незачем. Он здесь может пользу принести. У него — опыт. Он сельское хозяйство знает. А за что переживает человек? И они с колхозом маются. Вчера опять собрание было. В избе накурено — хоть топор вешай. От говора гул стоит, а в протокол записать нечего. Одни кричат: «Рубить лес!». А другие — против. Ералаш — и только!

Семён. Это какой лес?

Липатов. Хотят вырубить сто сорок десятин лесного массива.

Семён. Для чего?

Липатов. Думают увеличить посевную площадь. Древесину продать, а на деньги механизировать колхоз.

Павел. Не справятся с землёй-то! И ту, что есть, обработать не смогут. Только зря лес сгубят.

Липатов. Небось, не зря.

Семён (встревожен). Постойте... Это что же? Лес-то здесь — богатство. Важный промысел. Зачем же рубить?

Липатов (пожал плечами). Колхоз укреплять надо. Повышать урожайность. Поднимать благосостояние, так сказать...

Семён. Вот и поднимайте! Лесное хозяйство развивайте. Через него и сельское можно поднять.

Липатов. Мало ли, что можно, да, видать, не должно! Жалко, конечно, такое богатство. Сколько людей около этого леса кормилось! Но ничего не поделаешь! Теперь машины понадобились. Работать-то не хочется. Пускай, значит, машина поработает, а мы посидим.

Семён (прошёл к окну). Уваровский лес! На весь округ славится! Его vyrубить не трудно, а вырастить мудрено...

Липатов (с усмешкой). Был уваровский. Потом стал бажинский. И у Павла Осиповича перед революцией рошица десятин на полсотни была. А теперь лес колхозный. Народное достояние. Пусть их распоряжаются, как хотят!

Семён (возмущённо). Так ведь это вредительство!

Липатов (встал и угрожающе). Не думаю! И вам не советую! Люди знают, что делают! Не нам с вами их учить!

В дверях снова появилась Татьяна.

Татьяна (нетерпеливо). Вас ждут, Яков Васильевич! Будет уж...

Липатов (вспомнил). Ах, да! Пойдёмте... (Семёну.) А вы здесь поаккуратней. Советую не мешаться. Не то вместо помощи родителю как бы себе не навредить. (Пошёл к выходу, но от двери вернулся.) А война, по-моему, будет. Уж очень момент сейчас подходящий. (Видя состояние Семёна и Павла.) Благодарю за угощение! Пока! (Уходит вслед за Татьяной.)

Смеркается.

Семён. Разговорился рыбак! (Павлу.) Давно он у вас?

Павел. Второй год. Тамбовский. Из района прислали. Секретарём в сельсовете служит.

Семён. Да... Дела...

Павел. Эх, Семка! Всё в разор идёт! Как жить-то будем?

Семён (задумался). А ты, отец, я слышу, после меня рощу заимел...

Павел. Всё трудом! Своими руками мозольными!

Семён. Вижу.

Павел. Или не веришь?

Семён. Я тебя с дёгтя помню.

Осип (с лежанки). О господи! Меня в чём осудишь... Жил по закону... по правде жил... Земли в наших краях немудрые...

Семён (после паузы, задумчиво). Тишина... Лес не шелохнёт. Будто замер. (С сердцем.) Неужели не понимают люди, что земля здесь — песок, а лес — золото?! Неужели рубить будут такой лес?!

Павел. А что же! И срубят... Нынче не это гибнет. Власть ихняя...

Семён пристально посмотрел на Павла и, что-то решив, направился к выходу.

Семён (у двери в горницу). Лена! Я в деревню пошёл. Скоро вернусь!

Голос Елены. Сейчас! Только переоденусь. Ужас как запылилась в дороге!

Семён ушёл. Павел остался один. Сидит, задумавшись. Где-то на селе заиграла гармошка.

Павел (удовлетворённо засмеялся). Сто сорок десятин! Ловко придумано. Право, ловко! Так их! Пускай покопаются!

Глубокие сумерки. Свет луны падает в окна. Павел зажёл лампу, обратил внимание на забытый Липатовым портфель, открыл его и просматривает бумаги. В дверях появился Липатов.

Липатов. Что вам в моём портфеле понадобилось?

Павел (задул лампу, прячет бумаги). Я... Яков Васильевич... Я тут... Извините уж...

Липатов (взял у Павла портфель). Понимаю, старина. Только в нём ничего интересного нет. Я больше на словах скажу. На вас с Бажиными ещё по пятьсот рублей наложили.

Павел. Креста на вас нет! И так всё прахом идёт. Нету у меня! Ничего больше нету!

Липатов (спокойно). Не нужно портить нервы напрасно. Вы человек неглупый. Сами понимаете. На этот раз советую отдать. Так будет лучше.

Павел (сел). А? Ну, ладно. Я отдам...

Липатов (прошёл в свою комнату и вскоре возвращается с подушкой и одеялом в руках). Сегодня я решил на сеновале спать. Душно в комнате. И клопы...

Павел (почтительно). Спокойной ночи!

Липатов. Приятных снов! (Ушёл.)

Спустя некоторое время тихо входят Устинья и Илья.

Павел. Кто здесь?

Устинья. Что в темноте сидишь, тятя?

Павел. Ко сну собрался. Обожди, засвечу.

Устинья. А пожалуй, не надо.

Павел. Что за дело у вас?

Устинья. С просьбой к тебе. (Огляделась.) Золото у нас. С собой брать боимся. Неровен час, отнимут. Сделай доброе дело — побереги.

Павел. Много у вас?

Устинья. Всю жизнь копили.

Павел. Много ли, спрашиваю?

Устинья. Сто пятнадцать рублей.

Павел. Что с вами делать? Давайте.

Устинья. Только, тятя, на тебя вся надежда. Сделай божескую милость — не подведи.

Павел. Позарюсь я, что ли?

Устинья. Нынче и земля ненадёжна. Илья, отдай!

Илья достаёт из-за пазухи свёрток и передаёт его Павлу.

Павел (Илье). Ступай, покарауль. Как бы не взошёл кто.

Илья исчезает за дверью. Павел зажгёт свечу, прошёл к печке, там встал на стул, передал свечу Устинье и вынимает из душника кирпич.

Осип. Пахал, скажу. землю... детей, скажу, рóстил...

Устинья в испуге задула свечу.

Павел. Отец это! Зажги.

Устинья зажигает свечу. Павел достал из тайника железную банку, положил туда свёрток с золотом и снова спрятал банку в тайник.

Павел (отошёл от печки). Вот и всё. (Устинье.) Позови Илью-то.

Устинья вышла и возвращается с Ильёй.

Устинья. Илья, кланяйся!

Илья кланяется.

Павел. Когда едете?

Устинья. Вскорости и уедем. Только с имуществом задержка. Распродать надо. Даром бросать жалко.

Павел. Ладно. Ещё увидимся. Я спать пойду. Что-то ко сну клонит.

Устинья. Должно, с устатку?

Павел. Должно. (Вышел в сени.)

В глубине сцены из горницы прошли к выходу переодевшаяся Елена и Варвара.

Елена (на ходу). Электрический. Как поезд. Только поезд паром, а этот электричеством. Ужас как быстро! Ну, стоишь и кричишь: «Граждане, получайте билеты!». А когда остановка: «Сухаревская площадь! Земляной вал! Зацепа!». (Ушли.)

Устинья (передразнивает). Зацепа!

В комнату вбегает разгорячённая Татьяна. Она пробежала к окну и там стоит, запыхавшись и закрыв лицо руками.

Устинья (язвительно). Видать, нагулялась?

Татьяна (надменно). Не ваше дело, сестрица! За собой смотри, если есть за чем, а в чужое нос не суйте!

Устинья. Илья, пойдём! (Уходят.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Та же комната. Середина дня. У окна сидят Варвара и Елена. Голова Елены покоится на коленях у Варвары, и та гребнем расчёсывает ей волосы. В другой стороне комнаты Татьяна на гладильной доске разглаживает яркое, цветистое платье. Она весела и счастлива.

Елена (продолжая разговор). Выйдешь на улицу, и прямо-таки жизнью обдаст. Автомобилей этих — сосчитать невозможно! Гудят, фырчат. Милицейского свистка не слышно. А народу — просто ужас! Кто по делу, а кто так. В трамвае толкаются, бранятся. За смену так нервы накрутят! Бывает, что в милицию спровадишь.

Татьяна. Это за что же?

Елена. Кого за безобразие, кого за без билета. А у вас тишина такая! С непривычки прямо-таки тошнит...

Варвара (отвлечённо). Сухо нынче. Дожда давно не было. Жнитво будет удачливое...

Елена (поднялась). А вечером везде электричество. Вы себе представить не можете, сколько электричества! Тут и театры, и кино, и магазины. И опять автомобили, трамвай, такси. И везде народу, народу — ужас!

Татьяна. Вот где жизнь-то!

Елена. А что у вас? Сидят по избам. В назъме копаются. Ни сладости, ни радости. Прямо-таки тоска!

Варвара (вздыхнула). Это верно...

Елена. Ну, как вот, например, идёт ваша жизнь?

Варвара. Что наша жизнь! Наша жизнь обыкновенная.

Елена. Ну, всё-таки?

Варвара. Я ведь нездешняя. Из лесу. Со сторожки. Тогда Струнины на станцию лес возили. К нам заезжали. Работников много. Народ весёлый. Я тогда думала за другого пойти... Да Струнины посватались.

Татьяна. За другого... И выходила бы!

Варвара. Отцу моему захотелось. Всё-таки они подрядчики.

Елена. Так пускай бы он сам выходил!

Варвара (усмехнулась). Что ты! Разве ослушаешься!

Елена. Фу, дикость какая! Попробуй какую-нибудь городскую поневоле отдай. Она покажет. Будьте покойны! Не рад станешь. (Помолчала.) А теперь?

Варвара. Теперь привыкла. Живу.

Татьяна (продолжая гладить). К нашему зверюке привыкать привыкалки нехватит.

Варвара (строго Татьяне). А ты помалкивай! Зелена ещё. Совсем разбаловалась без матери.

Татьяна. А что, не правда? Выходить, так по любви. А не по любви, так и выходить нечего.

Елена. Как-то у вас несогласованно. Не дружно.

Варвара. Кто его знает! Оно, поди, у всех так. Ваше дело городское. У вас по-другому. А у нас любезничать недосуг.

В комнату входит Савушка. Елена встала, прошла к зеркалу и причёсывается.

Савушка (остановился в дверях). Моё почтение!

Татьяна (Савушке, недружелюбно). Ты зачем пришёл? Уходи! (Погрозила утюгом.) А то вот он, утюг-то!

Варвара (Татьяне). Будет уж тебе! Чего зря злишься? (Савушке.) Проходи, Савушка! Садись. Ты почто пришёл?

Савушка (заученно, однотонно). Господи, Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Тётяшка Варвара, милостыньки Христа ради, покорми, пожалуйста!

Варвара (Татьяне). Дай ему утрешнюю картошку. Пускай съест.

Савушка садится к столу. Татьяна вышла и вскоре возвращается с миской картошки и с куском хлеба.

Татьяна (поставила миску перед Савушкой на стол). На, ешь! Жених... (Взяла выглаженное платье и ушла с ним за полог.)

Савушка (аппетитно ест). А где мужики?

Варвара. Разошлись куда-то.

Савушка. Семёна Павловича повидать охота.

Варвара (наставительно). А ты, Савушка, к нему не привязывайся. Нехорошо это. Он сюда в отпуск приехал. Пусть отдохнёт.

Савушка (добродушно). О? Тогда не буду. Мне бы только отыграться. Разве бы я стал...

Варвара (Елене, указав на Савушку). Вот, погляди на него. То побирается, то в деньги играет. Вот она, деревня-то! Вся тут.

Елена (у зеркала). Да уж... Поглядеть не на что... Не то что в городе. Там и одежда у людей не та.

Варвара. А почему он такой? Из него бы, может, человек вышел. А он с четырнадцати лет от нужды в батраки пошёл. А батраку какая жизнь! Один его бьёт. Другой за водкой посылает. Тяжесть всякая. А как-то раз парнишку на морозе с лошадьми оставили. А сами в кабак пошли. Он прикорнул. Лошади от коновязи оторвались. Разбежались. Те, пьяные, вернулись — его бить стали. А у свёкра рука тяжёлая. Вот он и стал такой...

Елена. Да, прежде жизнь была, конечно, некультурная.

Варвара. Какое уж там! Оно и теперь... У других, может, и иначе. А у нас — того и гляди, как бы дело до драки не дошло.

Татьяна (из-за полога). И дойдёт. Гляди, что творится.

Елена. А что?

Татьяна. Очень уж колхозу у нас не рады.

Елена. Боятся?

Татьяна. Известно, боятся. Разве охота своим добром рисковать?

Елена. А какой тут риск? Даже обидно... Хуже, чем было, не будет. Прямо-таки смешно!

Татьяна. Смешного тут мало. Вон как село-то перемутилось! Одни радуются, а другие режут. А чего режут, сами не знают. Кто от жадности,

кто от глупости, а кто и просто из озорства. Намедни в соседнем колхозе председателя убили. Сколько народу на похоронах было! Говорят, хороший был человек... И у нас, посмотришь, идёт не гладко... Каждый день собрания. Ругаются, шумят...

Елена. А чего шуметь? Советская власть для народа плохо не сделает.

Татьяна. Известно, не сделает... Да ведь не все так понимают. Вон у нашего Алексея разговор другой.

Варвара (села около Савушки). Как там нынче в селе-то, Савушка?

Савушка. Тревожно... Вчерась из району начальство приезжало. Опять собрание было.

Варвара. О чём?

Савушка. Не знаю. Заперлись. Видать, секретно.

Варвара. Может, опять о лесе?

Савушка. Нет... О другом.

Варвара. А что в народе слышно?

Савушка. Разное... Не разберёшься... Ликвидировать чего-то собираются. А чего — не говорят.

Варвара. Уж не лес ли?

Савушка. Что ты всё о лесе! Чего он тебе дался? У нас лесу много. И так, гляди, к околице подошёл.

Варвара (встала). Ох, и время! И чудно и страшно! А уж лучше бы скорее всему конец.

Елена (закончила причёску). Ну вот я и готова! Сейчас переоденусь и гулять пойду.

Варвара. Покушать не хотите ли, сестрица?

Елена. Нет, спасибо. Обедали недавно. Уж очень у вас спозаранку обед. (Ушла в горницу.)

Осип (зовёт). Варвара! Варька!..

Варвара (подошла к лежанке). Чего тебе?

Осип. Душно мне что-то... Ты бы меня во двор вывела... На солнышко... Больно на солнышке полежать охота...

Варвара. Пойдём. Выведу. (Помогает Осипу подняться с лежанки.) Эх-ма! Не дай бог дожить до такой старости... (Ведёт Осипа к выходу.)

Осип (на ходу). Ноги-то уж слабые... Не носят... А не идёт ко мне смерть-то... не идёт... Ещё солнышко увидеть охота. На поле бы сходить... Ржи посмотреть... Какие они нынче...

Варвара. Куда уж тебе! Лежи знай.

Осип. Старики раньше сказывали, что год от году мельчеет зерно-то станет. Не мельчеет ещё? Ась?

Варвара. Не мельчеет.

Осип. А говорили, станет. Обман, значит...

Варвара и Осип скрываются за дверь. Савушка продолжает есть. Из-за полога выходит разряженная Татьяна.

Татьяна (остановилась против Савушки и озорно). Вот она какая! (Савушка восхищённо поднялся со стула.) Что, хороша? (Савушка давится недожжёванным куском.) Хороша или нет?

Савушка (хватает её в объятия). Хороша! Очень даже. Таньша!

Татьяна (оторопело). Ты чего, дурак? Отпусти!

Савушка. Не пущу! Хороша больно! Давай поженимся. Отец приданое даст. По-людски жить будем... Таня!

Татьяна (вырывается). Отпусти! Закричу я!

Савушка. Зачем кричагь? Не надо кричать. Ты не смотри, что я таксй. Приоденусь — не хуже всякого буду. Другого молодого за

пояс заткну. Куда они, молодые-то! Пьют, курят, озорничают. А я степенный... работающий... А уж любить тебя буду! Эх ты!..

Татьяна, собрав силы, вырвалась от Савушки. От сильного толчка Савушка отлетел за полог и там очумело сел на полу.

Татьяна (у зеркала, оправляет платье). Вот дурень старый! Всё платье примял.

В комнату входит встревоженный Липатов.

Липатов (не видя Савушки, Татьяне). Где отец?

Татьяна. Не знаю.

Липатов. Я, Татьяна Павловна, вынужден съехать с вашей квартиры.

Татьяна (оторопело). Это почему же?

Липатов. Серьёзная причина... Острый момент...

Татьяна (испуганно). Господи! Что случилось?

Липатов (отвлечённо, с тревогой). Кто-то сообщил в район насчёт порубки леса. Представили дело в таком свете, что кое-кому не сдобровать.

Татьяна. А вы при чём?

Липатов. А? Мало ли... Там найдут при чём. Что надо и не надо припишут... (Вынул кошелек, отсчитывает деньги и даёт их Татьяне.) Вот окончательный расчёт за квартирную плату. За вещами я пришлю. (Пошёл к выходу, но от двери вернулся.) Кстати... Бажиных и вас подводят под ликвидацию.

Татьяна. Это как же?

Липатов. Обычно... Отберут имущество, а вас... в Колыму. Передайте отцу, чтобы приготовился. (Строго.) Только никому! Ни одного слова, что я предупредил!

Савушка (из-за полога). А я скажу.

Липатов (растерялся). Что?

Савушка. Возьму да скажу...

Липатов (взял себя в руки). Кому?

Савушка. Председателю скажу.

Липатов (угрожающе приближается к Савушке). Убью, если что! Брысь отсюда! (Савушка стремглав выбежал из комнаты.)

Татьяна (порывисто). Яков Васильевич! А как же я?..

Липатов (отстранил Татьяну). Не время сейчас для объяснений. Тут такое заворачивается — голова кругом.

Из горницы выходит переодевшаяся Елена.

Елена (кокетливо). Извините. Я, кажется, помешала?

Липатов (галантно). Нет, ничего... Напротив... Пожалуйста.

Елена (Липатову). Третий день мы здесь отдыхаем, а я с вами ещё не знакома. (Татьяне.) Танечка, познакомь!

Татьяна. Знакомьтесь, если охота...

Елена и Липатов знакомятся.

Липатов (Елене). Решили погулять?

Елена (играя сумкой). Да... Хочу пройтись... Муж опять пошёл с колхозниками разговаривать. Говорит, деревня захватила... И в огпуск себе дело нашёл. А я пойду, хоть подышу свежим воздухом.

Липатов. Вы ступайте в лес. Воздух у нас там замечательный!

Елена. Я равнодушная к лесу. Свободно заблудиться можно в таком ужасе.

Липатов. Тогда на поля.

Елена. А где у вас поля?

Липатов. Тут неподалёку.

Елена. А вы бы, как вежливый, проводили.

Липатов. С удовольствием, но очень занят.

Елена. Неужели всё время заняты?

Липатов. Колхозное строительство. Горячая пора.

Елена. Уж будто для личной жизни не остаётся минуточки?

Татьяна. Говорят, что заняты, сестрица, что ещё?

Елена. В городе тоже строительство, а по вечерам страсть как развлекаются.

Татьяна. То — город, а здесь — деревня...

Елена. В таком случае я и одна пройду. (Направилась к выходу.)

Липатов (опередив Елену, у двери). Позвольте, я открою. В деревне все правила вежливости позабудешь. Я провожу вас на поля.

Елена и Липатов скрылись за дверью. Татьяна опустилась на стул и заплакала.

Татьяна (сквозь слёзы). Ох, тошно мне, тошнёхонько! Душенька болит... Этой чего ещё надобно? Своего мужа имеет, а финтит... Опостылело мне всё, опостылело! Хоть бы скорей замуж выйти. С ним жить... Всё-таки он сознательный...

В комнату входит Варвара.

Варвара (увидев Татьяну, подходит к ней). Ты о чём? О чём ты, Таня?

Татьяна. Надоели вы мне! Глаза бы мои на вас не смотрели! Дикие вы какие-то. И жизнь дикая. Другие, посмотришь, весело живут. Песни поют, развлекаются. А у нас — ни улыбки, ни радости. (Варвара села около Татьяны и ласкает её.) Ты тоже с лаской пристаёшь! А ласка твоя хуже кулаков отцовских! От бабьей жалости она. Сама свою жизнь загубила, а теперь меня жалеешь. Мне не нужно твоей жалости! Ты себя жалея, а обо мне не печалься!

В комнату входит Павел. Услышав разговор, он остановился в дверях, прислушивается.

Татьяна (не видя Павла). Я сама себе дорогу найду! Подневольной, как ты, не стану! Я по-новому жить хочу! Как все люди быть желаю... (Плачет.) Сил моих больше нету! Уйду я от вас! Хватит, поработала! Отцову жадность всё равно не насытила. А теперь вольно поживу. Хоть жизнью попользуюсь. Возьму от вас, что на себя надену, а там пускай ликвидируют всё хозяйство! Мне нисколько не жалко!

Павел (идёт к Татьяне, строго). Чего ликвидируют? Откуда взяла?!

В комнату входит Семён. Увидев происходящее, он прошёл к окну и слушает. Несколько позже входит Алексей. Остановившись в дверях, он напряжённо и хмуро следит за ходом действия.

Татьяна (оробела). Яков Васильевич приходили. Тебя спрашивали.. (Протягивает Павлу деньги.) Вот деньги.

Павел. Какие деньги?..

Татьяна (растерянно смотрит на всех). Они с квартиры съехали. Про лес говорили...

Павел (резко). Ну! (Замахнулся на Татьяну.) Говори или как!..

Варвара (загораживает Татьяну). Ты бы, батюшка!..

Семён (Павлу строго). Не пьян, а буянишь!

Татьяна (почувствовала защиту, смелее). Сказал, что ликвидируют

нас и Бажиных. Имущество отберут, а нас — в Колыму! Велел пэжитки собирать! Приготавливаться!

Павел (гневно). Уйди с глаз, стерва!

Варвара (Татьяне). Пойдём, пойдём, девонька. Экий ведь характер-то! Чисто струнная кровь! (Уводит Татьяну в горницу.)

В комнату вбегают озабоченные Устинья и Илья.

Устинья (ещё издали). Тятя! Телушку у нас никто не берёт! Молода больно! Не возьмёшь ли ты? Мы тебе задёшево отдадим.

Павел (раздражённо). Уйдите к чёртовой матери сию же минуту!

Семён. Не пьян, говорю! Не кричи!

Устинья (растерянно). Илья, пойдём!

Илья и Устинья, недоуменно оглядываясь, торопливо исчезают. Павел опустился на стул, Семён стоит у окна, Алексей — в глубине комнаты. Все угрюмо безмолвствуют.

Павел. Что теперь делать-то? Сёмка!.. (Семён барабанит пальцами по окну.) Что молчишь?..

Семён. А что говорить стану?

Павел. Совет дай.

Семён. У самого ум есть. Прежде без советов управлялся.

Павел. Время не то.

Семён. Соображаешь!

Павел (помолчал). Ну что же! Значит, всему конец! В деревне делать больше нечего. Видать, и нам в город ехать надо. В городе — в народе. Там жить легче...

Алексей (вышел на середину комнаты и с сердцем). Эх, язвы их в души! Какую жизнь сломали! Какой лад нарушили! Всё в прах развеяли! Всё размели! А я-то думал... жить буду! Своим добром владеть буду! Когда ни то хозяином стану! И вот — всё в тартарары! (Кланяясь Семёну, с сарказмом.) И тебе спасибо, братец! Благодарим за привет и ласку! Что нас в беде не покидаешь, в нужде помощь подаёшь! А только не бойся! Навязываться не станем! Нам город без надобности. Мы люди лесные. В лесу нам вольготно. А город ни к чему! (Махнул рукой.) Да что зря говорить! Сказано, приготовляться надо, значит — слушайся! А я приготовлюсь. Пойду рубаху чистую надену, портки... Двор прибору — гостей встречать. Всё милей станет! (Быстро вышел из комнаты.)

Павел (утомлённо). Не слушай его, Сёмка. Несуразный он. Из тебя, я смотрю, толк вышел. А он не может. Характер у него не тот.

В комнату робко возвращается Савушка.

Павел. А, Савушка, божий человек! Проходи...

Савушка проходит, садится к столу и доедает картошку.

Павел. В колхоз не собираешься?

Савушка. Дурак я, а то бы пошёл.

Павел. А умного будто примут?

Савушка. Умного завсегда примут.

Павел. А вот я умный, а не принимают

Савушка. Тебя за другое.

Павел. За что же? Говори смелей.

Савушка. Кулак ты. Председатель тебя сильно не любит. Ты ему колхоз расстраииваешь. Середняков мутишь.

Павел (усмехнулся). Расстраииваю, говоришь?.. Скоро не буду. Пускай не тревожится. В город уезжаю. Навовсе.

Вошла Варвара и, остановившись в глубине комнаты, слушает.

Савушка (озадачен). А хозяйство?

Павел (встал, оглядывает комнату). А хозяйство? (Вскипев.) Тебе дарю!

Савушка (смеётся). Чудно...

Павел. Чего смеёшься? Тебе дарю! Бери! Всё твоё! И дом твой, и земля твоя! Всё имущество твоё! (Савушка недоумевает.) Не веришь, малоумный?! (Идёт к шкафу, достаёт связку бумаг и суёт их в руки Савушки.) На! Бери! Тут планы, расписки, документы. Всё бери! Управляй! Командуй!

Савушка (смотрит то на Павла, то на бумаги). Или взаправду?..

Павел (разгораясь). Сёмка, растолкуй ты ему, дураку! (Вынимает из кармана связку ключей.) И ключи — на! (Трясёт перед Савушкой ключами.) Вот гляди, сколько ключей-то! (Отдаёт Савушке ключи.) Бери! Теперь все твои! Отпирай, запирай... Властвуй! Мне теперь ничего не надо! (Возбуждён до предела.) Хочешь — рубаху стдам? Я в город так поеду! (Снимает рубаху и бросает её Савушке.) На! Бери! (Сдирает со стола и бросает Савушке скатерть.) И это бери! (Срывает полог, кидает другие предметы.) Всё бери! Владей, дурак, по своему усмотрению! (Исступлённо.) Ты хозяин!!! Ты!!!

В комнату входит Елена с букетом полевых цветов.

Елена (оживлённо). Сеня! Я на полях была. Ах, как там невозможно красиво! Цветов этих тьма-тьмушая. Запахом прямо-таки с ног сшибает. Я и не думала, что лучше всякого дома отдыха будет! (Обратила внимание на происходящее в комнате.) Что это у вас опять происходит?

Павел (с усмешкой). В город к вам собираемся. Принимай, сноха, свёкра со чадами.

Елена. А деревня?

Павел. Нам деревня наскучила. Хотим навеселе пожить. Покрасоваться.

Елена (недоуменно). Сеня, это что же? В одну комнату? Ты одурел, может быть?

Павел. Что, сноха? Или не рада? А ты не тревожься. Жильцы мы спокойные. Без голоса. Капиталец небольшой есть. Не стесним.

Елена (Павлу). Прямо-таки не знаю, как быть... (Семёну тихо, но угрожающе.) Не согласна я...

Семён (Елене). Не горячись. Успокойся.

Елена (оскорблённо). То есть как это не горячись? Как успокойся? Моих, калужских, — так не надо, а своих, рязанских, — так пожалуйста! Я против этого факта!

Семён (Елене раздражённо). Да подожди ты! Не мешайся! (Павлу в том же тоне.) Эх вы! Люди!. До чего дошли! Рядом стоишь — дышать тяжело. А каково с вами жизнь прожить! Вашего хлеба покушать!

Елена (приняла на свой счёт). И не живите. Не очень нужно. Нынче вашего брата прямо-таки пруд пруди. Только на нервы действуют! (Обиженно вышла из комнаты.)

Павел (после паузы). Так, Сёма... Куда же нам теперь? Безвыходно, что ли?

Семён. Безвыходно не бывает.

Павел. А ты укажи на выход, сынок.

Семён. Не мне тебе указывать.

Павел. А кому же?

Семён. Здесь есть люди. У них спроси.

Павел. Здешние люди, видать, добра не помнят.

Семён. А много ль его было?

Павел. Не я виноват! По таким законам прежде жили. Разве один я? Таких тысячи!

Семён. А тех миллионы! У них законы другие. Они по-своему смотрят. Вот и решай.

Павел (тяжко). Как же теперь быть-то?

Семён. Работать надо. Трудом за старое расплачиваться. Заслужите — прощение дадут, а не заслужите — на себя пеняйте.

В комнату с криком вбегает перепуганная Татьяна.

Татьяна. Ой, господи! Что во дворе делается!

Павел (встал). Что ещё?!

Татьяна. Алексей скотину режет!

Семён быстро выбежал из комнаты, за ним — Павел и Татьяна. В комнате остались Савушка с бумагами, ключами и рубашкой в руках и понурая Варвара.

Савушка (захохотал). Эх, мышь тебя ешь! Я хозяин! Слышите? Или нет? Я хозяин! И земля моя, и дом мой! Всё моё! Эх-ма, Савелий Егорыч! Мне теперь и Таньки не надо! Я другую найду! (Ликующе приплясывает, размахивая рубашкой и гремя ключами.)

Варвара (подошла к Савушке). Дай-ка сюда ключи-то, дурачок. (Взяла ключи, накрыла стол скатертью и пошла к выходу.)

Картина вторая

Двор Струниных. На переднем плане — часть дома с крыльцом и завалинкой, в центре — ворота с калиткой на улицу, в глубине двора — добротные хозяйственные постройки. Двери массивные, с железными петлями и большими замками. Ночь. Свет луны освещает строения двора и образует густые тени. Издали доносится стройное пение девушек в сопровождении гармони. Около калитки стоят Липатов и унылая Татьяна.

Татьяна. Девушки песни поют... Гармонь играет... А меня ничего-то не радует! Ничто не веселит!

Липатов (курит). Тут не до песен. Вон как обернулось! Даже я про это ничего не знал.

Татьяна. Ох, тяжело мне, тяжело!

Липатов. Мне, может, больше вашего тяжело, да ничего не поделаешь. Такой уж переплёт.

Татьяна. Что же теперь, вешаться, что ли?

Липатов. Зачем вешаться? Надо переждать.

Татьяна. А чего ждать?

Липатов. Лучшего.

Татьяна. Хоть бы ты пожалел меня, Яша...

Липатов. Нам больше встречаться нельзя.

Татьяна. Это почему же?

Липатов. Сами понимаете. Ваше положение такое. А я — секретарь.

Татьяна. Уехать бы нам отсюда.

Липатов. Куда?

Татьяна. В город. Я бы там на фабрику поступила. Работницей стала. Руки у меня ловкие. Я работать люблю.

Липатов. А там спросят: «откуда?», «чья дочь?». Думаете, не разбираются?

Татьяна (порывисто). Возьми ты меня замуж! Возьми меня, Яшенька! Я для тебя всё сделаю. На что хочешь пойду. Барыню тебе надо — выучусь и барыней стану. Работницу ищешь — работой угожу. Никогда ни за что упрёка не сделаю. Ничем не обижу. Ни в чём не подведу.

Липатов. Эх, Татьяна Павловна! Было бы, как прежде, то лучше, чем вы, мне и желать не надо! Имели бы здесь рощицу десятин на полсотни и жили бы в лесу припеваючи! А теперь... Все надежды разбились. Вся жизнь кувырком пошла!

Татьяна. Может, всё наладится...

Липатов. Не от нас зависит. (Прислушивается.) Вон... Слышите? Веселятся. А нам приходится горевать.

Татьяна. Ну и что же? И мы так будем! Жить по-новому станём. Свою квартиру заведём. Из меня и хозяйка хорошая выйдет. Я и шить и вышивать могу! (Умоляюще.) Только возьми ты меня! Возьми из этого дома ненавистного. От жизни этой дикой возьми!

Липатов (жёстко). Ну куда я вас возьму?! Что с вами делать буду? Вам, может, не ясно или ещё что!

Татьяна. Мне всё ясно! Я всё понимаю! За отца я не ответчица. Я сама собой распоряжаться желаю. По-своему жить хочу!.. А на тебя вся надежда. Поженемся, и всё будет улажено. Всё будет хорошо.

Липатов (затушил папиросу). Нельзя мне...

Татьяна. Почему, Яшенька?

Липатов. Ещё причину имею.

Татьяна. Какую?

Липатов. Женат я. Семья у меня в Тамбове. Двое детей.

Татьяна (отстранилась от Липатова). Вот вы какие!.. Тогда прощайте!

Липатов. Вы уж извините. Не судите строго. Сами виноваты. Я тут ни при чём.

Татьяна (затворила калитку, оставив за воротами Липатова, задвинула засов и утомлённо прошла на крыльцо). Заплутала и, куда итти, не знаю. Зверюки... Все зверюки... И как только я из этого леса выберусь? (Ушла в дом.)

Пение прекратилось. Луна передвинулась по небу, тень у стены дома исчезла, и там стал виден лежащий на завалинке Осип.

Осип (силясь подняться, зовёт). Варвара! Варька! Эй, кто тут есть! Озяб я... Забыли, что ли? (Опустился на завалинку и затих.)

С улицы через забор перелезает Алексей.

Алексей (спрыгнул на землю). Заперлись. Воров боятся. Небось, теперь не украдут. А кто украдёт, сам не рад будет. (Направляется к крыльцу.)

Из дома навстречу Алексею вышел Семён.

Семён. Кто здесь? Это ты, Алёшка?

Алексей. Или испугался?

Семён. В темноте не признал.

Алексей. Не бойся.

Семён. А чего мне бояться?

Алексей. Не бойся, говорю. Не жулики.

Семён. Ты что здесь делаешь?

Алексей. На месяц смотрю. Как он нынче выглядит...

Семён. А в тебе, браток, зла много.

Алексей. Сколько есть, всё моё.

Семён. А скотина при чём?

Алексей. Недужится мне.

Семён. У тебя которое место болит? (Алексей молчит.) Не голова ли? Если голова, то плохо. Эту болезнь запустишь — лечить будет трудно.

Алексей (грубо). Ты чего ко мне пристал? Иди лучше свою кондукторшу полечи! (Быстро ушёл в дом.)

Семён сел на ступеньку крыльца, вынул папиросу и зажгёт спичку. На заборе появился встревоженный Савушка.

Савушка. Эй! Эй! (Узнал Семёна.) Это ты, Семён Павлович? А я смотрю: кто это спичкой чиркнул? Ты что здесь делаешь?

Семён. Отдыхаю. Покурить вышел.

Савушка. Тогда отдыхай. А я пойду. (Скрылся, но через некоторое время снова появляется на заборе, перелезает, идёт к Семёну и садится около него.) А скажи-ка, Семён Павлович... Как это ты в люди вышел? А я почему-то не могу. Вместе, помню, ребяташками бегали, окуней удили. А теперь ты вон какой! А я — вот.

Семён. Тебя, брат, съели.

Савушка. Кто?

Семён. Люди. Которые позубастей.

Савушка. Люди кормят.

Семён. Одни кормят, а другие едят.

Савушка. Чудно! Звери, что ли?

Семён. Звери — те не кормят, а только едят. А эти вперёд накормят, а потом есть начнут. Двойная выгода — и своё не пропало, и твоё съел. Понял?

Савушка. Угости папироской, Семён Павлович. Больно дух от неё приятный.

Семён (даёт Савушке папиросу). А я эту хитрость понял. А когда понял, сразу в люди пошёл.

Савушка (прикуривает). Тебе не иначе через мать повезло. Она у вас добрая была. Когда я у вас в работниках был, и мне через неё легче жилося.

Семён (смеётся). Тебя, видать, сразу политграмоте не выучишь.

Савушка (с удовольствием курит). Ну да...

Семён и Савушка некоторое время сидят в молчании и задумчиво курят.

Савушка (после паузы). А скажи, Семён Павлович... Это что происходит? Кто затеял этот колхоз?

Семён (не сразу). Ты про Ленина знаешь?

Савушка. Про Ильича-то? Знаю

Семён. А про Сталина?

Савушка. Слышал.

Семён. Это они. (Прошёл и открыл калитку.) Вот она... Видишь? Твоя деревня. Жила, может, тысячи лет. Всех кормила, поила, а сама голодная да нищая была. А отчего? Оттого, что каждый сам за себя. А они разобрались. Путь указали. Как народу жить сообща.

Савушка (глубокомысленно). А по-моему, ничего у них не выйдет... Только разорят деревню. Не у кого будет милостыньку попросить.

На крыльце, кутаясь в платок, появилась Елена.

Елена. Сеня! Ты где пропадаешь? Опять оставил меня одну? Темнота такая — просто ужас! Прямо-таки страшно становится от темноты.

Семён. Сейчас иду! (Савушке.) И ты ступай. Где сегодня ночуешь?

Савушка. У Бажиных. Огород караулю.

Семён. Как у них там?

Савушка. Смутно. Видать, тоже мне отдадут.

Семён (затушил папиросу и встал). Ну, ступай, карауль, если так.

Семён проводил Савушку, закрыл калитку и поднялся на крыльцо.

Семён (Елене). А ты не пугайся. Скоро этой темноте конец будет. Загорится и здесь яркий свет! И здесь, как в городе, светло станет! (Ушли в дом.)

Сцена некоторое время пуста. Послышался стук в ворота. Стук повторился. Из дома выходит Варвара и, на ходу повязывая платок, идёт к калитке.

Варвара. Кто здесь?

Голос Устиньи. Открой, Варвара!

Варвара открывает калитку и выпускает собравшихся в дорогу Устинью и Илью.

Устинья. Илья, входи! (Варваре.) Проститься пришли. Поехали.

Варвара. Что в ночь?

Устинья. Лучше. Не видно. Разбудила бы...

Варвара. Уж не знаю как.

Устинья. А что?

Варвара. День-то какой нынче был!

Устинья. Из-за московских, небось?

Варвара. Какое там!.. Всё кругом пошло! Притесняют отца-то.

Устинья. Ой, батюшки! Илья, слышишь или нет?

Варвара. За день измаялись сердцем... Как будить станешь?

Устинья. Верно, верно.

Варвара. Вы уж поезжайте. Я передам, что прощались.

Устинья. Передай уж, передай! Мы из города напишем...

Варвара. А может, и не придётся.

Устинья. Почто?

Варвара. Так. Мало ли что случиться может!

Устинья (вынимает из-за пазухи небольшой свёрток). На-ко вот, Варвара. Я тебе платочек маменькин подарю.

Варвара (неприятно). Да ну! Не надо зовсе!

Устинья. Нет уж, возьми! (Суёт Варваре платок.) Ты тут за домом присмотри. Что с тятёй случится — напиши. А если к разделу имущества дело пойдёт, я приеду.

Варвара. Ладно уж... Поезжайте.

Устинья. До свидания! Ты не обижайся. Время-то какое! Разве бы мы поехали?.. Илья, прощайся!

Илья прощается.

Варвара. Смотрите, ночью не завяжите. В лесу дорога дурная.

Устинья. Ничего. Как-нибудь проедем. Илья, пойдём! (Уходят.)

Варвара закрыла калитку и прошла на крыльцо. Навстречу ей вышел Павел. Он босой, в белой рубашке.

Павел (Варваре). Не спится мне. Сна нету. С кем это ты?

Варвара. Орешины. Прощаться заходили. Я будить не стала.

Павел. Уезжают?

Варвара. Догнать, может?

Павел. Не надо. Ступай, спи.

Варвара ушла в дом.

Павел (прошёл к конюшне и раскрыл дверь). Что глядишь? Не узнаёшь? Хозяин это. Павел Осипович Струнин. Знал? Или и тебе не в примету? И ты былые обиды вспомнил? Да... Бывало, обижал, бывало, и баловал. Пшеницей кормил, овса давал вволю. Или не благодарен? Или и тебе я недругом стал? (Помолчал.) А помнишь, карька, как мы с тобой лес возили? (Припоминает.) Сколько вас у меня тогда было? (Считает

на пальцах.) Гнедая, каурая, ещё гнедая, две вороны, две пегие, сивка, буланка да ты. Десять коней! Да на тех десяти конях по человеку. Вот она, сила-то! Каждый день полсотни в доход шло. Если бы всё по-ладному продолжалось, скоро в купцы бы взошёл. Да, не довелось тебе, карька, купецким коренником стать! Люди-то обиделись, что им мало давал. Позавидовали ладной жизни... И то правда: всё село — голь перекатная, только мы с Бажиными, как бельмо на глазу. (Разгорячённо.) Ум-то где? У меня да у Фролки Бажина! Того не объегоришь. Тот меня объегорить норовил. В уме всё! Вот теперь и они за ум взялись. Хозяевами стать порешили. Только чего сделают? Во что землю обратят? Какую жизнь наладят? А нас много! Наше-то крепко в людях сидит! Его легко не возьмёшь! Сразу не вытравишь! Оно долго будет жить! Много с ним повозиться придётся!

Осип (с завалинки). Это ты, Пашка? Озяб я... На лежанку охота... Уведи ты меня... Лютееет в ночи-то... Видать, зима будет ранняя... Сеять заранее надо...

Павел (сел около Осипа). Отсеялись.

Осип. Ась?

Павел. Отсеялись, говорю!

Осип. Что рано?

Павел. Иди в сельсовете спроси.

Осип. Опять чего-нибудь замышляешь? Будет уж... Уймися. Жадность-то свою уйми. В кого такой уродился?.. Я по чести жил... Всё правду искал... А ты вон по какой дороге пошёл! Сколько людей по миру пустил! Жену, Авдотью, в могилу спровадил! Неужели тебе ещё мало? Старик уж... Скоро за мной пойдёшь... О боге подумай! (Показал на небо.) Он ведь тамо!..

Павел. На мой век, отец, бога нехватило. Выдохся. Теперь без него люди живут.

Осип. Эх, Пашка! Отступлюсь я от тебя на том свете, отступлюсь... Чей, спросят, сын? Мой, скажу. А только не по моим следам шёл. За его грехи я не в ответе. Так и скажу... Пахал, скажу, землю... детей, скажу, ростили...

За сценой прокричал петух, ему где-то вдали ответил другой, потом третий.

Павел. Утро. А сна нету! (Поднимает Осипа.) Пойдём, уведу. (Ведёт к крыльцу.)

Осип (на ходу). Уймись ты, Пашка! Успокой моё сердце! Живи с людьми по дружбе... По правде живи! Тебе за это на том свете воздастся...

В отдалении послышался звук набатного колокола.

Павел (остановился, слушает). Что это? Никак, набат! (Набат усиливается.) И впрямь набат. (Зовёт.) Эй, люди! (Опустил Осипа на ступеньку крыльца.) Присядь-ка, отец. (Снова зовёт.) Эй, вставайте скорее!

Из дома, одеваясь на ходу, выходят встревоженные Варвара, Семён, Елена и Татьяна.

Голоса. Где горит? Что горит?

Павел (залез на крышу, глядит в разные стороны). Не видно.

На крыльце появился Алексей.

Семён (распахнул ворота). Бежим на пожарную! Забирайте вёдра!

К воротам бегут встревоженные колхозники и колхозницы. В отдалении видно возникающее зарево.

Голоса. Лес горит! Лес горит!

Варвара (ошеломлённо). Лес горит?!

Татьяна. Перед самой жатвой! Ой, господи!

В воротах, расталкивая толпу, появился встревоженный Савушка.

Савушка. Не здесь ли горит? Не у вас ли горит?

Алексей. Спасать добро прибёг, хозяин!

Савушка (огорчённо). Ведь жалко!

Зарево увеличивается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Комната в доме Струниных. Время приближается к полудню. Елена у зеркала одевается в крестьянское платье, Варвара, уже одетая, стоит у окна и тревожно в негс всматривается. На лежанке попрежнему лежит Осип.

Елена (надевая платье). Сколько лет не нашивала крестьянского. Прямо-таки отвыкла. А раньше и жать и косить могла. Как пойду, бывало, никто за мной не угонится.

Варвара (с беспокойством). Где это Алексей запропал?

Елена. Так с утра и не приходил?

Варвара. Нету.

Елена. Может, куда-нибудь зашёл?

Варвара (рассеянно). Может, и зашёл...

Елена (растянула руками края юбки). Ой, батюшки, ширина какая! Прямо-таки никакого режима экономии! В городе из этого материала две юбки бы вышло. За такую бесхозяйственность судить нужно!

Варвара (глядит в окно). Дымом всё заволокло... Как жать будем? Все глаза выест!..

Елена (повязывая платок). Сожнём. Не бросать жё! Лесные пожары неделями тянутся. Если будем ждать, всё осыпется.

Варвара, упав на подоконник, зарыдала.

Елена (бросилась к Варваре). Ты о чём, Варя? О чём ты?

Варвара не отвечает. Елена выбежала на кухню и возвращается с чашкой воды.

Елена (даёт Варваре воду). На вот!.. Выпей! (Варвара пьёт.) Что с тобой? Что случилось? Обидели, что ли?

Варвара (сквозь слёзы). Хоть бы ребёночек был! Было бы за кого муку сносить!

Елена (села около Варвары). Что у вас с ним? Как вы живёте? Что молчишь? Скажи. Я ведь не чужая.

Варвара (вытерла слёзы). Так... Ничего. Загрустилось...

Елена. Какая ты прямо-таки невозможная! Другая поделилась бы. Рассказала про себя. А ты скрытная какая-то. Всё про себя таишь. Это ещё тяжелее.

Варвара (встала). Из леса я. Здесь, в лесу, все неразговорчивые...

В комнату вбегают запыхавшаяся Татьяна.

Варвара (Татьяне). Ну, что там?

Татьяна. Людей наряжают. Женщины уборку начинать будут, а мужчины — в лес.

Варвара. Алексея не видела?

Татьяна. Нигде нет. С утра, говорят, был, всё торопил: «Тушите, мужики, тушите!». А потом пропал. Видали, что в лес побежал. А только не верь. Может, врут...

Варвара. Может, и врут...

Татьяна. А что в лесу делается! Страсть! Лес сухой. Ветер раздувает. Огонь так и хлещет. Подступиться нельзя!

Елена. А Сеню там не видела?

Татьяна. Он с мужиками канавы копает. А отец просеки рубит. (Заметив состояние Варвары.) А ты не думай. Разве увидишь в дыму-то? Никуда он не денется.

Варвара. А может, и не денется... (Вышла из комнаты.)

Елена (Татьяне). Что это с ней? Что у них происходит?

Татьяна. Кто их знает! Разве разберёшь? Алексей волком на всех смотрит, а она отмалчивается. Характерами разные. Наш — весь в отца, а она сердцем мягкая.

В комнату входит Липатов.

Липатов. И вас мобилизовали жать?

Елена. Почему же мобилизовали? Мы сами сознательные. Отлично понимаем. Раз стихийное бедствие — нужно помочь.

Липатов. Я в том смысле, что нарушается отдых. План изменяется, так сказать.

Елена. Ах, скажите! Заботливость какая! Ничего, не беспокойтесь. Мы после отдохнём.

Липатов. А Павел Осипович в лесу?

Татьяна (холодно). А где же? Нынче все мужчины в лесу. Только вы в деревне околачиваетесь.

Липатов (чем-то озабочен). Я, Татьяна Павловна, имею к вам один деловой разговор. (Отводит Татьяну в сторону.) Перестаньте злиться! Это глупо. Передайте отцу, что арестовали Орешиных. Их подозревают в поджоге.

Татьяна. Ой!

Липатов. Тсс!.. Взяли с дороги в момент отъезда. На допросе они что-то путали. Упомянули отца... Словом, передайте, чтобы перепрыгал. Он знает что.

Елена (около зеркала). Дёвально странно. Народный лес горит, прямо-таки пылает, а вы флиртом занимаетесь.

Липатов. Ошибаетесь, гражданка. Это не флирт, а разговор на сельскохозяйственную тему.

Елена. Мы понимаем. Не маленькие. Таня, пойдём! Варя давно нас дожидается. (Уходят.)

Липатов один, Он прошёл к двери, прикрыл её, заглянул в окно и, забравшись на стул, пытается достать душик. В сенях послышались голоса. Липатов отскочил от печки и принял равнодушный вид. В комнату входят Семён и Варвара.

Семён (Варваре). Ботинки мои того... Не выдержали испытания. Сквозь подмётки ногу жжёт. Дай-ка мне сапоги покрепче! (Варвара вышла за сапогами, Семён опустился на стул.) Рана подлая. Задыхаюсь. Ботинки сменить можно, а лёгкое не сменишь. (Увидев Липатова, насто-роженно.) А ты почему не в лесу?

Липатов. А что мне там делать?

Семён. Тушить. Канавы копать. Там каждый человек дорог.

Липатов. Разве затушишь! Ветер на болото несёт! Там торф. Дойдёт — весь район обласкает.

Семён (подошёл к Липатову, в упор). Не удалось срубить, так спалить решили? Обожди, я тебя, леща, на чистую воду выведу!

Липатов (спокойно). Не советую. На чистой воде и вас видно будет. Это нынче просто делается. Секретный пакетик по месту работы — и всё в порядке.

Семён. О чём же писать будешь?

Липатов. О фактах.

Семён. О каких?

Липатов. Гражданин такой-то имеет связь с контрреволюционными элементами села!

Семён. Это не факты!

Липатов. Ваша сестрица с мужем лес подожгли.

Семён (поражён). Устинья?!

Липатов. Под арестом сидят. Вот вам и факты!

Семён достаёт папиросу, хочет закурить, отсыревшие спички не зажигаются.

Липатов (даёт Семёну прикурить). Я, Семён Павлович, вас понимаю. В такое время многие свою шкуру спасают. На всякие хитрости идут. Только учтите... Вам всё равно веры не будет. Рано или поздно, а битым быть. Так уж лучше, я считаю, сейчас побороться, чем потом всю жизнь за шкуру трястись.

Семён. А ты за меня не беспокойся. Ты за себя беспокойся. Свою шкуру побереги.

Липатов (прищурился). Значит, это вы в район насчёт порубки леса дохнули?

Семён (не сразу). Ну, я...

Липатов (не повышая тона). Напрасно! Какую кашу заварили! Меня во вредительстве упрекали. А сами какой урон нанесли? Мои сто сорок десятин против ваших, можно сказать, пустяк! На моих, быть может, хлебушек взошёл бы! Машины бы купили... А из-за вас -- последний не сожнут. На корню осыпется. (Семён частыми затяжками курит папиросу.) Эх вы! Родных спасать приехали, а сами же их бьёте! (Угрожает.) Прочитались, Семён Павлович! Дорого вам это обойдётся!

Семён (спокойно). Посмотрим.

Липатов. Вы своё отсмотрели.

Семён. А ты?

Липатов (играя коробочкой спичек). У меня придраться не к чему. Характеристика как следует. И анкета в порядке. Не подкопнёшь...

Семён. А если копнуть?

Липатов. Чего?

Семён. Анкету!

Липатов. Напрасно хлопотать будете.

Семён. Это почему?

Липатов. Вам никто не поверит.

Семён. А если попробовать?

Липатов. Тогда ошибётесь.

Семён. А это почему?

Липатов (угрожающе). Очень просто! Понимать нужно! Не видите, что ли? Я за ваше дело стою. За крестьянство душой болею. И не я один. Нас много. В районе свои сидят. В округе немало. Да и в центре есть. Повернут дело, как надо!

Семён (бросил на Липатова). Сам задушу негодяя!

Липатов (вырвался). Осторожнее! Рубашку смяли... Задúшите, а завтра в газетах сообщение: «Секретарь сельсовета — селькор и общественник Яков Васильевич Липатов — пал жертвой кулацкого террора». Я буду в красном гробу с музыкой, а вы...

Семён (сел, тяжело дышит). Ну, и подлец же ты!

Липатов (с циничной откровенностью). Мой отец в Тамбове гвоздарный завод имел. А ваш лесом промышлял. Мы с вами сродни! Только вы в одиночку действовать хотите. Решили авторитетом своё взять. Нет, Семён Павлович! Здесь вам не трамвай! Тут авторитетом ничего не возьмёшь! (Указал за окно.) Вы приглядитесь! Вон как пылает! Это Россия в огне кипит! Мужик-то!.. Видали? Директивы не помогают! По-своему поворачивает мужичок! Вот и пусть посмотрят!.. К чему приводит... Пусть подумают, как дальше быть! А мы поможем. Во-время подскажем. А если нужно, и огоньку подольём. Вот как надо действовать! А не лезть, не разобравшись! Против силы сила нужна! А если не можете — лучше не мешайте! Не то пойдёте с отцом за Урал! Вот и решайте. Извините за беспокойство. Вы не барышня!.. Пошёл тушить.. (Уходит.)

Семён один. Некоторое время сидит ошеломлённый.

Семён (после паузы). Ох ты, лес, лес дремучий! Сколько же в тебе нечисти всякой! Сколько разных гадов развелось! Ну, обожди, лесная сила! Дай с пожаром кончить. Я с тобой разделаюсь. Путь найду!

В комнату входит Варвара с сапогами. Семён переобувается. За сценой слышен звук набатного колокола. Возвращаются встревоженные Елена и Татьяна.

Татьяна. Что это?

Елена. К чему опять?

Варвара. Таня, сбегай, узнай.

Семён направился к выходу. Ему навстречу влетает встревоженный Савушка.

Савушка. На деревню пошло! На деревню пошло! Спасайте добро-то! Выносите, пожалуйста!

Семён махнул рукой и вышел.

Савушка (к женщинам). Ну, чего стоите! Сгорит изба-то! Выносите имущество! Спасайте, пожалуйста!

Варвара. Пойдёмте, бабоньки!

Женщины уходят. Савушка некоторое время стоит в нерешительности, затем начинает увязывать вещи и выбрасывать их за окно. Выбросив узлы, он начинает выбрасывать стулья и другие предметы. Комната постепенно приобретает неуютный вид.

Савушка (выбросив вещи, встал посредине комнаты, вынул из-за пазухи бумаги и горестно смотрит на них) Жалко! Шибко жалко! Всю жизнь дождался. Неужто пропадёт? (Засунул бумаги за пазуху и убежал из комнаты.)

Набат утихает. Пауза. Спустя некоторое время в комнату входит Алексей. Взгляд его дик, одежда порвана. Он медленно, озираясь, прошёл на передний план сцены и сел на лавку около стола.

После паузы в комнату входит Павел. Он направляется к душнику печки, но, оглядевшись, увидел Алексея и отменил намерение.

Павел (Алексею). Ты что здесь сидишь?

Алексей (изнеможённо). Отдыхаю..

Павел. Шёл бы в лес.

Алексей. Уйду! Не возьму... Не бойся...

Павел (подозрительно). Знаешь, что ли?

Алексей (криво усмехнулся). От сына таишь...

Павел (смутился). На село идёт. Сгорит изба-то. Перепрятать надо. (Идёт к печке и хочет доставать душник.)

Алексей (на паузе). Шум-то какой поднялся! Все на ноги встали. Занялось, как в печке. Сразу огнём разошлось...

Павел (обернулся и всматривается в Алексея). Ты, что ль?

Алексей (не сразу). Я...

Павел (оставил душник). Дурак! Разве так поборешь? Они от этого только здоровее станут, а тебе — смерть...

Алексей (с остекленелым взглядом). Знаю... Понял... Поздно...

На лежанке, напрягая силы, поднимается Осип.

Осип (разгневанно). Алёшка!.. Господи!.. Что наделал!.. Людское добро огню предал!.. (Алексей испуганно вскочил.) Что?! Испугался?! А людское добро жечь не пугался?! Труды человечьи?! Эх-ма, внучек! В прежнее время эких-то на кол сажали! А то живём жгли!.. Самосудом!..

Павел (Осипу строго). Ты, отец, лежал бы...

Осип. Я, Пашка, к богу иду! Мне за вас ответ держать! В грехах каяться! Как, спросят, жил? Пахал, скажу, землю... детей, скажу, рёстил... (Продолжает шептать про себя.)

Павел (Алексею). Не пугайся. Недолго ему... Исповедаться не дадим. Попа, мол, нету...

Алексей (дрожит). Уеду я! На Урал уеду! Там заводов много. Людей нехватка... Проживу!

Павел (участливо). Молчи пока! Пойдём в лес. Ты покажи себя. Постарайся! (Помогает Алексею.) Кто узнает? Мало ли бродит людей в лесу! Всякий может огонь обрзнить! (Ведёт Алексея к выходу.) Пойдём! Не робей! Виду не подай, слышишь? (Уводит Алексея из комнаты.)

Осип (один). Душно мне что-то... Видать, конец скоро... Бог-то разберётся... У него, поди, записано... Осип Струнин — крестьянин Рязанской губернии... Елозинской волости... села Дубровина... Их сиятельства графини Уваровой... пять душ тягла...

После паузы в комнату возвращается Алексей. Прикрыв дверь, он осторожно, с решимостью приближается к лежанке.

Осип (увидев Алексея, поднимается). Это ты, Алёшка?

Алексей (набрасывается на Осипа и душит его). Это я, дедушка!.. Я, дедушка... Это я...

В комнату входит Варвара. Увидев происходящее, она бросилась к лежанке.

Варвара (отрывает Алексея от Осипа). Отпусти!.. Отпусти, душегуб!..

Алексей (отпустил Осипа, пошатываясь, отошёл от лежанки и сел на оголённую кровать). Недужится мне нынче...

Осип (увидел Варвару). Ох!.. Это ты, Варька?..

Варвара уложила Осипа на лежанке, отошла от него и пристально смотрит на Алексея.

Алексей (почувствовав на себе взгляд Варвары). Ты что?

Варвара (тихо, но с гневом). Мне жизнь загубил — другим загубить хочешь?! (В упор Алексею.) Поджигатель!

Алексей (встал и с крайним испугом). Откуда?!

Варвара (волнуясь). Всё вижу! Давно за тобой слежу! В ту же ночь обо всём узнала! (Алексей ошеломлён.) Не куришь, а я спички в кармане нашла. Куда уходил в полночь? (Алексей сел.) Что молчишь? Думал, пройдёт? Никто про это не узнает?

Алексей (безумно). Тсс!... Тише!.. Не шуми!.. (Шёпотом.) Попутало меня... Сердце зашло... Теперь сам каюсь! (Взялся за голову.) Это всё Липатов! Он научил! Не он бы — разве я бы сделал? (Встал, идёт к Вар-

варе.) Ты не думай... Я ведь не злой. Это отец такой... А я добрый... Я не о себе... Обо всех пекусь. Мне одному много ли нужно? (Глядит на Осипа.) Я и его и тебя люблю... Детей любил бы... Да нету! (Хочет обнять Варвару.) Ну, ничего. Не горюй! Проживём! Своих не будет — примем! (Варвара высвобождается.) Время проклятое! Оно виновато! А то бы ладно жили. (Удерживает Варвару.) Я бы тебе всё, что хочешь, отдал! Ничего для тебя не пожалел бы!

Варвара (вырывается). Отойди! Отойди от меня, лиходея! (С силой вырвалась.) Не подходи ко мне, слышишь? (Алексей стоит, опешив.) Опостылел ты мне! Глядеть на тебя не могу! Всё сердце истерзал, изверг! Про детей заговорил. А куда они? Страшно иметь от такого-то! Жизнь мне сулишь. А где она, жизнь? На улицу выйти стыдно! (Плачет.) Посмотришь, кругом люди живут. Новую жизнь ладят. А ты что наделал?! Куда затянул?! Жена поджигателя!.. Дальше некуда!

Алексей (порывисто). Уедем отсюда! На Урал уедем. Я там работать стану. На завод поступлю... Квартуру снимем... Снова жить станем! Там никто нас не знает. Укроемся... Проживём... Вон Семён-то! И мы так будем... Давай собирайся! Не мешкай!..

Варвара. Что? Бежишь? От себя не убежишь! Никуда я с тобой не поеду!

Алексей. А как же... одна-то?

Варвара. Не бойся. Не пропаду! За себя и за тебя отвечу.

Алексей (угрожающе идёт к Варваре). Значит, выдашь?!

Варвара. Неужто молчать?!

Алексей (кидается на Варвару). Смотри! Убью!..

Осип (приподнимается). Нет, врешь!.. Правду не убьёшь... Её силком не задушишь!..

Услышав голос Осипа, Алексей на мгновение растерялся. Варвара вырвалась от него и выбежала из комнаты.

Осип (грозит Алексею). Не любишь правду-то!.. Она не мила!.. А только её не упрячешь... Она всё равно своё возьмёт!.. Когда ни то да воспрянет!.. (Лёг и зашептал про себя.)

Алексей в смятении. Что-то решив, он кинулся к печке, достаёт из душника банку и лихорадочно перекладывает её содержимое в карманы. В дверях появился Павел.

Павел (увидев Алексея с банкой, угрожающе). Воруешь?

Алексей. Уеду я! На Урал я уеду!

Павел (идёт к Алексею). Воруешь?!

Алексей. Куда я без денег-то поеду?!

Павел. Воруешь!!!

Алексей. С голоду мне подыхать, что ли!!

Павел бросается на Алексея и отнимает у него банку. Тот сопротивляется. Монеты рассыпались по комнате. Оба упали, собирая монеты. В схватке катаются по полу. В порыве гнева Павел схватил лежащий на полу кирпич и ударил им Алексея. Тот охнул и вытянулся на полу.

Павел (собрав монеты). Вставай! Хватит валяться. Пойдём... Слышишь? (Подошёл к Алексею, всматривается, опустился около него, тронул руку, она безжизненно упала на пол.) Что это?.. Вот дело-то какое!.. Разве я знал?.. (Поднялся.) Ну что же! Всё равно не жилец! Так оно, пожалуй, лучше... (Огляделся.) Испить бы... В горле пересохло. Дыму-то сколько! Уйти бы сейчас, в дыму-то... Следы запутать...

Е сеях послышались шаги и говор людей. В комнату входит Варвара с группой колхозников.

Павел (после паузы). Узнал я, что сын мой, Алексей, лес поджёг... Так я его прикончил...

Осип (сидит на лежанке). О господи! Грехов-то сколько! Разве их все упомнишь?..

Картина вторая

Та же комната. Вещи водворены обратно. Во всём виден новый порядок. На столе скатерть, на полу половики, на окнах занавески. Осип лежит на лежанке, по-новому обхоженный и опрятный. На полу попрежнему стоят два чемодана. На столе — остывший самовар и чайная посуда.

Солнечное утро. Татьяна убирает со стола посуду. В комнату скромно входят притихшие Устинья и Илья.

Устинья (хотела перекреститься на передний угол, но раздумала). Никак, уезжают?

Татьяна. Не ослепли... Видите...

Устинья (села). Плохо у нас отдохнули. Не повеселились. (Вздыхнула.) Илья, сядь!

Илья сел.

Устинья. Передрыга-то какая была! Сколько всего пережито! (Помолчала.) Брагца Алёшу жалко. Где-то теперь отец, сердечный! Поди, хлебушка не досыта видит, а горюшка — через край!

Татьяна. Будет хныкать! Без вас тошно.

Устинья (ядовито). Ещё бы тебе не тошно! Зазноба-то твой! Говорят, врагом оказался. Кто-то доказал на него. Теперь сидит.

Татьяна (уносит самовар). Пусть сидит! Туда ему и дорога.

Устинья встала, огляделась, жестом подзывает к себе возвратившуюся Татьяну и отводит её в сторону.

Устинья (доверительно). Говорят, будто братец ему удружил. В районе целую цепочку раскрыли.

Татьяна. Ну и что же? Может, и он... Добрых людей немало. (Отшла от Устиньи в сторону.)

Устинья (снова села). Ох!.. Тебе бы с ними поехать... В Москве пожить. Там жизнь интересная.

Татьяна. Если бы позвали — поехала бы. А то не зовут.

Устинья. Дерзкая ты! Из-за этого разве... А то отчего бы не позвать!

Из горницы выходит одетая в дорогу Елена. При её появлении Устинья и Илья встали.

Устинья (подобострастно). Здравствуйте, сестрица!

Елена (равнодушно). Здравствуйте.

Устинья. Говорят, уезжаете?

Елена (прошла к зеркалу). Да... Пора! Скоро к работе приступать.

Устинья (села и сочувственно). Я говорю, отдых-то какой беспокойный! Сколько переживать пришлось!

Елена (поправляя костюм). Ничего! Зато деревню посмотрели. Будем знать, как она теперь живёт.

Устинья (вздыхнула). А мы передумали. Посудили, погадали и решили в колхоз итти. Там, сказывают, плотник нужен. Строиться хотят. А Илья по плотничному делу может. Илья, садись!

Илья сел. Неловкая пауза.

Устинья. Видать, корчевать погорелое хотят? Засевать гарь-то думают?

Елена. Не лежать же земле понапрасну!

Устинья (сокрушённо). Сколько лесу спалено! Сколько доброго погублено!

Елена. Ничего! Ещё больше вырастет. На золе, говорят, лучше растёт.

Устинья (помолчала). А братец где же?

Елена (Татьяне). Опять ушёл куда-то?

Татьяна. Сказал, что ненадолго... Пошёл в колхоз.

Устинья (саркастически). Народ-то как поднялся! С ума посходили... Идут туда валом! Будто там мёд.

Елена. А у вас будто сахар!

Устинья. Всё ж таки хозяйство!

Елена. И там хозяйство будет.

Устинья. Откуда ему быть! (Пауза.) Липатов-то... слышали? Врагом оказался! Говорят, гвоздарный завод имел, а по бумагам — сын монтера.

Елена. А что же... Нынче таких-то много! Другой, посмотришь, человек как человек, а на проверку — прямо-таки контра!

Устинья. Сколько времени путал! Сколько вреда принёс! Будто и лес Алексей из-за него выжег.

Татьяна. Алексей и сам был хорош! Поговорить с ним, так никакой контре не уступит.

Устинья (вздыхнула). Это верно...

В комнату входит Семён. При его появлении Устинья и Илья встали.

Устинья (приниженно). Здравствуйте, братец!

Семён (нерадушно). Здравствуйте!

Устинья (упала Семёну в ноги). Илья, кланяйся!

Илья кланяется.

Семён (оторопело). Это чего ради?

Устинья (в голос). До вашей милости, братец! Помощи прошу!

Семён. Помощи? Какой?

Устинья. Всё хозяйство пораспродали, уничтожили. Всё пропало! Всё задарма! Вот крест, святая икона — ничегошеньки не осталось! Как теперь жить будем — не знаю.

Семён. Встань...

Устинья поднимается.

Семён. В чём вам помощь нужна, не пойму?

Устинья. В колхоз-то нас теперь не примут.

Семён. А вы обращались?

Устинья. Боимся — откажут. А вас послушают. Уж вы по-родственному похлопочите.

Семён. Так... Понимаю. Значит, я должен вас в колхоз определить? По-родственному к новой жизни пристроить?

Устинья. Да уж... Сделайте одолжение! Замолвите словечко! Век буду благодарна. Илья, кланяйся! (Кланяются.)

Семён. Эх, сестра! До чего, я смотрю, ты докатилась! До какой низости дошла! Люди дело делают, новую жизнь строят. А вы мешаетесь. В ногах путаетесь. А теперь помощи просишь. В колхоз через брата хочешь пролезть. Нет, сестрица! Поздно ты спохватилась. С опозданием за ум взялась. Надо было раньше думать. Умных людей слушать. А теперь не обижайся. Хлопочи сама.

Устинья. Не понимали... Тёмные мы...

Семён. Ты эту уловку брось! Она из моды вышла. Когда бежать собиралась, на темноту не жаловалась. Хозяйство разоряла — понятливой была. А теперь перед всем селом ответ держи. Сама прощение заслуживай. А я тебе не помощник.

Устинья (огорчённо). Илья, пойдём. (Направилась к выходу.)

Илья стоит, полон негодования и скрытого гнева.

Устинья (не слышит за собой шагов Ильи, обернулась). Илья, ты что? (Илья молчит.) Чего стоишь-то? (Илья молча отстраняет подошедшую Устинью.) Да ты, никак, спятил!

Илья. Ты спятила, дура! Вот что! Из-за тебя всё! Жил. Хозяйство имел. Плотничному делу мастер... А теперь всего решился... Чуть в тюрьму не угодил...

Устинья цыкает, дёргает Илью за рукав.

Илья (замахнулся). Удались! Не то пришибу ненароком!

Устинья (отскочила). Братец! Сестрица! Это что же с мужиком приключилось?!

Илья (гневно). Молчи!

Устинья (испуганно села). Ой, батюшки!

Илья. То-то! Хватит! Вы с отцом мне долго голову дурили. Теперь довольно! Я буду сам! (Семёну.) Ты, шурьяк, зря человека позоришь! Я, может, больше всех новой жизни желаю! Думаешь, не надоело? (Провёл рукой по горлу.) Вот как! А я всё слушал! Кого слушал?!

Устинья. Илья!.. Господи!..

Илья. Отцепись! (Семёну.) А теперь мне и в колхоз ходу нету? Нет, врётся! Я тоже робить могу! (Показывает руки.) Вот они! Видишь?! Неужто не примут?! (Потрясая руками.) Примут! (Властно.) Устинья, пошли!

Илья, решительный, вышел из комнаты. Устинья покорно последовала за ним.

Татьяна. Давно бы так...

Елена (у зеркала). Прямо-таки комедия!

Семён (посреди комнаты). Вот и побыли в родных местах... Людей посмотрели, себя показали. Теперь поедем опять трамвай по Москве водить.

Елена (Семёну). Ты где опять был? Тебя никак не сыщешь.

Семён. Ходил попрощаться. Там трактора пришли. Корчевать начали. Такое творится — пыль столбом! Как подцепит трактор какого-нибудь столетнего, который корни на три метра в землю пустил, как рванёт! Он и вылетает, гад, как пушинка.

Елена. А в колхозе как?

Семён. Пошло дело! Дальше лучше пойдёт. На лесе научились. Теперь понимать будут... И середняк разобрался. Почуял, где сила. Идёт в колхоз с радостью... Всей душой... (Подходит к Елене.) А ты как? Отдохнула?

Елена (прихорашиваясь). Да... Отдохнула. На руках до сих пор мозоли болят.

Семён. Ничего! Это с непривычки. Почаще сюда ездить надо. И нам полезно, и для дела хорошо. (Обратил внимание на картину.) Море-то какое распрекрасное! Так бы и покупался! Ну, обожди. Придёт время — всё наладится. Тогда и мы с тобой съездим на курорт. (Татьяне.) А ты чего нос повесила?

Татьяна. Так, братец! Сердце изболело. Молодая, а дороги нет.

Семён. У тебя дорога будет. Большая... Широкая... По ней идут все люди. И ты пойдёшь.

Татьяна. А как мне на неё выйти?

Семён. Выйдешь! Выведут! А там всё от тебя зависит. Как себя поведёшь...

Татьяна. Возьмите вы меня с собой, братец. Трудно мне здесь будет. А там я работать стану. На фабрику поступлю...

Семён (подумав). Нет, Татьяна, не возьму. Не обижайся. Тебе здесь быть надо. Работай... Старайся... Покажи себя. Тогда люди посмотрят... Решат, какой тебе в жизни путь нужен. Если надо, помогут. А заслужишь — может, и учиться пошлют.

В комнату входит Савушка с бумагами в руках.

Савушка (отдаёт бумаги Семёну). Возьми, Семён Павлович! Оказывается, оно недействительно.

Семён (смеётся). А ты всё ещё с этим добром возишься! Брось его, Савушка! (Берёт и рвёт бумаги.) Ступай лучше с колхозниками пни корчевать.

Савушка. Я пойду. (Пошёл к выходу, но вернулся.) А скажи, Семён Павлович... Раньше мне попы рай сулили. А потом оказалось, что рай нету. Стал я на земле богатства искать. Нашёл. А оно опять недействительно. Доколе обман будет?

Семён. Да ты, видать, хитрый!

Савушка. Станешь хитрый, если жить по-людски охота!

Семён. Теперь по-людски будешь. Без обмана.

Савушка. О?

Семён. Только работать нужно.

Савушка. Я могу. Я старательный.

Семён. Тогда ступай, корчуй. Только смотри: яростней. Чтобы без остатку!

В комнату входит сумрачная Варвара.

Варвара. Лошадь из колхоза пришла.

Семён. Тогда поехали.

Варвара. Только возчика нет. Весь народ на корчёвку идёт. Вас уж Савушка отвезёт.

Семён (подошёл к Осипу). Дед, прощай!

Осип. Плохо...

Семён. Прощай, говорю! Уезжаем.

Осип. Лёгкой жизни всё ищите... А лёгкой жизни не бывает...

Семён. А ты откуда знаешь? Может, и бывает.

Осип. В правде она... А где правда-то? У людей её нету... У царя нету... Может, у бога...

Семён (Елене). Вот она — Расеюшка! Избьяная... Криводушная... Вез жила, за богом пряталась... А сама грешила на каждом шагу.

Осип. Божий суд праведный... По грехам и воздастся... Кто нагрешил, тот и получит...

Семён (отошёл от лежанки). Хватит, отмучила! Кончилось твоё время, старик! Вот выкорчуют пни, посеют семя, вырастет новая поросль — и наступит жизнь, как ясный день. Будет жить человек и радоваться!

Варвара. Отвези их, Савушка...

Савушка. О? Отвезу. Это мне раз плюнуть.

Семён (подошёл к Варваре). Ты, Варя, ступай в колхоз. Там о тебе говорили. Вас с Татьяной примут.

Варвара. Спасибо вам, братец! Я уж постарюсь...

Елена (Варваре). Вот и жизнь наладится!

Варвара. Где уж... Всё погублено...

Семён. Ничего! Всё только начинается. То было прошлое. Не настоящее. А настоящее впереди! (Прощается за руку.) Прощай, Варя, желаю тебе счастья! (Идёт к Татьяне.) И ты, Татьяна... Смотри, не подкачай! (Целуются.)

Семён и Елена, попрощавшись, берут чемоданы, и все выходят из комнаты.

Голос Савушки (за сценой). Тпру, сивый! Закобенился!

Голос Татьяны. Счастливого пути!

Голос Савушки. Н-но, пошёл, криволапый!..

Слышен шум отъезжающей телеги, и всё стихло.

Осип (на паузе). Пахал, скажу, землю... детей, скажу, рóстил...

В комнату возвращаются Варвара и Татьяна.

Варвара. Вот и уехали...

В отдалении возникает походная хоровая песня в сопровождении гармони. Поют хорошо и дружно.

Татьяна (подошла к окну). Колхозники на корчёвку пошли... Песня-то какая хорошая...

Варвара и Татьяна стоят у окон и слушают всё усиливающуюся песню.

Варвара (спохватилась). Батюшки! Что же мы стоим? Делов-то у нас с тобой сколько! (Подошла к Осипу.) Дедушка! А, дедушка! (Трогает Осипа.) Дедуш... (Всматривается.) Помер...

Песня всё усиливается. Варвара сложила у Осипа руки на груди, накрыла его покрывалом и отошла от лежанки на середину комнаты.

Варвара (обняла подошедшую Татьяну). Вот мы с тобой и свободные...

Песня звучит всё громче.

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

★

СОЛДАТСКАЯ СУДЬБА

Когда солдат походом утомлён,
Под гром любой он может спать глубоко.
Но слышит он сквозь самый крепкий сон
Негромкий крик: «В ружьё!» или «Тревога!», —

И он встаёт, от сна ещё горяч,
Всё чувствуя отчётливо и тонко.
Так мать встаёт, едва услышав плач
Проснувшегося за полночь ребёнка...

...Нелёгкая солдатская судьба!
Сухой снежок скрипит под каблуками.
Ещё поёт армейская труба,
Хотя давно услышана полками.

И мне с трубой армейской по пути,
И я готов холодными ночами
На зов её волнующий итти...
Вы слышите меня, однополчане?!

Под вьюгой, что метёт над головой,
Под ветром, над равниною гудящим,
Я не сойду с поста, как часовой,
Поставленный бессонным разводящим.

НОРА АДАМЯН

★

ДВА РАССКАЗА

1. Врач из Заревшана

В субботу Зарик кончила приём больных раньше обычного времени. Началась уборка урожая, а в эти дни колхозники редко обращаются к врачу. Взяв походную аптечку, Зарик обошла ближайшие полевые станы, сделала несколько мелких перевязок. К молотилке, где люди всегда засоряли глаза, она отнесла промывание и примочки. Почти насильно вручив кое-кому марлевые тряпочки, пропитанные дезинфицирующим раствором, Зарик залюбовалась торопливой шуршащей струёй зерна.

— Зарик, иди, становись со мной! — крикнула ей чёрненькая Аспрам, густо напудренная пылью.

— Зарик, айда к нам! — позвали женщины, увязывающие мешки с первым зерном.

Это были подруги детства, с которыми Зарик не раз работала здесь, на току. Но теперь ей нельзя — у неё свои обязанности, свои заботы.

На току Зарик готова была бы простоять и дольше, если бы её не огорчил бригадир колхоза Авак Сантросян. Она радостно сообщила ему, что откопала на складе широкие совковые лопаты, специально для болота, а он, виновато отводя глаза, помялся и сказал:

— Мы эту неделю не будем работать на болоте.

Зарик расстроилась.

— Как это не будете?

— Товарищ Галуст распорядился. Уборку надо кончать.

Так она и знала. Конечно, это всё председатель. Ему наплевать, что люди болеют малярией. Этот человек не видит дальше собственного носа.

— Где Галуст? Где председатель? — спрашивала Зарик. Его нигде не было. Он уехал на высокогорные участки — и на весь день.

По дороге в амбулаторию огорчённая Зарик заглянула в школу, где помещались сезонные ясли. В комнатах с занавешенными окнами было прохладно и тихо. Дети спали. Зарик обошла ряды кроваток. Вот, раскинув сжатые кулачки, ровно дышит толстенькая Ануш, дочка Аспрам; высунул из-под простыни голую ножку общий любимец Ашотик. Зарик очень хочется остановиться возле него, но она быстро проходит мимо: Ашот её племянник и нельзя, чтобы у людей сложилось впечатление, будто доктор уделяет больше внимания детям родственников. Зато у крайней кроватки, на которой лежит худенький, нежный ребёнок, Зарик задерживается надолго. Эта малютка родилась бездыханной. Сколько билась над её посиневшим телом Зарик, стараясь раздуть уже почти угасшую искорку жизни! «Что ты делаешь? Оставь. Мёртвого не воскресишь...» — говорила ей все. А девочка всё-таки ожила, и одним человеком на земле стало больше. И ведь такое милое дитя!

Следом за Зарик, не отступая ни на шаг, шла говорливая толстенькая колхозница Маниш, очень гордая своим званием заведующей яслями.

— Пошла я утром на склад масло получать. Смотрю — солёное! Для детей — солёное! Я сперва очень спокойно спрашиваю: а свежее ты для кого бережешь? «Свежее, — говорит, — мы в город повезём продавать. Председатель, — говорит, — распорядился». Тогда я это солёное масло прямо в лицо ему швырнула...

Зарик строго смотрит на Маниш.

— Прямо в бочку обратно бросила, — поправляется Маниш, — и сказала ему: я такого масла не возьму. Да мне доктор голову оторвёт, если я такое масло детям дам! А он говорит: «Какой доктор? Это Сарояна Сако дочка, что ли? Ничего, — говорит, — это не так страшно».

— А масло?

— Масло дал. Разве он посмеет мне не дать? Да я бы ему!..

Зарик выходит на веранду, полную солнечного блеска. По пустынному жёлтому шоссе во всю прыть бежит босоногая девчонка. Добежав до школы, она одним духом выпаливает:

— Иди скорей, Зарик, у нас Амо заболел.

Зарик идёт за девочкой и думает, правильно ли она сделала, что, закончив институт, вернулась работать в своё родное село. Но куда же ещё? Здесь, в Заревшане, её дом, здесь человек, которого она любит, здесь всё близкое, знакомое. Но на деле оказалось не так-то просто. Трудно внушить к себе уважение там, где тебя помнят девочкой, где все, даже дети, зовут тебя просто по имени. Например, председатель колхоза, — какой она для него авторитет? Потому он и не считается с её требованиями. Всего один раз выделил бригаду для осушения болота, хотя насчёт болота есть постановление райисполкома и сельсовета.

Зарик вошла в дом к больному. Красивый парень лежал на тахте под толстым шерстяным одеялом невысказанно яркой расцветки. Он весь пылал, сразу было видно, что у него очень высокая температура.

— Что же это с тобой, Амо? — Зарик огорчённо покачала головой.

— Сделай что-нибудь, — попросил Амо и виновато покосился на Зарик налитыми кровью глазами. — Не время мне сейчас лежать...

— Вот ты скажи ему, Зарик, скажи! Теперь он, видишь, на работу собирается... Не бегал бы, куда не надо, — был бы здоров.

— Мама! — умоляюще прокричал Амо.

— А куда он бегал? — машинально спросила Зарик, разглядывая градусник. — Так и есть! Почти сорок.

— А почему не сказать? В Аванлу он бегал. Каждый вечер почти что. От этого и болезнь.

Уложив больного на спину, Зарик сразу прошупала вздувшуюся селезёнку. Ну, конечно! Вот почему старуха говорит об Аванлу!

— Малярия, — сказала Зарик.

— И я говорю, — подхватила мать Амо. Поливая во дворике водой руки Зарик, она добавила, как бы оправдывая сына: — Наречённая у него в Аванлу. Осенью поженим...

Из дворика, стоящего над обрывом, было видно, как высоко расположилось село Заревшан. Волнистые линии холмов постепенно вздымались всё круче, на горизонте уже высокие горы замыкали просторную долину. А внизу, под откосом, текла речка, тянущаяся к селению Аванлу. Вот эта-то маленькая речушка и была виновницей болезни Амо и главной заботой Зарик. Весной и летом, в пору таяния горных снегов, она разливалась, постепенно образуя небольшое болото, на которое никто не обращал внимания, пока в Аванлу и Заревшане несколько человек не заболели малярией.

И это было тем более неприятно, что по всей республике очаги малярии давно удалось уничтожить, заболевания стали редким явлением.

Зарик немного гордилась — ведь это по её заявлению приезжала комиссия и вынесла постановление об осушении заболоченного участка. Болото было небольшое. Его опылили специальным составом, уничтожающим личинки малярийного комара, и предложили колхозам Аванлу и Заревшана осушить землю своими силами.

«Значит, плохо опылили,— грустно думала Зарик, глядя на стонущего Амо.— И почему это у нас в Заревшане чаще болеют, чем в Аванлу? Болото на их земле, ближе к ним, а из жителей Аванлу почти никто не заболел,— только приезжие да наши заревшанцы, которые спускались в долину. Обязательно надо спросить об этом у Баграта Сергеевича...»

Кстати, раз уж сегодня не придётся работать на болоте, то надо съездить в Аванлу к Баграту Сергеевичу, отвезти ему новые данные.

Вот кто умеет внушить к себе уважение! Баграт Сергеевич не выйдет к больному в любое время дня и ночи, как Зарик, разве что по особо экстренному случаю. «Я веду научную работу, и мне нужен покой», — заявил он раз и навсегда. Зато у него дисциплина, и все его побаиваются, даже сам председатель колхоза.

Колхозники про него говорят: «Наш доктор умнее профессора». Зарик признаёт превосходство Баграта Сергеевича. И очень хорошо, что такой опытный, знающий специалист работает почти рядом, хотя самолюбие Зарик часто от этого страдает.

— В Аванлу поеду! — заявила недавно тёща председателя колхоза, страдающая застарелым ревматизмом.— Доктор Баграт мазь даст. Очень помогает...

— Я тебе сама выпишу мазь,— сердито сказала Зарик.— И не примет тебя доктор Баграт. Он вовсе не обязан вас всех принимать.

— Примет! — хитро улыбнулась старуха. — Мы к нему дорогу знаем. Я сперва к его матери зайду, она почёт и уважение любит. А ты не сердись, ты тоже хорошо лечишь,— снисходительно добавила она, заметив, как огорчилась Зарик.

А Зарик действительно очень огорчается, хотя сама частенько ездит к Баграту Сергеевичу за консультацией.

— Вы весьма помогли бы мне, коллега, если бы подробно отмечали все случаи инфекционных заболеваний в вашей зоне,— попросил он Зарик ещё в первый день знакомства. С тех пор прошло больше года. Баграт Сергеевич давно уже называет её по имени, а Зарик очень добросовестно доставляет ему листочки, исписанные крупным, разборчивым почерком. Ей нравится, что она хоть немного участвует в научной работе.

Вернувшись в амбулаторию, Зарик сняла свой халат, отливающий голубоватым глянецом. Прошло уже немало времени с тех пор, как она окончила институт, но у неё ещё не ослабело чувство тайной гордости при виде своего докторского халата — не студенческого, который завязывается на спине и у рукавов тесёмочками, а именно докторского, с большими перламутровыми пуговицами и большими карманами.

Улицы села были в этот час пустынные. Только старухи, укутанные вплоть до носа чёрными платками, сидели на деревянных балконах, перебирая пшеницу или ссучивая шерстяные нитки.

В этом жарком затишьи особенно свежей и живой казалась Каринка, дочка Зарик. Она выскочила из ворот дома и побежала навстречу матери, широко растопырив ручки и заливаясь счастливым смехом.

— Ты больше никуда не уйдёшь? — как всегда прежде всего спросила она, когда Зарик на лету подхватила её тугое тельце.

— А ты почему не в детском саду?

Каринка виновато потупилась.

— Там все спят,— тихо сказала она.— Я спать не люблю...

— Ты убежала,— сказала Зарик,— и за это я не возьму тебя сегодня к дяде Баграту. Вот хотела взять, а теперь не возьму.

— Мама, ты неправду говоришь... Мама, ты пошутила... Ты меня возьмёшь, да? Ну, скажи! Мама, я поеду с тобой, да?

Каринка дрожала от волнения и собиралась заплакать. Негодуя на себя за отсутствие характера, Зарик уклончиво ответила:

— Ещё не известно, как ты будешь вести себя до вечера...

Во дворике, под деревянным навесом, свекровь Зарик пекла лаваш. Ловкими движениями рук она в несколько мгновений превращала комочек теста в продолговатую тонкую лепёшку и, наклонившись, резко приплёпывала тесто к раскалённой стенке подземной печи. Через две-три минуты розовый хрустящий лист крючком извлекался из печи. Свежеиспечённые лаваша, благоухая, остывали на широком столе, висели на деревянных перилах балкона. Свекровь едва подняла на Зарик воспалённые от жара глаза и движением головы указала на сидевшую рядом пожилую женщину. Это означало: «К тебе!». Свекровь, воспитанная в строгих обычаях патриархального быта, была немногословна. Гостья — тётка Сона — веером раскинула по каменным плитам дворика свои пышные юбки. Её лицо, покрытое кирпично-красным загаром, при появлении Зарик сразу приняло выражение скорбного страдания. «Замучит она меня»,— горестно подумала Зарик.

— Совсем, совсем я заболела,— как бы в ответ на её мысли певуче затянула тётка.— Муж сказал: «Пойди в амбулаторию». А я думаю: зачем я туда пойду? Разве доктор не дочка нашего Сако? Не невестка нашего Гикора? Что мы — чужие, что ли? Разве моя бабушка и мать Гикора не двоюродные сёстры? Я сказала мужу: «Зарик может обидеться, если я пойду в амбулаторию». Ну вот, я пришла!

Получалось так, что Зарик должна чувствовать себя польщённой.

«У неё, вероятно, повышенное давление»,— думала Зарик, глядя на мощные формы и багровый румянец тётки Соны.

— По ночам не сплю... сердце болит, спина болит, руки болят. Совсем больная! Председатель говорит: «Иди на птицеферму, пока уборка». А разве я могу? Совсем больная!

Свекровь, перекидывая из руки в руку лепёшку теста, внимательно посмотрела на тётку Сону и спросила у Зарик, как спрашивала всегда, встречая её с работы:

— Голодная?

И по этому взгляду и по тому, как она перебила тётку, Зарик поняла, что её свекровь не одобряет эту родню.

— Всё-таки надо прийти в амбулаторию,— сказала Зарик,— у меня там инструменты и лекарства.

— А ты мне пока дай записку,— начала было тётка Сона, но тут уж Зарик знала, как поступить.

— Нет,— сказала она дипломатично,— может быть, ты серьёзно больна и тебя надо в город отправить, к профессору.

Грузно отпихиваясь от земли, тётка поднялась на ноги и затрясла юбками к выходу.

— Ты ешь,— сказала свекровь,— не жди. Кто знает, когда теперь Аршо придёт.

Зарик кизнула. В дни сева и уборки она неделями не видела мужа. А сейчас ей так хотелось поговорить с кем-нибудь о своих бедах!

— Эта уборка всем голову завертела,— сердито сказала Зарик.— Не могут организовать работу. Все дела должны стоять из-за уборки! — Она махнула рукой и пошла в комнату.

Перед вечером колхозные дрожки остановились возле дома. Каринка

первая взгромоздилась на сиденье рядом с кучером и победоносно озира- ла своих приятелей, столпившихся вокруг.

С окраины Заревшана было хорошо видно село Аванлу, где работал Баграт Сергеевич. Большим тёмным пятном садов выделялось око внизу, в долине. Лошади легко несли дрожки по широкой утрамбованной доро- ге. Жара уже спала, небо приобрело яркость, воздух — прозрачность. От речки веяло свежестью. Сочные зелёные пятна осоки по её берегам точно указывали заболоченные участки. Зарик взглянула сверху. Вон там, по краю, уже видны следы работы колхозников. Канавки отсюда кажутся такими тоненькими! Как мало ещё сделано!

По пологой, извивающейся дороге лошади спустились в ущелье. Не- смотря на ничтожность расстояния, резко чувствовалась разница в вы- соте. Навстречу будто бежала прятая, влажная струя, вытесняя свежий, сухой воздух гор. Лошади миновали полосу садов, бесконечные ряды ви- ноградников и въехали в село.

Зарик всегда удивлялась тому, насколько отличались друг от друга эти сёла, разделённые двумя десятками километров дороги. Заревшан был скуп и строго окрашен в жёлто-коричневую гамму цветов: глина, песок, пшеница: Аванлу зеленел всевозможными оттенками: от бледных, серебри- сто-серых пятен пищатых деревьев и нежной зелени молодых виноград- ников до тёмных клубящихся крон ореха. От Заревшана веяло свежей сухостью, в Аванлу земля дышала влажными испарениями — повсюду журчали ручьи и канавки. Непохожи были даже домашняя утварь и быт этих сёл. У заревшанцев преобладала плоская, широкая посуда: большие плетёные корзинки — салы, подносы, блюда для просушки, очистки, сор- тировки зерна. У аванлинцев — огромные глиняные кувшины — карасы, изящные узкогорлые кувшинчики, оплетённые соломой бутылки для вина, тутовой и виноградной водки. Различным был и весь уклад жизни. Вот сейчас, когда в горах у заревшанцев наступила горячая пора уборки, Аван- лу жило спокойно и неторопливо. Хлебные уголья села были невелики, и давно уже убран был этот хлеб, рано поспевающий на низине. А вино- град — главная статья жителей Аванлу — ещё только сформировался и напоминал тусклые, тяжёлые зелёные бусы.

На пороге чистенького белого домика с вывеской «Амбулатория» го- стей встретил Баграт Сергеевич.

— Каринку — к маме! — скомандовал он. — У меня сегодня был слу- чай — подозрение на корь.

Каринка охотно побежала в глубь сада, к знакомому домику, где на пороге её ждала грузная улыбающаяся старуха с молодыми, очень тём- ными глазами. Точно такие живые, чуть выпуклые глаза были у Баграта Сергеевича, и смотрели они на мир весело, с лукавинкой: «Я, мол, всё наперёд знаю...»

Вот этой спокойной уверенности в себе, в своих силах, нехватало За- рик. А врачу это просто необходимо! Баграт Сергеевич говорил: «Если врач у постели больного хоть на секунду проявит растерянность или нерешительность — грош ему цена. Больной потеряет к врачу доверие, и пред- писания не принесут никакой пользы. Врач должен быть немного актёром. Апломб — это тоже из арсенала наших лечебных средств».

Хорошо ему, с его фигурой, говорить про апломб! Зарик никак не мог- ла забыть, как в канцелярии райздрави, куда она пришла за первым на- значением, её спросили: «А тебе, девочка, что надо здесь?».

В амбулатории у Баграта Сергеевича всегда был идеальный порядок, которого Зарик не могла добиться у себя в Заревшане. Правда, село За- ревшан гораздо меньше Аванлу; амбулатория тут расположена в трёх комнатах, в селе есть аптека и больница. Но разве дело в этом? У Багра-

та Сергеевича всё нужное всегда под руками, всё на местах, всё сияет чистотой.

— В своей амбулатории ты должна уметь работать с закрытыми глазами,— поучал Баграт Сергеевич.— Для каждого препарата, для каждого инструмента должно быть раз навсегда установленное место.

А Зарик так не могла. Она часто устраивала генеральную уборку своего хозяйства, а поддерживать порядок изо дня в день у неё нехватало ни терпения, ни времени. Уж где там «с закрытыми глазами»! На днях — стыдно сказать! — минут пять искала марганцовку на глазах у больного.

Зарик вздохнула и села на табуретку, окрашенную белой масляной краской.

— Сейчас закончу, и пойдём чай пить,— сказал Баграт Сергеевич.

— А я вам ещё данные привезла. Тракторист Амо у нас недавно только с курсов вернулся — и вот слёг! В самую уборку. Опять малярия. Течение бурное, температура сорок.

— Отлично,— оживился Баграт Сергеевич,— это очень важное известие!

— Что ж тут отличного? Лучший тракторист свалился в дни уборки. За дверью амбулатории кто-то покашливал; потом деликатно подёргали полуоткрытую створку.

— Да войдите же! Кто это ещё? — крикнул Баграт Сергеевич.

Вошёл невысокий, сутуловатый крестьянин с коричневой огрубевшей кожей, прорезанной светлыми морщинами. Видно было, что он тщательно готовился к этому посещению. Яркоголубая сатиновая рубашка и новый шевитовый пиджак были помяты и распространяли запах нафталина. Старик приветливо поклонился и осторожно сел на табурет у стола, положив большие тёмные руки на колени.

— Ну, рассказывай, дядя Егише, что с тобой? — привычным голосом спросил Баграт Сергеевич, заполняя анкету.

— Да ничего такого у меня нет, доктор,— с готовностью отозвался старик.— Это, понимаешь, жена моя пристала — сходи да сходи... А так у меня, чтоб там сильно болело или лихорадило — этого нет. Только вот как съем хоть крошку, тяжело мне делается — будто я целого барана съел. Давит под сердцем. Ну, конечно, ослаб. А больше ничего нет...

Баграт Сергеевич велел больному раздеться до пояса. С трудом растегнув пуговицы, дядя Егише стянул с себя рубашку и нателное бельё. В отличие от загорелого лица и рук, тело старика отливало желтизной. Он пытался что-то говорить, но Баграт Сергеевич бесцеремонно оборвал его:

— Теперь ты. отец, помолчи. Что надо — я сам спрошу. Ляг на спину.— Он присел рядом со стариком на белую кушетку и положил руку на желудочную впадину.— Дыши... глубже дыши, ещё глубже...

Дядя Егише усиленно дышал. Баграт Сергеевич поднялся и кивнул Зарик: а ну-ка, посмотри...

Зарик подошла к кушетке. Под рукой ясно прощупывалась небольшая твёрдая опухоль.

— Сколько, говоришь, тебе лет, дядя Егише? — спросил Баграт Сергеевич.

— Да лет шестьдесят будет, сынок...— Старик медленно и спокойно одевался.

Баграт Сергеевич задал ему ещё несколько вопросов, и Зарик не могла не восхищаться их чёткостью и определённой. Этот опрос как бы высвобождал болезнь от всех покровов, обнажал её сокровенную глубину.

— Вот что я тебе скажу,— бодро резюмировал Баграт Сергеевич,— надо ехать в город, отец! Положат тебя в больницу, сделают операцию. Дядя Егише усмехнулся.

— Что ты, я пока на своих ногах стою, как-нибудь само по себе пройдёт...

— Само по себе это не пройдёт. Надо сделать операцию.— Вытирая полотенцем руки, Баграт Сергеевич говорил уже другим, серьёзным тоном, и старик сразу насторожился. Его живой, улыбочивый взгляд стал суровым и сосредоточенным.

— На операцию я не согласен,— угрюмо сказал он.

— Смотри, дядя Егише, через месяц ты придёшь ко мне, будешь прожить: помоги, доктор,— поздно будет.

Зарик полувопросительно назвала болезнь по-латыни.

— Да тут нечего даже сомневаться. Именно! Во всей своей перевозчаной красоте,— отозвался Баграт Сергеевич.

Этот разговор двух посвящённых, разговор на языке, непонятном тому, чью судьбу он так беспощадно и бесповоротно решал, был очень тягостным для Зарик.

А дядя Егише стоял, переводя насторожённый, вопрошающий взгляд с одного врача на другого.

— Дай лекарство. Я в больницу не поеду,— вдруг твёрдо и требовательно сказал он.

Баграт Сергеевич пожал плечами. Он достал пузырёк с укрепляющими каплями. Дядя Егише вышел, бережно унося бесполезное лекарство.

— Всё! — объявил Баграт Сергеевич, взглянув на часы.— Пошли чай пить.— Он аккуратно собрал со стола бумаги, придвинул к себе анкету Егише Арюцяна, против диагноза написал: «От операции отказался», и стал снимать свой халат.

— Что же вы теперь будете с ним делать? — задумчиво спросила Зарик.

— С кем? — недоумевающе обернулся Баграт Сергеевич.

Зарик кивнула на анкету.

— Что же с ним можно сделать? Он ведь не ребёнок. Конечно, операция, во всяком случае, года на три продлила бы ему жизнь. Хотя, знаешь, я наблюдал случаи очень стойкого излечения...

— Без операции он наверняка погибнет.

— Да, пожалуй, так месяца через три-четыре. Самое большее полгода протянет. Он ещё мощный старик.

— Значит, надо настоять на операции!

— Прикажешь силой тащить его на стол? Не имею ни малейшего желания, да и права тоже, кстати сказать, не имею...

Баграт Сергеевич уже сердился, но Зарик не могла отступить.

— А если б на его месте был близкий вам человек, как бы вы поступили?

— Не забывай, Зарик,— голос Баграта Сергеевича звучал строго и наставительно,— мы живём и работаем в деревне. Если старик от операции умрёт — всё село будет кричать, что я послал его на смерть. Мы должны всемерно охранять авторитет врача.

— Вы говорите так, будто живёте в деревне прошлого века,— горестно сказала Зарик. Разговор становился бесполезным. Ей уже больше не хотелось спорить.

В приёмной амбулатории ещё сидели женщина с грудным ребёнком и маленькая старушка.

— Поздно,— сказал Баграт Сергеевич,— раньше надо было прийти.

Женщина хотела что-то сказать, и Зарик уже остановилась, но Баграт Сергеевич зажмурил глаза и покачал головой, всем своим видом показывая, что он ничего не желает слушать.

— Завтра, завтра! Я тоже человек. Нужен мне отдых, как по-вашему? Зарик усилием воли подавила в себе почти инстинктивное желание взять из рук женщины ребёнка и посмотреть, что с ним.

— Их только распусти — они минуты свободной не дадут, — ворчал Баграт Сергеевич, пропуская Зарик вперёд на ступеньки своего нарядного, увитого виноградными лозами домика.

Мать Баграта Сергеевича была умной и тактичной женщиной. Она быстро заметила, что между сыном и его «ученицей», как она всегда за глаза называла Зарик, произошло что-то неприятное. Поэтому она удвоила своё радушие и угощение. А Зарик почему-то вспоминала разговоры сельчан о том, что мать доктора Баграта потихоньку принимает от больных гонорар в виде кур, яиц и масла.

Между тем к Баграту Сергеевичу вернулось хорошее настроение, он ходил по комнате, прихлёбывая крепкий, горячий чай.

— Я понимаю твоё состояние, Зарик, — говорил он, — это от молодости. Наш труд и без того тяжёл, незачем примешивать к нему мировую скорбь. Лечить болезни — твоя профессия, понимаешь? Ну и относись к этому трезво и спокойно. И ещё я хотел тебе сказать: вот ты затеяла это дело с болотом. Розовая романтика! Болото и без нас осушат. А ты должна думать в первую очередь о своей квалификации, чтобы не было таких случаев, как с тем ребёнком. Ведь не всегда я буду у тебя под боком.

Да, был такой постыдный случай, когда Зарик приняла простую шишку за саркому, примчалась ночью в Аванлу, разбудила Баграта Сергеевича, перепугала родителей ребёнка...

— Ничего, — ответила Зарик упрямо, — меня обещали послать на усовершенствование. А потом мне просто досадно лечить каждого больного малярией, когда можно сразу уничтожить весь очаг заразы. Чьё же это дело? Конечно, моё!

Она хотела добавить: «И ваше тоже», но не решилась.

— Что ж, — благодушно согласился Баграт Сергеевич, — пусть будет так: то твоё дело, а вот это — моё! — И он любовно похлопал рукой по папке, в которую только что вложил листочки Зарик.

Толстая папка с надписью «Материалы для диссертации» выглядела очень солидно; Зарик невольно вспомнились узенькие, едва заметные канавки на краю болота. Плохо продвигалось её дело!

На улице затарахтели дрожки. Полусонная Каринка встрепенулась и принялась торопить мать. Баграт Сергеевич попрощался с Зарик у калитки и взошёл на крылечко амбулатории.

У дрожек, в группе сельчан, стоял председатель аванлинского колхоза — плотный в плечах и поясе, шумный человек.

— Здравствуйте, — сдержанно кивнула ему Зарик, но, проходя мимо, не смогла удержаться и остановилась.

— Вы что ж, думаете работать на болоте или нет? — спросила она. — Может быть, для вас постановление райисполкома необязательно?

— Почему же необязательно, как это может быть? — широко заулыбался председатель. — Очень даже обязательно!

«Ещё смеётся, толстомордый!» — сердито подумала Зарик.

Стоявший рядом с председателем секретарь партийной организации колхоза посмотрел на Зарик маленькими, близко посаженными глазками и промолчал. «Все они тут друг за дружку держатся», — решила Зарик.

— А когда же будете работать? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

— А вот как вы, дорогие соседи, выйдете, так и мы не замедлим.

— У нас ещё уборка. И потом — земля-то ведь ваша!

— Земля, конечно, наша. Мы от земли не отказываемся. А только постановление было, чтобы Заревшан и Аванлу работали вместе. Почему же

только мы, аванлинцы, должны работать? Это несправедливо. Вот и народ скажет, что несправедливо.

Он обвёл рукой людей, столпившихся возле него, как бы приглашая их подтвердить правоту своих слов. Зарик увидела ухмыляющиеся лица и почувствовала, что ненавидит этого человека. А председатель продолжал:

— Работать мы не отказываемся. Правильно! Надо работать! Вот зарешанцы выйдут — и мы, пожалуйста, в тот же час! А уборка у вас или не уборка — это нас не касается. Вы выйдете — мы выйдем. Чтоб всё почестному. Правда, доктор?

Вопрос был обращён к доктору Баграту, но, когда Зарик обернулась, доктора Баграта на крыльце уже не было.

На другой день Зарик поднялась при первых лучах зари. В воздухе стояла розовая свежесть. Но ещё ни разу в жизни Зарик не удавалось подняться раньше своей свекрови. Свекровь уже готовила завтрак: вытаскивала из кувшина острый сыр, приправленный ароматными травами, кропила водой сложенные стопкой листья лаваша. От ручейка, протекавшего за домом, шёл Аршо, вытираясь длинным мохнатым полотенцем. «Сейчас он поест и уедет опять на целый день, — подумала Зарик. — Ну, когда же я ему всё расскажу?..»

Аршо ещё издали улыбался жене. Не будь здесь сейчас матери, он поднял бы её на руки и подкинул в воздух, но при старухе не позволил себе даже коснуться её руки и только, заглянув в глаза, для чего ему пришлось низко нагнуться, сказал:

— Заро!..

На дощатый балкон, шлёпая босыми ногами, вышла заспанная, растрёпанная Каринка и молча, сосредоточенно полезла на колени к отцу. Расцеловав девочку, Аршавир начал класть ей в рот самые вкусные кусочки. Пока они так завтракали, Зарик, облокотившись на стол, торопливо рассказывала мужу обо всех событиях вчерашнего дня.

— Он ещё допляшется, погоди! — сказал Аршо пре председателю аванлинского колхоза. — У него только одно на уме: как бы в миллионеры вылезть. И совсем напрасно ты с ним говорила. Он тебе ничего обидного не сказал? Смотри!

Брови Аршо сразу сдвинулись, и Зарик торопливо погладила рукав его синей рубахи. Она знала нрав своего мужа.

Аршавир быстро успокоился.

— Э-э, жена, ну чего ты волнуешься, чего добиваешься? Вот кончим уборку, слово тебе даю, с трактором приеду на твоё болото. Ну, веришь мне?

— Нет, — ответила Зарик, — знаю я вас! Уборку кончите — ремонт начнёте, ремонт кончите — сев начнёте. Ах, и не только это... Напрасно я согласилась здесь работать. Никакого авторитета у меня здесь нет. И этот большой из Аванлу у меня из ума нейдёт...

— В Аванлу свои врачи есть, ещё тебе нехватало в их дела мешаться!

— Это похоже на старый анекдот. Человек кричит: «Меня грабят!» а милиционер отвечает: «Это не в моём районе».

— Не знаю, — сказал Аршо, — только если ко мне в эмтеэс придёт чужой механик и начнёт там распоряжаться, я его в два счёта выставлю. А насчёт работы — чтоб я такой ерунды от тебя не слышал! Где тебе ещё работать? Здесь твой дом, твоя семья. Кто тебя отпустит? А если нет авторитета — сама виновата...

Он надел рабочую куртку, пропахшую трактором, и ушёл, расцеловав Каринку и потрепав Зарик по щеке. Зарик сидела на ступеньках и смотрела ему вслед. Рядом с ней остановилась свекровь. Молчаливая, неуто-

миная, она вела всё хозяйство в доме, вырастила Каринку и — как всегда казалось Зарик — немного чуждалась своих взрослых детей. Поэтому Зарик очень удивилась, почувствовав маленькую, сухую руку свекрови на своих волосах.

— Твоя работа в чём? — тихо спросила старуха. — Чему тебя учили? Людей от смерти спасать? Ну, значит, это и делай.

Зарик поняла, что свекровь слышала её разговор с мужем.

— Если б это у нас, в Заревшане, — сказала Зарик, — а то ведь в Аванлу. Там свои врачи. Не могу я вмешиваться. Есть такой закон, врачебная этика называется.

— Тьфу на такой закон! — сказала старуха. — Жизнь сладка, дочка, ох, трудно с ней расставаться. Этот больной — он глупый, не понимает. Поймёт — горько ему станет. Вразумить его надо!

Повинуясь какому-то тёплому чувству, Зарик прижала сухую руку свекрови к своей щеке, а та, будто испугавшись этой непривычной ласки, легонко оттолкнула невестку и прошла в дом.

В амбулатории Зарик принялась за уборку. Было очень рано, больные ещё не появились, и, отправив в поле девушку, которая обычно помогала ей, Зарик сама вытерла стёкла, отскоблила щёткой добела полы, привела в порядок аптечку и шкаф с инструментами. Теперь амбулатория была не хуже, чем у Баграта Сергеевича!

Зарик тщательно вымыла руки, надела накрахмаленный халат, шапочку, и настроение у неё сразу улучшилось. Видно, правду говорит старая поговорка: «Если у тебя плохо на душе — наведи чистоту и порядок в своём доме».

Не постучавшись, в комнату вплыла тётка Сона. Теперь уже не было сладкой улыбки на её лице. Она пришла не в гости, не к родне, и настроена была сурово. Но Зарик тоже знала своё дело. Она разложила на столе блестящие инструменты, вовсе не нужные ей в данную минуту. Тётка присмирела и покорно отвечала на все вопросы. Когда же Зарик взялась измерять давление крови, то при первых же движениях резиновой груши, накачивающей воздух в повязку на руке, тётка отчаянно завизжала. Строго, как Багат Сергеевич, Зарик прикрикнула: «Не мешай мне работать!» — и дальше тётка сидела уже совершенно укрощённая.

Давление у Соны было выше нормы, но не настолько, чтобы внушать опасения за её жизнь.

— Работать тебе можно, — сказала Зарик, — даже полезно.

— Ох, тяжёлая у меня болезнь, — скорбела тётка. — Прошу тебя, напиши на бумажке, как она называется. Я, наверно, в город поеду, к профессору...

— Да не надо тебе к профессору!

— Напиши всё-таки...

На листке бумажки Зарик написала название болезни и показатели давления крови. Покачивая головой от жалости к самой себе, тётка пошла по улице, разглядывая бумажку.

После приёма в амбулатории Зарик побывала в детском саду, в яслях и пошла в обход своих лежачих больных.

Тракториста Амо дома не оказалось.

— Председатель утром приходил. Ушёл с ним мой сын. Я не пускала, записку твою показывала, не послушались...

«Как болото осушать, так его нету, — негодовала по пути в село Зарик. — а как больных на работу тащить — это он не задумается!»

Зарик была так разгневана, что, когда увидела перед собой высокую, сутуловатую фигуру председателя, забыла всю свою солидность и бегом догнала его.

— Дядя Галуст! — Привыкнув так называть его ещё с детства, она

до сих пор не могла придумать более подходящего обращения. — До каких пор это будет продолжаться? Пошлёте вы бригаду на болото, или пусть у нас люди падают от малярии?

Сухопарый, как почти все горцы, председатель шёл быстро, наклонив голову и поджав губы. Зарик бежала рядом с ним; а он не отвечал ей ни одного слова, пока они не вошли в маленький кабинет.

— Я в райком звонить буду! — исчерпав все свои доводы, наконец сказала Зарик.

Галуст положил свой брезентовый портфель на стол, повернулся к Зарик и суровыми серыми глазами посмотрел ей в лицо.

— Звони,— тихо, почти шёпотом сказал он ей,— звони в райком или вот иди, сядь на моё место, отвечай за уборку, отвечай за строительство зимних хлевов, за ремонт школы, за высокогорные участки, за болото. Иди, садись за этот стол... работай!

Зарик видела, что человек взбешён, но она не так-то легко отступала и потому ответила спокойно и язвительно:

— Я на твоё место, может быть, и смогу сесть; дядя Галуст, а вот ты мою работу выполнить не сможешь, так что этот разговор ни к чему.

— Ты всё можешь,— опять яростным шёпотом заговорил Галуст,— работу ты мне тормозить можешь... Когда у меня все люди на счету; ты им освобождения раздаёшь!

Он засунул пальцы в нагрудный карман гимнастёрки и выкинул на стол смятые бумажки.

— А что,— сказала Зарик, разглаживая ладонью справку Амо,— у человека вчера было сорок, а вы его сегодня в поле вытащили? Завтра он у вас в горах с приступом свалится. Что вы тогда будете делать? И всё как раз от болота, которое вы не хотите осушать. Это государственный подход, я вас спрашиваю?

Галуст, не оборачиваясь, стоял у окна. Зарик развернула вторую бумажку. Это была та самая записка, которую она утром так неосмотрительно вручила тётке.

Зарик подошла к председателю колхоза.

— Тётку Сону я заставлю выйти на работу,— сказала она,— а с болотом мы должны покончить этой осенью.

— Подожди до конца уборки,— тихо, но уже не шёпотом сказал председатель,— разве я не понимаю? — Он обернулся к Зарик и непривычно, скупно усмехнулся.— Смотри, пожалуйста, дочка Сако Сарояна меня государственному подходу учит...

— А как же! — независимо сказала Зарик и вышла из комнаты.

После полудня Зарик опять собралась в Аванлу. На этот раз она пошла пешком короткой каменной тропой, местами круто срывающейся вниз. Слезая по уступам; прыгая с камня на камень, Зарик старалась не думать о том, что больше всего волновало сейчас её сердце. Чтобы отвлечься, она вспоминала своё детство. Давно ли с оравой своих сверстников, босая, загорелая, она сбегала по этой тропинке к речке, а иногда предпринимала более далёкие походы — в сады Аванлу! Старик-сторож давал «горным детям» маленькие душистые дыньки-шамамки и прохладный, только что снятый с лозы виноград. Это было так недавно, а вот она уже мать семейства, врач, и; может быть, половина её жизни прожита. И вдруг бы ей сейчас пришлось умереть! Как страшно, как не хочется! И ведь бедному Егише тоже не хочется, хотя он уже старик. Если его можно вылечить или хоть на несколько лет продлить ему жизнь, разве не преступление пренебречь этой возможностью? А как быть с Баграмом Сергеевичем, который так много для неё сделал, так охотно помогал ей в трудные минуты? Вероятно, лучше не ходить, возвратиться...

Но она всё шла по вьющейся тропе, в крутых местах цеплялась руками за камни, долго шла под палящим солнцем, не замечая его, как каждая женщина, родившаяся и выросшая в этом краю. Потом, за крутым поворотом, ей открылось широкое шоссе, и первая попутная машина довезла её до Аванлу.

Баграт Сергеевич что-то внимательно читал, когда Зарик в измятом платье, больше, чем всегда, похожая на девочку-подростка, вошла в его чистенькую, увешанную коврами комнату.

Он не удивился её неожиданному посещению. Доктор Баграт никогда ничему не удивлялся.

— Умойся, — сказал он, оторвавшись от книги, — пыльная, тощая — противно смотреть...

Но ему, видно, очень хотелось с кем-нибудь поговорить, и, зажав книгу подмышкой, он пошёл за Зарик к умывальнику.

— Вот посмотри, пишут — бога за бороду схватили... Опять что-то новое против туберкулёза!

— Так ведь это замечательно! — воскликнула умытая Зарик, укладывая на голове длинные косы.

— Конечно, — согласился Баграт Сергеевич, — написать всё можно!

— Да вы же сами применяете новые средства...

— А что я, рутинёр, что ли? Конечно, применяю.

— А насчёт рака ничего нового не слышно? — дипломатично, чтобы приблизить разговор к цели своего посещения, спросила Зарик.

— Тоже что-то невнятное пишут... Всё ерунда! Резать надо, как можно глубже и полней.

— Вот и я говорю, — поспешно вставила Зарик. — Этот Арюцян, он ещё не так стар, не истощён, его вполне можно спасти...

Баграт Сергеевич помолчал и вдруг сказал совершенно другим голосом:

— Зарик, не вмешивайся не в свои дела. Ты за этим сюда приехала?

— Не могу я не вмешиваться... Не имею права! — Зарик подошла к Баграту Сергеевичу и чуть коснулась пальцами его плеча. — Помните, как умирала старуха Зуло? Ей было девяносто лет, она сама хотела умереть, а вы всё сидели около неё со шприцем, кислород ей давали. Вы за каждую минуту её жизни боролись. Почему?

— Все так делают, и я обязан это делать, — быстро ответил Баграт Сергеевич. — Это мой долг!

— Да! — воскликнула Зарик. — А через три месяца, через полгода вас позовут к умирающему Арюцяну, и вы будете сидеть у его постели и впрыскивать ему камфару и делать массаж сердца, чтобы он прожил лишний час. И будете спокойны — вы исполнили свой долг!

Зарик не должна была говорить последних слов. Они обидели Баграта Сергеевича. В них прозвучала даже будто ирония над человеком, который стоял неизмеримо выше этой девчонки.

— Прошу меня не поучать!

— Я вас не поучаю, — твёрдо ответила Зарик. — Я хочу, чтобы вы пошли к сыну Арюцяна и поговорили с ним. Я хочу, чтобы вы убедили старика лечь на операцию. Вам ничего не стоит это сделать.

— Глупости! — крикнул Баграт Сергеевич. — Детские выходки!

— Хорошо, — сказала Зарик, — тогда я пойду сама.

— Вы подумали о том, красиво ли это будет выглядеть?

— Да, — ответила Зарик, — я много думала об этом. Но ведь всё будет совсем иначе, если вы пойдёте со мной.

— Это чёрт знает что такое! — Баграт Сергеевич быстро подошёл к решалке и рывком сорвал с неё фуражку. Зарик торопливо вышла за ним. В маленькой передней стояла мать доктора Баграта. Вытянув шею и

округлив глаза, она напряжённо прислушивалась к разговору. Зарик сперва не узнала её, потому что лицо старухи на этот раз не было ни улыбающимся, ни приветливым. Она не поздоровалась с Зарик и строго, осуждающе смотрела вслед сыну.

По улице они шли молча. Так же молча они остановились у дверей дома Варгана Арюцяна — сына дяди Егише. Багра́т Серге́евич с безразличным видом смотрел в сторону. Зарик постучалась.

Бывший фронтовик, прошедший большой путь по Европе, Варган Арюця́н привык к широкому общению с людьми и несколько не удивился, что врачи зашли к нему в гости. Но его жена, светловолосая Лусик, сразу почувствовала в этом посещении что-то неладное. Она засуетилась, накрывая стол скатертью, устанавливая угощение, но между делом успела сбежать в соседний дом и пошептаться со свекровью.

Зарик сидела у стола и выжидательно смотрела на Багра́та Серге́евича. Недовольное, брезгливое выражение не сходило с его красивого лица. Он постукивал кончиками пальцев по столу и, казалось, вообще не собирался ни о чём говорить. Тогда Зарик подседа поближе к хозяину и загворила сама. Как она и предполагала, старик ничего не сказал дома о своей болезни.

Варган помрачнел, его большие тёмные руки растерянно и беспечно забегали по скатерти — брали и бросали нож, передвигали тарелки, стаканы.

— Значит, отец умрёт? — сразу осипшим голосом спросил он.

— Если не сделать операцию, — твёрдо сказала Зарик.

Варган обернулся к Багра́ту Серге́евичу, и тот нехотя кивнул головой.

Тяжело ступая, в комнату вошла мать Варгана — красивая старуха с открытым, доброжелательным лицом. Она с достоинством поклонилась и села у стола, испытующе поглядывая на врачей.

— Мама, как отец? Я его сегодня не видал, — неловко спросил Варган.

— Ничего, сынок, как будто полегче ему. В сад ходил. Яичницу велел сделать, немного поел. — Она говорила неторопливо, подробно, но во всём её облике чувствовалось насторожённое ожидание.

— Пойдём к отцу, потолкуем, — предложил Варган.

Дядя Егише встретил их степенным поклоном, но без особой радости. Он лежал на высокой тахте, опершись на подушку. Перед ним, на столике, стояла остывшая яичница, масло, смешанное с мёдом, сладкие лепёшки. Жирной, питательной пищей старик хотел победить свою болезнь. Зарик поняла эту наивную хитрость, и ей стало очень жаль дядю Егише.

Армия приучила Варгана к прямоте и определённости.

— Вот, отец, доктора говорят, операцию тебе надо делать. Отвезу тебя завтра в город.

Старик недовольно посмотрел на сына.

— Мне там делать нечего...

— А врачи утверждают — надо лечиться. — Варган говорил нарочито бодро, как будто речь шла о пустом деле.

Все замолчали. Это было так томительно, что Зарик уже раскрыла рот и собралась заговорить, но в этот миг шагнул вперёд Багра́т Серге́евич. Ловким движением он придвинул к тахте тяжёлый стул, сел, упершись руками в колени, и повёл разговор. Просто и понятно он рассказал дяде Егише, в чём заключалась его болезнь. Не сгущая красок, но и не замалчивая опасности, он описал всё течение болезни — от зарождения небольшой опухоли до неизбежного распада тканей.

— Собирайся в город, отец, ещё поживём! — веско закончил он, вставая со стула.

«Как у него всё это хорошо получается! — думала Зарик. — Я бы так никогда не смогла!»

Вартан сидел, потупив голову. Сам дядя Егише медленно перебирал чётки. И тут заговорила жена дяди Егише.

— Вартан! — обратилась она к сыну, и тот покорно встал перед ней. — Сходи к председателю, попроси на утро машину. Лусик, поставь тесто на лавашах...

Она отдавала распоряжения тихим, спокойным голосом, но Зарик видела, что у бровей женщины легла скорбная складка.

Дядя Егише закряхтел, заворочался и уселся на тахте. Жена положила руку ему на плечо.

— Поедем, Егиш... Ты сам понимаешь — надо!

Дядя Егише посмотрел на неё и жалобно улынулся.

— Что ж... если надо... Я... я поеду. Я не против...

Старуха подошла к Баграту Сергеевичу.

— Спасибо тебе, доктор, — сказала она, — от всей нашей семьи спасибо!

Баграт Сергеевич снисходительно кивнул головой.

— Ты только получше смотри за ним, мать. Особенно после операции...

Снова Зарик и Баграт Сергеевич шли в полном молчании. Зарик очень устала и с горечью думала, что ей уже теперь нельзя зайти в уютный домик возле амбулатории, поговорить о новых журналах, отдохнуть на широкой тахте. Вот сейчас на развилке дорог Баграт Сергеевич повернёт к себе, а она пойдёт по шоссе, прислушиваясь, не догоняет ли её попутная машина. Но на сердце у Зарик было легко — её долг был выполнен.

От перекрёстка навстречу Зарик и её спутнику шли несколько человек. Среди них Зарик заметила секретаря партийной организации аванлинского колхоза. Он поднял руку и ускорил шаги. Баграт Сергеевич, уже собиравшийся свернуть, приостановился, а Зарик, которую это приветствие никак не касалось, чуть задержалась, чтобы проститься с тем, кто был её учителем и товарищем.

Но смуглый невысокий секретарь, уважительно кивнув Баграту Сергеевичу, обратился к Зарик:

— Ты уж не сердись, доктор. У нас с тобой нехороший разговор получился в прошлый раз. Давай это забудем. Вот народ решил: пока у вас уборка идёт, мы будем работать. Запишем, сколько человек работало, сколько часов, а потом пусть заревшанцы так же работают, чтобы никому обидно не было.

— На соревнование вызываем Заревшан! — ухмыльнулся молодой парень в кудрявой папаче.

— Конечно, — живо отозвалась Зарик, — надо же понимать положение! Заревшан отработает. Нам и трактор обещали дать...

Вокруг все заговорили разом, и Баграт Сергеевич, так некстати остановившийся, почувствовал, что просто смешно ему стоять здесь, в стороне от общего разговора.

— Ты, Герасим, знаешь что... — Он мучительно подыскивал, что бы сказать. — Там твоя жена лекарство просила, пусть зайдёт — я приготовил...

Секретарь в знак благодарности приложил руку к сердцу, и Баграт Сергеевич, за которым осталось последнее слово, пошёл к себе неспешной походкой.

«Ничего! — подумала Зарик. — Я не гордая, я ещё приду к вам, Баграт Сергеевич!»

Словно почувствовав этот взгляд, Баграт Сергеевич обернулся, насмешливо улыбнулся ей и театральным движением приподнял над головой фуражку.

Зарик смотрела на него серьёзно и задумчиво. Нет, не получилось у вас, Баграт Сергеевич, гордого иронического жеста, не получилось! Резко надвинув фуражку на самые уши, доктор Баграт, сутулясь, быстро зашагал к своему дому.

— Пошли, Зарик! — сказал парень в кудрявой папаше. — Сейчас наша бригада поедет на болото, сядешь в кабинку — подвезём тебя. — Он, заслонив глаза рукой, посмотрел на солнце. — Ещё часа три успеем поработать сегодня.

— Успеете, — кивнул секретарь, — теперь дни длинные...

И Зарик пошла с ними по широкой зелёной улице села.

2. Начало жизни

Рубен первый поздравил свою жену. Он посмотрел в глаза Тамаре и, сдерживая волнение, негромко проговорил:

— Ну вот, родная, и это уже пройдено. Теперь — дальше!

Как это похоже на Рубена! Даже в такую минуту — одна мысль: дальше, дальше... «С тобой трудно жить, надо постоянно тянуться, чтобы стать выше себя. Я всё время будто на цыпочках хожу», — жаловалась Тамара в первые годы их брака. Потом поняла: с ним иначе жить нельзя. И без него тоже иначе жить нельзя.

— Нет, это никуда не годится! — пророкотал бас оппонента Тамары, академика Меграшвили. — Оппонентов надо уважать и ублажать не только до защиты диссертации, но и после. Муж всегда успеет принести поздравления, а мой поезд уходит через два часа.

Счастливая Тамара Сергеевна протянула ему руки.

Откуда-то появились цветы — охапки белой и густолиловой сирени, длинные снопики синих ирисов. Тамару окружили друзья, знакомые, студенты.

Директор института, ещё совсем молодой человек, учёный с мировым именем, сказал ей очень серьёзно:

— Это было не просто хорошо, это было талантливо. — И тут же нахмурился, словно пожалел о вырвавшемся слове. — Может, напрасно я это говорю. Но я в вас верю — вы не загордитесь.

Подошла подруга и зашептала:

— Ты замечательно держалась. Только вначале чуть волновалась, а потом всё было так веско, убедительно...

— Правда? Правда? — переспрашивала Тамара. Ей ещё и ещё хотелось пережить всё, что она испытала в этой большой аудитории, куда вошла простым научным работником и откуда выйдет кандидатом физико-математических наук. Она оглядывалась вокруг, чтобы запечатлеть, сохранить в памяти обстановку этого дня. Но каждую минуту всё менялось. Чертежи, снимки, диаграммы, ещё час назад представлявшие огромную ценность, беспорядочной грудой свалены на стол. Члены Учёного совета покинули свои места и утеряти неподвижность и неприступность.

Тамара подошла к старому учителю математики. Когда-то, много лет назад, она сдавала ему свой первый в жизни экзамен. Всё, что было выучено, повторено, закреплено в памяти, вдруг рассыпалось, смешалось. Тамара ничего не могла вспомнить и молчала, с ужасом ощущая, как идёт время.

— Я знаю! Я только очень волнуюсь, — с отчаянием сказала она.

Безразлично покачивая головой, старик перевёл глаза на доску.

— Какую форму имеет наша земля? — задал он вопрос, не имевший никакого отношения к предмету экзамена.

— Шаровидную! — моментально ответила Тамара.

— Не волнуется? — И острые глазки с торжеством уставились ей в лицо. — Не волнуетесь, потому что знаете! Твёрдо и уверенно!

На всю жизнь Тамара Сергеевна запомнила этот урок.

Старый учитель сидел грузный, тяжело опираясь на палку.

— Ну, молодец! — сказал он, астматически дыша. — Я слушал с удовольствием... и с интересом, да, с интересом...

«Ведь он совсем больно, а вот пришёл», — подумала Тамара.

— Спасибо, — тихо произнесла она.

И в эту минуту она особенно ясно увидела, что почти все окружающие её люди, все пришедшие на защиту её диссертации помогли ей в чём-то, дали ей что-то в жизни. Ей хотелось сказать это громко, всем!

Незаметно зал опустел. Остались только самые близкие — тесный кружок друзей Тамары и Рубена. И среди них — невысокий худощавый старик. Он всё время держался особняком, позади, и лишь изредка делал слабые попытки протиснуться поближе к Тамаре, но тотчас же, словно одумавшись, отходил обратно.

— Ты не знаешь, кто это? — тихо спросил Рубен, когда стало ясно, что старичок уходить не собирается.

«Этого не может быть», — подумала Тамара, увидев резкие черты горбоносого лица.

— Не может быть! — громко повторила она и торопливо пошла к старику. — Дядя Арменак!

Робкая, нерешительная улыбка то появлялась, то исчезала на сухощавом лице старика. Потом губы его мелко задрожали и, прижимая одной рукой к груди тяжёлый портфель, он стал шарить по карманам.

Первый порыв заставил Тамару Сергеевну поцеловать дядю в плохо побритую щеку. Она уловила запах застарелого табачного дыма, нафталина и чего-то ещё, очень знакомого и очень далёкого.

— Рубен! — позвала Тамара мужа. — Иди сюда! Это мой дядя.

— Как же... Родной брат её матери... Родственники... — Дядя Арменак вытер глаза желтоватым платком и осторожно протянул Рубену руку.

— Я рад, — сказал Рубен. — Вы что, специально приехали на защиту? Дядя Арменак даже отшатнулся.

— Как можно! Нет... Я, так сказать, по делам службы... в командировке...

— Удачно получилось. Теперь пошли к нам. Все, все к нам, товарищи! И по дороге не расползаться!

Свекровь Тамары, бабушка Арус, большая любительница попить, считала, что всякие торжества надо приурочивать к осени.

— Только осенью можно накрыть красивый стол. Один виноград чего стоит, персики, груши... Долму сборную сварить — загляденье! А сейчас что? Даже баранины хорошей не достать...

— Ну, начались штучки! — сказал тогда Рубен. — Люди придут поздравить товарища, повеселиться. Что им, долма нужна, что ли? Стоит об этом думать!

Зато весной было много цветов, и они стояли в каждой комнате — в вазах, в банках и даже в тарелках.

Предполагалось, что бабушка Арус и Марджик встретят Тамару в передней с большими букетами в руках. Но Марджик нарушила весь церемониал — она кинула букет на пол и с визгом бросилась к матери на шею.

У Тамары было странное чувство — блаженной опустошённости и жажды деятельности. Она выходила на кухню, бесцельно открывала

дверцы буфета — как будто ей обязательно нужно было что-то делать. А на самом деле всё уже было сделано, и бабушка Арус, вопреки своим словам, доказала, что и весной можно устроить великолепное угощение.

Дядя Арменак сперва притаился в уголке, с интересом ко всему приглядываясь. Он молчал, только вдруг несмело поманил Тамару пальцем.

— Я его знаю,— прошептал он ей на ухо, указывая глазами на Меграшвили, которого Рубен заташил на минутку выпить перед отъездом стопку коньяку.— Он у нас очень влиятельный человек, депутат. Я за него голосовал, ты ему об этом скажи. Он что, тоже в командировку приехал?

— Иракий Андреевич? — переспросила Тамара.— Он же мой оппонент, приехал на защиту...

— Из-за тебя? — с сомнением покачал головой дядя.— Может быть, конечно...

Потом он мелкими шагами обошёл квартиру, заглянул во все уголки и остался доволен.

— Квартира с удобствами,— сказал он,— только обстановка неважная. Теперь принято обставлять рижской мебелью. Люди прямо гарнитурами привозят. Ты Калустянов помнишь? Их дочка шикарную столовую приобрела. Конечно, можно и в комиссионном, только это дороже.

— Да, конечно,— невпопад ответила Тамара и подумала: «Отчего дядя Арменак стал какой-то другой, более разговорчивый?». И тут же поняла: «Ведь бабушки-то больше нет!».

— Мы твои деньги получали,— продолжал дядя Арменак.— Но ты ведь знаешь бабушку — она о тебе не говорила. Думала, но не говорила. Умерла легко. Заснула — не проснулась. Я её хорошо похоронил, ты не беспокойся. Один гроб стоил семьсот рублей. Правда, мне учреждение помогло, меня всё-таки ценят...

В столовой громко требовали хозяйку. Гости пили за здоровье Тамары, за её будущие успехи. И она тоже выпила полный бокал, когда был провозглашён тост за советскую науку.

Дядя Арменак остался недоволен тостом. Уж очень мало за столом было сказано о самой Тамаре... Старик сидел во главе стола, на почётном месте: как-никак — единственный родственник виновницы торжества. В Армении уважают стариков и чтут родственников. Когда выпили за здоровье тамариного дяди, он растрогался, приосанился и пожелал провозгласить ответный тост.

— Я счастлив,— сказал дядя Арменак, подняв тонконогий бокал, в котором вино вспыхивало золотыми огоньками,— я счастлив, что известная вам Тамара Зурабян, моя племянница, не уронила чести нашего рода.

«Да, да,— думала Тамара,— всё это знакомо, знакомо...»

— Конечно, может быть, сидящим за этим столом неизвестно, но Тамара не откажется подтвердить, что в нашем, не таком уж маленьком городе,— тут дядя Арменак самодовольно усмехнулся,— все знают Зурабянов как честных, достойных людей. Пусть я не научный работник, но когда мой начальник, уважаемый товарищ Барсаладзе, вызывает меня и говорит: «Арменак Зурабян, я только на тебя могу положиться», — это что-нибудь да значит, товарищи! И если б моя мать, которая вырастила и воспитала сегодняшнего научного работника Тамару, была жива, она гордилась бы тем, что Тамара Зурабян оправдала себя на сто процентов. Я с большим чувством поднимаю этот маленький бокал за мою племянницу, за её уважаемого мужа, за процветание и благополучие их семейства, а также за почётных гостей, которые сидят за этим столом!

Весенние ночи коротки. Небо из чёрного стало прозрачно синим, когда разошлись гости. Неутомимая бабушка Арус, неслышно ступая в мягких

домашних туфлях, убирала со стола посуду. Захмелевший Рубен крепко спал. Давно похрапывал на широком диване дядя Арменак, предусмотрительно положив под подушку свой портфель.

— Отдохни, — сказала бабушка Арус Тамаре, — смотри, уже заря!

Но волнения пережитого дня не давали Тамаре заснуть. Она лежала с открытыми глазами, и впервые за много лет перед ней вставало далёкое прошлое, так внезапно разбуженное появлением дяди Арменака.

У каждого человека бывают в жизни периоды, которые не хочется вспоминать. И человеческая память охотно идёт навстречу нашим желаниям, она отключает неприятное и где-то глубоко в сознании прячет дни горестей и обид. Недаром в прошлом помнишь одно хорошее. Тамара никогда не вспоминала о своём детстве — может быть, потому, что ничего хорошего вспомнить не могла. Ни в детстве, ни в ранней юности у неё не было радостей. Никому она не была дорога и желанна. Мать Тамары умерла при её рождении и оставила её на руках у бабушки, которая устала от жизни, уже израсходовала всё своё сердце и не желала больше никаких привязанностей.

— Несчастливая моя дочь, — не раз слышала от бабушки Тамара, — в тысячу раз лучше было бы умереть ребёнку, чем ей...

Вероятно, это было справедливо, но Тамара не видела, не знала своей матери, и эти слова ещё в самом раннем детстве переживала, как тяжёлую обиду.

— Вы хотите, чтобы я умерла? — спросила она трёхлетним ребёнком у своей бабушки.

Вечером старуха жаловалась старшему сыну:

— Вылитый отец! Глаза дерзкие, разговор дерзкий... Его ребёнок, его кровь!

Отца Тамары бабушка ненавидела за всё. За то, что он был «голоштанник» без роду и племени, за то, что посмел жениться на её дочери, за то, что он был убит в годы гражданской войны и оставил на её руках ребёнка. А Тамара, которая едва помнила своего отца, ревниво оберегала его память. Поговорить о нём ей было не с кем. Только раз в месяц, когда к ним приходила прачка Дуня, Тамара беседовала с ней.

— Ты знаешь, тётя Дуня, он не умер, — говорила она, — он только очень далеко сейчас. Я знаю, но не могу тебе сказать — где. И он приедет. Он привезёт мне всё. И я тогда куплю тебе новые калоши. Хочешь?

— А как же! — говорила тётя Дуня. — Вот я обрадуюсь! У меня калоши-то совсем прохудились. Я к вам приду стирать, а ты мне: «На-ка, Дуня, тебе новые калоши!».

И девочка и старая, сгорбленная прачка счастливо смеялись.

Но в кухню приходила бабушка и, подозрительно оглядевшись, отсылала Тамару в комнату. В том, что девочка так охотно сближалась с простыми людьми, бабушка тоже усматривала дурную наследственность. Сама бабушка была урождённая Галоян. Лавка её отца доставляла фрукты самым именитым людям города. Муж её, Григор Зурабян, служил до самой смерти в крупной торговой фирме. Он был там доверенным лицом. Зурабян знал весь город. Вообще, право на уважение и гордость имели два рода: Галояны — все без исключения, Зурабяны — с некоторыми оговорками. На всех остальных бабушка считала себя вправе смотреть сверху вниз. Любила она только старшего сына, жёлчного, безразличного ко всему, одинокого человека. До революции он служил в той же торговой фирме, которой посвятил свою жизнь его покойный отец. После революции работал в одном кооперативном объединении. Для него не изменилось ничего. Он был честный, исполнительный работник. Один раз ему воздалось по заслугам — это было самое светлое воспоминание в его жизни. Хозяин фирмы как-то вызвал к себе всех служащих и показал

им клочки бумаги, извлечённые из мусорных корзин. «Вот как небрежно, нерадиво используют люди хозяйское добро. Точно враги, стносятся они к тому, кто даёт им хлеб. Только один достойный есть среди вас: он бережёт имущество человека, у которого служит...»

Меж измятых листков, исписанных лишь с одной стороны — то слишком, крупно, то чересчур размашисто, хозяин стыскал квадрагики бумаги, вдоль и поперёк усеянные мелкими, как зёрнышки, буквами, заполненные так, что уж нельзя было поместить больше ни одного словечка.

Это были черновики дяди Арменака! Не у каждого человека в жизни бывает момент такого полного признания, такого глубокого торжества!

— Умели ценить людей!.. — покачивала головой бабушка, и глаза её улыбались прошлому.

— Конечно, вам в старое время хорошо жилось, потому что вы были буржуи, — раздавался рядом непреклонный, гневный голос внучки.

Бабушка капала в рюмку пятнадцать капель валерианки.

— Откуда, откуда это у ребёнка, господь мой? — шептала она дрожащими от волнения губами.

Бабушкина семья жила в большом южном городе, имевшем вековые традиции и неповторимое своеобразие.

Это был город большой революционной истории. Многие его уголки овеяны легендарной славой. Здание духовной семинарии, домик подпольной типографии, стены древней тюрьмы навеки запечатлели образ гениального юноши, великого творца революции, непреклонного её воина.

Здесь создавались лучшие страницы истории человечества, а рядом шла другая жизнь, уже обречённая, но заявляющая свои права, не верящая в свою гибель, цепляющаяся старыми щупальцами за молодые победы.

На центральных улицах этого города стояли горделивые, а то и кокетливо нарядные дома в окружении тёмных кипарисов, голубых елей и фигурно подстриженных миртовых кустов. Расположенный в разных плоскостях холмистой местности, пересекаемый рекой, этот город был как бы маленьким государством со своим центром и провинциями — окраинами. Каждый его район имел своё лицо, свои обычаи, своих жителей. По берегам реки лепились, прижимались друг к другу, вырастали один из другого дома, домики, домишки. Часто основания их уходили в зеленоватые воды реки. Издали дома были очень живописны — увитые диким виноградом или плющом, с позеленевшими от старости и сырости камнями. Выстроенные столетия тому назад, видевшие в своих стенах десятки поколений, они обветшали, пропитались многообразными запахами человеческой жизни. К ним вели узкие кривые улочки, сдавленные нависшими деревянными балконами, ажурными от изящной резьбы. С утра по этим закоулкам брели ослики, навьюченные кувшинами кислого молока. Ритмично, на разные мотивы, пели разносчики: «Мацони, мацони!», «Зелень, свежая зелень!», «Кизил для варени; кизил для варени!».

Люди здесь жили тесно — много, много лет в окружении одних и тех же соседей. Им всё известно друг о друге. Любопытный глаз точно отмечал и качество проветриваемой постели и количество вывешенного после стирки белья.

Сухонькие, аккуратные старушки в шёлковых чёрных платочках, изпод которых пенится белый тюль, стоя у ворот, перекидываются короткими фразами:

— Шуханик Ревазова купила индюшку...

— Калустяны едят одну картошку, зато сделали дочери коверкотовое пальто...

— Люди умеют жить...

— Сапожник Маркар опять поскандалил с женой...

Старушки понимающе усмеваются. Громко смеяться неприлично. Улыбаться кончиками губ и глазами — искусство, воспитанное ещё с юности. Внимательным взглядом провожают они каждого проходящего по улице. Они знают всех, кто живёт в этом районе, — ведь они здесь выросли и состарились. Лишь изредка монотонное движение этой жизни прерывается шумной свадьбой или не менее шумными похоронами. Похороны даже интереснее, чем свадьба...

Вечером бабушка рассказывает сыну, вернувшемуся со службы:

— Каждый хотел бы так умереть! Гроб несли на вытянутых руках до самой могилы. Два оркестра было — один отдыхает, другой играет. Четверть вина вылили на могилу. Обед устроили на пятьдесят человек. Потратились дети, ничего не пожалели для отца...

— Да! — говорит Тамара. — А когда дядя Симон заболел, всё просил у Сандро: «Позови профессора». А Сандро говорил: «Профессор дорого возьмёт, не надо...»

— Когда взрослые разговаривают, дети не вмешиваются, — наставительно и строго замечает бабушка.

Первые годы революции мало изменили быт и уклад этой жизни. Бабушка была хозяйкой двух небольших комнат и передней, переделанной в кухню. Сколько Тамара помнила себя, в этих комнатах ничего не менялось, ничего не сдвигалось с места. Незыблемо стояли у стен темно-красный комод и скучный, пропахший нафталином платяной шкаф. Пружинная кровать дяди Арменака из года в год застилалась посеребрившим от времени пикейным покрывалом. Над кроватью в резных рамах висели портреты свекрови и свёкра бабушки. Портреты были увеличены с каких-то старинных карточек. Лица на них были плоские, без теней, с угольно-чёрными мёртвыми глазами. Впрочем, к ним так привыкли, что их никто не замечал. Другая комната называлась столовой. Массивный буфет занимал в ней всю стену. Буфет был очень старый. В углубления деревянной резьбы на его дверцах набилась неизвлекаемая пыль. Из его тёмных глубин пахло чем-то залежалым. Хлеб в буфете плесневел уже на другой день. Хотя в доме не было посторонних людей, всё запиралось. Бабушка никому не доверяла.

— Зачем ты оставила молочницу одну на кухне? Она обязательно что-нибудь украдёт!

Тамара выходила в переднюю, где на табуретке стояла керосинка, а на столике, покрытом рваной клеёнкой, — несколько кастрюль. Девочке было ужасно неловко. Ей казалось, что молочница понимает, для чего она сюда пришла. Она затевала вежливый разговор о семье молочницы, о её детях, а раз вытащила из косички красную ленточку и сунула её в карман удивлённой женщины. «Это для твоей дочки», — сказала Тамара беспечно, хотя знала, что ей за это попадёт, потому что бабушка держала на учёте все её вещи.

Бабушка любила, чтобы в доме были запасы. Продукты закупались оптом, на рынке у крестьян, большей частью осенью — тогда дешевле.

По воскресным дням, когда бывал большой привоз, бабушка, в лиловой косынке и чёрном платье, отправлялась на базар. Обходя молочные ряды, она останавливалась у прилавка, брала кусочек сыру, растирала его между пальцами, нюхала, затем клала на язык и несколько мгновений углублённо и сосредоточенно осваивала его качества.

— Почём? — спрашивала она, едва разжимая губы.

Продавец, с надеждой и вожделением следивший за всеми её движениями, быстро отвечал:

— Для вас — сорок копеек фунт. Очень хороший сыр!

— Два фунта — двадцать пять копеек, — величественно изрекала бабушка.

Самое удивительное было в том, что обе стороны, в конце концов, приходили к соглашению.

Дома сыр нарезали на куски и опускали в рассол. Обычно к середине зимы он раскисал или становился твёрдым, как камень. В рисе завелись твёрдые чёрные жучки. В зимние вечера дядя раскладывал пасьянс, а бабушка с Тamarой перебирали рис. Никто не разговаривал. Лишь изредка дядя Арменак рассказывал о каком-нибудь происшествии у себя на службе.

— Он думает — никто ничего не знает. А я все его плутни вижу. Ещё не родился такой человек, чтоб провёл Арменака Зурабяна! Но меня не касается, и я молчу. Зачем мне наживать врагов?

— Смотри только, чтобы он тебя не втянул, — предостерегала бабушка.

— Какое моё дело? Я в стороне! Я честно работаю и помалкиваю. Кому надо — без меня разберутся.

— Раз тебя не касается, молчи.

Дядя, улыбаясь и мурлыча про себя один и тот же тягучий мстив, перекладывал с места на место потемневшие карты. Тамара выискивала среди рисовых зёрнышек жучков и бросала их в чашку с водой. Часы громко тикали, а время шло медленно-медленно. Потом бабушка отпирала буфет и доставала с верхней полки вялое, залежавшееся яблоко. Половинку яблока получал дядя. Съев свою четвертушку, Тамара застилала простыней тахту и ложилась спать.

Она больше не мечтала о том, что её отец жив и приедет к ней, — это было детством, а детство её уже ушло. В доме не упоминали об отце Тамары с тех пор, как десятилетняя девочка сказала строгим, хоть и срывающимся от волнения голосом:

— Мой папа был большевик... вот! И он умер. И вы не смеете его ругать и вообще говорить...

Теперь Тамара не мечтала о невозможном — она обдумывала, как бы похитрее обмануть бабушку и выкроить вечер, чтобы пойти в театр. Её одноклассницы вступали в комсомол, бегали на концерты, посещали диспуты. Девушки щеголяли в синих сатиновых толстовках и в кепках — такой был тогда стиль. Для Тамары всё это было запретным. В назначенный час после занятий её ждали дома. Бабушка была подозрительной и непреклонной. Красная косынка являлась в её глазах верным признаком распутства.

— Потёранные девушки, — говорила она, поджимая губы, — идут по улице — орут, хохочут, грызут семечки... — И тут же приводила в пример назидательную историю о том, как один прекрасный молодой человек, из очень хорошей семьи, наблюдал за одной девушкой. Она ходила по улицам чинно, благо нравно, не поднимая глаз, и он осчастливил девушку — женился на ней. Так бабушка воспитывала Тамару. Но Тамара плохо поддавалась этому воспитанию. Разве только в какой-то короткий период — между двенадцатью и четырнадцатью годами — ей хотелось стать такой примерной и благо нравной девочкой, чтобы старушки у ворот, глядя на неё, говорили с умилением: «Вот идёт внучка Манишак Зурабян. Что за девушка! Клад, драгоценный камень! И скромная, и трудолюбивая, и какая умелая!».

Тамара тщательно убирала комнаты, натирала полы, до блеска начищала керосинку. Днём демонстративно выходила на балкон с рукодельем или книгой в руках. Скупая на всякое проявление чувства, бабушка гладила её по голове и выдавала «сюрприз» — конфетку или горсточку орехов. Но скоро Тамаре надоело разыгрывать благо нравную девушку.

Жизнь вокруг была слишком интересна, чтобы принести её в жертву признанию нескольких высохших старух. Главнее было — вырваться из дома, обмануть бабушку.

— Да что ты её так боишься? — искренне удивлялась одноклассница Тамары — Тина Ломидзе, полная девушка с весёлыми голубыми глазами и глубокими ямками на розовых щеках.

Тина жила в чудесной безалаберной семье. Там все учились: Тина и её братья — с утра, родители — по вечерам. Там часто вместо обеда жарили яичницу или просто пили чай с колбасой, с сыром, причём сыр покупали в кооперативе по двести граммов, что очень забавляло Тамару.

— Мне обещали студенческие билеты на «Овод», — говорила Тина. — Это позор, что ты одна из всего класса не видела «Овода»! Поставь старуху перед фактом, скажи ей: «Я иду в театр». Что такое, в самом деле!

«Действительно, что в самом деле.» — думала Тамара. Но дома бабушка говорила «нет» и не желала слушать никаких доводов. Тамара ненавидела её непреклонное лицо, подобранный рот, жёлтые щёки, обранные тугими локонами.

Но ненависть девочки была бессильной. Недаром старухи говорили, что Манишак Зураби — достойная хранительница домашнего очага: вывела мужа в люди, не допустила, чтобы сын женился на русской. Только вот с дочерью оплошала — может быть, потому так строга с внучкой?

Приходилось врать, изобретать дополнительные домашние уроки или ещё что-нибудь: то подруга заболела, то надо в библиотеку. Бабушка назначала час: «В десять будешь дома». А за пределами дома было столько интересного, нового. Центр этой кипучей жизни сосредоточивался в клубе завода деревообделочников, с которыми у школы была смычка. Здесь проходил диспут «Каким должен быть комсомолец?», сюда заполучили даже двух известных поэтов из Москвы, и они читали свои стихи, отвечали на вопросы и давали консультацию всем, кто хотел. А Тамара тогда писала стихи и тоже могла бы получить консультацию, но вместо этого она бежала по улицам, ломая от горя пальцы, потому что было уже без десяти одиннадцать; а это очень большая разница — прийти домой без пяти одиннадцать или в пять минут двенадцатого!

Приближались Октябрьские торжества, к которым школа готовила большой концерт; Тамара впервые должна была читать свои стихи. В школу пришёл на репетицию секретарь комсомольской ячейки деревообделочников товарищ Лорик. Все девочки говорили про него, что он новый человек и настоящий комсомолец. Да, он был действительно новый человек и настоящий комсомолец! На нём была чёрная кожаная куртка и такая же фуражка, он прослушал программу, а потом подошёл к Тамаре и сказал ей:

— Это у тебя здорово получается, мы тебя выпустим первым номером...

А затем прибежала Тина и со значительным видом сообщила, что товарищ Лорик сказал: если Тамара будет вступать в комсомол, он ей даст рекомендацию — комсомолу нужны талантливые люди.

Тамара уговаривала бабушку: пусть ей разрешат пойти на вечер, там будут даже преподаватели!

— Нет, — сказала бабушка, когда узнала, что вечер организуется в рабочем клубе. — Это не место для девушки из порядочной семьи.

Но тут неожиданно вмешался дядя.

— Знаешь, мать, — сказал он, — это могут плохо истолковать если сна не будет ходить на такие вечера.

В клуб надо было явиться к восьми часам, но уже с шести бабушка стала торопить Тамару:

— Лучше раньше иди, чтоб раньше вернуться, — говорила она. — Ровно в одиннадцать чтоб ты была дома, ровно в одиннадцать! Слышишь?

В небольшом зале клуба деревообделочников набилось столько народу, что пришлось открыть настежь все двери, люди стояли в проходах. Докладчик опоздал почти на час. Долго что-то не ладилось с освещением. После доклада выяснилось, что пианист не явился, и все вокальные номера пришлось отменить. Выручила декламация. Первой читала Тамара. Она ужасно волновалась и произносила стихи негромко, поэтому в зале все притихли. Программу вёл товарищ Лорик. В конце вечера, когда одна из учениц, сбиваясь и запинаясь, играла «Гурецкий марш», он опять подошёл к Тамаре и сказал:

— Я тебя ещё раз выпущу, ты понравилась публике..

Публика так аплодировала, что товарищ Лорик трижды заставил её выходить и раскланиваться. Особенно старались одноклассницы Тамары. Домой шли целой гурьбой уже во втором часу ночи, и товарищ Лорик шёл с ними.

— А что вы думаете! — восторженно кричала Тина. — Тамарка, может быть, откроет новое направление в поэзии!

Потом они хором пели «Ведь от тайги до британских морей...». На пустых ночных улицах это звучало очень громко, но товарищ Лорик сказал: «Ничего, нарушим сонный покой обывателей!».

А у ворот дома стояла бабушка, закутанная в чёрный платок. Она молча ждала, пока Тамара подойдёт к ней, и на глазах у всех несколько раз крепко ударила её по щекам. Потом она так же молча повернулась и быстро пошла в глубь двора.

Тамара почему-то никак не могла вздохнуть. Она ловила воздух и всё оглядывалась по сторонам. Товарищи стояли поодаль тёмной, молчаливой группой. Тогда Тамара бросилась вперёд, всем телом, на ворота. Только потом она поняла, что дверца была на крючке, но крючок тут же отлетел. Бабушка стелила себе постель. Чёрный платок валялся на полу.

— Я ненавижу ваш дом! — кричала Тамара. — Ненавижу! Я уйду от вас...

Из соседней комнаты выскочил дядя — заспанный, в нижнем белье. За стеной возились разбуженные соседи, кто-то вышел на веранду, чтобы лучше слышать. Бабушка молча расправляла одеяло, а потом беззвучно упала на пол.

Бабушка тяжело болела, и Тамаре пришлось бросить школу. Каждый день было одно и то же: встать пораньше, согреть на керосинке чай для дяди, убрать комнаты, приготовить нехитрый обед.

Бабушка с Тамарой почти не разговаривала. К ней приходили бесчисленные родственники и тихо шептались у её кровати. Уходя, женщины сухо кивали Тамаре.

Прибегала Тина.

— Товарищ Лорик спрашивал про тебя. Он даже удивился, что ты так переживаешь. Он сказал, что над старухой можно устроить показательный суд.

Тамара невесело засмеялась. Бабушка лежала пожелтевшая, с горьким, страдающим лицом. Однажды, когда Тамара неслышно вошла в комнату, старуха что-то беззвучно шептала, разводя руками и скорбно покачивая головой. И Тамара вдруг увидела в ней не властную, давящую силу, а маленькую, отжившую век старушку, мать своей неведомой матери. Тамара подошла к кровати, нагнулась, будто вытирая пыль, а бабушка положила руку ей на голову и заплакала.

— Мне уже ничего не надо. О тебе думаю...

Но это была только минута, она ничего не изменила. Бабушка вскоре встала, и всё пошло попрежнему. Тамаре окончательно опостылел дом, а в учёбе она так отстала, что ходить в школу уже не было никакого смысла. Посоветовавшись, бабушка и дядя решили, что самое подходящее для девушки — это учиться печатать на машинке. Рядом в доме жил старичок, у которого был ветхий «ремингтон». За десять рублей он показал Тамаре, как обращаться с машинкой, и предоставил ей право в течение месяца по два часа в день упражняться в печатании. Скоро Тамара уже довольно быстро стучала по клавишам. Дядя Арменак, используя многолетние знакомства, подыскивал ей подходящее место. О работе Тамара мечтала, как о счастье. Иметь свои деньги, своё дело, встретиться с новыми людьми, трудиться в коллективе — чего ещё желать человеку! Но бабушка тоже заботилась о тамарином счастье. Однажды в субботу она сказала:

— Никуда не уходи. Поможешь мне. Завтра у нас будут гости.

Раза два в год к бабушке собирались знакомые и родня. К этому дню серебряные ложечки и сахарница натирались мелом до сияния, после чая все с увлечением играли в лото. Всегда одни и те же люди, одни и те же угощения, разговоры.

Но на этот раз намечалось что-то грандиозное. Бабушка отказалась от своей постоянной экономии и не урвала ни ложки масла, ни даже яйца из того, что полагалось в печение.

— Натри полы, перемой посуду, надень новое платье,— командовала бабушка.

Ну что ж! Это было лишнее развлечение, и Тамара отдавалась ему со всей беззаботностью юности. К вечеру на столе был выставлен ряд блестящих стаканов, в вазочках красовались четыре сорта варенья: янтарные шарики белой черешни, наполненные ванильным соком, лакированные грецкие орехи — варенье, требующее трёхнедельных неусыпных забот, прозрачная клубника, темнобагровая вишня. На блюде истекали мёдом ромбики пахлавы, в вазах расположились бледные от сахарной пудры пирожки с миндалём и румяная слоёная гата.

Бабушка, совсем не такая, как всегда, радушно принимала гостей. Чисто выбритый дядя Арменак в новом шевиотовом костюме сидел напротив толстого лысого Артёма — мужа красавицы Нуцы. Между ними стоял продолговатый игральный столик — нарды. Мужчины, не вмешиваясь в женский разговор, сосредоточенно перекидывали по доске косточки и произносили при этом слова, звучащие, как заклинания: «щешу-беш», «пянджу-сар».

Ещё до прихода гостей бабушка наставительно поучала Тамару:

— Молодая девушка должна быть украшением дома. Как приятно, когда она умеет занять гостей лёгкой, весёлой беседой, во-время предложить чай...

Тамара мучительно придумывала тему для разговора с высохшей бабушкиной приятельницей Сапрон или с молодящейся, накрашенной красавицей Нуцей. Ей никак не удавалось развлечь их лёгкой, весёлой беседой. Чтобы возместить этот пробел, она настойчиво предлагала гостям выпить чаю.

— Дорогая Маниш,— сказала красавица Нуца, вскидывая на бабушку подведённые глаза и играя кольцами на восковой ручке,— когда вы в следующий раз пригласите нас в гости, я в тот день буду есть за обедом рыбу, чтобы у меня к вечеру разыгралась жажда...

Гости одобрительно заулыбались. Они все были очень ласковы с Тамарой. Кругленькая старушка Сато, которую Тамара любила больше других, поцеловала её в голову и прослезилась.

Как будто собрались все обычные гости, но чувствовалось, что кого-то ещё ждали. В кухне кипел полный чайник, бабушка так рассадилась гостей, что в самом центре оставалось несколько свободных мест. Все уже выпили по второму стакану чаю, над столом гудел оживлённый разговор, как вдруг всё разом стихло. Бабушка, высоко держа голову, торопливо пошла к дзерям. Опрокинув пепельницу с окурками, вскочил дядя. Сидящие за столом насторожились, все смотрели на дверь.

В комнату вплыла полная, щекастая женщина с очень чёрными волосами и густыми бровями. Она была центром. По одну её сторону семенил шуплый круглолицый старичок, а по другую — шёл осанистый юноша, такой же щекастый, бровастый и черноволосый, как его мать.

Бабушка подвела вновь прибывших к приготовленным для них стульям, но черноволосая женщина, как знаток светских обычаев, снисходительно отстранила бабушку, сперва обошла сидящих за столом и, протягивая всем короткую, негибачуюся руку, отрекомендовалась: «Анечка». В очередь за ней подходил юноша. Шаркая ножкой и встряхивая при этом густыми волосами, он называл себя: «Эдик». Старичок трусил следом, едва прикасался к рукам гостей своей вялой ладошкой и бормотал что-то неразборчивое.

Анечка опустилась на стул, расправила на плечах белую шёлковую шаль с длинными кистями, и все могли полюбоваться её пузатым золотым браслетом и бриллиантовыми серёжками. Тамара, тихонько выглядывавшая из кухни, быстро налила три стакана чаю и на подносике внесла их в комнату.

— А это моя внучка Тамара, — сказала бабушка.

Эдик вскочил со стула и устремился к Тамаре пожать руку, но ей куда было поставить подносик с чаем. Пока бабушка пришла ей на помощь, Эдик почтительно стоял в ожидании процедуры знакомства.

Анечка взяла из рук Тамары стакан и двумя пальцами потрепала её по щеке. Некоторое время за столом молчали. Бабушка накладывала варенье новым гостям. Анечка от всего отказывалась: «Мы только что пили дома чай». Дядя Арменак молча топтался у стола, не зная, можно ли ему снова засесть за нарды. Но красавица Нуца была не из тех, кто признавал над собой чьё-нибудь превосходство.

— Ах, — сказала она, — мы все пили дома чай, но из рук нашей дорогой Тамарочки он особенно вкусный...

— После этого я выпью два стакана, — галантно сказал Эдик и весело захохотал.

Анечка, усмехнувшись, милостиво кивнула головой, и за столом снова зажурчал разговор ни о чём.

— Займи молодого человека, — шёпотом сказала Тамаре бабушка

Тамара под села к Эдику и пока думала, о чём бы с ним поговорить, он сам обратился к ней с вопросом:

— Вы играете?

— Во что? — не поняла Тамара.

— На рояле. Нет? Жаль... Я обожаю музыку! Я так переживаю, когда играют на рояле. У меня есть знакомая девушка, в смысле внешности ничего из себя не представляет, но, когда она сидит за пианино, — я её боготворю!

— Вы попросите его спеть, — многозначительно сказала Анечка.

Тамара не знала, в какую форму облечь свою просьбу. Неудобно же, в самом деле, ни с того, ни с сего пристать к человеку: спойте, пожалуйста! Но светская Нуца и тут нашлась раньше всех.

— Попросим нашего нового знакомого Эдика что-нибудь нам спеть, — преговорила она томным голосом.

Бабушкины подружки закивали головами и приготовились слушать. Эдик с готовностью вскочил, взял руками за спинку стула и занял. У него безусловно был отличный слух и много чувства в исполнении. С точки зрения Тамары, чувства было даже слишком много. Ей сделалось ужасно неловко, когда Эдик с экспрессией закончил: «Ты божество, ты мой кумир-р-р!», обращаясь непосредственно к ней.

Все захлопали в ладоши, а Анечка с улыбкой, которая обозначала: «То ли вы ещё услышите!», сказала:

— Попросите, пусть он споёт «Чёрные глаза»...

— Просим, просим! — умоляли гости.

«Чёрные глаза» тоже были посвящены Тамаре, и, пока он пел, Тамара ловила лукавые, улыбающиеся, многозначительные взгляды гостей, переходящие с неё на бровастого Эдика и снова на неё.

«Что здесь происходит?» — со страхом подумала она и вдруг поняла: «Это смотрины, это мне жениха привели!».

— Какой приятный, какой воспитанный юноша! Просто душа общества. Что это он тебе говорил? — спросила бабушка, как только ушли все гости.

Бабушка могла быть спокойна: Эдик пригласил её внучку в театр. Он только выражал сожаление, что она не играет на рояле...

Тамара не хотела больше никаких объяснений. Бабушка опять схватится за сердце, и Тамара, прикованная жалостью и замученная безысходностью, снова будет сидеть у её кровати и чувствовать себя убийцей. С отчаянием в сердце, холодная, как ледышка, пролежала она всю ночь на своей жёсткой тахте.

Через день, улучив момент, когда бабушки не было дома, Тамара быстро собрала свои вещи, увязала в тючок постель и ушла из дому. На рынке около вокзала она продала первому же покупателю свою единственную драгоценность — тоненькую золотую цепочку — и купила билет на поезд.

Город, куда приехала Тамара, был древним, как его древнее название, и молодым, как его возрождённый народ. В былом приземистый, глиняный, он легко и охотно сбрасывал своё старое обличье, строился, рос и вширь и ввысь, заново выкраивал улицы, проводил новые магистрали. Здесь на каждом шагу мешалась старина с новым — кривые закоулки с железными молоточками на воротах и лёгкие колоннады великолепных многоэтажных домов. На всём городе лежал розовый отблеск, будто над ним в любое время дня всходила заря. Это был оттенок розового, малинового и красного вулканического камня, из которого возводились новые постройки.

Тамара сдала вещи на хранение и бродила по улицам, не зная, что делать. Здесь, на этих улицах, в этих домах, было множество людей, которые стали потом её друзьями, её самыми близкими и любимыми. Но в то время никто из них её не знал. Не знал, что она, одинокая и несчастная, бродит по городу и так нуждается в поддержке и помощи. Люди проходили мимо неё, о чём-то говорили, куда-то торопились. У всех был свой дом, своё дело.

«Ничего, живой человек нигде не пропадёт», — это было любимое изречение прачки Дуни, и оно подбадривало Тамару.

Тамара переночевала в Доме колхозника, а наутро среди множества объявлений с требованием рабочей силы нашла себе подходящее место: строительству крупной электростанции нужны были люди различных профессий и даже совсем неопытные — ученики и ученицы.

Так началась жизнь.

Солнце заполняло всю комнату, когда Тамара открыла глаза после короткого сна. Она быстро вскочила и накинула халатик. Рубена уже не было. Тамара посмотрела на часы — ну, конечно, он уже в лаборатории.

В открытые окна вместе с утренней свежестью летел звонкий шум города. Тамара высунулась в окно. Вот он — родной, неповторимый, розозый город!

В столовой кто-то разговаривал. Это Марджик и дядя Арменак сидели за столом и завтракали.

— Ты теперь всегда у нас будешь жить? — услышала Тамара голос дочки.

— Что ты! — отвечал дядя Арменак, и в его голосе прозвучали горделивые нотки. — Разве меня с работы отпустят? Я у моего начальника правая рука. Меня сюда в командировку послали.

— Значит, ты в экспедицию поехал?

— Не в экспедицию, а в командировку.

— А мама, бывает, уезжает в экспедицию, — вздохнула Марджик, — долго там живёт.

— Что она там делает, в экспедиции? — осторожно спросил дядя Арменак, и Тамара, улыбнувшись, подумала: не очень-то он разобрался в её вчерашней диссертации...

— Она там космические лучи ловит.

— Что ловит?

— Лучи. Ну, разве ты не знаешь? Есть такой ящик — аппарат называется. Он стоит, стоит — молчит, потом вдруг слышно: «чик!». Ага, хлоп, попался! Один, потом ещё один, как скажет «чик» — так, значит, поймался...

— Н-да... — Дядя Арменак помолчал. — А сколько она за это получает?

— Что получает?

— Ну, жалованья, денег.

— Много — тысячу рублей. — Для Марджик это была предельная цифра.

— Ну, — усомнился дядя Арменак, — вероятно, больше!

— Вероятно, больше, — охотно согласилась Марджик.

— Как же ты, такая взрослая девочка, — и не знаешь, сколько получает твоя мама? — укоризненно и наставительно проговорил дядя Арменак. — И вообще мне не нравится, что ты, такая маленькая, со всеми разговариваешь на «ты». Это невежливо. Старших надо уважать. Вот, например, бабушке Арус разве можно говорить «ты»? Или, скажем, маме. Из-за твоей мамы уважаемый государственный человек специально приезжает, а ты с ней неуважительно разговариваешь!

— А как? — спросила Марджик.

— Ей надо говорить: «Вы, мама!».

Марджик подумала.

— Нет, я её очень давно знаю. Я не могу ей так говорить.

— А меня ты совсем недавно знаешь и тоже мне «ты» говоришь!

Тамара вошла в комнату, чтобы прервать педагогические упражнения дяди Арменака...

Поезд дяди Арменака уходил днём, а ему ещё надо было куда-то пойти по своим делам.

— Я спокоен за тебя, — сказал он Тамаре на прощание. — Ты хорошо устроена.

Тамара неловко сунула ему в карман несколько сотенных бумажек.

— Ты не думай, я материально неплохо живу, — сказал дядя Арменак. — Меня на службе высоко ценят. — Он вынул деньги из кармана пальто и заботливо переложил их в бумажник. — В другой раз, если меня пошлют в командировку, я прямо к вам! — пообещал он.

Тамара вместе с ним вышла из дому. Они попрощались на углу широкого проспекта, и дядя Арменак торопливо зашагал, прижимая к груди большой портфель.

А Тамара долго смотрела, как он уходил всё дальше и дальше, пока не затерялся среди прохожих.

И. МЕТТЕР

★

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рассказ

1

Приближались каникулы. За месяц до своего отпуска Виктор Петрович Сизов — доцент кафедры физики — получил путёвку в крымский санаторий.

В город пришла поздняя весна, грохотал уже гром, шли ливни, дул острый ветер, в последние дни студенты прибегали на лекции без пальто и громко чихали в аудиториях.

На весенних экзаменах Виктор Петрович был необыкновенно строг: ему казалось, что, чувствуя приближение каникул, молодые люди недостаточно старательно учатся. В особенности его раздражало, если он замечал на глазах у студенток слёзы. Он был совершенно уверен, что знающий студент не станет реветь на экзамене, стало быть, слёзы — лучший признак того, что человек не усвоил предмета.

Сизов не любил весны. Его одолевало беспокойство: все куда-то торопились, обсуждали, кто куда собирается на лето, надо было и ему принимать решение, а он больше всего любил жизнь, текущую по заведённому порядку. Бывало в последние годы, что он никуда не уезжал на лето; лежал у себя в комнате, распахнув окно, и бесконечно много читал. Он не выходил даже иногда из дому в столовую пообедать, а покупал раз в два дня мясо, картошку, крупу, затем в большой, опустевшей кухне — все соседи разъехались на лето — варил себе еду, заглядывая в поваренную книгу.

Иногда ему становилось не по себе оттого, что он так необычно проводит отпуск, но он уговаривал себя с той железной логикой, которой привык пользоваться, преподавая физику, что каждый человек отдыхает в наиболее благоприятных для его характера и организма условиях, а поскольку существующие условия его вполне устраивают, следовательно, они и являются идеальными для него.

Окна его комнаты выходили на городскую реку, стиснутую каменными берегами. Неподалёку была лодочная станция, и мимо Сизова часто проезжали молодые люди — девушки и юноши. Сизов смотрел на них из окна, стараясь понять удовольствие, которое они получают от катания по узкой, мутной реке; они казались ему легкомысленными, тратащими золотое время попусту. Но иногда и ему хотелось очутиться в такой вот лодке, а главное, почувствовать ту необыкновенную лёгкость, беззаботность, которую он давным-давно утратил.

Он бывал в гостях у своих сослуживцев, и когда возвращался от них домой, то замечал, что в комнате у него неуютно: на спинке кресла непременно висел пиджак, лампочка под потолком была без абажура, повсюду валялись газеты и куда-то всегда исчезала пепельница. Всё это как будто было легко устранимо, но почему-то никак не устранялось.

Изредка к Сизову приходили домой дипломники и аспиранты. Он любил помогать им, охотно давал книги, необходимые для их работы, увлекаясь, делился с ними теми мыслями, которые собирался изложить в своих научных статьях.

Никогда при этом студенты не чувствовали, что они в гостях у Сизова; его комната на время превращалась в институтскую аудиторию или библиотеку.

Принимая у своих учеников экзамены, Виктор Петрович ревниво следил не только за тем, умеет ли человек хорошо ответить на заданные в билетах вопросы, но и обращал внимание на интонацию. Он был беспощаден к студентам и даже язвителен, если замечал безразличие к науке. На виду у всей группы Виктор Петрович замечал долго, в самых элементарных, а потому и обидных выражениях выговаривал ученику или ученице за лень и равнодушие. Вот тут он считал, что слёзы отнюдь не мешают делу: человек плачет, ибо осознал свою вину.

Его уважали и побаивались. Были студенты, умевшие копировать Сизова. Он услышал однажды, как юноша-первокурсник, окружённый улыбающимися товарищами, говорил:

— Вы учитесь на одном из интереснейших факультетов. Ваше обучение стоит государству больших денег. Вы комсомолец. Если вы не чувствуете внутреннего влечения к основному предмету — физике, то занимать место в нашем институте, по меньшей мере, легкомысленно... Переводитесь в стоматологический.

Сизов громко кашлянул, чтобы его заметили, и, когда юноша испуганно оглянулся, сказал ему совершенно серьёзно:

— Это вы изображали меня? Похоже. И, главное, абсолютно правильно по мысли.

У него была великолепная память: студент, не сумевший ответить на какой-нибудь вопрос, мог быть уверен, что рано или поздно Виктор Петрович спросит у него снова именно тот раздел физики, который он в своё время не выучил.

Его лекции посещались аккуратно. Окончив институт и уехав по распределению в какой-нибудь далёкий город, студенты не писали ему писем о своей личной жизни; но если они испытывали на первых порах затруднения, то обращались к Виктору Петровичу за советом, — он отвечал им немедленно.

Было время, когда Виктор Петрович в любом обществе, в любой компании оказывался самым молодым человеком. Стоило узнать, сколько ему лет, как непременно кто-нибудь произносил:

— Ну, вы совсем мальчишка!

И ему было приятно, что он — совсем мальчишка — находится в компании пожилых людей. Долгое время он был самым молодым студентом в группе, затем самым молодым преподавателем института, потом самым молодым кандидатом наук. И вдруг это оборвалось. Он сам теперь часто произносил фразу, обращённую к какому-нибудь способному тридцатилетнему мужчине:

— Ну, вы совсем мальчишка!

Представления о возрасте сдвинулись: нынче, в сорок пять лет, ему уже начинало казаться, что пятьдесят—шестьдесят лет — это ещё пора зрелости.

Виктор Петрович был холостяком. Лет двадцать пять назад он был женат непродолжительное время — около года. Жена училась тогда на последнем курсе того же физико-математического факультета, на котором учился и он. Они познакомились и сошлись, живя в студгородке. Была устроена настоящая свадьба: в красном уголке студенческого общеджития на длинном столе стояло несколько коробок овощных консервов,

небрежно открытых перочинным ножом; вино и пиво были налиты в графины из-под кипячёной воды, колбасу нарезали толстыми ломтями; пили бог знает из чего: гранёные стаканы, металлические кружки, блюда — всё было пушено в ход. Сизов сидел в чисто выстиранной футболке, а Лена надела светлое шёлковое платье и вплела в косу большой бант. Сначала произносили тосты физики и математики, потом друзья с других факультетов, а затем уже ничего нельзя было разобрать, потому что все говорили разом.

Под утро он сидел на подоконнике, блаженно улыбаясь, рядом с Леной и пел песни, перевирая мотив. В хоре голосов он слышал только её голос.

Когда все разошлись, Сизов и Лена отправились вдвоём в городской парк; сторож не хотел их пускать, но Сизов сказал, что они только что поженились, и дал сторожу последние пять рублей. В городском парке, за оврагом, помещался зоологический сад. В овраге они долго целовались, а потом пошли смотреть зверей. Лене больше всего понравился олень, стоявший на пригорке в вольере, — его освещало восходящее солнце, а Сизов сказал, что олени, в общем, те же коровы: говорят, на Севере к ним так и относятся.

Ещё с месяц он и Лена продолжали жить в разных комнатах, даже в разных корпусах, и только бегали друг к другу в гости. Подруги, жившие с ней в одной комнате, как только он появлялся, принимали озабоченный вид и гуськом выходили за дверь. Лена сердилась на них за это, Сизову тоже было неловко; когда она прибегала к нему, его товарищи не исчезали, все сидели вместе, но и это начинало стеснять молодых супругов.

Им дали наконец отдельную комнату в общежитии. Сперва они очень обрадовались, а потом начались обиды. Обиды эти никому нельзя было пересказать, до того они были незначительны: то Сизов был неласков с Леной, то недостаточно внимателен в тот день, когда она очень волновалась из-за очередного зачёта, то ей казалось, что он с утра до завтрака всегда мрачен. Он мог весь вечер просидеть, не сказав ни слова, уткнувшись в книги, или, надев наушники, слушать радио.

В свободные минуты она стала убегать к подругам и сердилась, что он не обижается на неё за это. Всё у них не клеилось. Редкий день проходил без того, чтобы не поссориться, и все ссоры были мелкие, по пустякам, причины тотчас же забывались, но накапливалось ощущение неустроенности, отсутствия счастья.

Они получили назначение после окончания института в разные места: он — на Урал, она оставалась в том же городе, где они учились. К ней приехала мать. Сизов недолго прожил с ними вместе в новой городской квартире, а затем отбыл к месту назначения. Они так и не развелись, писали друг другу редко, а потом и совсем потеряли связь.

Сизов постепенно привык жить один, соответственно этому у него изменился характер.

Бывая в гостях у своих женатых друзей, он даже иногда завидовал тому, что за обеденным столом сидит большая семья, что в доме шумно и весело живут, вкусно едят, любят друг друга; но как только Виктор Петрович представлял себе, что в его комнате будет жить женщина, ему сразу же начинало казаться, что из-за неё надо будет поступиться своими привычками, жертвовать своей свободой, хотя он не мог бы связно рассказать, в чём же именно заключается эта пресловутая свобода и для чего, собственно, она ему нужна.

Когда жёны сослуживцев спрашивали у него: «Виктор Петрович, почему вы не женитесь?», он отшучивался: «Потому что я деспот и сухарь».

Бывали у Сизова в его долгой ходомяцкой жизни привязанности, но они не оставили следов в его душе, кроме тягостного чувства невыполненных обязательств.

Нынче жизнь его проходила в институте, в работу он вкладывал всю свою душу и был рад, что на домашние дела оставалось мало времени...

Когда перед самыми каникулами Сизову предложили путёвку в крымский санаторий, он нехотя согласился, решив задержаться по дороге дня на три в том городе, где родился и окончил институт.

2

Поезд уже подходил к самому городу, а Виктор Петрович всё ещё не узнавал знакомых мест. Он уже часа полтора стоял в коридоре вагона у окна, вглядываясь в мелькающие названия пригородных станций; названия были знакомы ему с детства: «Карасёвка», «Покотилровка», «Зелёный Гай»... Они пронеслись мимо окна, словно жизнь Сизова кто-то начал крутить в обратную сторону.

Ничего определённого он вспомнить не мог. Ему казалось, когда он собрался в дорогу, что, как только он станет подъезжать к родному городу, сразу же нахлынут на него воспоминания, от которых человеку в сорок пять лет некуда деваться. Но названия пригородов оставляли его спокойным. Он даже попытался нарочно разбередить себя: вспоминал, как ездил в эти места четверть века назад, но в памяти возникали незначительные события: стоял в дачном поезде, купался в пруду, лежал на траве. Всё.

Вокзал нынче был новый, носильщики новые, и привокзальная площадь ничем не напоминала старую площадь; впрочем, и её Сизов тоже толком не помнил. Он волновался, как человек, которого должны были встретить на платформе родные люди, а их не оказалось.

Приехал Сизов под вечер. Сумерки сгустились быстро, и, пока он добрался до гостиницы, стало совершенно темно.

В гостинице оказался свободным большой двухкомнатный номер; Сизову он показался дороговатым — Виктор Петрович не любил швырять деньгами попусту, — но сейчас выбора не было.

Он хотел сказать администратору, который взял его документы, что родился и вырос в этом городе, но фраза не вставлялась в короткий, деловой разговор. Когда горничная впустила его в номер, он поставил чемодан у дверей, подошёл к окну, распахнул его и, глубоко вдохнув воздух, всё-таки сказал горничной:

— Не был я у вас двадцать пять лет.

Горничная ответила:

— Горячая вода бывает три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам. А ресторан внизу. Работает до трёх часов ночи.

Сизов приветливо улыбнулся: ему было сейчас приятно всё, с чем он сталкивался, и всё, что ему говорили. Он сказал, что погода стоит великолепная, впрочем, здесь в эту пору всегда бывала недурная погода. Горничная ответила, что она нездешняя.

Виктор Петрович зажёл повсюду свет, обошёл комнаты, открыл оба крана в ванной, потрогал белоснежные плотные простыни в спальне и снял трубку телефона, — в трубке загудело, всё было в исправности.

Давно не бывало у Сизова такого безмятежно, лёгкого настроения. Оттого, что он сейчас мог делать всё, что угодно, он не знал, с чего начать. Зазвонил вдруг телефон. Сизов радостно бросился к нему, но попросил Аркадия Викентьевича, и Виктор Петрович долго и очень вежливо объяснял, что Аркадий Викентьевич, очевидно, жил в этом номере раньше, а сейчас он, по всей вероятности, выехал, к сожалению, в неизвест-

ном направлении. Он даже чуть было не спросил в приступе приветливости:

— А что ему передать?

В трубке кто-то повздыхал и, должно быть обманутый чрезмерной отзывчивостью Сизова, спросил:

— А вы, случаем, не знаете, он вырвал горячее в сельхозуправлении?

— Простите, к сожалению, не знаю,— ответил Сизов.

Около телефона лежала книга абонентов, он полистал её; не приходила в голову ни одна знакомая фамилия, школьные друзья вспоминались плохо, да ещё, главным образом, не по фамилии, а по каким-то детским именам-прозвищам: «Кука», «Мика», «Блинчик».

Подумал он было, что, может быть, живёт здесь Елена Михайловна,— Сизов вспоминал о ней редко и непременно по имени-отчеству,— но решил, что вряд ли стоит ворошить пепелище.

Он спустился поужинать в ресторан; сегодня следовало отдохнуть с дороги и пораньше лечь спать.

В ресторане было шумно, грохотал оркестр.

Он выбрал маленький столик в углу зала. Среди сидящих, спящих, танцующих людей не было ни одного знакомого лица. Официант долго не подходил, и Сизов, скучая, рассматривал соседей. Всех этих молодых, весёлых людей ещё не было на свете, когда он жил здесь, в городе.

Какой-то юноша, повидимому студент, купил цветы и дал их своей девушке; она держала букет у самого лица, улыбалась юноше, они смотрели друг на друга, на оркестр, на лампы, на стены, на всё окружающее блестящими, счастливыми глазами; куда бы она ни посмотрела, он тотчас глядел в то же самое место, и они затем наклонялись друг к другу и горячо что-то говорили. Очевидно, они впервые пришли в вечерний ресторан, всё казалось им внове, необыкновенно значительным.

«А для меня, — подумал Сизов, — это обыкновенная столовая...»

Официант принёс наконец кусок мяса и бутылку пива. Сизов съел свой ужин, запил пивом, хотел было попросить ещё чаю, но передумал.

Заснул он у себя в номере быстро, хотя предполагал, что его будет мучить бессонница.

3

Желание повидать Елену Михайловну возникло у Сизова неожиданно. Он ходил весь день по улицам, отягощённый воспоминаниями. Не любящий беспорядка даже в мыслях, Сизов решил осмотреть родные места по определённой плану: начать надо с того дома, где он провёл первые десять лет своей жизни, покуда не умерла его мать.

Виктор Петрович шёл к Подольскому переулку кратчайшим путём, руководствуясь не какими-нибудь точными приметам, а почти бессознательно, как летит птица к тому месту, где она когда-то появилась на свет в родном гнезде.

Улицы города были неузнаваемо преобразены: появилось больше скверов и садов, просторнее стали площади, вместо приземистых купеческих зданий, на дверях которых висели овальные жестянки «Страхового общества «Россия», выросли отличные высокие дома с сияющими на солнце стёклами окон.

Когда Виктор Петрович впервые, будучи уже на фронте, услышал из сводок Информбюро, что его город занят противником, это известие было для него особенно трагическим и оскорбительным. Он десятки раз представлял себе тогда, как по главной, Ленинской улице, мимо любимого в детстве кинотеатра «Октябрь» шагают фашисты: как они топчут тот самый

тротуар, по которому он бегал когда-то со своими друзьями... Кроме гнева, который Сизов испытывал при этой мысли, он ещё чувствовал омерзение, будто кто-то чужими, грязными и сальными руками прикоснулся к самым дорогим для него вещам.

И сейчас ему было приятно, что всё вокруг отстроено заново.

Попадались по дороге и знакомые места: то дом, то крыльцо, то аптечные окна, в которых в стародавние времена выставлены были огромные шары, налитые, как тогда казалось мальчику, цветными лекарствами, — всё это проступало вдруг в памяти Сизова, словно отпечатанные жирным шрифтом слова на ветхом листе бумаги.

На углу Московской и Пушкинской попрежнему висели огромные часы, и здесь он впервые явственно вспомнил Лену. Под этими часами они встречались, когда он учился ещё на первом курсе. Он топтался тут на углу, рядом с посыльными — усатыми мужиками в красных шапках. На кой чёрт нужны были эти посыльные, он и тогда не понимал, — им давали какие-то мелкие поручения: снести пакет, доставить корзину цветов; они глазели на него насмешливо, а он досадовал, что Лена всё не идёт и не идёт.

И нынче неподалёку от часов он увидел небольшую, в одну створку дверь, ведущую, как он это отлично знал, вниз, в подвал. Сейчас над этой дверью прибита вывеска: «Библиотечный коллектор». А тогда, кажется году в двадцать пятом, на окнах были нарисованы синие лошади и написано затейливыми буквами: «Механические бега и скачки». Даже сейчас, почти через тридцать лет, ему становится тошно при воспоминании об этих синих лошадях.

...Он ждал однажды Лену под часами. У него были какие-то пустяковые деньги на два дешёвых билета в кино. Лена не шла. Из соседних подвальных дверей выходили люди в самом разном настроении: весёлые и грустные, пьяные и трезвые. Томясь от ожидания, он решил заглянуть на одну минуточку в этот подвал. Здесь было прохладно и сыровато. На последнем повороте лестницы стоял вздыбленный огромный медведь с бронзовым подносом в передних лапах. От медвежьей шерсти пахло никотином.

В большом зале с низким потолком сгрудилась толпа людей. Через равные промежутки времени оттуда доносился громкий бесстрастный голос:

— Можно ставить, есть приём!

И немного погода:

— Ставок больше нет!

Затем было слышно глухое жужжание.

Он протиснулся сквозь толпу и оказался вдруг перед длинным столом, в центре которого сидел человек с большим мясистым лицом и гладко расчёсанными на прямой пробор волосами, — они блестели, как эмалированные. В руках человека мелькала длинная лопатка, похожая на игрушечную, которой он с необыкновенной ловкостью шнырял по всему столу.

— Можно ставить, есть приём! — сказал он равнодушным голосом, и десятки рук положили на стол бумажные деньги — разглаженные, лихо-радочно скомканные, грязные, засаленные, влажные от взмокших ладоней.

— Ставок больше нет!

По столу, по нарисованному в центре кругу, побежали крохотные разноцветные лошадки; их было штук десять, и на каждой написан номер. Они неслись по кругу недолго. Человек с эмалированными волосами протянул свою игрушечную лопатку и сгрёб к себе деньги, лежавшие на столе, затем ловко через весь стол швырнул несколько бумажек кому-то,

кого Сизов не видел, но на кого смотрели сейчас все люди, стоящие вокруг.

Не отдавая себе отчёта в том, что делает, Сизов протянул руку и осторожно положил на ближайший номер деньги, приготовленные на билеты; они прилипли к клочку, в которой была написана цифра семь. В следующую секунду лошадки понеслись по кругу, и они уже не показались Сизову крохотными, потому что он очень испугался за свои деньги. Лошади бежали всё медленнее и медленнее. Всё было кончено: дурацкий оранжевый конь, вскинув переднюю ногу, остановился на цифре три.

Они не пошли в тот вечер в кино, лил дождь, на душе было паскудно; Лена допытывалась, что с ним происходит, а он стыдился рассказать ей, что проигрался на механических бегах...

Может быть, окажись в этом городе нынче хоть какой-нибудь давний приятель, Виктору Петровичу и не пришло бы в голову повидаться с Еленой Михайловной. Так, по крайней мере, он пытался оправдаться перед самим собой за это неожиданно возникшее желание.

В справочном бюро ему дали адрес Елены Михайловны. Он беспокоился, не изменила ли она за эти долгие годы своей фамилии, но оказалось, что все сведения, которые он сообщил девушке в адресном столе, были верными.

Сперва он хотел тотчас же направиться по указанному адресу на Тимирязевскую улицу, но затем решил не менять своего первоначального намерения и пошёл в Подольский переулок.

В подворотне он внимательно перечитал доску, на которой по алфавиту были перечислены жильцы. Одна фамилия была ему знакома: Моргун. Когда-то, давным-давно, жил в этом доме, в подвале, маленький хромой водопроводчик Моргун, любивший разговаривать стихами; когда к нему обращались: «Моргун!», он отвечал неизменно и бессмысленно: «Целый тургун».

Что такое «тургун», никто из ребят во дворе не знал, но детям нравилось, что водопроводчик так весело отвечает на тарабарском языке.

Сейчас на доске вместо одного Моргуна было трое Моргунов. Очевидно, два его сына и дочь — Костик, Юхим и Агаша — живут попрежнему в этом доме. Сизов улыбнулся: трое детей, с которыми он играл в «чижика», занимают теперь самостоятельную жилую площадь, занесены в список жильцов.

Двор мало изменился и даже не представился Сизову маленьким, как это обычно бывает, когда сталкиваешься с давно оставленным местом. По палисаднику, расположенному в центре двора, бегали дети. Сизов сел на скамью под акацией против окон своей бывшей квартиры. На балконе стояла женщина и пронзительным голосом кричала:

— Ви-тя! Ви-тя!..

Вот так же и его звала мать с этого балкона, а он, не отвечая, лез по пожарной лестнице на голубятню.

Прошёл дворник с метлой, в белом фартуке, кряхтя, нагнулся около скамьи и подмёл мусор в широкий совок.

— Товарищ,— спросил Сизов,— вы не скажете, как зовут гражданина Моргуна?

— Которого?

И пока Виктор Петрович раздумывал, не зная, о ком из трёх спросить, дворник обстоятельно ответил:

— Константин Сергеич занимает квартиру номер шестнадцать. Он сейчас находится в командировке в Москве. Ефим Сергеич, из двадцать седьмой квартиры, полчаса назад приезжали на машине обедать: у них на заводе аккурат в это время перерыв для начальствующего состава. Агафья Сергеевна... Вы не родственник будете?

- Нет, я не родственник. Я жил в этом доме.
 — Значит, земляк? — спросил дворник. — Покурить найдётся?
 Он вежливо присел на другой край скамьи и, зажмурив глаза от удовольствия, выпустил дым изо рта.
 — В какой квартире проживали?
 Сизов указал на окна своей бывшей квартиры.
 — Восемь, — пояснил дворник. — При вас газа не было?
 — Нет.
 — А паровое отопление?
 — Буржуйку топили, — ответил Виктор Петрович.
 — Да-а, — помолчав, сказал дворник. — Я ещё в германскую войну солдатом был. Вы в нынешнюю войну на фронте участвовали?
 — Был.
 — Начальствующий состав?
 — Связист.
 Сизов поднялся со скамьи. Старика было жаль расставаться с собеседником: только-только собрался рассказать ему свою жизнь, и вот он уже уходит.
 — Может, хотите что-нибудь передать Агафье Сергеевне?
 — Скажите, пожалуйста, что заходил её навестить... — Виктор Петрович на секунду запнулся: — Сизов, Витя... В общем, Витька из той квартиры...

4

Жила Елена Михайловна всё в том же нагорном районе, на Тимирязевской улице, по которой четверть века назад он проходил с колотящимся сердцем. Улица и нынче спускалась круто вниз к захламлённой узкой речонке, через которую был перекинут горбатый мост; он так и назывался — Горбатый мост.

Перед окнами её дома стояли в ряд шесть акаций, они не стали выше, а только раздались вширь и потрескались. На акациях висели пожелтевшие «пищики» — коротенькие стручки, похожие на сабли; разогнув их цополом и вынув зёрна, можно было пронзительно запищать.

Звонок был на прежнем месте, глубоко вмазанный в стенку, так что видна была только блестящая зелёная кнопка. Виктор Петрович позвонил и поправил дужки очков за ушами: они начали сползать оттого, что виски стали влажными.

«Это уж совсем глупо», — подумал Виктор Петрович, стараясь услышать сквозь городской шум, идёт ли кто-нибудь открывать дверь.

Шагов он не расслышал, дверь беззвучно открылась, на пороге стоял мальчик.

— Елена Михайловна Ткаченко живёт в этой квартире? — спросил Сизов.

— В этой.

— Я могу к ней пройти?

— Мама не дома, — сказал мальчик. — Она в институте.

— Сколько тебе лет? — спросил Сизов, разглядывая мальчика.

— Девять.

Он взялся за ручку двери, но Сизов стоял так, что дверь не могла закрыться.

— Нет дома, — сказал Сизов. — Понятно.

Он подвигал челюстями, как бы пережёвывая то, что узнал сейчас, и вдруг, побледнев, спросил:

— А папа дома?

— Нет, — ответил мальчик. — Пустите, пожалуйста, дверь.

Сизов отпустил дверь, она захлопнулась.

— Так,— тихо сказал Виктор Петрович.— Значит, таким образом.

Он не пошёл в сторону гостиницы, а спустился вниз по Тимирязевской к Горбатову мосту. На душе было спокойно, но удивительно скучно. По этой улице он мчался на салазках. Какое это было счастье — лететь под гору! «Вот качусь я в санках под гору в сугроб.. А я на бок — хлоп!» Ни одна мысль не додумывалась сейчас до конца. Для того чтобы взять себя в руки, он повторял шёпотом:

— Значит, так. Таким образом. На чём же мы остановились?

Ему хотелось поймать ниточку, держась за которую можно было бы думать дальше в привычной строгой последовательности.

«А что, собственно, случилось особенного? — попытался он настроиться на бодрый лад. — Всё закономерно. На что я рассчитывал? И, вообще, рассчитывал ли я на что-нибудь? Ну, приехал на родину. Проездом. Ну, гуляю. Гуляючи, зашёл к Елене Михайловне. (Он снова думал о ней по имени-отчеству). Великолепный мальчик. Удачно, что отца не оказалось дома. Это было мальчишество — спрашивать об отце. Хорош бы я был. Здравствуйте, моя фамилия Сизов, Виктор Петрович. Может быть, ваша супруга рассказывала вам обо мне?..»

Он постоял на Горбатов мосту. С этой речонкой, видимо, за последние годы стали обращаться, как с настоящей, серьёзной рекой: заточили в гранит берега, высадили вдоль берегов тополя..

Только постояв минут пять, Сизов заметил, что у самых его ног, на краю мостового быка, сидит парнишка с удочкой.

— Ну как? — спросил Сизов.— Много поймал?

Парнишка посмотрел на него; очевидно, ему не понравилось насмешливое выражение лица Сизова, и поэтому он ничего не ответил.

— Я тебя спрашиваю, много наловил?

— Все мои,— мрачно ответил рыбак.

— Да тут и рыбы-то нет, — сказал Виктор Петрович. — И не было никогда.

— А вы почём знаете?

— Я родился в этом городе.

— Ну и что ж, что родились? Вы старый, а рыба молодая.

— Сколько ж, по-твоему, мне лет?

— Все ваши,— ответил парнишка.

— Ты невежливо мне отвечаешь.

— А вы нашу речку заругали. Вы первый... По ней с будущего лета пароходы будут ходить...

Сизов хотел было спросить у парнишки, жив ли его отец, но, махнув рукой, передумал и пошёл по берегу к центру города.

5

В сущности, можно было ехать сегодня же в санаторий. Но тогда пришлось бы сидеть там без комнаты дня два: путёвка начиналась с семнадцатого.

Он зашёл в университет без всякой определённой цели. Здесь было пустынно, студенты разъехались на каникулы. Шаги гулко раздавались в длинном коридоре.

Случайно он нашёл декана физического факультета, представился ему и сказал, что когда-то закончил курс в этом университете — назывался он в те годы Институтом народного образования, — а нынче здесь проездом, и хотел бы осмотреть учебный корпус.

Декан помялся — он торопился на дачу, около его стола лежала на полу большая кошёлка, из которой торчали боржомные бутылки и две жёлтые куриные ноги; но на счастье подвернулся вдруг один из аспирантов-физиков, он охотно взялся проводить Сизова. Аспирант был совсем молоденький, румяный от висков до подбородка, с ломающимся голосом. Стоило ему хоть немножко разволноваться, как он тотчас пускал петуха и тут же сердито хмурился. Он был убеждён, что приезжего доцента прежде всего заинтересует постановка научной работы на кафедре и в аспирантуре. Ему не терпелось рассказать, какая тема волнует его и что именно он собирается выбрать для своей кандидатской диссертации.

Но приезжий доцент ходил молча по зданию, задерживаясь в совершенно малозначительных местах: в пустой аудитории, около красного уголка, в каком-то коридорном закулке у окна; в физической лаборатории он остановился подле старенького вольтметра, хотя даже первокурсникам известно, что вольтметр не представляет собой ничего особенного.

Не выдержав, аспирант наконец спросил:

— Простите, товарищ Сизов, вы интересовались когда-нибудь проблемой обледенения проводов?

Сизов ответил, что не интересовался.

— Понимаете, какая вещь, — тонким голосом начал аспирант и сразу нахмурился, — это обледенение очень часто нарушает связь и прерывает подачу электроэнергии: провода рвутся от нависшего на них льда. Это явление мы называем гололёдом. Даже если провод и выдерживает тяжесть льда, то всё равно сопротивление вырастает и связь значительно ухудшается. И вот я решил, посоветовавшись с нашим доцентом Еленой Михайловной Ткаченко...

— С кем? — спросил Сизов.

— Ткаченко. Она ведёт у нас курс общей физики, а у аспирантов читает теорию поля.

— Хорошо читает? — спросил Сизов.

— Очень. Она уже пожилой научный работник, опытный, знающий...

— А её муж, кажется, тоже работает в университете? — осторожно спросил Сизов, отвернувшись в сторону и закуривая.

— Муж? Боюсь вам наврать, но, по-моему, она незамужем. Ну, вот. Елена Михайловна тоже интересуется гололёдом. Хотя эта проблема и не строго физическая, но мы считаем, что в наше время и не должно быть «чисто научных» проблем в том смысле, что каждый вопрос следует увязывать с нуждами народного хозяйства.

— Ну, каждый вопрос — это довольно сложно, — сказал Сизов. — Тут иногда допускают некоторую вульгаризацию.

Аспирант обрадовался, что приезжего научного работника наконец-то, кажется, удалось разговорить, и подумал, что сейчас затеется спор, в котором он покажет доценту, насколько крепко поставлена теоретическая подготовка у них в аспирантуре.

— К сожалению, — горячо возразил он, — боязнь вульгаризации многие учёные отгораживаются от решения практических вопросов.

«Вот такой у меня мог бы быть сын», — подумал Виктор Петрович.

— Сколько вам лет? — спросил он.

— Двадцать три. Это не имеет значения, — быстро, сердито добавил аспирант: он уже начал досадовать, что теряет время попусту. — Мы с Еленой Михайловной собрали вот эту установку, в которой очень портативно демонстрируется гололёд.

Сизов осматривал установку. Несколько метров провода, протянутые

между роликками, тяжело сбвисли под тяжестью сосуллек. Обледеение легко вызывалось тем, что провода помещались в холодильной камере под стеклянным колпаком. Аспирант включил ток высокого напряжения, и Сизов, нагнувшись, с интересом следил за тем, как под влиянием повышенной температуры мгновенно подтаивали и сваливались с проводов сосульки.

— Занятно,— сказал он.— Это ваша диссертация?

— Да. Я хотел бы за полгода закончить её. Мы поэтому с Еленой Михайловной и задержались в городе. Вы, между прочим, читали её последнюю статью в нашем университетском сборнике?

— Нет.

— Советую прочесть. Очень дельная статья. Хотите ещё раз посмотреть, как действует наша установка? Пожалуйста, включайте сами.

Подождав, пока в холодильной камере влага осела на проводах и превратилась в изморозь, Сизов проделал всё, что полагалось. Аспирант, волнуясь, с восхищением следил за каждым движением его руки: казалось, что, будучи посторонним наблюдателем своего опыта, он ещё больше восхищался его простотой и изяществом.

— Занятно,— ещё раз повторил Сизов.— Ну, а как следует поступать, если провода служат для высокочастотной связи? В этом случае вы ведь не сможете пропустить по ним ток высокого напряжения.

— Разумеется,— обрадовался аспирант, словно это затруднение приводило его в восторг.— Я хочу найти такое покрытие для телефонных проводов, которое исключало бы возможность обледенения.

Сизов задал ещё несколько вопросов, лицо его оживилось. Аспирант подумал, что совершенно зря он начал было относиться к этому неразговорчивому гостю неприязненно.

Они расстались у ворот университета. Уже попрощавшись, Сизов сказал:

— Душно у вас в городе. Солнце печёт неимоверно... Вряд ли руководитель вашей работы так уж довольна, что ей приходится летом жить дома. Тем более, что у неё ребёнок, кажется, мальчик лет десяти? И мать-старуха... Мне декан говорил,— поспешно добавил Сизов.

— Федька живёт в лагере,— ответил аспирант.— Великолепный парень! Это племянник Елены Михайловны. Она его усыновила. Сирота. А мать — очень крепкая старуха...

Он ещё раз сильно пожал руку Сизова и почти по-мальчишески спросил:

— Значит, вам, правда, понравилась моя установка?

— Отличная установка,— улыбаясь, сказал Сизов.— Я убеждён, что через полгода вы хорошо защитите диссертацию. Только не женитесь рано...

— Ну, вот ещё! — засмеялся аспирант.

6

Вечером он снова пошёл на Тимирязевскую. Он твёрдо решил не заходить к Елене Михайловне, а только пройтись под её окнами. В конце концов, это его ни к чему не обязывало. Виктор Петрович не любил небдуманных поступков, он гордился тем, что все его действия были результатом строгого логического размышления. И если нынче ему приходилось поступать не совсем последовательно, то и тут он рассуждал, оправдывая себя: «Я нахожусь в отпуске. Я отдыхаю. В процессе отдыха я имсю право делать всё то, что доставляет мне удовольствие».

Прогуливаясь под окнами, он обнаружил, что это не доставляет ему удовольствия. На противоположный тротуар из трёх знакомых окон

падали три широкие светлые полосы; они пронизывали ветви акации насквозь. В ветвях сидел сонный неопрятный воробей, ошалевший от яркого света. В соседнем доме лежала на подоконнике, подложив подушку, некрасивая пожилая женщина. Из какого-то другого распахнутого окна доносились звуки патефона и громкий, весёлый смех; показался в этом окне голый по пояс мужчина, крепко, со вкусом растирающий мокрую шею полотенцем. К нему подошла рыжая женщина и, громко смеясь, сказала:

— Ну, Петя, ты совсем с ума сошёл!

Сизов позабывал им: и женщине, лежащей на подоконнике, и мужчине, который растирался полотенцем, и тому, что рыжая женщина сказала мужчине, что он совсем сошёл с ума. Ему вдруг стало нестерпимо любопытно узнать, как живут люди за всеми этими окнами, от чего они огорчаются и чему радуются.

Его потянуло в одну из этих квартир: хорошо бы войти в ярко освещённую комнату, где за столом сидит семья, приветливо сказать: «Здравствуйте, товарищи!». И в ответ услышать: «Добрый вечер, товарищ! Садитесь, пожалуйста». Обычно он был нерасположен отвечать на рядовые вопросы:

— Ну, как живёте? Что у вас новенького?

А нынче он, кажется, говорил бы и говорил без конца. Что именно он говорил бы, Виктор Петрович не представлял себе, но ему казалось, что он болтал бы очень интересно и безумолку.

Думая, что в таком необычном для себя настроении ему, безусловно, не следует заходить к Елене Михайловне, он позвонил у её двери.

Щёлкнул замок, дверь приоткрылась, и Сизов вошёл в темноватую прихожую, из которой наверх, в квартиру, вела просторная лестница; дверь, очевидно, открыли, не спускаясь вниз, а дёргая проволочкой за ручку замка.

На верхней площадке стояла мать Елены Михайловны — Серафима Ивановна; Сизов сразу же узнал её. И она тотчас же сказала:

— Здравствуйте, Витя!

Словно он только что выбегал на угол и сейчас вернулся.

Из комнаты раздался женский голос:

— Мама, попроси Николая Михайловича подождать меня минутку в столовой.

Старуха сказала ровным голосом:

— Леночка, это не Николай Михайлович. Это Витя. Садитесь, Витя. Ничего, что я вас так называю?

Они уже вошли в столовую, и Серафима Ивановна тотчас включила электрический чайник. Из соседней комнаты быстро вышла Елена Михайловна. Она остановилась на пороге, держа в руках большой гребень.

— Лена, это я, — сказал Сизов. — Я тут в городе по делу. Решил зайти навестить. А ты всё такая же...

Трудно представить себе, что человек может остаться неизменным в течение двадцати пяти лет, но, тем не менее, Сизов говорил правду, потому что в первую секунду он заметил только то, что осталось неизменным: она была такая же тоненькая, чуть-чуть скуластая... Уже в следующее мгновение он увидел, как она постарела.

— Я очень рада, что ты пришёл, — сказала Елена Михайловна удивительно знакомым голосом, и снова Сизову показалось, что она совсем не изменилась. — Ты в очках?

— Какая-то чепуха с глазами, — ответил Сизов. — Вообще-то я их ношу только для чтения. Ты никуда не торопишься? Я тебе не помешал?

— Наоборот, я очень рада. Где ты остановился?

— В гостинице.

Елена Михайловна вдруг всплеснула руками и рассмеялась.

— Ох, как мы с тобой давно не виделись! Даже не знаешь, с чего начать...

Серафима Ивановна на цыпочках вышла в другую комнату. Елена Михайловна проводила её ласковым взглядом.

— Мама очень постарела, да?

Сизов чувствовал себя неловко. Он уже почти жалел, что пришёл сюда. В комнате он заметил несколько вещей, которые были когда-то у Лены ещё в студенческом общежитии, а затем переехали сюда и стояли сейчас, как ни в чём не бывало. Деревянная собака лежала на книжной полке, высокая настольная лампа горела, сменив абажур, диван, кажется, тот же, впрочем, кто его знает, их много, одинаковых диванов.

— Узнаёшь? — улыбнувшись, спросила Елена Михайловна. — Тут у мамы ещё висела твоя фотография, я только после ремонта сняла её.

— А давно был ремонт? — любопытно спросил Сизов.

— Три года назад. Я тебя часто вспоминала, Витя, только ты был не такой, как сейчас.

— Вероятно, моложе. Меня, к сожалению, уже много лет никто не называет Витей... Но всё-таки ты бы узнала меня на улице?

— Конечно.

— А я совсем лысый.

Он провёл рукой по своей голове и впервые почувствовал, как это неприятно, когда голова голая; словно он лысел не постепенно, а именно сейчас, сию минуту, разом.

— Знаешь что? — засмеялась Елена Михайловна. — Лучше не будем так подробно останавливаться на том, как ты изменился. Это бестактно по отношению ко мне.

Бурно закипел электрический чайник; она подбежала к столу, схватилась за крышку и, обжёгшись, потрясла рукой и быстро взялась за мочку уха. Этот жест он тоже вспомнил. И ему захотелось сделать что-нибудь такое, что напомнило бы ей, каким он был раньше. Он взмахнул головой, как делал это когда-то, давным-давно, чтобы откинуть назад длинные, густые волосы.

— Что с тобой? — беспокойно спросила Елена Михайловна. — Тебе неудобно сидеть?

— Да нет, ничего, — улыбнулся Сизов. — Странно немножко. Я не видел тебя двадцать пять лет, и сейчас мне поначалу трудновато. Ты не обращай внимания, это пройдёт.

Когда он поднялся, чтобы перейти к столу, она снова всплеснула руками.

— Какой ты стал солидный, Витя!..

Она видела, что Виктор Петрович чувствует себя неловко, хотела облегчить его состояние, и поэтому, как только наступала пауза, Елена Михайловна говорила что-нибудь, иногда не очень задумываясь над тем, что именно сию минуту скажет.

— Ну, рассказывай, — попросила она. — Я тебе налила покрепче: по-моему, ты любил крепкий.

— Я гулял сейчас у тебя под окнами, — сказал Виктор Петрович, — и мне ужасно хотелось попасть в чью-нибудь квартиру за чайный стол...

— Ну вот ты и попал.

— В незнакомом доме было бы проще. Там ведь меня никто не знал бы. А у тебя я как-то неопределённо себя чувствую: не то моложе, чем в самом деле, не то старше. Ты знаешь, Лена, я ведь так и не женился, — неожиданно сказал Сизов и покраснел. — Видишь, как я глупо рассказываю: то с начала, то с конца...

— Это, вероятно, естественно, — ответила Елена Михайловна, и он не

понял, что же она считает естественным: то, что он не женился, или то, что беспорядочно рассказывает о себе.

Виктор Петрович посмотрел на Елену Михайловну, увидел внимательные, участливые глаза и почувствовал непреодолимое желание пожаловаться ей на свою бесприютную жизнь, хотя он никогда ранее не предполагал, что жизнь его бесприютна.

— Главное, что меня гложет последнее время, — быстро и непоследовательно продолжал Сизов, досадуя на себя за словоохотливость, — это то, что я старею. Я абсолютно здоров, здоров, как чёрт, даже гриппом не болею, но меня одолевает лень. Пожалуйста, не думай, что это касается работы, — поспешно предупредил он её. — Мне лень выползть из дому без определённого дела. У меня пропало обыкновенное человеческое любопытство, я раздражаюсь... Зачем, собственно, я всё это говорю тебе?

— Вероятно, потому, что тебе некому другому рассказать, — просто ответила Елена Михайловна.

— А у тебя есть кому рассказывать? — спросил Виктор Петрович.

— Разумеется.

— Ты все эти годы жила одна?

— Одна. То есть с мамой и с Федей.

Он выпил залпом остывший чай.

— Как глупо всё устроено: когда человек способен по-настоящему чувствовать, он непомерно расточителен, а когда он начинает ценить человеческие отношения, то уже староват для чувства.

— Ты не извиняйся, — улыбнувшись, сказала Елена Михайловна. — Я ведь на тебя не сержусь.

— Лена, тебя любят студенты? — спросил Виктор Петрович.

— По-моему, они ко мне хорошо относятся.

— А ко мне, думаю, не очень... Поверь мне, я неплохой преподаватель, и успеваемость в моих группах приличная, я люблю свой предмет. Я даже наверняка знаю, как следует снискать расположение студентов. Это делается довольно просто: пошутить на лекции, прийти несколько раз на студенческие вечера, пройтись по коридору...

— Не думаю, — сказала Елена Михайловна. — Это очень дешёвый способ завоевывать расположение. Долго им не удержишься.

— Вот и я так же предполагаю, поэтому и не пытаюсь. А они, вероятно, считают, что я сухарь. Ведь ты не думаешь, что я сухарь?

— Я очень мало знаю тебя, — ответила Елена Михайловна.

— Но позволь!.. — начал было Виктор Петрович, желая сказать, что она всё-таки была его женой. — Хотя, пожалуй, ты права. Может быть, даже если бы я сам встретил нынче того Виктора Сизова, которого ты знала, у нас возникли бы с ним серьёзные разногласия. Терпеть не могу пустых молодых людей.

— Нет, — сказала Елена Михайловна. — Он был не пустой. Это всё выглядит совершенно иначе. Теперь я поняла... Мы очень небрежно и легко смотрим в молодости на недостатки своих друзей. Мы даже иногда добродушно и подстрекательски посмеиваемся над этими недостатками. Нам кажется, что это с возрастом пройдёт. Мы говорим: Петька скуповатый, Коля любит только себя, Миша ленивый, Таня — кокетка и мешанка... И очень часто всё это не исчезает, а прорастает в характере...

— Ну и что же, по-твоему, во мне проросло? — с обидой спросил Виктор Петрович.

— Я тебя мало знаю, — ещё раз повторила Елена Михайловна. — Я говорю теоретически.

Они помолчали. Потом задали друг другу несколько ничего не значащих вопросов, вежливых и необходимых, а затем Виктор Петрович ярко

представил себе, что сейчас ему надо подняться и уйти — уйти в пустой номер гостиницы и через два дня уехать в какой-то незнакомый санаторий, с мёртвым часом, волейболом, игрой в домино и звонками на обед, завтрак и ужин. От всех этих мгновенно промелькнувших картин ему захотелось вцепиться руками в кресло и не уходить отсюда, даже если бы его выпроваживали силой.

Он встал и сказал:

— Пожалуй, мне пора.

Потом помолчал и добавил:

— Лена, у меня к тебе большая просьба. Ты бы не могла выйти со мной из дому?

— Зачем? — спросила Елена Михайловна, тоже поднимаясь из-за стола.

— Ну, пройтись немного по улицам... Я тебя провожу потом домой... Ненадолго. Всё-таки мы с тобой столько не виделись...

— Хорошо, — сказала Елена Михайловна.

На улице им обоим стало гораздо легче разговаривать. Можно было говорить о том, что попадалось по дороге. Когда встречалось по пути какое-нибудь место — дом, сквер, скамья, — с которым у них было связано их общее прошлое, они говорили об этом без огорчения.

Проходя мимо городского сада, Сизов вспомнил:

— Если мне не изменяет память, в этом саду, в овраге, мы целовались,

Елена Михайловна ответила:

— Тебе не изменяет память.

Подбежала какая-то девчонка в длинном, цыганского покроя платье, стала совать в руки Елене Михайловне цветы. Елена Михайловна отмахивалась от неё, а Виктор Петрович вынул из корзины у девчонки все цветы, заплатил ей и передал букет Елене Михайловне. Он так давно не покупал никому цветов, что ему показалось сейчас, что он совершил какой-то значительный поступок. И было приятно, что рядом идёт женщина с огромным букетом в руках; Сизов даже поправил на голове шляпу и незаметно потрогал рукой узел галстука — не съехал ли он на сторону.

Они ходили по городу недолго. С той минуты, как он преподнёс ей цветы, ему стало почему-то гораздо труднее выбирать темы для разговора, словно их отношения перешли в другую категорию, стали возвышеннее. Она расспрашивала Сизова о его работе в институте, и он был благодарен ей за то, что она задаёт ему вопросы, на которые приятно и просто отвечать.

У порога её квартиры, уже попрощавшись, он попросил разрешения позвонить ей завтра.

В соседнем доме на подоконнике попрежнему лежала на подушке некрасивая женщина, и Сизов пожалел её: очень скучно, подумал он, весь вечер смотреть из окна на улицу, по которой гуляют люди.

Ночью в гостинице его разбудил телефонный звонок. Тот же голос, что и в первый день приезда, попросил к телефону Аркадия Викентьевича.

— Я же вам объяснял уже, что он выехал, — ответил Виктор Петрович.

— Ах ты, господи! — сокрушался дальний голос. — Понимаете, какое дело, товарищ, я из района звоню. А у нас с вами связь только вечером один час и ночью час — никак не позвонить в служебное время... Как ваша фамилия, товарищ?

— Сизов.

— Товарищ Сизов, у меня через три дня горючее кончается: — тракторы заправлять нечем. — Дальний голос стал вдохновенным. — Будьте ласковы, товарищ Сизов, зайдите, пожалуйста, в облсельхозуправление,

утречком, к товарищу Нестеренко, скажите, звонили из Карасёвской эмтеэс — он знает... Какого чёрта они горючее не отгружают? Вы только с ним не миндальничайте, товарищ Сизов, он вежливого разговора всё равно не понимает. А насчёт Аркадия Викентьевича не беспокойтесь: пусть он только приедет, я ему хвоста наверчу, выговор обеспечим, товарищ Сизов. Привет!..

В трубке щёлкнуло, Сизов не успел сказать ни одного слова. Он записал на листке бумаги: «облсельхозуправление, Нестеренко, Карасёвская МТС», и, покурив, заснул.

7

В сельхозуправлении у товарища Нестеренко Сизов узнал, что горючее отгружено в Карасёвскую МТС позавчера.

— Это точно? — строго спросил Сизов.

Нестеренко, на которого солидная внешность Сизова произвела большое впечатление, показал ему копии накладных и железнодорожных грузовых квитанций. Сизов хотел уже уйти, но Нестеренко попросил его предъявить документы. Виктор Петрович показал своё институтское удостоверение.

— Доцент. Понятно, — сказал Нестеренко. — Значит, связь науки с производством?

Он понимающе улыбнулся, а Виктору Петровичу вдруг стало лень длинно объяснять ему, что вся эта история с горючим не имеет к нему прямого отношения.

Выйдя на улицу, Сизов нашёл почтовое отделение и дал телеграмму в Карасёвскую МТС: «Горючее отгружено тринадцатого. Сизов». Из этого же отделения он позвонил по автомату Елене Михайловне и условился встретиться с ней вечером под городскими часами.

Время до вечера тянулось нудно, но настроение у Сизова было хорошее, как в детстве, когда утром знаешь, что вечером предстоит пойти на именины или в цирк.

Большую часть времени он провалялся у себя в номере в постели, закутив много газет и читая их подряд. Перед самым уходом он вдруг испугался, что у него мятый с дороги костюм; вызвал горничную и попросил её срочно отгладить. Пока гладили костюм, Сизов, боясь опоздать, нервно ходил в трусах по номеру, стараясь миновать большое стенное зеркало — он стеснялся сейчас своих длинных, худых голых ног.

За пять минут до назначенного времени он был под городскими часами. Он волновался сейчас иначе, чем много лет назад на этом же самом месте. Тогда, давным-давно, волнение было ясным, без каких бы то ни было примесей: юноша ждёт на свидание девушку, которую, ему кажется, он любит. А сейчас он сам не мог сформулировать (а он очень любил формулировать) свои ощущения. Над головой висели те же часы, улица так же сбегала вниз, на небе светили те же звёзды, и Сизова невольно одолевали мысли, которые казались ему мелкими и пошловатыми. Прошло столько лет, он стал научным работником, постарел и снова вернулся к тому, с чего начал: он ждёт Лену. И оттого, что он вдруг вернулся к тому, с чего начал, а часы, улица и небо остались неизменными, ему совершенно отчётливо представилось, что жизнь его сложилась нелепо.

«Вероятно, я не гармоничная личность», — подумал Виктор Петрович и увидел издали Елену Михайловну, выходящую из автобуса.

Он пошёл к ней навстречу, обдумывая первую фразу, которую скажет: — Видишь, мы опять с тобой под этими старыми часами.

Или иначе:

— Если мне не изменяет память, под этими часами мы с тобой встречались.

В последнюю секунду обе эти фразы показались ему строчками из романа, поэтому он молча поздоровался, а Елена Михайловна сказала: — Вот и наши знаменитые часы, Виктор.

Был субботний вечер, по тротуару двигалась весёлая, шумная толпа, она несла их вдоль ярко освещённых витрин. Чтобы не потерять Елену Михайловну в толпе, Сизов взял её под руку. Он шёл, приноравливаясь к её шагам.

Город был удивительно праздничный, в витринах лежало много красивых товаров, на которые было интересно смотреть, и цены казались Сизову очень доступными. Он жалел, что магазины сейчас закрыты, иначе он накопил бы много всякой всячины.

У подъезда, над которым горела и переливалась надпись «Ресторан», Сизов предложил:

— Давай зайдём, Лена, и поужинаем.

В вестибюле он вдруг сообразил, что этот ресторан ему знаком: он был здесь в вечер своего приезда; очевидно, он спускался тогда из своего номера по внутренней лестнице.

Вежливый, добродушный гардеробщик взял у Елены Михайловны шляпу и бережно положил её на вешалку.

Когда они вошли в зал ресторана, грянула музыка. Народу было много, Виктор Петрович с трудом отыскал свободный маленький столик в углу под пальмой.

— Ты бывала когда-нибудь в этом ресторане? — спросил Виктор Петрович.

— Нет, никогда, — ответила Елена Михайловна. — Он сравнительно недавно открылся.

— Очень приличный ресторан, — сказал Виктор Петрович. — И оркестр здесь недурной.

Елена Михайловна обвела взглядом зал, и Сизов внимательно следил за выражением её лица, боясь, что ей что-нибудь не понравится. Столика через три от них сидела подвыпившая компания мужчин, из которых один всё время порывался встать и запеть «Стеньку Разина». Он уже несколько раз раскрывал рот и неожиданно для своей огромной фигуры тонким голосом начинал:

— Из-за о-о...

Его усаживали на место, а сидя он петь не умел. Вся задача его друзей, очевидно, заключалась в том, чтобы не дать ему подняться со стула.

Сизов почувствовал неловкость, когда Елена Михайловна посмотрела на эту компанию, и объяснил:

— Вероятно, у них какая-нибудь радость на службе. Может быть, кто-нибудь из них получил премию...

Заказывая ужин, Виктор Петрович не очень вчитывался в названия блюд.

— Можно мне выпить вина? — спросил он у Елены Михайловны.

— Конечно, — засмеялась она. — Раз уж мы пришли с тобой в ресторан, давай кутить.

Ему стало жарко от её слов. Опять загремел оркестр, и Виктор Петрович с благодарностью посмотрел на музыкантов.

«Какие они симпатичные ребята, — подумал он. — Стараются изо всех сил...»

— А я был вчера у тебя в университете, — сказал Виктор Петрович.

— Так это, значит, ты? — воскликнула Елена Михайловна. — А мой аспирант никак не мог вспомнить твою фамилию. Говорит, приходил доцент, не то Синцов, не то Сазонов. Я попросила описать тебя, но он так описал!..

Она засмеялась. Виктор Петрович, слегка обидевшись, спросил:

— Интересно, что же он всё-таки сказал?

— Не сердись, Витя.— Она положила свою руку на его локоть и тотчас же убрала её.— Ты стал очень обидчивый. Тебе понравилась работа моего аспиранта?

— Это интересная проблема, — сказал Виктор Петрович. — Мне кажется только, что нужно стараться как можно скорее выбраться из лабораторных условий в естественные. Вся штука в этом. Вы можете в холодильной камере получить положительный результат, а в естественных условиях потерпеть неожиданное поражение.

— Ну, это ты говоришь элементарные вещи! Это дети понимают.

— Вот-вот, — ответил Виктор Петрович, — мы иногда и спотыкаемся на самых элементарных вещах, которые даже дети понимают. Я точно видел, что твой молодой человек чрезмерно увлечён самым экспериментом. Его покоряет остроумие опыта... Ой, Лена, — вдруг, удивительно простодушно улыбнувшись, спохватился Сизов, — ну чего мы будем с тобой разговаривать об этом под музыку?

Подожёл официант, принёс на подносе бутылку вина, ужин. На столе сразу стало уютно. Им обоим вдруг захотелось есть. Всё было необыкновенно вкусно.

Выпив два бокала вина, Виктор Петрович почувствовал, как у него изменились движения: они стали увереннее и изящнее. Он передавал соусник Елене Михайловне и видел, что делает это удивительно красиво. У него было ощущение, что они оба сидят не на стульях, поставленных на пол, а на возвышенном помосте, над всеми людьми, над землёй.

— Ох, как вкусно ужинать вдвоём, — сказал Сизов. — Лена, тебе никогда не бывает тоскливо?

— Бывает, — подумав, ответила Елена Михайловна. — Ещё как бывает!

— Ах, какой я был дурак! — сказал Виктор Петрович. — Леночка, я был ужасным глупцом, и ты должна была меня остановить!..

Елена Михайловна молчала. Ему понравилось, что она молчит. Она вообще ведёт себя удивительно умно. И аспирант у неё очень талантливей человек. В оркестре заиграли «Во поле берёзонька стояла», и Сизов подумал, что эта песня написана об Елене Михайловне, а когда музыканты начали играть «Каким ты был, таким остался», он подумал, что это о нём поют и играют. Что бы ни играли сейчас в оркестре, это имело к ним отношение.

— Я с тобой плохо обращался? — спросил он.

— По-моему, нет.

— Нет, ты, пожалуйста, вспомни точнее. За последние годы я возвращался к этому тысячу раз. Знаешь, как странно: первое время я не жалел о разлуке с тобой. Это пришло гораздо позднее...

— А у меня наоборот, — ответила Елена Михайловна. — Я очень страдала первые годы, а потом успокоилась.

— Но ведь ты так и не вышла замуж, — сказал Виктор Петрович, мечтая услышать от неё, что она не вышла замуж из-за любви к нему. — Значит, всё-таки ты меня любила? — торопливо спросил он.

— Я тебя любила.

— Если б кто-нибудь мог нам тогда объяснить... Если б кто-нибудь рассказал нам, что иногда самый трудный год брака — это первый год... Мне кажется, что теперь, издалека, я всё понял: у нас не было серьёзных оснований для разлуки. Я не могу вспомнить ни одного серьёзного повода... Всё какие-то пустяки... Гололёд... Налипало, нависало и порвалось...

— Гололёд, — улыбнувшись, повторила Елена Михайловна. — С ним можно бороться только двумя способами: ток высокого напряжения или гидрофобное покрытие проводов. Не было у нас ни того, ни другого...

— Чёрт возьми! — сказал вдруг Виктор Петрович и даже стукнул кулаком по столу. — Ну почему я совершенно точно знаю, как надо вести себя и что следует делать в институте, и абсолютно плутаю в потёмках, когда заходит речь о моей домашней жизни?..

...Елена Михайловна хотела ответить ему: она хотела сказать, что он очень обижал её в молодости своим чрезмерным педантизмом, сухостью, что она никогда не могла пробиться к нему, что он мало интересовался её делами, что она очень любила его и всё время ждала, что он изменится, ну хотя бы начнёт изменяться; потом она ждала, что он позовёт её к себе на Урал, что он приедет к ней на Украину, что он когда-нибудь вдруг, без всякого повода, пришлёт ей телеграмму, в которой будут написаны самые простые и самые вечные слова, ну что-нибудь вроде: «Люблю, тоскую»... Она хотела рассказать, что когда она первая написала ему письмо, в котором сообщала, что не хочет больше быть его женой, то она мечтала, чтобы он спорил с ней, возмущался, возражал.. И как ещё долго догорала у неё надежда и любовь, и как затягивалось всё это коркой; и как она нынче спокойна.

Всё это Елена Михайловна хотела рассказать ему, но её неожиданно окликнули: к их столу, проталкиваясь сквозь толпу танцующих, шёл молодой аспирант; он то пропадал, то снова появлялся, словно, барахтаясь, тонул в толпе.

— Здравствуйте, Елена Михайловна, добрый вечер! — крикнул он уже совсем неподалёку, затем в последний раз исчез и вынырнул рядом со столиком. Только теперь Сизов заметил, что аспирант вёл за руку девушку.

— Тоня, это Елена Михайловна, ты её знаешь, познакомься, пожалуйста, — сказал он девушке.

Аспирант узнал Сизова, поклонился ему и, находясь в приподнято-восторженном состоянии, даже не успел удивиться тому, что Елена Михайловна вдруг оказалась вечером в ресторане с приезжим доцентом.

— Я вас тоже знаю, — приветливо сказала Елена Михайловна девушке. — Вы учитесь на четвёртом курсе медицинского института, и вам очень нравится хирургия.

— Елена Михайловна, она вчера сделала такой великолепный доклад! — воскликнул аспирант.

— Коля, ну перестань, — покраснев, дёрнула его за рукав Тоня.

— А что тут такого? — удивился аспирант. — Раз ты сделала хороший доклад, все должны знать и всем это очень интересно. Знаете, какая тема, товарищи? «Вторая сигнальная система в учении Павлова». Тоня давала мне читать, и хотя я не специалист, но мне страшно понравилось!..

— Коля, я тебе серьёзно говорю, сейчас же перестань!

— Вы его не останавливайте, — сказала Елена Михайловна. — Пусть он подольше восхищается тем, что вы делаете.

— С ним совершенно невозможно разговаривать, — пожаловалась Тоня. — Мы шли сейчас по набережной, и я сказала, что мне не очень нравится его шляпа, которую он сегодня купил. Он взял шляпу и бросил её в реку. А потом милиция будет думать, что кто-нибудь утонул..

Несмотря на то, что она говорила это искренне возмущённым тоном, было видно, что ей нравится, как он обошёлся со своей плохой шляпой.

— Может быть, вы сядете с нами, — предложил молодым людям Сизов; он уже давно стоял, держась за спинку своего стула.

— Нет, нет, — торопливо сказала Тоня. — Спасибо большое. Коля, нам надо идти.

— Сейчас, Тонечка. Я только должен сказать несколько слов Елене Михайловне. Простите меня, пожалуйста! — Он на секунду обернулся к Сизову; а затем наклонился к Елене Михайловне и шёпотом сказал: —

Я без вашего разрешения подробно не разговаривал с этим доцентом. Вообще-то он производит хорошее впечатление. Я читал две его толковые статьи в «Успехах физических наук» за прошлый год. У них в институте, в аспирантуре, ведутся две работы, которые были бы интересны нашим ребятам. Может быть, стоит уговорить его, чтобы он сделал у нас сообщение?

— Подумаем, — ответила Елена Михайловна.

— А если нужно будет, я поставлю вопрос на комсомольском бюро, — уже громко сказал аспирант. — А то знаете нашего декана!..

Попрощавшись, молодые люди ушли. Пока они пробирались между танцующими парами и затем уже одевались в вестибюле, Тоня всё ещё укоряла аспиранта за то, что он бестактно себя вёл: помешал людям, которые пришли в ресторан.

— Да они же по делу пришли, — оправдывался Коля. — Я тебя уверяю, по делу.

— Ну, ты только, пожалуйста, мне не рассказывай, — убеждала его Тоня. — С такими глазами не разговаривают по делу. Я видела, как он на неё смотрит...

А Виктор Петрович после их ухода спросил:

— Они женаты?

— Жених и невеста, — ответила Елена Михайловна. — Он очень способный юноша. Дай бог им счастья.

— Давай выпьем за их здоровье, — предложил Сизов.

Они выпили.

— Как бы это сделать так, — сказал Сизов, мучительно растирая лоб, — чтобы научить людей... Чтобы научить людей, — повторил он, — ценить это всё, бережно относиться друг к другу... Неужели надо стать калекой, для того чтобы понять это? Лена, выходи за меня замуж, — быстро проговорил он.

— Ты серьёзно? — спросила Елена Михайловна, стараясь изо всех сил не улыбаться, чтобы не обидеть его.

— Я знаю, что это звучит сейчас глупо, но я совершенно серьёзно разговариваю с тобой. Может быть, тебе трудно ответить немедленно, — поспешно добавил Сизов. — Ты подумай... Я столько ждал, что могу подождать и ещё... Я буду писать тебе...

— Ох, Виктор, — сказала Елена Михайловна.

— В каком смысле «ох»? — спросил Сизов.

— Я представила себе выражение твоего лица, если б я сейчас сказала: хорошо, я согласна. Ты, пожалуйста, не обижайся, что я смеюсь...

— Это, действительно, странно, — пожал плечами Сизов. — Мы с тобой не дети.

— Витя, милый! — Она положила руку на его локоть и не убирала её до тех пор, пока рука не затекла. — Это ведь ты не мне делаешь предложение. Ты приехал в город, в котором провёл свою юность, тебя трогает здесь каждый пустяк и тебе кажется, что всё вернулось наново. Вернее, тебе хотелось бы вернуть всё наново...

— Хорошо, — сказал Сизов — Я подожду. Ты права, что не веришь мне. А я прав, что верю себе. Я мечтал бы иметь возможность позвонить из института домой и сказать: «Ну как, Лена? Всё благополучно? Я скоро буду...»

Ему стало совсем легко оттого, что он сказал всё, что думал.

Когда они выходили из ресторана, в вестибюле шумела та самая подвыпившая компания, что сидела неподалёку от них за столом. Человек, страстно желавший петь, стоял в кожаном пальто; он молчал и, пожалуй, ничем не напоминал пьяного, если бы не одна мелочь: он стоял совершен-

но не шатаясь, но под таким углом к полу, что ни одному человеку в трезвом виде не устоять бы в таком положении.

До ушей Сизова донеслось:

— Пошли, Аркадий Викентьевич!.. Пошли, я тебя провожу!..

Сизов быстро оглянулся: обращались к человеку в кожаном пальто. Виктор Петрович извинился перед Еленой Михайловной:

— Прости меня, Лена, одну минутку, я только скажу несколько слов этому гражданину.

Он подошёл к человеку в кожаном пальто и отрывисто спросил:

— Вы работаете в Карасёвской эмтеэс?

Услышав название своего места службы, человек пришёл в себя, поднял на Сизова жалкие свои глаза и утвердительно кивнул.

— Какая мерзость! — жёстко сказал ему Сизов. — Вы напились, как свинья. Вы не сделали того, что вам поручили. Немедленно, сегодня же, отправляйтесь домой.

Когда он отошёл к Елене Михайловне, собутыльники Аркадия Викентьевича спросили у него шёпотом:

— Это кто такой?

— Ревизор, — трезвым, упавшим голосом ответил Аркадий Викентьевич. — Выгонят к чертям собачьим!..

Провожая Елену Михайловну домой, Сизов старался идти медленно. Время было ночное, на улицах пустынно, звуки их шагов гулко раздавались в прохладном воздухе. Сизов отчётливо слышал частое постукивание лениных каблуков.

Он рассказывал ей о своей работе, расспрашивал об университете, они вдвоём сетовали на то, что никак не хватает времени на серьёзную подготовку к защите докторской диссертации.

Только у Горбатого моста Виктор Петрович робко спросил:

— Может быть, всё дело в шляпе?

— То есть? — не поняла Елена Михайловна.

— Может быть, всё дело в том, что я никогда, по-твоему, не смог бы выбросить шляпу в речку?

Елена Михайловна засмеялась и ничего не ответила.

У дверей её дома они попрощались. Он так и не сказал ей, что приезжал сюда без всякого дела. Когда дверь захлопнулась за ней, он ещё постоял немного, покурил, потом сорвал с акации пузатый, плотный пищик, раскрыл его, хотел, как в детстве, запищать, но у него ничего не получилось.

ИЗ СТИХОВ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ

ВЭЙ ЯН

★

Я вернулся, отчизна!

Ялуцзян!¹ И мой поезд мчится,
И мой поезд летит, как птица.
Я к тебе вернулся, отчизна,
О отчизна, родная мать!
Я твой голос призывный слышу,
Ты зовёшь далёкого сына,
Чтоб в объятья его принять.

Ялуцзян! И мой поезд мчится,
И мой поезд летит, как птица.
Неужели нельзя быстрее!
Видно, поезд понять не может
Сердце верное сыновей!

Ялуцзян! И мой поезд мчится,
Где река пролегла границей
Между разными берегами.
Что в них разного? Разве земли
Их по-разному плодородны?
Разве труд по-разному любят
Этих двух берегов народы?

Я отвечаю:
Восточный берег —
Кровь людей на осколках снарядов,
А китайский, западный берег...
Там стога в полях ряд за рядом
И зерно в закромах доверху.
Я отвечаю:
Днём на востоке
Не заглянет в землянки солнце,
А на западе даже вечером
Столько света, как будто солнце
Не устало за день сиять!

О отчизна,
Восточный берег
Я лишь вспомнил, и вот моё сердце
Улетает в Корею опять!

¹ Ялуцзян — река на границе между Китаем и Кореей

Ялуцзян! И мой поезд мчится,
 И со мной дорогие лица...
 Ты получше гляди, товарищ,
 Как живёт родная страна!
 Этот год великих свершений —
 Пятилетки первой весна.
 А весною у нас, в Китае,
 Пробивается острый бамбук.
 И растут, как побеги бамбука,
 Заводские трубы вокруг.

Я в народе слышал не раз,
 Что дитя свою мать не покинет.
 Ты поверь мне, отчизна,
 В боях
 О тебе мои были думы!
 И советская песня одна
 Для меня, словно песня про нас.
 В ней поётся о том, как мать
 Провожала сына в дорогу.
 Сын идёт, чтоб за родину встать,
 Послужить своему народу.

Я в окопе
 Ту песню пою —
 И к плечу твоему приникаю,
 Я её
 Запеваю в бою —
 И бесстрашной бойца не знаю!

Ялуцзян! И мой поезд мчится,
 И мой поезд летит, как птица.
 Я к тебе вернулся, отчизна,
 О отчизна, родная мать!
 Вот уже я в твоих объятьях,
 Вот я плачу от счастья,
 А сердце
 Улетает в Корею опять!

ТЯНЬ ЦЗЯНЬ

★

Тысяче погибших

1

Я спросил сегодня
 У зелёных сосен,
 Как убили братьев,
 Как погибли сёстры.

И повеял ветер, —
 Тихо лес ответил:

«Взяли их бандиты
 И погнали к яме.

Всех из пулемётов
Там и расстреляли.

2

Дорогие братья,
Дорогие сёстры,

Сотни «ли» меж нами,
Только эти сотни
Мне не помешали
К вам прийти сегодня,

К вам прийти и плакать
Жаркими слезами.
Дайте срок, и слёзы
Обратятся в пламя.

3

Дорогие братья,
Дорогие сёстры,

Из-за Ялуцзяна
К вам сюда, в Корею,
Я приехал тотчас
После скорбной вести.

Скорбь меня не сломит, —
Я с друзьями вместе.
Мы скуём из крови
Меч для правой мести!

ЦЗАН КЭ-ЦЗЯ

★

Он приехал домой

Старший брат приехал домой на побывку,
у родных на сердце
наконец улеглась тревога.
Как ушёл из дому,
ни словечка им не прислал он,
и теперь он сам —
долгожданное то письмо,
что получено ими
в первый раз за несколько лет.
Его рот —
неумолчно журчащий ручей.
Мать сидит на месте своём у прялки, —
не во сне ли ей это снится, —
младший брат пришёл прямо с поля
и в руках ещё держит мотыгу.
Все внимают молча ему,
как внимали бы молча,
если б вслух им читал сосед долгожданное то письмо.

А сынок
протиснулся, встал с ним рядом
и с восторгом и робко
любопытной своей ручонкой
револьвер на поясе папы украдкой гладит.
У жены
пышут жаром щёки,
и, когда на неё не смотрят,
она обнимает мужа быстрым ласковым взглядом.

Перевод Л. Эйлина.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

ЖОРЖ СОРИА

★

МАРОККО — АЛЖИР — ТУНИС*

С тех пор как Жорж Сориа написал публикуемый ниже очерк, национально-освободительное движение в Северной Африке значительно расширилось. Во многих районах Марокко имели место вооружённые столкновения жителей с французскими войсками. 30 марта 1952 года — день 40-й годовщины установления протектората — марокканцы по призыву компартии отметили как день борьбы за национальную независимость.

В Тунисе в 1951—1953 годах в знак протеста против колониального гнёта и произвола происходили массовые забастовки, в которых участвовали все слои населения. В знак солидарности с тунисским народом забастовки и демонстрации состоялись в Алжире и Марокко.

Компартия Туниса направила в ООН меморандум с требованием предоставления стране национальной независимости. В поддержку справедливых требований тунисского народа выступили народы Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. Именно это и побудило в прошлом году правительства многих стран Азии и Африки добиваться рассмотрения тунисского и марокканского вопросов на Генеральной Ассамблее. Однако в результате нажима колониальных держав ООН ничего не сделала для удовлетворения справедливых требований народов Северной Африки.

Я только что посетил Северную Африку, где пробыл около месяца, покрыв с востока на запад более трёх тысяч километров на самолёте, в поезде и на автомобиле. Я вернулся оттуда с двойным убеждением: двадцать пять миллионов марокканцев, алжирцев и тунисцев, работающих в поте лица от Касабланки до Туниса на земле, где они не хозяева, отныне вступили на путь независимости, и ничто и никто — ни усиление гнёта, ни манёвры обречённых колонизаторов — уже не в состоянии сломить их волю к борьбе.

На чём основано такое убеждение?

1. На существовании национального движения, мощь которого я наблюдал в этих трёх странах.

2. На изучении ужасающих условий жизни этих гордых народов, обращённых в рабство и доведённых до нищеты людьми, которые, прикрываясь французским флагом, пыгаются продлить существование строя, обеспечивающего им средневековые привилегии.

Рядовые люди во Франции часто не знают, что эти привилегии обрекают на истощение и медленную смерть трудолюбивые, талантливые народы, которые обеспечили бы Марокко, Алжиру и Тунису гигантский подъём во всех областях человеческой деятельности, если бы они не томнились в цепях и имели возможность самостоятельно ковать своё настоящее и будущее.

„Цивилизация“ в колониях.

Знают ли французы о лихоимствах, совершаемых во имя Франции кучкой колонизаторов на земле, которой, по их заявлениям, они принесли «цивилизацию», «прогресс» и «правосудие»?

* Репортаж Жоржа Сориа «Марокко—Алжир—Тунис» был опубликован в прогрессивной французской газете «Се Суар» в 1951 году.

Марокко уже сорок лет состоит под французским протекторатом, Тунис — семьдесят лет, а Алжир был колонизирован сто двадцать лет тому назад¹.

Что же принесли колонизаторы населению Северной Африки?

Угнетение во всех его видах: экспроприацию земель, нищенскую оплату труда, налоги, удушение национальной культуры, жуткие санитарные условия, безграмотность, безработицу, прямой грабёж, подложные выборы (там, где они вообще производятся), расовое презрение, чванство, самодовольство, хамство, произвол, насилие.

И пусть не шеголяют перед нами колонизаторы заводами, ими построенными, километрами своих шоссейных и железных дорог: они сами нуждались в них, чтобы прибрать к рукам чужие богатства.

К тому же, всё свидетельствует о том, что если бы Северная Африка не пострадала от колониальной политики, Марокко, Алжир и Тунис достигли бы такого же экономического подъёма, как некоторые неколонизированные страны, которые реконструировали своё народное хозяйство при помощи механизации и передовой техники.

Попытаемся коротко пояснить эти положения.

В Марокко два миллиона крестьян, владевших мелкими хозяйствами, подверглись с 1911 года экспроприации. Их либо отбросили в глубь страны на каменистые почвы, либо обратили в сельский пролетариат. В Алжире двадцать шесть тысяч европейцев владеют тремя миллионами гектаров лучшей земли, то есть половиной всей земли, пригодной для сельского хозяйства.

В городах Марокко рабочие промышленных предприятий за труд, оплачиваемый во Франции от 17 до 18 тысяч франков в месяц, получают от 6 до 8 тысяч франков, причём жизнь там стоит примерно столько же, сколько во Франции.

Упадок национальной культуры явствен для всякого, кто слышал, как говорят маленькие североафриканцы, например в такой стране, как Алжир. Это какой-то убогодичный язык — и не арабский, которому ещё несколько лет назад они не могли бы научиться, так как он нигде не преподавался, за исключением нескольких духовных учебных заведений, и не французский, которому они не научились из-за недостатка школ. В Марокко из полутора миллионов марокканских детей школьного возраста школу посещают всего 96 707, то есть 7 процентов, между тем как все 58 645 детей европейского происхождения учатся в школе.

Мало сказать, что санитарное состояние в этих областях Северной Африки жуткое, — оно ужасающее. Вот доказательство: в некоторых районах детская смертность достигает почти 75 процентов. Туберкулёз свирепствует в городах и деревнях. Вследствие тяжёлых жилищных условий и постоянного недоедания в некоторых областях каждый четвёртый человек болен туберкулёзом. Трахомой поражены огромные территории, и сотни тысяч детей и взрослых обречены на слепоту.

Какие же меры принимаются для борьбы с этими бедствиями? В Марокко всего двести врачей на население в девять миллионов человек, то есть в городах один врач на 45 тысяч жителей и в деревнях — на 120 тысяч жителей, между тем как репрессивные силы состоят из 14 тысяч полицейских.

Безработица огромна и повсеместна. Колониальная администрация предпочитает не выяснять её точных размеров. Всюду, в городах и деревнях, миллионы рук бездействуют по несколько месяцев ежегодно, и поверьте, что тому причиной не нежелание

¹ Марокко в течение многих столетий было суверенным государством. В 1912 году Франция заставила султана Марокко, вопреки воле народа, подписать договор о так называемом «протекторате». Северная зона Марокко и район Ифни, расположенный на атлантическом побережье южной части страны, были переданы под «опеку» Испании, а Танжер превращён в «международный порт».

Тунис явился объектом сделки между Францией, Англией и Германией в 1878 году, на Берлинском конгрессе. Французские войска, вторгшиеся в Тунис, заставили тунисского бея подписать в 1881 году кабальный договор о «протекторате». И Тунис и Марокко фактически стали французскими колониями. Вся власть там находится в руках французского генерального резидента.

Алжир французские войска захватили в 1830 году. В дальнейшем он был объявлен французской территорией, «продолжением» Франции на африканском материке. По новой французской конституции 1946 года, Алжир именуется «заморским департаментом», а Марокко и Тунис — «присоединившимися государствами». (Примеч. перев.)

работать, так как безработица в колониях — это голод в семье, вздувшиеся животы, вырождение. Безработные не получают пособий, они обречены на отчаяние и медленную смерть.

Подложные выборы. Уже давно установлено, что вследствие административного давления выборщики Северной Африки не имеют возможности голосовать по своему усмотрению. Я уже имел случай писать о том, как в Алжире происходят выборы. Речь шла об избрании 4 и 11 февраля 1951 года половины состава Алжирской ассамблеи¹. Читатели, быть может, помнят, что я назвал эти выборы, на которых присутствовал сам, позором и поношением, настолько маскарад был грубым, а беззакония и насилия многочисленными.

Расовое презрение. Колонизаторы не пропускают случая проявлять расовое презрение в малейших столкновениях повседневной жизни в обращении с рабочими, которых они нанимают, в нестерпимом тоне превосходства по отношению к тем, кого они называют, когда хотят быть вежливыми, «туземцами», а когда не считают этого нужным, то есть в девяти случаях из десяти, — унизительными кличками: «бико» и «ратон»².

Расовое презрение, следствием которого являются чванство, самодовольство, хамство, произвол, насилие, проявляется в формах настолько многочисленных (грубых или тонких), что их нельзя передать в нескольких словах.

Патентованный хор сторонников «западной демократии», все те, кто — от Франсуа Мориака³ до писак из «Попюлер»⁴ — только и клянётся «человеческой свободой», «человеческим достоинством», на всё это соглашаются с радостью. Колониальная политика вызывает с их стороны только похвалу. То обстоятельство, что свобода собраний, объединений и печати каждый день попирается в Алжире и Тунисе, не мешает им спать спокойно. Что им до того, что в Марокко пресловутые демократические свободы не существуют даже на бумаге, что осадное положение там никогда не отменялось с 1911 года, что оно продолжает оставаться в силе и в Тунисе?

Надо ли удивляться тому, что народы Северной Африки придерживаются диаметрально противоположного мнения, что для них «западная демократия» стала синонимом угнетения и что их стремление к национальной независимости проявляется в настойчивом желании добиться освобождения политического, экономического и социального.

Самый тёмный крестьянин Марокко, Алжира или Туниса, как бы глубоко ни затапула его нужда, понимает сегодня, что он может порвать свои цепи только путём освобождения от колониального гнёта. А это значит, что ему следует в первую очередь отвоевать национальную независимость, свергнуть ненавистную власть колонизаторов. Борьба за национальную независимость, развивающаяся в Марокко, Алжире и Тунисе, значительно ослабляет лагерь империализма: уже несомненно, что Северная Африка не будет надёжной позицией для тех, кто мечтает использовать в военных целях африканский континент. Эта борьба имеет своих героев, своих мучеников.

Борьба эта почти или вовсе не известна во Франции, между тем она представляет собой новый фактор в международной политике. В самом деле, она включается в великое движение, которое с освобождением Китая от векового гнёта империалистов открыло новые пути колониальным народам всего мира.

Этим уже определяется значение борьбы за независимость народов Африки для народа Франции и тот интерес, который он должен проявить к ней в свете общего наступления сил мира.

¹ Алжир разделён на три департамента: Алжир, Константину и Оран. Для них создано общее, якобы представительное, учреждение — Алжирская ассамблея. Круг вопросов, обсуждаемых ассамблеей, очень узок. Решения её не имеют практического значения так как вся полнота власти сосредоточена в руках французского генерал-губернатора. (Примеч. перев.)

² Бико — производное от козы, ратон — производное от крысы. (Примеч. перев.)

³ Франсуа Мориак — реакционный католический писатель. (Примеч. перев.)

⁴ «Попюлер» — центральный орган французской социалистической партии. (Примеч. перев.)

Национальное движение.

Во всех странах Северной Африки поднялась волна национального движения. Народы этих стран создали общенациональные фронты борьбы за своё освобождение. В Алжире это Алжирский фронт в защиту свободы, объединяющий организации: «Торжество демократических свобод», Коммунистическую партию Алжира и «Демократический союз алжирского манифеста»¹. В Марокко национально-освободительное движение возглавляют партии Истиклял² и Коммунистическая партия Марокко, а в Тунисе — Старый Дестур, Коммунистическая партия Туниса и первичные организации Нео-Дестура³.

Эти национальные движения обладают уже опытом долгих лет борьбы. Активисты национального движения в Северной Африке всегда могли рассчитывать на поддержку подлинных французских демократов. Они не смешивают французский народ с колонизаторами, которые подвергают их издевательствам, сажают в тюрьмы и лишают самых элементарных человеческих прав. Многие из североафриканцев говорили мне, что наша борьба во Франции против сил реакции и войны помогает им в той борьбе, которую они ведут сами в своей стране. На это я ответил, конечно, что и мы нуждаемся в них, так как удары по колонизаторам в Северной Африке усиливают демократическое движение во Франции.

Из того, что будет рассказано далее о борьбе марокканцев, алжирцев и тунисцев, мы ясно увидим, что национальная независимость Марокко, Алжира и Туниса укрепила бы узы дружбы между Францией и этими странами, жаждущими свободы, и нанесла бы серьёзный удар по тем, кто хотел бы использовать Северную Африку как военный плацдарм и как гигантский авианосец для бомбардировки Франции и Европы в случае войны.

„Арабский телеграф“ и „Протокол Жюэна“.

В Марокко и во всех прочих частях Северной Африки газеты, выходящие на арабском языке, печатаются весьма незначительным тиражом. И хотя очень мало крестьян умеет читать, тем не менее все они в курсе мировых событий, а особенно событий мусульманского мира.

Благодаря так называемому «арабскому телеграфу» все важные известия быстро распространяются путешественниками, караванами. В горах и долинах Северной Африки нет такого дуара (селения), где бы не знали, что марокканский султан подписал на прошлой неделе — не по доброй воле, а по принуждению — протокол соглашения, осуждающего «некую партию» Истиклял и коммунистов Марокко, на которых обрушились громы генерала Жюэна⁴.

Всюду бурлит негодование, так как вся Северная Африка восприняла как недопустимый выпад события, только что случившиеся в Марокко. Как я убедился всего несколько дней тому назад, в Тунисе всё арабское население города знало, что «демонстрации» в Марокко против Истиклял были от начала до конца организованы по приказу генерала Жюэна и что представитель Франции в Рабате собирался низложить султана в случае, если бы тот упорствовал в проявлении симпатии к марокканскому национальному движению.

¹ «Торжество демократических свобод» и «Демократический союз алжирского манифеста» — прогрессивные организации, борющиеся за национальную независимость. Созданы в послевоенный период. (Примеч. перев.)

² Истиклял (по-арабски — независимость) — буржуазно-националистическая партия, пользующаяся большим влиянием в Марокко. (Примеч. перев.)

³ Нео-Дестур и Старый Дестур (по-арабски дестур — конституция) — буржуазно-националистические партии, образовавшиеся в результате раскола в 1933 году партии Дестур. Разногласия между ними носят тактический характер. Руководители Нео-Дестура настаивают лишь на создании правительства, в котором все министры были бы тунисцами, и на передаче органов самоуправления самим тунисцам; они тесно сотрудничают с американскими монополиями. (Примеч. перев.)

⁴ Жюэн (ныне французский маршал), будучи генеральным резидентом в Марокко, с исключительной жестокостью подавлял национально-освободительное движение марокканского народа. Ныне Жюэн — заместитель главнокомандующего вооружёнными силами агрессивного Северо-атлантического союза. (Примеч. перев.)

С тех пор от шахт Гафсы в Южном Тунисе до покрытых снегом вершин Аууреса североафриканцы узнали скандальные обстоятельства, при которых этот протокол соглашения был исторгнут у султана Сиди-Мухамеда.

Они узнали, что пресловутые «массовые демонстрации» против Истикляла были на самом деле грубой инсценировкой, что эти сборища были организованы самой полицией и что «демонстранты» были согнаны силой, под угрозой репрессий.

Они узнали, что по приказу Гражданского контроля (органа, наделённого обширной полицейской властью) тысячи вооружённых всадников двинулись со стороны Феса и Касабланки на Рабат, к дворцу султана, и что всадникам этим был выдан провиант на несколько дней.

Они узнали, что, в то время как генерал Жюэн продолжал «переговоры» с султаном, Рабат был полностью окружён и новые кавалерийские колонны, растянувшись по дороге на несколько километров, направлялись к марокканской столице, с тем чтобы потопить в крови малейшую попытку к сопротивлению.

Каждый знает сейчас в Северной Африке, что, когда в минувшую пятницу «переговоры» между генералом Жюэном и султаном были прерваны (по инициативе Жюэна), султанский дворец в Рабате оказался фактически изолированным от всей остальной страны.

Когда два дня спустя, в воскресенье утром, заместитель генерала Жюэна г. де Блессон прилетел в Рабат из Парижа (где он пробыл всего 30 часов), положение было таково, что можно было ожидать худшего.

Некоторые утверждают, что гвардия султана была обезоружена, во всяком случае несомненно, что делегат резидента прибыл во дворец ровно в полночь (после переговоров, которые длились несколько часов) вслед за крупным полицейским эскортом. Тогда-то султан, который в этот момент рисковал своим тронem, и подписал протокол.

На другой же день «гуманисты» из «Попюлер», «Фигаро» и «Орор», специалисты словоизлияний о «свободе» и «человеческом достоинстве», равно как и министры, их вдохновляющие, пришли в бурный восторг.

Но неужели эти жалкие герои, для которых слова «свобода» и «независимость» имеют ровно столько же значения, как выеденное яйцо, действительно воображают, что они таким путём разрешили «марокканскую проблему»?

Или они воображают, что документ, подписанный при таких обстоятельствах султаном Марокко, действительно побудит марокканцев отвернуться от Истикляла и Коммунистической партии Марокко?

Если они так полагают, то, пожалуй, заснут спокойно в неведении гнева, ими же порождённого. Но если они этого не думают, участь их плачевна, ибо народы всегда запоминают оскорбления, которым они подвергаются, и никогда не прощают их.

Как бы то ни было, этот скандальный эпизод в истории франко-марокканских отношений лишний раз свидетельствует о тесной зависимости нынешней французской политики от политики США.

В самом деле, ни для кого не секрет, что во время своих недавних переговоров в Вашингтоне генерал Жюэн поставил на обсуждение «марокканский вопрос».

Государственный департамент и Пентагон, которые в последние годы внушали некоторым кругам, близким к султану, будто они относятся благосклонно к независимости Марокко и даже будут рекомендовать парижскому правительству «выбросить балласт» в этом вопросе, отныне считают, что уже нельзя терять времени на такую деликатную игру.

Для государственного департамента и для Пентагона время не терпит. Они хотели бы как можно скорее превратить Марокко в оперативную воздушную базу.

Зная, что в случае своего прихода к власти марокканское национальное движение помешало бы такому превращению Марокко в плацдарм и огромный авианосец для атомных бомбардировщиков, американские генералы и дипломаты решили нанести удар по марокканским национальным партиям и поэтому дали «карт бланш» генералу Жюэну для тех насильственных действий, которые он и предпринял в минувшую неделю.

У генерала Жюэна был свой человек — злобеший Глауи, всемогущий феодальный

владыка области Маракеш, который за сорок лет французского протектората сколотил путём неслыханных хищений скандально крупное состояние, оцениваемое более чем в 20 миллиардов франков

Невидимый всеми марокканцами и особенно своими вассалами, из которых он выжимает соки, как только может, Глауи собирався при помощи генерала Жюэна стать султаном Марокко. Провозглашая себя защитником традиций ислама и уж, конечно, рыцарем «западной» цивилизации. другом Франции, этот средневековый тиран с холодным взглядом палача, этот человек, моральный облик которого стал уже легендарным (он владеет в Маракеше всем «кварталом любви» и взимает налог с проституток), мобилизовал своих воинов, то есть своих наемников, которые по его знаку потопили бы Марокко в крови.

Когда Марокко станет страной свободной и независимой — а это будет, что бы ни думал генерал Жюэн, — марокканские школьники будут учить во всех подробностях историю последней недели февраля 1951 года, во время которой султан Сиди-Мухамед подписал по принуждению документ, протянутый ему французским генералом. Можно ли сомневаться в том, что эти школьники будут сжимать от ярости кулаки, подобно тому как их сжимают сейчас миллионы марокканцев?

„Бидонвили“ Касабланки.

Ничто, быть может, не объясняет так ясно, почему марокканцы, алжирцы и тунисцы стремятся к независимости, как кошмарная картина хижин, лагун и конур, сложенных из жести и образующих на пространстве от Касабланки до Туниса целые поселения вокруг больших североафриканских городов. Эти поселения колонизаторы презрительно называют «бидонвиями».

«Бидонвили» дают хватающее за душу представление об условиях жизни при колониальном строе. Они являют собой как бы квинтэссенцию цивилизации, принесённой народам, вчера еще свободным.

Мы в Касабланке, в «европейском» городе. Широкие проспекты, обсаженные деревьями, высокие белые фасады домов с большими пролётами окон. В этих домах полнейший комфорт — ванны, комнаты, телефоны, лифты; в них хорошо живётся.

Но в предместьях, расположенных в двух или трёх километрах от центра, кошмар открывается каждому, кто не хочет закрывать глаза.

Вот «бидонвиль» Бен Мсика. Он расположился на огромном пустыре. Издали не догадаться о картине, которая вас там ожидает, так как этот «бидонвиль», как и все «бидонвили» Марокко, выделен известью согласно муниципальному распоряжению, продиктованному, очевидно, соображениями «показного урбанизма».

Первая ошарашивающая диковинка: у входа в это необыкновенное гетто высится минарет, сооружённый из консервных банок, сплюснутых и прикрепленных гвоздями к небольшим балкам. Вот откуда муэдзин призывает здесь правоверных к молитве!

В хижине из упаковочного картона, пропитанного дёгтем, прилегающей к этой невообразимой мечети из жестянок, дети, запинаясь, повторяют стихи Корана под наблюдением арабского учителя. Все они босы, в лохмотьях.

Мечетью из жестянок открывается «триумфальный проспект» этого «бидонвиля». Я желаю всем апологетам колониального строя пожить там хотя бы несколько дней, чтобы узнать в точности, из чего состоит колониальное «величие», о котором они говорят в таком назидательном тоне.

В середине главной улицы — сток нечистот под открытым небом. Это канава глубиной в пятьдесят сантиметров, которая проходит через весь Бен Мсик. В ней течет зеленоватая жижа, распространяющая зловоние.

Девочки и мальчики в лохмотьях резвятся по обе стороны канавы. Стаи чёрных мух облепляют им глаза. Дети бегают друг за другом с обручами от бочек: они играют в серсо.

Вот один из мальчиков упустил свой обруч, бежит за ним стремглав. Обруч падает в канаву. Как ни в чём не бывало, мальчик спускается туда, подымает обруч и продолжает игру. Не буду уточнять, в чем вымазаны его ноги.

Куда ни посмотришь, по обе стороны «главной магистрали» — лачуги из жестяной вышивной в два метра, не больше. На порогах женщины просеивают зерно через большие сита.

Взад и вперед, без дела, прохаживаются мужчины. Это «частично безработные»: рабочие заняты здесь всего лишь три или четыре дня в неделю.

Приятель, который привёл меня в этот «бидонвилль», знает арабский язык. Он заговаривает с одним из мужчин, сообщает ему, что я приехал из Парижа и хочу составить себе представление об условиях жизни обитателей Бен Мсики.

Тот долго смотрит на меня, затем спрашивает с горечью:

— Вы действительно хотите увидеть, как мы живём? Идите за мной.

Он ведёт нас к себе по переулку, где искривлённые, покосившиеся лачуги из жестянок образуют настоящий муравейник; на первый взгляд, это не человеческое жильё, а собачьи конуры.

— Вот мы и пришли, — говорит он, показывая своё обиталище.

Это несколько досок, соединённых жестяными пластинками, через которые зимой проходит дождь и холод, а летом — жара. Высота «дома» — не более 1 метра 75 сантиметров.

Внутри этой конуры в два метра длины и три метра ширины двое малолетних детей лежат на циновке. Их мать сидит на матрасе, наблюдая за ними одним глазом. При виде нас она тотчас же закрывает лицо, затем вновь принимается с весёлым металлическим звоном толочь красный перец, высушенный на солнце.

За шесть квадратных метров этой «жилплощади» мой собеседник платит 800 франков в месяц. Вся семья живёт на 6—8 тысяч франков в месяц.

Чем же питаются эти люди? Немного хлеба, несколько маслин и фиников, немного овощей. Мясо едят всего лишь три-четыре раза в месяц, и то не всегда.

Я чувствую, что краска стыда заливает мне лицо, и быстро прощаюсь с обитателями жестяного дома. Иду по Бен Мсику, рассматривая одну за другой собачьи конуры, где живут люди.

В этом кошмарном городе, раскинувшемся на фоне новых, роскошнейших небоскрёбов Касабланки в двенадцать и пятнадцать этажей, живёт 60 тысяч человек. Эти 60 тысяч мужчин, женщин и детей располагают всего одним водораспределителем.

Но не только эти 60 тысяч живут в подобных условиях. В Касабланке, где куцка тёмных дельцов наживается на спекуляции земельными участками, кроме Бен Мсики, есть ещё несколько «бидонвиллей». Общее число их обитателей, загнанных в конуры, где и скоту пришлось бы не сладко, составляет официально 130 тысяч человек. Подчёркиваю: официально, так как это данные последней переписи. А с тех пор «бидонвилли» росли непрерывно, и их население увеличивалось. Нет такого крупного марокканского города, будь то Рабат, Фес, Маракеш, Пор-Лянте, Мекнес, Агадир или Федала, который не мог бы похвалиться своим «бидонвиллем».

И то же относится к Алжиру и Тунису. В «бидонвиллях», которые являются позором и воплощением всей колониальной системы, живут, если можно только так выразиться, рабочие, иногда даже мелкие чиновники, а главным образом крестьяне, изгнанные из деревень голодом, экспроприацией земли и ищущие спасения в больших городах, где они выполняют любую работу: сегодня подметают улицы, завтра нанимаются носильщиками, а то промышляют чем бог пошлёт.

Что же сказать о жилищных условиях в деревнях? Как часто, путешествуя на автомобиле из города в город, видел я соломенные хижины несчастных феллахов...¹ Такую хижину, в которую проникает и ветер и дождь, ни один французский крестьянин не отвёл бы для скота. А между тем в Северной Африке в них живут целые семьи, живут люди, согбённые нуждой, вид которых ясно воскресил в моей памяти крестьян времён крепостничества, какими их изобразил Лабрюйер в своих бессмертных «Характерах».

Конечно, не все 25 миллионов североафриканцев живут в «бидонвиллях» или в подобных хижинах. Но девять десятых населения обречены ютиться в переуплотнённых городских квартирах или в крайне примитивных деревенских жилищах. Колониальная

¹ Феллах — по-арабски крестьянин. (Примеч. перев.)

власть заботилась о постройке жилищ только для европейцев. Для мусульман же, то есть для огромного большинства населения, она не сделала ничего.

Это произошло не случайно. Нахлынув сюда, чтобы богатеть за счёт местного населения, чтобы извлекать огромные прибыли, колонизаторы не могли проводить иной политики и в области жилищного строительства. В противном случае их строй не был бы тем, чем он есть, то есть строем, основанным на бешеном обогащении меньшинства за счёт большинства.

Следует ли после этого удивляться, что марокканцы, алжирцы и тунисцы, видя, как расхищаются богатства их стран, между тем как их жизненный уровень понижается изо дня в день вследствие сверхэксплуатации, которой они подвергаются, отождествляют своё стремление к подлинно человеческой жизни с завоеванием независимости?

Американцы в Марокко.

Я не знаю, как это вышло, но я оказался в Касабланке как раз в тот день, когда гигантские бульдозеры, предназначенные для американских воздушных баз в Марокко, были выгружены в этом большом марокканском порту.

Это было 8 февраля. В этот день в Касабланке царило большое напряжение. Оно отражалось в глазах прохожих... Хриплыми голосами со странным акцентом продавцы газет выкрикивали им прямо в лицо такого рода заголовки: «Американцы в Касабланке!», «Предохранительные запасы в Марокко», «Управление торговли закупает сахар, шины, жезл, чай на несколько месяцев».

Весь город только и говорил о прибытии первого грузового судна «Американ экспорт лайнс»; бульдозеры и тяжёлая техника, которые оно доставило в своих трюмах, несли марокканскому населению грозную весть о превращении Марокко в американскую стратегическую базу.

В Медине с её извилистыми и плохо мощёнными улицами, где коренные жители страны — мусульмане — живут в ужасающем скоплении, царило большое беспокойство. Лавочники и ремесленники не ошиблись в своей оценке происшедшего. Сопоставляя прибытие парохода, гружённого бульдозерами, с тем фактом, что закупочные органы Генеральной резиденции официально приступили к заготовке продовольствия и сырья, они открыто говорили, что следует опасаться худшего.

В модных барах европейских кварталов, посещаемых богатыми выскочками — скупщиками и продавцами недвижимости, тёмными дельцами, спекулянтами всех видов и мастей, — разговоры велись в другом тоне. Массовое прибытие американцев, очевидно, сулило этим людям немалые прибыли, новые возможности спекулировать на продовольствии, на промтоварах, на жилплощади.

Никакого беспокойства они не проявляли; зато опасность войны явно пугала мелкий люд европейской колонии — маленьких чиновников, торговцев, мелких земледельцев, которые уже за несколько дней до этого восприняли как первый тревожный сигнал передачу семи воздушных баз американцам. Лица их были озабочены: люди, очевидно, понимали, что эти события не предвещали ничего хорошего для их заработка, для их семей. В съестных лавках, в мануфактурных магазинах, где цены уже начали подниматься, я в этот день слышал не раз, что американцы виновны в наступающих тяжёлых временах.

Весть о передаче американцам воздушных баз в Марокко потрясла население. Конечно, марокканцы знали, что американцы уже несколько лет находятся в Пор-Лиоте. Они видели, как они захватывают самые доходные предприятия, наводяют страну своими промышленными товарами. Но они, вероятно, не всегда досадовались, что за экономической оккупацией наступит оккупация военная со всеми вытекающими из неё последствиями.

Теперь они внезапно поняли весь смысл происшедшего. Вот почему Марокко стало улем, где самые тревожные известия распространяются с поразительной быстротой, проходя по стране, от края до края, в несколько дней. Не бесполезно отметить некоторые из них.

От Касабланки до Мекнеса уже передают втихомолку, что скоро будут приняты

меры для постройки в Марокко и соседних странах барачных лагерей для миллионной армии, набранной добровольно или по принуждению в Северной Африке.

Передают также, будто часть золотого запаса Французского банка уже доставлена в подземелья Алжирского банка (это сообщение, пушенное «Газет де Лозанн» 14 февраля, было перепечатано многими североафриканскими газетами и теперь служит темой разговоров, выражающих опасения местных жителей по поводу проектов «отступления в Африку»). В Марокко царит сейчас величайшее беспокойство. Люди отдают себе отчёт в том, что американцы уже не только участвуют во всех крупных торговых и горно-промышленных предприятиях страны, уже не только захватывают стратегические материалы и выколачивают сверхприбыли, но и обосновываются как военная сила на марокканской земле.

Я видел собственными глазами на дороге от Касабланки в Рабат большие грузовики американского флота, тяжеловесы в 25—30 тонн, гружённые военной техникой, которыми управляли люди в светлой военной форме цвета хаки.

Я видел, как первые американские контингенты высаживались в Марокко. Официально 20 тысяч американских солдат и офицеров должны прибыть до июня. Но три тысячи уже прибыли и работают над постройкой семи баз, уступленных французским правительством Соединённым Штатам и сейчас оборудуемых американскими воздушными силами при содействии гражданских инженеров для атомных сверхбомбардировщиков.

Американцы, очевидно, очень торопятся. Чтобы не терять времени, они, как передают, даже не спросили у султана Сиди-Мухамеда, как он относится к организации воздушных атомных баз в его стране.

Тайно подготовленная послом США в Париже г. Дэвидом Брюсом передача этих семи баз была решена в конце декабря 1950 года, во время свидания между г. Брюсом и генералом Жюэном в присутствии г. Уинстона Черчилля, который в то время грел на марокканском солнце свои старые кости.

Г-н Брюс прибыл в Маракеш из Парижа для переговоров с помощником Эйзенхауэра в атлантическом штабе в сопровождении американского воздушного атташе в Париже генерала Мак Клескея, который доставил его в собственном самолёте. Совершив своё недоброе дело, эти господа расстались, решив объявить о принятых мерах в наиболее подходящий момент. Г-н Дэвид Брюс, который по прибытии в Марокко не счёл нужным совершить акт вежливости по отношению к султану и не явился к нему с визитом, пожелал быть принятым им перед возвращением в Париж. Всё Марокко знает теперь, что Сиди-Мухамед ответил отказом и что г. Брюс ещё не пришёл в себя от такого казуса.

Воздушные силы США хотят закончить к 1 июля оборудование баз для атомных сверхбомбардировщиков в Марокко. С этой целью грузовые суда длиной в 200 метров и водоизмещением в 20 тысяч тонн должны доставить всё необходимое.

Десятки тысяч тонн цемента, железа, стали и особого дерева уж начинают выгружаться в Касабланке: по своему стратегическому значению этот город ныне затмил старую гибралтарскую скалу и её портовые сооружения.

Согласно вычислениям марокканской печати, работы по оборудованию этих баз потребуют капиталовложений, превышающих 15 миллиардов франков. Нетрудно убедиться, что эти работы уже начались: для этого достаточно проехать на автомобиле из Касабланки в Рабат. Аэродром этого города, расположенный в Сале, уже перестраивается, расширяется. Всюду вокруг других пунктов, предназначенных для баз, также кипит напряжённая работа. Всюду — стройки.

Американская компания «Моррисон» взяла на себя общее руководство этим делом. В сооружении баз участвуют также французские фирмы: «Гран Траво де л'Эст», «Гран Траво де Марсей» и «Антреприз де Батиньоль». Американские инженеры недавно прибыли в Касабланку. Они вечно жуют свою резинку, а как только спускаются сумерки, отправляются со скучающим видом в ночные кабаки. Живут они в двух гостиницах — «Сплендид» и «Балтимор», мигом реквизированных для них Генеральной резиденцией. Их главное начальство — генеральный директор Борман, который использует для связи

с французскими предприятиями, участвующими в сооружении баз, лицо с громким титулом — принца Луи Мюрата.

Эти инженеры уже приступили к работе под руководством представителей американского старшего командного состава. Они строят на каждой из семи баз, уступленных США нашими правителями, взлётные дорожки длиной в 2 800 метров.

Эти дорожки будут залиты асфальтом на первых 280 метрах (две из них будут полностью бетонированы); каждая будет наделена всеми необходимыми сооружениями: помещениями для людей, водонапорными башнями, электрическими установками и т. д. (личный состав — 500 человек на дорожку — уже находится на пути в Марокко).

Как видно, американский генеральный штаб отводит Марокко первостепенную роль в своих военных планах. Все знают в этой стране, что «воздушная крепость», нарушившая прошлой весной советское воздушное пространство над Литвой, вылетела за несколько часов до этого из Пор-Лиоте, который уже в прошлом году находился под полным контролем воздушных сил США. Этот факт поразил многих в Марокко и заставил призадуматься. Никто там уже не сомневается, что ввиду наличия на его территории авиабаз Марокко рискует подвергнуться в случае войны ответным бомбардировкам.

Все эти факты свидетельствуют о том, что если и раньше марокканцы, равно как алжирцы и тунисцы, имели законные основания требовать возвращения утраченной ими национальной независимости, отныне они могут выставить ещё один довод, пожалуй, самый существенный. В самом деле, они не желают, чтобы их страна, подпавшая под власть двух империализмов, друг друга подкрепляющих, стала театром военных действий третьей мировой войны.

„Мы нуждаемся в вас, как вы нуждаетесь в нас“.

С того дня, как летом 1948 года французское правительство объявило об открытии «операционного театра в Северной Африке» под командованием генерала Жюэна, инспекционные поездки американских офицеров от Касабланки до Туниса последовали одна за другой. Марокканцы, алжирцы и тунисцы поняли всё грозное значение этого факта, принуждающего их бороться уже не только против французских колонизаторов, но и против тех, кто приходит им сегодня на смену, объявляя североафриканский континент на военном положении.

Инспекционные поездки американских офицеров по Северной Африке уже не совершаются втихомолку, как год или два тому назад. За время моего короткого пребывания в Касабланке контр-адмирал Джон Ф. Милль, начальник военно-морского транспорта США, летал несколько раз из Касабланки в Пор-Лиоте, из Пор-Лиоте в Танжер и обратно. Местные газеты писали об этом гораздо подробнее, чем о вояжах какого-нибудь крупного французского начальника.

Надо ли удивляться тому, что некоторые французские офицеры, служащие в Северной Африке, которые высоко ставят честь нации, проявляют по отношению к этим непрощенным гостям едва скрываемое раздражение.

Как мне передавали из хорошо осведомлённого источника, один французский генерал, занимающий командную должность в Северной Африке, жаловался своему окружению на американских офицеров, которые ведут себя там, как в покорённой стране, говоря, что «эти поездки неприятно напоминали поездки «комиссий по перемирию», которые бороздили Северную Африку с 1940 по 1942 год.

Отныне для американских офицеров, совершающих инспекционное турне по Северной Африке, наши запретнейшие военные тайны — не больше, чем секрет полишинеля.

Местные жители видят, как американские военные проникают в форты и казематы, где они изучают наиболее ревниво оберегаемые объекты, осведомляются об обороноспособности укреплений, огневой мощи батарей, состоянии вооружения, организации радиолокационных баз.

Всё это, конечно, делается во имя «атлантической обороны», но я был бы очень

удивлён, если бы французские офицеры пользовались такими же привилегиями на побережье Виргинии или Калифорнии. Я даже уверен, что если бы кому-нибудь из них пришла в голову фантазия задавать там подобного рода вопросы, ответ был бы весьма недвусмыслен.

Во имя всё той же «атлантической обороны» американские стратеги развивают в Северной Африке лихорадочную деятельность, в которой может убедиться каждый проезжающий по этим краям в поезде или на автомобиле.

Во время путешествия от Касабланки до Туниса я был поражён количеством стратегических дорог, строящихся или ремонтируемых. Одни расширяются для более свободного передвижения, другие сразу прокладываются для грузовых машин. Всюду, где это необходимо, мосты укрепляются, а второстепенные дороги приводятся в порядок.

С другой стороны, увеличивается вместимость марокканских портов, которым уже теперь американский генеральный штаб отводит большую роль в подготовляемой им войне. Согласно официальным данным, опубликованным марокканской печатью, вместимость марокканских портов, определявшаяся в 1940 году в 3 миллиона 600 тысяч тонн, должна достигнуть в 1952 году 12 миллионов тонн, то есть увеличиться примерно в четыре раза.

Захват американскими стратегами Марокко, не исключавший некоторое время сотрудничества французского генерального штаба, отныне будет, по видимому, осуществляться более самостоятельным образом.

Похоже, что американская дипломатия добивается в настоящее время предоставления «свободных» зон, внутри которых представители Пентагона были бы полными хозяевами.

Ходят слухи, что американцам будет предоставлена огромная «свободная зона», распространяющаяся от Касабланки до Орана. Внутри этой зоны они будут иметь возможность собирать громадные запасы сырья, промышленного оборудования и машин для постройки заводов и ремонтных мастерских.

Таковы задачи, которые ставят себе американцы. При этом уже теперь они извлекают всё, что возможно, из недр марокканской земли для подготовки войны.

Как ныне уже полностью установлено, богатства марокканских недр попали в руки нескольких американских фирм, работающих на военную промышленность. Благодаря своему финансовому участию в «Сосьете Нор-Африкен дю Плон», эти фирмы контролируют весь рынок свинца в Северной Африке. Они достигли этого при посредстве трёх обществ: «Ньюмоунт Майнинг К°», «Сент Джозеф Лид К°» и «Майнс Инкоминг», скупивших нужное количество акций, чтобы экспортировать в США наибольшую часть добываемой руды.

В 1948 году «Сосьете Нор-Африкен дю Плон» вывезла всего 3 604 тонны свинцовой руды, а в 1949 году уже 34 681 тонну, то есть в десять раз больше.

То же относится и к марганцу—ценнейшей стратегической руде, без которой невозможно производство стали, идущей на броневые листы для танков и военных судов. В 1949 году экспорт марганца удвоился по сравнению с предыдущим годом. Ныне американцы замышляют захватить залежи Уарзазата, по ту сторону Атласа, богатства которых почитаются сказочными.

Жадность военного ведомства США к стратегическому сырью не удовлетворяется в Северной Африке одним свинцом да марганцем. Африканский цинк интересует в не меньшей степени специалистов военной промышленности.

Этот интерес и побудил их установить свой контроль над знаменитыми цинковыми рудниками Зелиджи. Эту операцию они совершили при посредстве «Ньюмоунт Майнинг К°».

Укажем, наконец, что кобальт и молибден прямо-таки неудержимо влекут к себе американских дельцов. При посредстве общества «Пеннароя» вся продукция Джебель-Джерисы непосредственно экспортируется в США.

В общей сложности за 1950 год более 500 000 тонн свинцовой руды, марганца, цинка и кобальта были отправлены в американские порты.

Североафриканцы ныне полностью отдают себе отчёт как в самом факте американской оккупации, так и в том, что американские монополии расхищают богатства их стран. Эти явления вызывают негодование в самых глубоких слоях народа и, с другой стороны, рассеивают в некоторых кругах национальной буржуазии иллюзии, тщательно поддерживавшиеся американскими радиопередачами на арабском языке, относительно «помощи» (конечно, «бескорыстной!»), оказываемой США колониальным странам.

Один из североафриканских лидеров национально-освободительного движения высказал мне на днях мысль, над которой следует призадуматься стратегам «отступления на африканский континент»:

— До сих пор у нас был один жандарм, державший нас под прицелом, теперь у нас два таких жандарма. Так всё яснее. Мы знаем отныне, что завоюем нашу свободу и независимость лишь после того, как освободимся от обоих.

И затем, вдруг перейдя на тёплый, дружеский тон, он добавил:

— Наша борьба сливается с вашей в Европе, во Франции. Нас ободряет то, что мы не одни. Мы знаем здесь, что можем рассчитывать на вас и что вы можете рассчитывать на нас. Скажите об этом во Франции. Мы должны помогать друг другу, ибо мы так же нуждаемся в вас, как вы нуждаетесь в нас...

Средневековье в середине XX века.

Я не представляю себе честного человека, который, высадившись в Алжире, Тунисе или Касабланке и увидев целые легионы босых детей в лохмотьях, мокнувших под дождём, детей, изъеденных язвами, детей-рахитиков с хилыми ногами и вздутыми животами (их встретит каждый при первой же прогулке по мусульманским кварталам этих городов), не задал бы себе вопроса: как могло случиться, что такое явление возможно после полувекового «французского присутствия» в Северной Африке?

Армия нищих оборванцев всех возрастов, детей и взрослых, насчитывает сотни тысяч человек. Их можно видеть во всех североафриканских странах: на окраинах больших городов и на дорогах. Они спят под открытым небом и питаются бог знает чем. Такова последняя степень нищеты крестьянских семей, изгнанных со своей земли в результате «благоденний» колониальной политики! Каждый год десятки тысяч людей в Марокко, Алжире и Тунисе увеличивают ряды и без того внушительной армии безземельных крестьян, создаваемой неумолимым механизмом этой политики.

Я много путешествовал по Северной Африке в поездах и на автомобиле. Сколько раз, проезжая мимо какого-нибудь владения, тянувшегося вдоль дороги на несколько километров, я узнавал, что оно принадлежит крупному колонисту, одному из тех феодальных помещиков, которых ненавидят феллахи.

В Алжире одно уже распределение земельной собственности отражает всю драму крестьянской нищеты.

После завоевания страны французами богатые колонисты отобрали у её жителей три миллиона гектаров земли, в том числе более двух миллионов гектаров обработанных участков. Эти земли, самые плодородные и лучше всего орошаемые, составляют треть всей обрабатываемой площади. Остальные две трети принадлежат мусульманам. Но тогда как двадцать пять тысяч европейских колонистов владеют самыми лучшими наделами, мусульмане, которые обрабатывают остальные две трети полей, в двадцать пять раз многочисленнее: их примерно шестьсот тысяч. К этому надо добавить, что у мусульман имеются, конечно, собственные феодалы (некоторые из них владеют пятнадцатью и даже двадцатью тысячами гектаров) и что земли мусульман расположены чаще всего на высоких плоскогорьях, где дожди редки и где дуют суховеи. Однако и это не всё, что можно сказать об истинном положении крестьянства, владеющего землёй.

Драма мелких алжирских землевладельцев заключается в том, что их земля не обеспечивает им пропитания. Это очень бедные крестьяне. В среднем крестьянская семья владеет четырьмя гектарами (при неполивном земледелии). Между тем самые маленькие площади, предоставляемые европейским семьям, обрабатывающим землю, достигают трёхсот пятидесяти гектаров: французская администрация считает, что

такое количество земли едва достаточно, чтобы прокормить семью французского колониста при неполивной культуре.

Я посетил местности, куда алжирские феллахи были оттеснены колонистами. Там переносишься в средние века!

Согнувшись над своими примитивными сохами с деревянными сошниками, крестьяне ворочают сухую землю, плодородие которой значительно повысилось бы, если бы людям, её обрабатывающим, предоставили материальную возможность приобрести удобрения и построили бы плотины, благодаря которым вода (а вода в Африке — это синоним куска хлеба, а вовсе не избытка) пришла бы с горных массивов на их поля.

Тяжко трудясь на своих полях от зари до сумерек, алжирские крестьяне с тревогой вопрошают небо: что принесёт им оно? Получаемый ими урожай совершенно ничтожен по сравнению с тем, что давала бы эта земля, будь она орошена, обработана лучшими орудиями и удобрена.

Европейские колонисты собирают в среднем около девяти центнеров зерна с гектара, а алжирские крестьяне — едва четыре центнера.

Тем, кто говорит о больницах, школах, шоссейных и железных дорогах, которыми французские завоеватели наделили коренное население Алжира, я отвечаю описанием того, что я видел в жилищах североафриканских феллахов.

Я посетил многие алжирские деревни — дуары, как их называют на местном языке, — состоящие из глинобитных построек. Там царит нищета действительно жуткая, безобразная.

Вот, например, деревня Хамман у подножия горной цепи Джурджура, в департаменте Алжира. Феллахи ютятся по восемь, по девять человек в крохотном помещении, которое невозможно назвать комнатой. Обстановка в ней: циновки, на которые ложатся в ряд взрослые и дети, как только наступает ночь, сундук, где свалены ломотья и домашняя утварь из глины, — ни шкафов, ни стульев, ни столов. Рядом с помещением, где спят и едят люди, — конюшня или хлев.

Уточню: Хамман не исключение. Большинство алжирских деревень осталось таким же, каким оно было сто или даже двести лет назад. В жилищных условиях здесь не произошло никакого изменения.

И могло ли быть иначе, если алжирское население непрестанно нищало после завоевания страны французами? По признанию самого г. Ив Шатеньо, бывшего генерал-губернатора Алжира, жизненный уровень алжирских феллахов сейчас более низок, чем сто лет назад. Вот что он заявил 28 мая 1946 года представителям печати:

«В 1871 году феллах располагал ежегодно пятью центнерами зерна; в 1900 году — уже всего лишь четырьмя центнерами; в 1940 году — двумя с половиною центнерами. Ныне же он имеет для своего пропитания всего два центнера».

Два центнера на целый год! И счастливы те, которые ими располагают: они, по крайней мере, могут поесть каждый день немного кускуса¹. Но далеко не все крестьяне в таком положении. Наряду с этой массой владельцев карликовых хозяйств (437 тысяч крестьянских дворов располагают в среднем четырьмя гектарами земли) есть ещё масса более значительная — это хамме и батраки.

Крепостничество.

Хамме — это самые настоящие крепостные. Это издольщики, получающие лишь пятую часть урожая; они прикреплены к земле, которую обрабатывают, не имея возможности когда бы то ни было освободиться от своей повинности.

Хамме даёт свои руки, свой труд. Владелец даёт землю, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот и семена. Из пяти мешков пшеницы, ржи или ячменя владелец земли берёт себе при доле урожая четыре мешка, а хамме — один.

Европейцу даже трудно себе представить условия, в которых живут хамме. Мелкие крестьяне — те ютятся в хибарках, слепленных из глины, перемешанной с соломой,

¹ Кускус — арабское кушанье из толчёных пшеничных зёрен. (Примеч. перев.)

а хамме — в жилищах из одной соломы, через стены которых проникает и ветер, и солнце, и дождь Эти соломенные жилища, разбросанные по полям, по обочинам дорог, служат как бы венцом «цивилизации», принесённой колонизаторами в Северную Африку.

Жизнь хамме — это сплошные тревоги и лишения

Если год был плохой, то есть засушливый, хамме и его семья обречены на голод. Ничего не собрав или собрав очень мало, он соответственно получает на свою долю или ничего, или ничтожно мало. Никакого возмещения ему не полагается. Договор, им заключенный, его ни от чего не предохраняет, зато неизбежно обрекает на крепостное состояние.

Когда год хороший, доля, причитающаяся хамме, так незначительна, что её всё равно нехватает на нужды семьи

Хамме, которых более 700 тысяч семейств, — это сохранившиеся во «французских департаментах» крепостные, какие были у нас до революции 1789 года

Еще ниже их по социальной лестнице стоят батраки, которых более 450 тысяч.

Эти трудящиеся, познавшие крайнюю степень человеческой нужды, получают 250 франков в день, когда они могут наняться на работу, а работать удаётся им никак не больше нескольких месяцев в году

Сколько видал я их во время моих поездок на алжирских дорогах, до рассвета уже отправляющихся на рынки в поисках работы! Дрожа от холода в своих лохмотьях, простаивают они там целые дни в надежде, что какой-нибудь старший рабочий с фермы поманит их пальцем. Бродя от дуара к дуару, эти батраки, в конце концов, стекаются в большие города опять-таки в поисках работы, которой всё нет и нет, и образуют армию босоногих нищих, вечно шлепающих по грязи, которых можно видеть на дорогах от Орана до Сусы и от Хаммамета до Агадира.

Удивительно ли после этого, что для феллахов, хамме и сельских рабочих Северной Африки вопрос об отвоёвании земли отождествляется с вопросом об отвоёвании национальной независимости, которая одна способна положить конец кошмару их жизни.

На уроке истории в алжирской школе.

Разбомбив в 1939 году Польшу, Гитлер в первую очередь воспретил преподавание польского языка в польских школах. Такой мерой он хотел германизировать эту страну, превратить её в колонию германского рейха. Колонизаторы действовали и продолжают действовать точно так же в Северной Африке. Официально преподавание арабского языка не воспрещено, но ему чинятся всяческие препятствия, и североафриканцы, особенно алжирцы, не имеют возможности узнать в школе, что в определенный период истории арабская цивилизация была одной из самых высоких и богатых.

И вот одновременно смехотворный, огвратительный и драматический результат

Я зашёл во франко-мусульманскую школу департамента Алжира. Помещение ужасающее, нищенское — это бывшая прачечная, превращённая в класс. Пятьдесят детей повторяют, запинаясь, урок истории. Что же говорят они хором? А вот что:

«Более двух тысяч лет тому назад наша страна называлась Галлией, а её жители — галлами. Наши предки галлы были белокуры и голубоглазы. Они поклонялись солнцу, источникам, грому...».

Хор детских голосов стих. Мне хочется протереть глаза, прочистить уши. Нет, это не сон. Я смотрю на этих детей. У большинства из них прекрасные чёрные глаза, вьющиеся чёрные, как смоль, волосы. Это сыновья берберов, арабов или турок. И тем не менее их хладнокровно учат, что две тысячи лет тому назад их страна называлась Галлией и что их предки были голубоглазы и белокуры...

Пусть такие исторические концепции преподаются во Франции, где действительно жили галлы, хоть жили там и другие племена. Пусть, хоть и многое можно было бы возразить на это. Но когда подобные представления вдалбливаются в мозги маленьких тунисцев, алжирцев или марокканцев, тут налицо преступление колониального строя. После завоевания страны цель этого преступления — обезличить североафриканцев, тишить их исторического наследия, собственного языка, а подчас и добиться того, чтобы они чувствовали себя иностранцами в собственной стране.

В результате такого воспитания, в расистском характере которого не приходится сомневаться, почти все юные алжирцы берберского, арабского или турецкого происхождения, получившие среднее образование во французских школах, не знают ни истории своей страны, ни даже её языка.

Сколько раз мне приходилось в Алжире беседовать на эту тему с молодыми людьми, представителями мусульманской интеллигенции! Они признавались мне, что не умеют правильно писать на своём родном языке и что ещё труднее им изучать по первоисточникам сокровища арабской литературы. Каждый раз, когда они касались этих вопросов, я подмечал у моих собеседников чувство неловкости, печаль и негодование.

В области народного просвещения преступления колониального строя в Северной Африке не ограничились этим. С одной стороны, колонизаторы действительно свели на нет преподавание арабского языка в народных школах, с другой (когда не могли поступить иначе) — они решили поощрять сугубо ретроградное преподавание, в частности в некоторых школах духовного характера.

Во время пребывания в Тунисе я был немало поражён, выяснив в беседе со студентами университета Зитуны, что в курсе географии, который они изучают, ещё высказывается чисто средневековая гипотеза, будто земля имеет не шарообразную, а плоскую форму.

Эти студенты, для которых земля всё же шар, встают против подобного отношения к современной науке. В прошлом году они героически провели шестимесячную забастовку, требуя полной реформы учебных программ в смысле их модернизации и включения в них всех научных дисциплин, но они всё ещё не добились этого.

Но, если можно так выразиться, всё это лишь «мелочи» по сравнению с тем общим невежеством, на которое колонизаторы умышленно обрекают население, одновременно заявляя, что приносят ему «блага цивилизации», и этим оправдывая своё присутствие в Северной Африке.

Угнетение духовное проявляется в том, что во всей Северной Африке нет школ, где бы все дети могли получить хотя бы самое элементарное образование.

В самом деле, хоть колонизаторы проводят, с одной стороны, политику культурного «освоения», они, с другой стороны, отнюдь не применяют (в частности в Алжире, юридически состоящем из трёх «французских департаментов») французского закона об обязательном начальном обучении. И это, вероятно, потому, что почитают бесполезным и опасным создавать местные технические кадры, формировать квалифицированных рабочих, умеющих читать и писать.

В Алжире один миллион восемьсот тысяч детей школьного возраста (мусульман и европейцев). Сколько же маленьких мусульман посещает школу? 190 тысяч. А маленьких европейцев? 137 тысяч! Когда знаешь, что на восемь мусульман арабо-берберского происхождения в Алжире приходится примерно один европеец, ясно, что в области школьного обучения маленькие алжирцы европейского происхождения находятся в несравненно лучшем положении, нежели маленькие мусульмане.

Впрочем, цифры говорят за себя. Кредиты, предназначенные для начального европейского образования, в четыре раза превышают кредиты на мусульманское начальное образование. Отметим полутно, что преподавание в школах для мусульман производится по-французски, причём лишь два с половиной часа в неделю отводятся изучению арабского языка, родного, национального языка маленьких алжирцев, тунисцев, марокканцев. В результате те из них, которым всё-таки посчастливилось просиживать брюки на школьной скамье, в сущности, не владеют по выходе из школы ни французским языком, на котором они не говорят дома, ни арабским, которому они по-настоящему не учились.

Положение со средним образованием ещё хуже. Из 23 538 учеников алжирских средних школ 21 688 — европейского происхождения. Очень мало местных юношей фактически имеет возможность получить среднее образование.

Как же обстоит дело с высшим образованием? Одной цифры достаточно, чтобы точно ответить на этот вопрос. В Алжире, как известно, существует университет, где преподаются все дисциплины — гуманитарные и точные. Этот университет открыт для

молодых людей как европейского, так и мусульманского происхождения. Между тем из 4558 студентов Алжирского университета всего 263 не европейцы по происхождению.

Недостаток кредитов? Ложь! Денег нет на постройку школ и на оплату преподавателей, но они находятся на содержание громадной армии наёмников, жандармов, полицейских, на постройку тюрем, казарм. И на это идут деньги тех самых алжирских налогоплательщиков, которых колонизаторы, вдобавок, оскорбляют в своей печати, заявляя, что они, мол, находят для себя удовольствие в невежестве и безграмотности.

Никогда не забуду моего разговора с одним богатым колонистом в поезде, между Алжиром и Касабланкой. Увидев на какой-то станции толпу маленьких детей в лохмотьях, просящих милостыню у пассажиров, я задал вопрос моему соседу, как такое явление возможно после ста двадцати лет «французского присутствия». Тот улыбнулся и ответил.

— Это сами родители не позволяют им ходить в школу и посылают их просить милостыню!

Я едва сдержался, чтобы не дать ему пощёчину.

В Марокко положение народного образования ещё более ужасающее. На полтора миллиона детей школьного возраста всего девяносто тысяч маленьких марокканцев, посещающих школу.

Вернувшись два года тому назад из Алжира, секретарь Французской коммунистической партии Жак Дюкло заявил в нашумевшей речи, что колониальный строй является позором двадцатого века.

Не стыдно ли, что этот строй, плоды которого мы только что видели, прикрывается в Северной Африке славным именем Франции и французского народа? Французский народ никогда не желал этого, и он решительно осуждает такие дела.

В камерах пыток „Виллы Жермен“.

В глубоких слоях французского народа мало кто знает, что активисты национального движения в Северной Африке, попадающие в лапы полиции, подвергаются не только пыткам, применявшимся в гестапо в страшные годы оккупации, но ещё и другим, настолько чудовищным, что до них не додумалось даже это учреждение, специализировавшееся в жестокости и садизме.

Я беседовал несколько недель назад в Алжире с активистами организации «Торжество демократических свобод» (одной из трёх больших национальных алжирских партий) и узнал от них факты, о которых прежде не имел понятия.

Никогда не забуду этих грёх часов, во время которых я записывал то, что мне говорили. В маленькой тёмной комнате мусульманского квартала Алжира передо мной было девять активистов, арестованных в апреле сего года вместе с сотнями других алжирских патриотов якобы при раскрытии «заговора против безопасности государства». Каждый из них рассказывал мне по очереди свою историю, то есть свой арест и пытки, которые за ним последовали. Подробности, сообщённые мне этими людьми, были столь ужасны, что мне казалось, будто я смотрю фантастический фильм на сюжет знаменитого «Сада пыток».

Место, где в Алжире пытаются политических заключённых, которых полицейские хотят заставить признаться в преступлениях, ими не совершённых, — красивый павильон, окружённый деревьями. Этот павильон, расположенный близ столицы, в одном из живописнейших уголков мира, среди холмов, по которым спускаются шеренги тополей, носит весьма безобидное название «Вилла Жермен». Так вот в эту виллу, одно название которой стало для алжирских патриотов синонимом ада, и были доставлены демократы, рассказавшие мне о том, каким ужасающим пыткам они были подвергнуты. Вот что говорил мне один из них, г Мухамед Феррухи, член организации «Торжество демократических свобод», муниципальный советник города Билда:

— Я был арестован в апреле сего года, когда политическая полиция подстроила пресловутый «заговор против безопасности государства». Полицейские инспекторы во-

рвались ко мне без всякого мандата и всё перевернули вверх дном. Затем они спустились в сад и стали разрывать землю. Я спросил их, зачем они это делают и чего они ищут. «Ты прекрасно знаешь, подлец. Мы ищем оружие». Они пустили в ход миноискатели и, ничего не найдя, обрушились на меня. Один из них, комиссар Туран, закричал: «Скажи, кто принёс тебе ящик?». «Какой ящик? Я не знаю, о чём вы говорите». «Ага, ты не хочешь говорить. Ну что ж, придётся употребить иные средства. Увидим тогда!».

Не дав мне проститься с женой, которая ждала ребёнка, они увезли меня. Мы приехали на какую-то виллу; как я узнал впоследствии, это была знаменитая «Вилла Жермен». Там находилось человек тридцать полицейских чинов, которые встретили меня издёвками. Один из них дал мне две увесистые пощёчины, а затем спросил, подписал ли я резолюцию муниципального совета города Билда, протестующую против методов, применяемых полицией при допросах. Я ответил утвердительно. После того меня привязали цепью к оконной решётке. Комиссар Туран объявил мне: «Я иду ужинать. Даю тебе два часа на размышление. Ты должен мне сообщить, где ящик».

Комиссар Туран вернулся через два часа, поужинав. Он снова принялся меня допрашивать относительно ящика. Я ответил, что у меня нет никакого ящика. «Хорошо, — сказал он, — мы увидим, будешь ли ты таким же гордым через несколько минут. Ты умеешь плавать?» Не поняв, о чём идёт речь, я ответил утвердительно. Его лицо распылось в улыбку. «Прекрасно, мы это сейчас проверим!»

С меня сорвали одежду и повели голого в комнату, где я увидел большую ванну, вделанную в каменную кладку и покрытую цветными изразцами. Под колени мне привязали палку. «А теперь увидим, как ты умеешь плавать». Сказав это, мой палач втолкнул меня в ванну, посадил на палку, подвязанную к коленям, и опрокинул в ледяную воду. Я начал задыхаться, глотал воду, старался выкарабкаться, но это было невозможно. Голова моя была погружена в воду, я чувствовал, что теряю сознание. Один из полицейских вытащил меня из воды. «Эге, — сказал он, — ты не так-то уж хорошо плаваешь. Слушай меня внимательно. Я окуну тебя снова. Когда тебе надоест такое времяпрепровождение, подыми мизинец: я пойму, что ты готов сказать мне, где ящик». После этого он вновь опрокинул меня в воду. Я думал, что сойду с ума. Мне не в чем было сознаваться. Я барахтался, затем всё закружилось вокруг меня. Когда я пришёл в себя, я лежал голый на полу. Долго стучал зубами, не в силах остановиться. Подумал, что настал мой последний час, и решил про себя: умирать — так умирать, но перед смертью хочу ещё раз увидеть жену.

Я сказал полицейскому: «Да, ящик у меня. Я замуровал его в стену». Полицейский вздохнул с удовлетворением. Меня одели и повезли на машине домой. Дома, обняв жену, я сказал ей, что мне придётся расстаться с ней навсегда. Она закричала во весь голос. Полицейские оторвали меня от неё и спросили, где замуровано оружие. Я им ответил, что у меня нет оружия. Они пришли в неописуемую ярость и принялись меня избивать. Один из них объявил мне: «Ага, ты посмеялся над нами! Ну что ж, увидим, за кем останется последнее слово!». Затем они повезли меня обратно на «Виллу Жермен», где в эту ночь меня ещё несколько раз пытали ванной, пока я не лишился сознания.

Когда я пришёл в себя, я лежал в камере на полу. Никогда не забуду этой ночи. Мне никак не удавалось согреться. Несколько часов подряд я дрожал от холода. Зубы у меня стучали со страшной быстротой. Но это было не всё. Утром комиссар Туран явился ко мне и вновь заговорил о ящике. Я попрежнему ничего не мог сказать. Тогда он повёл меня в комнату, где патриотов пытали электричеством, приставляя провод к половым органам.

Один из пытаемых истошно кричал от боли. При виде этого я снова потерял сознание. Это меня спасло, так как я пришёл в себя лишь через несколько часов и был так слаб, что полицейские оставили меня в покое.

Сейчас я временно освобождён. Я рассказал судебному следователю о пытках, которым меня подвергали. Но другие товарищи, которым не посчастливилось, как мне, «признались» после нестерпимых страданий во всём, что требовала полиция. Этими вурванными пыткой признаниями хотят воспользоваться, чтобы возложить ответствен-

ность на нас и на наших руководителей за «организацию заговора против безопасности государства».

Пытка ванной, электрические сеансы, о которых мне рассказывал г. Мухамед Феррухи, не единственные виды пыток, применяемые полицией, чтобы принудить к «признаниям» преследуемых ею демократов. Существует пытка ещё более варварская: она превосходит всё, что может придумать самое развращённое воображение палача с человеческой головой. Это пытка «бутылкой». Ей подвергались алжирский демократ г. Абдераман Джара и другие. Она состоит в том, что пытаемого сажают на бутылку, как раньше в Турции сажали на кол.

Вот какими приёмами политическая полиция исторгает «признания» у активистов национального движения в Алжире, чтобы затем добиться их осуждения.

«Гуманисты», восхваляющие «французское присутствие» в Северной Африке, подымете ли свой голос, чтобы осудить эти ужасы? Господин Морняк и прочие, что думаете вы об этом? Почему молчите?

Как и с какой целью в Северной Африке фабрикуются „заговоры“.

Что бы вы сказали о суде, который по делу нескольких обвиняемых вынес бы приговор без доказательств? Вы бы забили тревогу, заявляя, что это скандал, беззаконие, произвол. И вы были бы правы. Но как бы вы поступили, прочтя после такого приговора в газете официального характера строки, вроде следующих, одобряющие принятую меру: «...Поэтому трибунал, основываясь за отсутствием неопровержимых доказательств на аргументах разума, приговорил предполагаемых участников дела к пожизненным каторжным работам». Прочитав такую тираду, вы, наверное, ушпинули бы себя за руку, желая убедиться, что вы не жертва галлюцинации. Но в Северной Африке это было бы бесполезно: вам бы пришлось слишком часто прибегать к подобной проверке, так как осуждения демократов без доказательств следуют там одно за другим.

Марокканский патриот, который несколько недель тому назад говорил мне это в Касабланке (он много рассказывал мне о репрессиях против активистов национального движения), вынул газету из папки, набитой документами, и протянул её мне.

Эта газета, «*Le Нувель дю Магриб*», печатается для войск третьим отделением французского штаба в Рабате. Дело, о котором идёт речь, закончившееся осуждением девяти лиц на пожизненные каторжные работы, касалось десяти шахтёров, работавших на шахтах Джерады. Сфабриковав против них мерзкую провокацию, колонизаторы добились обвинительного приговора.

Такие дела — обычное явление в Северной Африке. Пытаясь сломить или остановить рост национального движения, колонизаторы прибегают к всевозможным беззакониям, гнусным полицейским приёмам, насилиям, периодически фабрикуя из ничего «заговоры», чтобы бросать в тюрьму людей, виновных лишь в том, что они поверили торжественным обещаниям атлантических хартий ООН и французской конституции 1946 года относительно «священного права» народов на самоопределение.

Недавно оранский трибунал приговорил к длительному тюремному заключению сорок семь активистов организации «Торжество демократических свобод» за мнимое участие в «заговоре против безопасности государства», «раскрытом» властями этой весной. 6 февраля 1951 года другой алжирский трибунал отправил на каторгу двадцать семь патриотов, также обвинённых в причастности к этому «заговору». Триста других томятся в тюрьмах в ожидании суда.

Я уже говорил, какими отвратительными методами политическая полиция вырвала у других активистов мнимые признания, из-за которых эти патриоты могут быть осуждены в порядке репрессалий, в случае если соответствующие органы будут уверены, что всё сойдёт гладко. Хотите знать в точности, как был подстроен «заговор», жертвы которого предстают сейчас небольшими группами перед репрессивными органами, заседающими при закрытых дверях? Вот факты, собранные мной во время моего недавнего пребывания в Алжире.

Чтобы создать атмосферу напряжения, благоприятную для массовых репрессий против алжирского национального движения, печать алжирских колонизаторов во главе с «Л'Эко д'Алже» (алжирского «Фигаро»)¹ разразилась в начале апреля 1951 года кампанией «разоблачений».

Что представляли собой эти «разоблачения»? Набор нелепых утверждений, согласно которым алжирское национальное движение собиралось, мол, силой захватить власть.

В частности, один французский депутат написал, что «пожар всюду готов разгореться в Алжире», и объявил за два дня до опубликования официального сообщения генерал-губернатора, что «крупная мятежная организация «Торжество демократических свобод» уже обзвужена».

Два дня спустя несколько сот человек было арестовано в департаментах Константины, Алжира и Орана. Четыреста арестованных были жестоко избиты или подвергнуты варварским пыткам («ванной», «бутылкой»), между тем как палачи диктовали им нужные «признания».

Печать колонизаторов ликовала, сообщая о поразительных делах: обнаружены склады оружия, ящики со взрывчаткой, гранатами, планы повстанческих операций. Сфабрикованный таким образом «заговор» должен был служить предлогом для целой программы репрессий с целью обезглавить «Торжество демократических свобод» и оправдать меры против других партий алжирского национального движения.

Администрация г. Нежлена (алжирского генерал-губернатора, правого социалиста) была вне себя от восторга. Эта администрация обрушилась на всех, без различия, кто борется в Алжире против угрозы войны и злодеяний колониального строя. Лица, распространявшие листовки против отправки алжирцев во Вьетнам, были арестованы и осуждены. Ныне действия, направленные против увеличения срока военной службы, вызывают такие же санкции. Многие активисты профсоюзного движения становятся жертвами полицейских репрессий. Демократические газеты привлекаются к суду под самыми незначительными предлогами, как, например, распространение «ложных сведений». Их приговаривают к крупным штрафам, а продавцы газет арестовываются.

Двое из пяти секретарей Алжирской коммунистической партии подвергнуты преследованию. Несколько недель тому назад один из них, г. Ларби Бухали, был извешен по почте о том, что он засечно приговорён к году тюремного заключения, хотя перед этим он даже не получил повестки о вызове в суд.

Полный разгул произвола нашёл своё самое бесстыдное выражение в выборах в Алжирскую ассамблею, состоявшихся в марте 1951 года, во время которых подлоги, подмены избирательных урн и насилия, отмеченные следственной комиссией из парламентариев, журналистов и юристов, совершались совершенно открыто.

С большей или меньшей яростью, в зависимости от общей и местной обстановки в данный момент, активные участники национального движения подвергаются репрессиям по всей Северной Африке. Цель этих репрессий — поколебать движение. Секретарь Коммунистической партии Марокко г. Али Ята приговорён к двум годам тюремного заключения. В чём состоит его преступление? Он хочет жить в своей стране и борется за её независимость. Но администрация генерального резидента, которая не желает этого, объявляет, что г. Али Ята не марокканец, а алжирец, и отдаёт распоряжение о его высылке. Г-н Али Ята покидает страну, но вслед за тем возвращается и руководит в подполье борьбой своей партии за независимость Марокко. Полиция арестовывает его; в результате он приговорён к максимальной каре (двум годам тюремного заключения), полагающейся за «неподчинение постановлению о высылке». Другие видные коммунисты также приговорены к тюремному заключению.

За последние недели не было дня, чтобы активисты Истикляля не подвергались гонениям. Почти всё руководство этой партии (её председатель находится в Танжере) ныне заключено в марокканские тюрьмы.

В Тунисе, несмотря на участие Нео-Дестура (одной из трёх партий тунисского национального движения) в министерстве, репрессии продолжают. Совсем недавно в Анфиндавиле полиция стреляла в бастующих сельских рабочих: восемь из

¹ «Фигаро» — реакционная парижская газета. (Примеч. перев.)

них было убито и ещё больше ранено. Многие сторонники мира были привлечены к суду за их смелые выступления против военных приготовлений, проводящихся вокруг морских баз Ферривилия и Бизерты.

Все эти меры не только не запугивают население, но, напротив, укрепляют его волю к борьбе. По правде говоря, мне не понадобилось долго оставаться в Северной Африке, чтобы понять это... Незыблем ныне закон, согласно которому новые бойцы всегда встают на смену жертвам репрессий: Марокко, Алжир и Тунис не составляют исключения.

Если колонизаторы воображают, что путём арестов и пыток они будут бесконечно душиить волю североафриканцев к независимости, их расчёты ошибочны.

В Тунисе каждый пятый ребёнок умирает, не достигнув года.

Каждый, кто захочет перелететь на самолёте Средиземное море, через шесть часов после того, как он покинет Париж, может увидеть Восток, тот Восток, каким его видят любители «экзотики», из роскошных гостиниц созерцающие ленивым взором нищету, грязь, болезни, физическое вырождение населения и небрежно отправляющие друзьям несколько дюжин открыток с вечнозелёными пальмовыми рощами, женщинами в чадре и укротителями змей, играющими на флейте.

Но Восток, например тунисский (новые дороги, Пастеровский институт да несколько школ, открытых колонизаторами, служат ему лишь фасадом), являет собой самое убийственное опровержение для тех, кто на все лады расхваливает «французскую колонизацию», якобы принёсшую тунисцам, так же как и алжирцам и марокканцам, плоды цивилизации.

Хотите знать, в чём состоят для Туниса эти сочные плоды? Вот несколько фактов. Призадумайтесь над ними, и пусть объективные умы вынесут приговор — спокойно, во одновременно со страстной любовью к правосудию, — чтобы затем со всей силой заклеить тех, кто своими действиями позорит прекрасное имя Франции.

Поговорим, если хотите, о санитарном состоянии Туниса. Я пришёл к известному тунисскому врачу. Он заведует отделением в одной из столичных больниц. Не так давно он был врачом в Париже, где прошёл очень серьёзную школу, состоя клиницистом при медицинском факультете, а до этого долгие годы был в госпитале интерном. Я спрашиваю его о санитарном состоянии Туниса. Он смотрит на меня с удивлением, как будто хочет сказать: «Как, вам нужны ещё статистические данные? Или вы не видели всего собственными глазами?». Но тотчас же, сделав над собой усилие, он отвечает мне.

— Чтобы судить о здравоохранении в Тунисе, — степенно начинает он, — нужно прежде всего иметь в виду, что большинство мусульманского населения хронически недоедает. Согласно последним статистическим данным, в Тунисе около трёх с половиной миллионов жителей. Очень серьёзное исследование — единственное такого рода — было произведено в 1937 и 1938 годах на всей территории доктором Бюрне. По его данным, касающимся сельского населения, лишь восемнадцать семейств на сто пользуются рационом в три тысячи калорий (или больше); такое количество считается необходимым для взрослого человека при умеренном физическом труде. Наряду с этими восемнадцатью семьями, которые питаются нормально, пятнадцать получают от 2 400 до 3 000 калорий на человека, двенадцать — от 2 000 до 2 400, пятнадцать — от 1 500 до 2 000, двадцать две — от 1 000 до 1 500, и, наконец, в самом низу этой лестницы мы находим семнадцать семейств, члены которых получают менее 1 000 калорий в день.

Мой собеседник продолжает медленным голосом:

— Что же показывают эти цифры? А вот что: больше половины тунисского населения страдает от такого серьёзного недоедания, которое граничит с физиологическим истощением. На этой почве произрастают такие социальные бедствия, как туберкулёз. Недавно один из моих коллег тоже произвёл исследование, впрочем, несколько менее систематическое. В своих заключениях, опубликованных в журнале «Ла Тюниси Меди-

кал», он указал, что в среднем каждый житель страны получает всего 1 700 калорий в день вместо 3 000, которые ему нужны, и что, кроме того, в их рационе явно недостаточно белков, жиров и витаминов.

Врач на миг останавливается и добавляет:

— Эти цифры на самом деле соответствуют лишь среднему рациону. Подлинный рацион более высок для состоятельных слоёв населения и ещё более низок для широких масс. Кроме того, следует учесть, что в годы засухи — а в такие годы, являющиеся в Тунисе годами голода, бедные крестьяне и батраки питаются дикими ягодами и кореньями — подлинный рацион сводится для сотен тысяч жителей к несколькимстам калорий в день. Беднякам удаётся тогда лишь обмануть голод, но не удовлетворить его.

В свете этих фактов мне вдруг становится ясно, почему мой собеседник ответил после небольшого колебания, когда я заговорил о «санитарном состоянии» страны. Как я понимаю его смущение, когда он признаётся, что врача в Тунисе, серьёзно относящегося к своему делу, можно сравнить с пожарным, который, борясь с лесным пожаром, мог бы заливать огонь только из ведра.

— Подлинная проблема, — сказал он в заключение, — прежде всего в обеспечении подавляющему большинству жителей этой страны доходов и заработков, достаточных для жизни. Всякое решение вопроса, которое не исходит из этого основного положения, равносильно компрессу, поставленному на деревянную ногу.

Компресс на деревянную ногу! На таком «решении» остановились французские власти, чтобы «разрешить» на свой манер жуткую проблему здравоохранения в Тунисе. Открыто несколько госпиталей, несколько диспансеров. Но, принимая во внимание санитарное состояние, порождённое нищетой и колониальной сверхэксплуатацией, они всего лишь капля воды в океане болезней.

Знают ли во Франции, что в Тунисе на население в три с половиной миллиона человек всего лишь 3 305 больничных коек? То есть примерно в 33 раза меньше, чем на приблизительно такое же население в Париже.

Мы знаем, что ста тысяч коек в больницах и частных клиниках Парижского района не хватает для всех жителей французской столицы, нуждающихся в больничном уходе. Какова же в таком случае участь несчастных, сражённых болезнью в Тунисе? Они умирают на дорогах и в полях, как скот во время эпидемии.

Из всех категорий тунисского населения, конечно, дети более всего страдают от общего уровня жизни, отмеченного плохим питанием, примитивными и в высшей степени нездоровыми жилищными условиями, полным отсутствием гигиены. Я располагаю цифровыми данными лишь о детской смертности в самом городе Тунисе. Так вот после семидесяти лет «французского присутствия» каждый пятый ребёнок в столице Туниса умирает в возрасте до года. Нужно ли добавять, что по мере удаления от столицы эта пропорция очень быстро повышается.

В южной части Туниса целые селения и племена поражены инфекционной трахомой, приводящей рано или поздно к полной или частичной слепоте. В пальмовых рощах Тозера, где санитарные условия поистине ужасающи, трахомой страдают 97 процентов детей школьного возраста, в Гафсе — 76 процентов, в Габесе — 53 процента.

А так как санитарных пунктов безобразно мало по сравнению с потребностью, у огромного большинства жителей этих мест уже до совершеннолетия сильно пониженное зрение. После открытия пенициллина трахома вполне излечима, когда она во-время захвачена. Ясно, таким образом, кто ответствен за то, что эта ужасная болезнь обрекает на слепоту и на нищенство бесчисленное множество тунисцев.

Кто же виновник этого? Колонизаторы и система, установленная ими в Тунисе, при которой сельские рабочие обречены на голод, а трудящиеся городов должны жить на нищенскую заработную плату (40 франков в час, причём не все рабочие заняты и 40 часов в неделю).

С другой стороны, несколько крупных сельскохозяйственных компаний, кучка богачей-колонистов, крупные банки и промышленные компании накапливают огромные прибыли. Согласно балансам, опубликованным в 1950 году самими же банками, сельскохозяйственными, горнопромышленными и железнодорожными компаниями, объяв-

ленные ими доходы достигали около миллиарда франков, каковая сумма, ныне питающая колониальную систему, могла бы обеспечить проведение ряда необходимых мероприятий в области здравоохранения, жилищных условий и т. д.

Этих кратких, но красноречивых данных как будто достаточно, чтобы понять, почему тунисцы и в равной степени алжирцы и марокканцы могут избавиться от своих нынешних бед только путём национального освобождения, только завоевав независимость, когда колонизаторы, держащие их за горло и обрекающие их на безобразную нужду, будут наконец обезврежены.

Комедия „реформ“.

Я прибыл в Тунис через несколько дней после обнародования «реформ», внесённых, по утверждению колониальных властей, в структуру «тунисского правительства» и в политический строй протектората. Долгих расспросов не понадобилось; сразу стало ясно, что эти «реформы», которые парижская правительственная печать выдаёт за решительный шаг на пути к «автономии» Туниса, на самом деле лишь нелепая и жалкая инсценировка, не обманывающая ни «постановщиков», ни «зрителей» — огромное большинство тунисского народа, для которого ничего не изменилось.

Чтобы убедиться в этом, мне достаточно было посетить район Медину в городе Тунисе с его мощёнными булыжником улочками и низенькими домами и поговорить с тамошним мелким людом — ремесленниками, лавочниками, промышленяющими всеми видами торговли и кустарных промыслов.

Медина — это сердце арабского города. Новости там распространяются от лавчонки к лавчонке, причём каждая из них подвергается самому тщательному критическому анализу, столь характерному для этого народа, тонкость суждений которого известна во всём мусульманском мире и обеспечивает ему особое место в великой североафриканской семье.

В день, когда я посетил Медину, толки по поводу «реформ» ещё шли полным ходом. Было бы неверно утверждать, что все люди, с которыми я говорил, проявляли разочарование по поводу мероприятий генерального резидента. Они скорее были раздражены тем, что их принимают за наивных людей, за беспечных ротозеев, готовых поверить, будто несколько декретов, подписанных генеральным резидентом, что-то изменят в железном строе протектората. Вот, например, что говорил мне один ремесленник:

— Первый день среди населения наблюдалось некоторое колебание, так как радио объявило, что Нео-Дестур, которому мы доверяли, согласился делегировать своего представителя в тунисский кабинет. Однако, подробно ознакомившись с содержанием декретов, мы убедились, что объявленные реформы решительно ничего не изменяют.

Не меньшее возбуждение царило среди студентов Зитунского университета, славящегося на весь мусульманский мир высоким уровнем преподавания словесности. Студенты этого университета, которых там называют зитунцами, открыто говорили, что реорганизация тунисского правительства не затрагивает власти колонизаторов, и добавляли, что дело тунисской независимости не подвинулось ни на вершок от этих «реформ», с которыми Нео-Дестур связал свой престиж и своё имя. Сопровождавший меня тунисский приятель тотчас же подчеркнул значение таких настроений, напомнив, что зитунцы вот уже несколько лет находятся в первых рядах борцов за национальную независимость и что прошлой осенью все они (то есть четырнадцать тысяч человек) объявили шестимесячную забастовку, требуя модернизации своей учебной программы, которая, увы, может похвалиться многовековой давностью!

Затем я решил просмотреть комплекты местных газет, чтобы выяснить, как они реагировали на «реформы». Вот что оказалось, к моему немалому удивлению: органы как крупных колонизаторов, так и Нео-Дестура (согласившегося участвовать в правительстве) признавали, что «реформы», вокруг которых парижская печать подняла такой шум, на самом деле очень мало существенны.

Органы французских колонизаторов старались успокоить тех читателей, которые сами этого не поняли бы, подчёркивая, что обнародованные «реформы» не урезают ни в малейшей степени огромных привилегий европейцев.

Что же касается газет Неф-Дестура, им было явно неловко высказываться по поводу этих мероприятий, публично давать им оценку. Так, в передовой еженедельника «Миссион» один из руководителей партии, помощник её генерального секретаря, писал чёрным по белому: «Согласно парламентскому выражению, реформы 8 февраля были встречены... различными возгласами и движением в зале...».

Мне оставалось выяснить возможно точнее, в чём же состояли эти реформы, относительно которых не делали себе иллюзий даже подписавшие их члены Неф-Дестура, но которые, увы, всё же раскололи тунисское национальное движение.

Все пять декретов, подлинный характер которых был вскрыт со всей силой Тунисской коммунистической партией и Старым Дестуром, на самом деле ничего не приносят народу, прежде всего стремящемуся избавиться от договора 1881 года о протекторате, на основании которого французские колонизаторы сковали три с половиной миллиона тунисцев и лишили их всех прав. Как заявляет Тунисская коммунистическая партия, эти декреты всего-навсего «поверхностная подправка строя, установленного протекторатом». Почему и в чём именно?

Первые два декрета касаются совета министров тунисского правительства. До февраля 1951 года в совете министров председательствовал французский генеральный резидент. Отныне в нём председательствует тунисский премьер-министр. Но компетенция этого совета министров нового типа чисто номинальна, так как все крупные вопросы решаются другим органом, новосозданным «Верховным комитетом», в котором председательствует всё тот же французский генеральный резидент. Таким образом, реформа, касающаяся функционирования совета министров и его компетенции, на самом деле лишь самое обыкновенное плутовство. Благодаря «Верховному комитету», возглавляемому генеральным резидентом, колонизаторы сохраняют свои прерогативы и верховный контроль над всеми административными органами страны.

В этой системе звание премьер-министра тунисского правительства имеет лишь формально почётный характер. Премьер-министр не может принять никакого важного политического, экономического или социального решения, не запросив генерального резидента, от которого зависит объявить любой вопрос «важным» и передать его на рассмотрение возглавляемого им «Верховного комитета».

Даже во второстепенных вопросах власть тунисского премьер-министра более чем ограничена вследствие самого характера состава возглавляемого им совета министров. В него входят семь тунисских министров и семь французских, то есть семь представителей колониальной власти. В случаях, когда восемь тунисских голосов окажутся в оппозиции к семи французским, генеральный резидент может вмешаться, так как все декреты тунисского совета министров должны быть визированы им, генеральным резидентом. Для простых постановлений обязательный и публичный характер этой санкции заменяется тайным: генеральный секретарь (француз) тунисского правительства препровождает эти постановления генеральному резиденту «для согласия и рекомендации» (оцените виртуозность этих смягчающих выражений).

То же относится и к бюджету. Бюджет рассматривается ассамблеей, избранной голосованием, ограниченным различными цензами, и состоящей из двух палат: французской и тунисской. В случае разногласий он идёт на рассмотрение особого «Высшего комитета», в котором председательствует с решающим голосом генеральный резидент.

С другой стороны, генеральный секретарь так называемого «тунисского» правительства ведаёт, как и прежде, централизацией гражданских и административных дел, генеральной инспекцией административных учреждений, контролем личного состава и расходов.

Обнародованные «реформы» предписывают ему «информировать» премьер-министра о работе контрольных органов.

И вот — о радость! — с февраля 1951 года тунисцы имеют право занимать в государственном аппарате 75 процентов должностей категории «Д». Что же это за категория? В неё входят курьеры министерств и прочих административных учреждений, экспедиторы и писаря!

Как видим, эти пять декретов, которые горько символизируют результаты «компромиссной» политики некоторых слоёв тунисской буржуазии, ничего не приносят народу, жаждущему национальной независимости. Не удивительно, что они были встречены широкими массами тунисских трудящихся с раздражением, а иногда и с явным негодованием. Задавленным нуждой крестьянам, батракам, трудящимся городов нужно не почётное звание для тунисского премьер-министра, а орган, управляющий от имени тунисцев, который прозёл бы подлинные реформы, ожидаемые народом, то есть прежде всего ликвидацию всего колониального аппарата и образование настоящего тунисского правительства, ответственного перед избранной ассамблеей. Как подчёркивает Тунисская коммунистическая партия, последние события ясно показали тунисцам, что национальная независимость может быть ими завоёвана лишь в борьбе против империализма.

Северная Африка в движении.

Как все страны ислама, Северная Африка кишит уличными певцами, поэтами, которые бродят по базарам, по деревням, прославляя ритмическим слогом славные дела народа, призывая к мужеству угнетённых и предвещая грядущую независимость. В бытность мою в Касабланке один из моих марокканских друзей, сам превосходный поэт, рассказывал мне, что он слышал в Кабилии берберского поэта, декламировавшего поэму, общий смысл которой был таков: Северная Африка — это водяная мельница, которая вертится, вертится, вертится... Жернова мельницы — это североафриканские феодалы, шейхи, паши. Вода, которая вертит мельницу, — это французский колониальный строй. А зёрна, которые перемалываются, — это народ.

Поэт, процитировавший мне этот отрывок поэмы, перевод которой может лишь смутно передать её общее содержание, добавил от себя:

— Несомненно, так было до наших дней. Но, не правда ли, с некоторых пор мельница всё больше скрипит, хоть и продолжает вертеться? Не правда ли также, что, если бы зёрна не уходили под жёрнов маленькими кучками, а образовали глыбу, вся феодальная мельница рухнула бы и вместе с нею — колониальный строй?

Эта берберская поэма и этот комментарий к ней выражают очень точно основные проблемы национального движения в Северной Африке. В самом деле, разве эти проблемы не сводятся к следующему: уничтожение феодального общества, борьба против империализма, порождающего нужду и войну, завоевание национальной независимости путём самого широкого национального объединения?

Как читатель мог убедиться, те вопросы, которые я постарался осветить (прошу извинить меня за то, что коснулся лишь вскользь некоторых тем, заслуживающих, конечно, более подробного обсуждения), уже не являются в Северной Африке вопросами чисто теоретическими. Это реальность: Северная Африка бурлит, освободительные идеи захватили широкие народные массы и стали новым фактором международной политики.

Разве не очевидно, что, когда генерал Жюэн сажает в тюрьму лидеров Истикляла, секретаря Коммунистической партии Марокко и сотни других патриотов, он тем самым, по существу, признаёт, что не может остановить волну, которой суждено снести империализм. Будьте уверены, если бы марокканское национальное движение ничего собой не представляло, как заявлял на днях генерал Жюэн в своём интервью одной египетской газете, он в качестве французского генерального резидента не занимался бы им так упорно!

Ненадёжные тылы.

Разве генерал Жюэн не свидетельствует тем самым о том, что Северная Африка, которой в стратегическом отношении так интересуются атлантический штаб, окажется очень мало надёжной базой в случае третьей мировой войны?

С другой стороны, разве не ясно, что, единодушно отказываясь во имя солидарности народов, борющихся против империализма, грузить суда, направляющиеся во

Вьетнам, алжирские докеры наносят серьёзный удар по французской колониальной военной машине, ведущей «грязную войну», и тем самым хоть косвенно, но активно работают на алжирскую независимость?

Точно так же разве не ясно, что, когда делегация трёх больших национальных партий Алжира: «Торжество демократических свобод», Алжирской коммунистической партии и «Демократического союза алжирского манифеста» — заявляет на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве, что «сыновья алжирского народа уже никогда не будут сражаться против другого народа в интересах своих палачей, французских колонизаторов, и тех, кто их поддерживает», Алжир тем самым отвечает отказом всем, кто рассчитывает на него как на поставщика пехоты для атлантической армии.

Борьба, которую народы Северной Африки ведут против империализма, отождествляется с их борьбой за свою независимость. Они неотделимы друг от друга, обе ослабляют лагерь войны, подтачивают его тыл и представляют собой значительный вклад в борьбу народов за мир.

Поэтому все, кто во Франции желает мира, должны в интересах общего дела поддерживать национальное движение в Северной Африке, которое, несмотря на жестокие репрессии, смело ведёт миллионы людей к свободе и независимости.

Я предвижу, что некоторые мне скажут:

— Прекрасно, мы согласны на независимость трёх стран Северной Африки. Но мы опасаемся, что, обретя её, Марокко, Алжир и Тунис подпадут под власть другого империализма, американского или английского, и что таким образом, освободившись от колониального гнёта французов, североафриканцы, в общем, ничего не выиграют.

Люди, так рассуждающие, разделяются на добросовестных и на тех, которые, подобно г. Эдуарду Саблие, делают вид, будто они опасаются захвата независимой Северной Африки американцами, дабы оправдать «французское присутствие». Людям этой второй категории я отвечу презрением, презрением к их лицемерию, прикрываемому красивыми фразами и маской благородства.

Первым же я скажу попросту следующее: принимая во внимание, что американский империализм выступает в Северной Африке на смену французскому, борьба североафриканцев против любого из них одновременно направлена и против другого. Последние события в Марокко очень показательны в этом отношении. Когда знаешь, что американцы являются подлинными хозяевами в Марокко, можно ли допустить хоть на миг, что генерал Жюэн решился унижить султана против их воли, заставив его отречься от Истикляля, после того как он отказывался подчиниться такому требованию в течение нескольких недель?

Каждая победа, одержанная североафриканскими народными массами над французским империализмом, является одновременно победой и над американским империализмом. При том положении, которое создалось в Северной Африке, один империализм не может остаться у власти без другого. Судьба их нераздельна. Чтобы завоевать свою независимость, североафриканцы должны восторжествовать над обоими империализмами хотя бы уже потому, что американцы располагают воздушными базами, уступленными им французским правительством: они не эвакуируют их по доброй воле.

Тем самым ясно, что, когда, марокканцы, алжирцы и тунисцы завоеуют свою независимость, отношения между ними и народной Францией, тоже освободившейся от американского империализма и реакционеров, ответственных за её колониальную политику, будут совсем иного порядка, чем их отношения с нынешней Францией.

Плодотворное сотрудничество, основанное на полном равноправии и на полной суверенности (без намёка на какое бы то ни было ограничение), может и должно установиться между независимыми Марокко, Алжиром и Тунисом и народной Францией. Было бы, конечно, абсурдным предсказывать, какие в точности формы примет такое сотрудничество. Однако можно утверждать, что мы будем и впредь нуждаться друг в друге в нашей общей борьбе за национальную независимость и за мир. Марокканцы, алжирцы и тунисцы в этом убеждены. Многие из них мне об этом говорили, и мне кажется, что я ещё слышу братский голос североафриканского лидера, который,

касаясь общей борьбы французского народа и народов Северной Африки против угрозы войны, заявлял с силой: «Мы нуждаемся в вас, как вы нуждаетесь в нас».

В нынешний период важно отнестись с самым большим вниманием к великому движению, которое, распространяясь от крайних пределов Азии на запад, освобождает сотни миллионов людей от невежества, нищеты и империалистического гнёта.

Охватит ли пламя его вслед за Азией Марокко, Алжир и Тунис?

Да, охватит. Я в этом глубоко убеждён после моего путешествия по Северной Африке. Ничто уже не в состоянии воспротивиться торжеству сил, которые пришли там в движение. Предполагать обратное значило бы попросту игнорировать поступательное движение истории.

Перевод с французского Л. Любимова

ПУБЛИЦИСТИКА

В. ЧЕПРАКОВ

★

УГЛУБЛЕНИЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Марксизм-ленинизм научно установил, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы своего общего кризиса, свою неизбежную гибель. К. Маркс и Ф. Энгельс, жившие и творившие в эпоху доимпериалистического капитализма, открыли законы возникновения, развития и крушения капитализма. В. И. Ленин, опираясь на положения Маркса и Энгельса, вскрыл сущность и основные черты империализма и определил, что империализм есть умирающий капитализм, что империализм есть канун социальной революции пролетариата.

В. И. Ленин определил также наступление общего кризиса капитализма. В трудах И. В. Сталина, в материалах съездов нашей Коммунистической партии дана разработка вопросов, связанных с развитием и углублением общего кризиса капитализма.

Общий кризис — эпоха крушения капитализма, полная конфликтов и войн, эпоха пролетарских революций и утверждения социализма, эпоха борьбы между растущим социализмом и умирающим капитализмом, эпоха победы социализма.

Общий кризис капитализма — это всесторонний кризис капиталистической системы. Это кризис как базиса капиталистического общества — его экономического строя, так и его надстройки — политических, правовых, религиозных, художественных, философских взглядов и соответствующих им политических, правовых и других учреждений. Общий кризис проявляется буквально во всех сторонах общественной жизни капиталистических стран. Весь мир капитализма в целом поражен общим кризисом. Нет ни одной капиталистической страны, которая не была бы потрясена его ударами.

В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин установил, что в основе общего кризиса «лежит всё более усиливающееся разложение мировой экономической системы капитализма, с одной стороны, и растущая экономическая мощь отпавших от капитализма стран — СССР, Китая и других народно-демократических стран, с другой стороны».

В своём развитии общий кризис капитализма прошёл два этапа. В результате первого кризиса капиталистической системы мирового хозяйства возникла первая мировая война, в результате второго кризиса возникла вторая мировая война.

Первый этап общего кризиса капитализма развернулся накануне первой мировой войны и особенно обострился в результате отпадения от капиталистической системы России. Победа Великой Октябрьской социалистической революции привела к расколу всего мира на две противоположные системы: социалистическую и капиталистическую. Этот раскол мира явился главным фактором дальнейшего ослабления и потрясения империализма.

Второй этап общего кризиса капитализма развернулся в период второй мировой войны, особенно после отпадения от капиталистической системы ряда стран Европы и Азии и установления там народно-демократического строя.

В политическом отчёте Центрального Комитета XVI съезду партии И. В. Сталин, говоря об общем кризисе капитализма, доказал, что первая мировая война и её

последствия усилили загнивание капитализма, подорвали его равновесие, что наступила эпоха войн и революций, что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, что империалистическая война и победа революции в России расшатали устои империализма в колониальных и зависимых странах, где за время войны и после неё появился и вырос свой собственный, молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, что война оставила большинству капиталистических стран тяжёлое наследие в виде хронической недогрузки предприятий и наличия миллионов армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные. Таковы черты общего кризиса капитализма, проявившиеся уже на первом этапе его развития. На втором этапе общего кризиса произошло его дальнейшее углубление.

Вторая мировая война потрясла до основания жизнь многих народов и государств и изменила лицо мира. Она спутала расчёты её вдохновителей и благодаря героической борьбе советского народа закончилась непредвиденными для империалистов результатами. Вместо уничтожения или ослабления Советского Союза получилось его усиление, рост международного авторитета СССР. Вместо ослабления и разгрома демократии произошло отпадение от капитализма ряда европейских стран и утверждение в них народно-демократического строя. Вместо дальнейшего 'закабаления народов колониальных и зависимых стран наступил новый мощный подъём национально-освободительной борьбы в этих странах и обострился кризис колониальной системы империализма. Тяжёлый удар нанесла мировой империалистической системе историческая победа великого китайского народа.

Теперь уже треть всего человечества свободна от цепей империалистической эксплуатации! Она составляет единый и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма. Все эти страны, где трудящиеся, вдохновляемые теорией марксизма-ленинизма, революционным путём взяли в свои руки государственную власть, где ведущей силой является рабочий класс во главе с коммунистическими и рабочими партиями, ставят перед собой в качестве конечной цели создание коммунистического общества. Они являются «ударными бригадами» мирового революционного и рабочего движения.

Советский Союз — могущественная индустриально-колхозная держава — построил социализм и ныне осуществляет переход к коммунизму. Европейские страны народной демократии успешно строят социализм. Китайский народ, сбросивший иго империализма, завершил аграрную, антифеодальную революцию, что, в условиях гегемонии рабочего класса, руководящей роли Коммунистической партии Китая и тесной дружбы со страной победившего социализма — СССР, обеспечивает новые успехи в строительстве могучего народно-демократического китайского государства.

Советский Союз, продолжая в послевоенный период своё прерванное войной движение по пути мирного развития и постепенного перехода от социализма к коммунизму, достиг крупных успехов в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, во всех областях науки, культуры, искусства. Послевоенные годы были вместе с тем годами дальнейшего упрочения советского строя, укрепления морально-политического единства советского общества и дружбы между народами нашей страны.

Величественные успехи Советского Союза создали исключительно благоприятную обстановку для социалистического строительства в странах народной демократии. В то время как Советский Союз строил социализм, находясь в условиях почти полной экономической изоляции, страны народной демократии воздвигают фундамент социалистического строя, опираясь на помощь СССР, на сотрудничество всех стран социалистического лагеря. Народно-демократические страны имеют все необходимые предпосылки для своего расцвета, для создания и укрепления нового общественного строя.

Экономическая мощь и потенциальные возможности лагеря социализма огромны. Он охватывает 800-миллионное население, занимает колоссальную территорию, в недрах которой находятся неисчислимые ресурсы. Экономика стран социалистического

лагеря, не подверженная анархии производства и кризисам, развивается в интересах обеспечения максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества, она обеспечивает систематическое повышение жизненного уровня народных масс и полную занятость рабочей силы. Государственная власть, находящаяся в руках трудящихся, руководство коммунистических и рабочих партий, союз рабочего класса и крестьянства, сплочённость и дружба народов обеспечивают крепость и нерушимость лагеря социализма.

Под руководством своих коммунистических и рабочих партий, благодаря самоотверженному труду рабочего класса и всех трудящихся, благодаря братской помощи Советского Союза народно-демократические страны достигли больших успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства. В европейских странах народной демократии довоенный уровень производства промышленной продукции в 1951 году был превзойдён в Польше в 2,9 раза, в Чехословакии — в 1,7 раза, в Венгрии — в 2,5 раза, в Румынии — в 1,9 раза, в Болгарии — в 4,6 раза, в Албании — более чем в 5 раз. Промышленное производство в Германской Демократической Республике превысило к 1952 году довоенный уровень на 36 процентов.

Из года в год растёт выпуск промышленной продукции в странах демократического лагеря. В 1952 году промышленное производство превысило уровень 1951 года в Польше на 20 процентов, в Чехословакии — на 18, в Венгрии — на 24, в Румынии — на 23, в Болгарии — на 18. В Германской Демократической Республике объём выпуска промышленной продукции в 1952 году по сравнению с 1951 годом в целом достиг 116 процентов. В Китайской Народной Республике объём промышленной продукции в 1951 году по сравнению с 1949 годом увеличился более чем в два раза. В Корейской Народно-Демократической Республике объём промышленной продукции уже в 1949 году по сравнению с 1946 годом увеличился в четыре раза, объём валовой продукции промышленности в 1952 году возрос по сравнению с 1951 годом на 19 процентов. В Монгольской Народной Республике продукция государственной и кооперативной промышленности за последнее десятилетие возросла почти в три раза.

В странах демократического лагеря происходит неуклонный подъём сельского хозяйства. После проведения в этих странах аграрных преобразований оно как по размеру посевных площадей, так и по урожайности превзошло довоенный уровень.

Народное хозяйство европейских стран социалистического лагеря развивается по социалистическому пути. Социалистический сектор в промышленности охватывает 98—100 процентов продукции этих стран. Растёт и укрепляется социалистический сектор и в деревне. В Китайской Народной Республике государственная промышленность в 1952 году давала более 60 процентов всей промышленной продукции страны (сюда не включено ремесленное производство). При этом в тяжёлой промышленности продукция государственного сектора составила уже около 80 процентов.

Социалистическая индустриализация, успешно осуществляющаяся в странах демократического лагеря, обеспечивает национальную независимость этих стран, укрепляет их обороноспособность, позволяет решать задачу социалистического переустройства всего народного хозяйства и повышать материальный и культурный уровень трудящихся масс. В 1952 году валовая продукция крупной и средней промышленности народно-демократических стран Европы в несколько раз превысила их довоенный уровень.

В странах социалистического лагеря идёт непрерывный подъём материального благосостояния трудящихся, о чём свидетельствует рост национального дохода. Прирост национального дохода (по сравнению с 1950 годом) в сопоставимых ценах составил в 1951 году в Чехословакии 10 процентов, в Венгрии — 23, в Болгарии — более чем 30 и в Польше — почти 12 процентов.

Высокие темпы развития народного хозяйства, рост материального благосостояния трудящихся свидетельствуют о величайших преимуществах социалистического строя перед капиталистическим.

Таким образом, если уже на первом этапе общего кризиса капитализма советская, социалистическая система самым фактом своего существования расшатывала основы капитализма, то ныне, на втором этапе общего кризиса, единый и мощный

лагерь социализма во главе с Советским Союзом самым фактом своего существования, своими успехами в социалистическом строительстве, в подъеме жизненного уровня трудящихся масс ещё в большей степени расшатывает основы капитализма

Для капиталистического способа производства расширение или сужение рынка имеет огромное значение. Самый процесс образования рынка есть одновременно и развитие капитализма вглубь, то есть дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности на данной, определённой и замкнутой территории, и развитие его вширь, то есть распространение сферы господства капитализма на новые территории. Необходимость внешнего рынка для капиталистической страны определяется широко развитым товарным обращением, которое выходит за пределы государства, и поэтому капиталистическая нация не может существовать без внешней торговли. Кроме того, различные отрасли промышленности, служащие «рынком» друг для друга, развиваются не равномерно, а обгоняют друг друга, и более развитая отрасль промышленности ищет внешнего рынка.

Исторически образование всемирного капиталистического рынка произошло в период, когда капитализм достиг уже значительной степени развития. Как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. И на протяжении всех последующих десятилетий, вплоть до перерастания доминирующего капитализма в монополистический капитализм, мировой рынок рос, приобретая всё большее значение для капиталистического способа производства.

В эпоху империализма, когда капитализм превратился во всемирную систему финансового порабощения и колониального угнетения несколькими «передовыми» странами гигантского большинства населения земли, когда отдельные национальные хозяйства и национальные территории превратились в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, проблема рынков стала основной проблемой капитализма. Необходимость получать максимум прибыли, для того чтобы осуществлять более или менее регулярно расширенное воспроизводство, настоятельно требует и расширения рынков.

Когда из мировой системы капитализма выпала наша страна с её громадным рынком сбыта и неисчерпаемыми источниками сырья, капиталистический рынок получил сильнейший удар. Уже на первом этапе общего кризиса капитализма — в годы между первой и второй мировой войной — произошла относительная стабилизация капиталистического рынка. И если до первой мировой войны, до наступления общего кризиса, рынки капиталистических стран расширялись и поэтому, несмотря на загнивание капитализма в целом, капитализм развивался неизмеримо быстрее, чем в доимпериалистический период, то иное произошло после первой мировой войны. Относительная стабильность капиталистического рынка привела к тому, что загнивание капитализма усилилось, безработица, присущая капитализму, стала постоянной и массовой, появилась хроническая недогрузка предприятий. Капитализму стало тесно в рамках существовавших к тому времени рынков и сфер влияния. Мирные попытки разрешения проблемы рынков не дали и не могли дать результатов. Оставался единственный для капитализма «выход»: новый передел мира путём силы, путём военных столкновений, путём новой мировой войны.

Но и после второй мировой войны проблема рынков для капиталистов не только не была решена, а, наоборот, ещё более обострилась, поскольку произошёл распад единого всеохватывающего мирового рынка. От капиталистической системы отпали европейские страны народной демократии и Китай, образовавшие вместе с Советским Союзом новый мировой рынок стран социалистического лагеря. В то же время наряду с распадом единого мирового капиталистического рынка и его сужением происходит также сужение внутреннего рынка капиталистических стран в связи с возрастающим обнищанием народных масс, являющихся, в последнем счёте, основными покупателями.

Распад единого мирового рынка нанёс новый сильный удар по мировой капиталистической системе. Вместо роста рынков до первой мировой войны, вместо их относительной стабильности на первом этапе общего кризиса капитализма наступило

сужение капиталистических рынков в результате распада единого мирового рынка и укрепления нового, демократического рынка.

Объективная неизбежность разложения и краха мировой экономической системы капитализма заложена в ней самой. Капитализм, развив до колоссальных размеров производительные силы, запутался в неразрешимых для него противоречиях. Производя всё больше и больше товаров, капитализм обостряет конкуренцию, разоряет массу мелких и средних частных собственников, обращает их в пролетариев и понижает их покупательную способность, ввиду чего сбыт произведённых товаров становится невозможным. Расширяя же производство и собирая на громадных фабриках и заводах миллионы рабочих, капитализм придаёт процессу производства общественный характер. Он подрывает тем самым свою собственную базу, так как общественный характер производства требует общественной собственности на средства производства. Между тем собственность на средства производства остаётся частнокапиталистической, несовместимой с общественным характером процесса производства.

Это основное противоречие капиталистической системы углублялось и обострялось в ходе исторического развития капитализма. В условиях современного монополистического капитализма ещё более возросло несоответствие между достигнутой степенью развития производительных сил и характером производственных отношений. Оно усилилось в результате господства государственно-монополистического капитализма, то есть растущего подчинения государственного аппарата монополистическому капиталу. В то время как обобществление производства находится на столь высоком уровне, что создана полнейшая материальная подготовка социализма, присвоение результатов производства остаётся частным, капиталистическим.

Монополии в погоне за максимальной прибылью усиливают действие закона конкуренции и анархии, господствующего в капиталистическом хозяйстве. Монополистический капитал, которому повинуются государственный аппарат, использует для своего обогащения такие методы, как «государственное регулирование», «правительственный контроль», и тем самым усиливает распад народного хозяйства капиталистических стран. Всем развитием государственно-монополистического капитализма подтверждаются взгляды основоположников марксизма, что хотя производство и нуждается в регулировании, но отнюдь не капиталистический класс способен осуществить его на деле.

Бездействие и непроизводительное использование производительных сил приняло огромные размеры. Армии безработных увеличились, безработица стала ещё более длительной. Выросла скрытая безработица — число рабочих, занятых неполный день или неполную неделю. Произошло дальнейшее снижение числа рабочих, занятых производительным трудом. Неимоверно усилилась интенсификация труда, что приводит к преждевременному износу основной производительной силы общества — рабочего класса.

Непримиримые противоречия между характером производительных сил и производственными отношениями дают знать о себе в периодических кризисах перепроизводства. Циклический характер развития капитализма — рост и сокращение производства — неизбежный результат капитализма. На протяжении ста с лишним лет (с 1825 года) происходят циклические кризисы перепроизводства, повторяясь через каждые 12—10—8 и меньше лет. Кризис перепроизводства означает, что произведено товара больше, чем может поглотить рынок, то есть больше, чем могут купить основные потребители — рабочие, крестьяне, доходы которых по вине капиталистов остаются на минимально низком уровне. В результате получается перепроизводство товаров, создаются «излишки» товаров. При этом речь идёт, разумеется, не об абсолютном перепроизводстве, не о том, что всё население удовлетворило свои потребности и не желает приобретать товары, — такого явления не было и не может быть в капиталистическом обществе. Наоборот, в период кризиса значительная часть населения меньше, чем когда бы то ни было, обеспечена товарами. Капиталисты, не находя платёжеспособного спроса ввиду ими же учинённого разорения народных масс, идут на уничтожение товаров, чтобы удержать высокие цены, сокращают и даже приостанавливают

производство, увольняют рабочих, разрушают производительные силы. И народные массы вынуждены бедствовать не из-за того, что товаров нехватает, а из-за того, что товаров произведено слишком много. Такова одна из преступных нелепостей капиталистического способа производства.

В условиях империализма и особенно в условиях общего кризиса капитализма промышленные кризисы перепроизводства стали повторяться всё чаще, приобрели более острый и затяжной характер и ведут к более тяжёлым и разрушительным последствиям. Монополистический капитал удерживает высокие цены на товары и в период спада конъюнктуры, чем препятствует рассасыванию излишков товаров. Это делает кризис особенно болезненным. Хроническая массовая безработица и общее обнищание рабочего класса в свою очередь ещё больше ухудшают положение. Постоянная недогрузка производственного аппарата также является помехой для обновления и расширения основного капитала. Так было во время мирового экономического кризиса 1929—1933 годов и последовавшей за ним депрессии особого рода, которая не вела к новому подъёму и расцвету промышленности, хотя и не возвращала её к точке наибольшего упадка. За этой депрессией последовало некоторое оживление, которое не перешло, однако, в процветание, как обычно бывало раньше. Так было во время кризиса 1937 года, прерванного два года спустя начавшейся войной.

Нынешний этап общего кризиса капитализма приводит к тому, что хотя циклический характер развития капитализма сохраняется, однако рост производства в главных капиталистических странах (США, Англии, Франции) будет происходить на суженной базе, ибо объём производства в этих странах будет сокращаться.

Неизбежны при капитализме и аграрные кризисы перепроизводства, которые разоряют трудящихся крестьян, обостряют социальные противоречия и борьбу в деревне. Аграрный кризис выражается в том, что продовольствия произведено больше, чем может купить доведённое капитализмом до нищеты голодное население. Тогда цены на продовольствие и сельскохозяйственное сырьё падают, происходит накопление продовольственных товаров и их уничтожение, сельскохозяйственное производство сокращается, а это влечёт за собой упадок и разорение деревни, обнищание и гибель бедняцких и середняцких хозяйств.

Аграрный кризис, совпадая и переплетаясь с промышленным кризисом, усиливает действие последнего, поскольку разорение крестьян, составляющих вместе с рабочими основную массу потребителей, сокращает общую покупательную способность населения. В свою очередь промышленный кризис обостряет течение аграрного кризиса. В целом углубляется экономический кризис. Так было во время мирового экономического кризиса 1929—1933 годов, а также в 1937—1938 годах.

В период общего кризиса капитализма происходит усиление и углубление аграрного кризиса, что в свою очередь обостряет течение общего кризиса. Аграрные кризисы приводят к ломке установившихся отношений собственности, ускоряют классовое расслоение деревни, относительное и абсолютное обнищание мелких производителей, разоряют их и вытесняют в ряды пролетариата; они убыстряют процесс концентрации капитала, захват крестьянской земельной собственности монополиями, банками, крупными помещиками, ведут к деградации, техническому регрессу, к возрождению средневековых отношений и форм эксплуатации. Аграрные кризисы с их ужасными бедствиями показывают трудящимся деревни, что только в союзе с рабочим классом и под его руководством, только на путях борьбы против господства помещиков и капиталистических монополий можно избавиться от нищеты, разорения, гибели.

О разложении мировой экономической системы капитализма свидетельствует милитаризация капиталистических стран, бешеный рост вооружений. Милитаризм является следствием империалистического развития капиталистических государств. Он принимает особенно большие масштабы в период общего кризиса капитализма и в свою очередь содействует углублению общего кризиса. Милитаризация означает превращение производительных сил в разрушительные; производство, оторванное от удовлетворения потребностей общества, приобретает уродливый характер и хиреет.

При помощи войны империалисты грабят другие страны, захватывают их богат-

ства, превращают в рабов их население, как это делали немецкие фашисты и японские империалисты в ходе второй мировой войны. Миллионеры и миллиардеры наживаются на милитаризации, на военных заказах и поставках вооружения. Особенно наживаются на войнах и гонке вооружений американские монополии. Но милитаризация народного хозяйства не устраняет, а, наоборот, углубляет диспропорцию между производственными возможностями и сокращающимся платёжеспособным спросом населения, который правящая верхушка капиталистических стран сводит к крайнему минимуму, что ведёт к быстрому сокращению ёмкости капиталистического рынка. Таким образом, раздувание военного производства неизбежно ведёт к нарастанию нового глубокого экономического кризиса.

Для современного капитализма характерна также хроническая инфляция — падение покупательной способности денег, расстройство денежного обращения. Инфляция отражает общее глубокое расстройство хозяйства капиталистических стран. В бюджетах капиталистических государств непрерывно повышается удельный вес прямых и косвенных расходов на гонку вооружений. Прямые военные расходы в США возросли с 1 миллиарда долларов в 1937—1938 бюджетном году до 58,2 миллиарда долларов в 1952—1953 году. Теперь эти расходы составляют 74 процента всего бюджета США, в то время как в 1937—1938 году они составляли 14 процентов бюджета. В Англии военные расходы соответственно возросли со 197 до 1634 миллионов фунтов стерлингов и составляют теперь 34 процента всего бюджета по сравнению с 17 процентами в довоенный период. Во Франции военные расходы составляют теперь почти 40 процентов всего бюджета.

Такой неслыханный рост военных расходов ведёт к непрерывному увеличению налогов и расширению инфляционной эмиссии бумажных денег. Дезорганизация всей финансовой системы капиталистических стран продолжается. Небывалых размеров достигло обесценение денег. Покупательная способность доллара к 1951 году составляла по отношению к 1939 году, по официальным, явно приукрашенным данным, лишь 43 процента, фунта стерлингов — 32, французского франка — 3,8, итальянской лиры — менее 2 процентов. Загнивание и паразитизм капитализма, свойственные ему в период империализма и усилившиеся на первом этапе общего кризиса капитализма, переросли на втором этапе в разложение мировой системы капитализма.

Капитализм не может развиваться без конфликтов между различными группами мировой буржуазии, а распад единого всеохватывающего мирового рынка и разложение капитализма определяют собой дальнейшее обострение борьбы между капиталистическими странами. В условиях сужения мирового капиталистического рынка неизбежно усиление действия закона неравномерности экономического и политического развития капитализма.

Марксизм-ленинизм учит, что развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах, что в обществе, основанном на частной собственности и конкуренции, как отдельные капиталистические предприятия и отрасли хозяйства, так и целые страны не могут развиваться равномерно. Ожесточённая конкурентная борьба ведёт к тому, что одни предприятия гибнут, другие идут в гору. При этом, если в домонополистический период капитализм развивался более или менее плавно по восходящей линии, распространяясь на новые, ещё не занятые им территории, и одни страны опережали другие в продолжение долгого периода времени без скачков и без обязательных военных столкновений мирового масштаба, то в период империализма закон неравномерности развития ведёт к скачкообразному развитию отдельных стран, к быстрому оттеснению с мирового рынка одних стран другими, к периодическому переделу уже поделённого мира путём военных столкновений и военных катастроф, к углублению и обострению конфликтов в лагере империализма, к ослаблению фронта мирового капитализма, а всё это создаёт возможность прорыва империалистического фронта пролетариатом отдельных стран, создаёт возможность победы социализма в отдельных странах.

Рост противоречий в лагере империализма ведёт к взаимному ослаблению импе-

риалистов. В. И. Ленин, исходя из закона неравномерности, пришёл к выводу, что в новых условиях развития социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой стране, что одновременная победа социалистической революции во всех странах или в большинстве цивилизованных стран невозможна ввиду неравномерности вызревания революции в этих странах. Эта новая, законченная теория социалистической революции обогатила марксизм и двинула его вперёд.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в нашей стране подтвердили жизненность и верность ленинско-сталинской теории социалистической революции. Новым подтверждением жизненности и верности этой теории является установление народно-демократического строя в ряде стран Европы и Азии.

Действие закона неравномерности экономического и политического развития капитализма при империализме особенно усилилось в эпоху общего кризиса мировой капиталистической системы. В современных условиях, когда сфера приложения капитала в результате усиления общего кризиса капитализма намного сузилась, погоня за максимальной прибылью ведёт к резкому обострению противоречий между империалистическими державами, к усилению неравномерности их развития.

В силу резкого сокращения сферы мирового капиталистического господства развитие одних капиталистических стран может происходить теперь только за счёт разорения и упадка других. Это ведёт к разрушению экономики более слабых капиталистических стран.

Из второй мировой войны капиталистические государства вышли с неодинаковыми для них результатами, что внесло существенные изменения в экономические отношения между этими странами. После длительных военных действий, понесённых людских потерь и материального ущерба хозяйство многих воевавших стран оказалось сильно подорванным. Это относится прежде всего к Германии, Италии и Японии. Большой ущерб понесли также Франция, Голландия, Бельгия и некоторые другие страны. **Весьма серьёзно ослабленной** оказалась и Англия. Соединённые Штаты Америки **нажились** на войне, американские миллиардеры укрепили свои экономические позиции. Однако США всё же не удалось добиться своей цели, не удалось установить господство американского капитала на мировом капиталистическом рынке.

После второй мировой войны острые противоречия внутри империалистического лагеря вызывает стремление американских монополий к новому переделу мира и сфер влияния в связи с изменившимся экономическим и военным соотношением сил империалистических государств в пользу США. Причём само это экономическое и военное соотношение сил не остаётся неизменным: усиливает сопротивление американскому натиску английский империализм, вновь подымается германский и японский империализм.

Лагерь империализма раздирается неразрешимыми противоречиями, непрерывными распрями. Эти противоречия развиваются по двум основным направлениям: противоречия между США и другими главными капиталистическими странами — Англией и Францией — и противоречия между капиталистическими странами — победителями и побеждёнными, между США и Германией (Западной), между США и Японией, между США и Италией.

Существенные противоречия имеются между Соединёнными Штатами и теми государствами, которые находятся в финансовом подчинении у американского капитала. **Налицо** противоречия и между крупными империалистическими державами и такими странами, как Канада, Австралия, которые, сами являясь зависимыми странами, стремятся, однако, урвать свою долю в дележе империалистической добычи. Растут противоречия между Англией и зависимыми от неё странами. Борьба в лагере империализма осложняется и конкуренцией капитализма колониальных и зависимых стран со старыми капиталистическими странами. Переплетающиеся между собой противоречия охватывают все страны лагеря империализма, упираясь при этом в основное противоречие внутри империалистического лагеря — между Англией и США.

Противоречия внутри империалистического лагеря с исключительной остротой проявляются в борьбе за рынки сбыта.

Монополистический капитал США охраняет свой внутренний рынок от иностранной конкуренции высокими пошлинами и сложными таможенными процедурами. Так, на иностранные товары, которые могут конкурировать с американскими товарами, пошлины устанавливаются, исходя из монополично высоких цен, существующих в США. При этом, когда монополии повышают цены на внутреннем рынке, то и пошлины автоматически повышаются. В США существует 3500 видов пошлин. Тем самым сильно ограничивается ввоз в США товаров из тех стран, куда направляется американский экспорт. Экспансионистский характер американской внешней торговли заключается в том, что США вывозят больше, чем ввозят. С 1946 по 1952 год превышение экспорта США над импортом составило 32 миллиарда долларов. А это в свою очередь привело к тому, что США выкачали золотые и долларовые ресурсы из других капиталистических стран. Нехватка так называемой твёрдой валюты — «долларовый голод», наблюдаемый в большинстве капиталистических стран из-за внешне-торговой экспансии США, служит американским монополиям орудием подавления и разорения своих западноевропейских конкурентов.

В результате экспансии монополий США экономика Западной Европы переживает сильнейший упадок. В Италии бездействует около половины мощностей по производству станков и оборудования, судов, тракторов. Французская экономика стоит перед угрозой превратиться в придаток экономики США. Доля готовой продукции во французском экспорте снизилась с 51 процента в довоенные годы до 40 процентов в 1951 году, а доля сырья и полуфабрикатов увеличилась за тот же период с 35 до 48 процентов.

В лагере империализма всё более острой становится борьба между победителями и побеждёнными. Американский империализм, закабалив Германию (Западную) и Японию, бывшие ещё недавно великими империалистическими державами, и установив там оккупационные порядки, закладывает тем самым мины под Западную Европу и Дальний Восток. Более того, поскольку одновременно американский империализм ведёт политику милитаризации Западной Германии и Японии, он способствует возрождению германского и японского империализма. А по мере их возрождения, естественно, будет усиливаться и стремление с их стороны избавиться от американской кабалы и восстановить свои утерянные позиции. Так возрождается вновь весь комплекс противоречий, связанный с воссозданием очагов империалистической агрессии в зоне Германии и в зоне Японии.

Следует отметить, что американская внешнеторговая экспансия в условиях сужения мирового капиталистического рынка не только обостряет отношения между США и Западной Европой, но усиливает также конкуренцию между самими западноевропейскими странами. Они вынуждены ввозить американские товары и оружие, тогда как США всё более преграждают товарам этих стран доступ на свой внутренний рынок. А поскольку западноевропейские экспортёры вывозят однотипные товары, усиливается, естественно, и конкуренция между ними.

С борьбой за рынки сбыта связана и борьба за источники сырья. Положение США и Англии в области сырья различно. По некоторым видам сырья Англия, владеющая огромной колониальной империей, выступает как крупнейший производитель. В руках Англии, по существу, монопольное владение каучуком, оловом и некоторыми другими видами сырья. Британская империя даёт более половины всего натурального каучука, добываемого в капиталистическом мире, две пятых олова, большую часть марганца, половину всей шерсти, почти всю добычу промышленных алмазов. В целом страны Британской империи поставляют до 30 процентов всего экспорта капиталистического лагеря. С другой стороны, США, не обладая многими видами сырья, выступают как крупнейший его потребитель: они приобретают две пятых всего производства натурального каучука, свыше двух пятых олова. Поэтому Англия заинтересована в высоких ценах на сырьё, которое она вывозит из своих колоний, а США — в низких ценах на приобретаемое ими сырьё.

Между США и Англией идёт борьба за нефть — основной нерв всей хозяйственной и военной деятельности империалистических держав. Стычки между США и Англией в области нефти никогда не прекращаются. Не довольствуясь своим явным перевесом, монополии США продолжают вытеснять английских нефтяных магнатов из занятых

ими районов. Одним из главных участков англо-американской борьбы за нефть является Ближний Восток, где раньше господствовали английские монополии; их вытесняют теперь американцы, стремящиеся полностью изгнать своего английского партнёра.

С борьбой за рынки сбыта и источники сырья связано соперничество между США и Англией в морском судоходстве и воздушном транспорте.

Борьба за сферы приложения капитала занимает одно из центральных мест в англо-американских противоречиях. США обладают большим преимуществом перед своим английским конкурентом в области вывоза капитала, поскольку накопленный в США капитал, который можно использовать для вложений, значительно вырос и, кроме того, финансовая plutократия США высосала из остального капиталистического мира большую часть золота. Но при этом возможности для новых капиталовложений внутри США ограничены в связи с избытком производственных мощностей, и американский капитал, сконцентрированный в руках нескольких монополистических групп, мечется в погоне за максимальной прибылью, любыми средствами стремясь расширить для себя поле приложения сил, поле эксплуатации трудящихся.

В итоге второй мировой войны заграничные капиталовложения Англии, которые до войны были примерно вдвое больше американских, значительно сократились, а капиталовложения США резко возросли. Капиталовложения частных американских компаний за границей увеличились с 12,5 миллиарда долларов в конце 1939 года до 14,7 миллиарда в конце 1945 года и до 20 с лишним миллиардов в конце 1951 года. Из них прямые капиталовложения, принадлежащие корпорациям США за границей, увеличились с 7,3 миллиарда долларов в 1939 году до 8,4 миллиарда в 1945 году и до 14,5 миллиарда в конце 1951 года. В эту сумму не входят займы, предоставленные правительством США другим странам (13,8 миллиарда долларов). Вся сумма американских капиталовложений за границей составила в конце 1951 года 36,1 миллиарда долларов. Однако английские капиталовложения за границей и сейчас продолжают оставаться весьма значительными. В значительных размерах экспортируют капитал и французские монополии. Возобновился экспорт капитала из Западной Германии.

Ареной столкновения между империалистами являются колониальные и зависимые страны. Нынешнее распределение колоний и сфер влияния не удовлетворяет американский монополистический капитал, который стремится к новому переделу мира.

Вторжение американских монополий осуществляется в основном тремя путями: во-первых, путём оказания военной помощи западноевропейским колониальным державам для подавления борьбы колониальных народов за своё освобождение; во-вторых, путём организации военных баз на чужих территориях под флагом «антикоммунизма», в результате чего карта размещения основных сфер влияния американских монополий мало чем отличается от карты размещения крупнейших военных баз США; в-третьих, путём экономической экспансии под видом заботы о «развитии отсталых областей».

В капиталистической экономике растут всё более глубокие противоречия, и мировая система капиталистического хозяйства в целом стала слабее и ещё более неустойчивой, чем она была до второй мировой войны.

Таким образом, главенствующая роль США в капиталистическом мире отнюдь не означает установления мирового капиталистического государства с мировым правительством, о чём твердят идеологи империализма и их правосоциалистические прихвостни. Все эти космополитические бредни являются лишь новым, американизированным изданием разгромленных «теорий ультраимпериализма» и «организованного капитализма». Глубочайшая экономическая рознь не может не отражаться и на внешнеполитических отношениях капиталистических стран.

Капиталистический строй перерел. Однако отжившие силы капиталистического общества оказывают сильнейшее сопротивление неизбежному историческому процессу — уничтожению капиталистического строя и приходу на смену ему социалистического строя.

Общественной силой, способной преодолеть сопротивление этих отживших сил, является пролетариат, ведущий за собой крестьянство. В современных условиях общего кризиса происходит обострение классовых противоречий и классовой борьбы.

В погоне за максимальной прибылью монополистический капитал, используя государственный аппарат, выжимает все соки из рабочих на предприятиях, превращённых в подлинную каторгу. Ненасытные капиталисты усиливают эксплуатацию рабочего класса путём бешеной интенсификации труда, безжалостного выматывания сил рабочего.

Милитаризация экономики капиталистических стран включает в себя и милитаризацию труда на предприятиях, которые превращены в тюрьмы для рабочих: всюду установлена слежка за людьми, рабочих подвергают унижительным обыскам, для подавления забастовок на предприятиях создаются организации фашистского типа.

Чрезмерная интенсификация труда неизбежно ведёт к росту промышленного травматизма и профессиональных заболеваний. В США происходит ежегодно около двух миллионов несчастных случаев на производстве, в том числе около 20 тысяч несчастных случаев со смертельным исходом, около 100 тысяч случаев с длительной потерей рабочими трудоспособности — полной или частичной. В Англии ежегодно происходит в промышленности 3 тысячи несчастных случаев со смертельным исходом и 750 тысяч несчастных случаев, ведущих к тяжёлым увечьям.

Чтобы побольше выжать из рабочих, капиталисты при конвейерной системе устанавливают укороченный рабочий день. Получая неполную заработную плату, рабочий вынужден в более короткий срок отдать всю свою рабочую силу. Таким образом, частичная безработица также является средством усиления эксплуатации рабочих.

Высокие цены, установленные монополиями и поддерживаемые при помощи правительственного контроля, также являются одним из способов усиления эксплуатации и прямого ограбления рабочего класса.

Монополии присваивают себе результаты труда рабочих и путём инфляции — падения покупательной способности денег. При инфляции цены повышаются, а заработная плата — даже номинальная — остаётся неизменной, чему способствует правительственная политика контроля, замораживания заработной платы. Таким образом происходит падение реальной стоимости заработной платы.

Ограбление рабочего класса в пользу монополистов происходит и через государственный бюджет. Огромные налоги (прямые и косвенные), взимаемые с трудящихся, поступают затем в карманы монополистов, получающих военные заказы, которые поглощают большую часть государственного бюджета.

Существование огромной армии безработных, обречённой на голод и нищету, влияющей на материальное положение рабочих, занятых в производстве, снижает общий уровень жизни рабочего класса. В Италии и Западной Германии безработица значительно выше, чем в самые тяжёлые времена мирового экономического кризиса 1929—1933 годов. В Западной Германии имеется почти 3 миллиона полностью и частично безработных. В США — не менее 3 миллионов полностью безработных и 10 миллионов частично безработных. В Японии — около 10 миллионов полностью и частично безработных. Растёт безработица в Англии, превышая уже полмиллиона человек. Пользуясь наличием постоянной массовой безработицы, капиталисты снижают заработную плату.

Вместе с абсолютным обнищанием происходит и относительное обнищание рабочего класса, уменьшение доли рабочего класса в национальном доходе капиталистических стран. Положение рабочего класса ухудшается, а за счёт рабочих прибыли капиталистов растут. Так, английские капиталисты продолжают огребать огромные барыши. 2924 промышленные компании, опубликовавшие свои ежегодные отчёты, в течение 1952 года получили 1 613 миллионов фунтов стерлингов прибылей — увеличение на 11,5 процента по сравнению с прибылями этих компаний в 1951 году. Даже по преуменьшённым официальным данным, прибыли капиталистических монополий США выросли с 3,3 миллиарда долларов в 1938 году до 42,9 миллиарда долларов в 1951 году, то есть увеличились в 13 раз.

Таким образом, действие основного экономического закона современного капитализма, как указывал И. В. Сталин, усиливает абсолютное и относительное обнищание рабочего класса. В капиталистическом обществе человек подчинён безжалостному закону извлечения максимальной прибыли, во имя чего люди обрекаются на тяжкие страдания, нищету, безработицу и кровопролитные войны.

Наступление монополистического капитала, рост абсолютного и относительного обнищания пролетариата всё более накаляют классовую ненависть широких рабочих масс к своим поработителям.

Происходит ухудшение материального положения и обнищание основных масс крестьянства. Монополии, продавая крестьянам промышленные товары по высоким ценам, приобретают сельскохозяйственную продукцию по низким ценам. Это ведёт к разорению крестьян. Чистый доход американских фермеров в 1952 году снизился на 15 процентов против уровня 1947 года. Доходы фермеров, в первые послевоенные годы составлявшие свыше 7 процентов общей суммы национального дохода, в настоящее время упали до 5 процентов. Ещё хуже положение трудящихся крестьян остальных капиталистических стран.

Мелкая и средняя буржуазия также всё более и более остро чувствует засилие монополистического капитала. Происходит неизбежное банкротство представителей мелкого и среднего капитала, которые не выдерживают натиска американских и собственных монополистов.

Подготовка империалистами новой мировой войны, милитаризм с его гонимым вооружений также являются важнейшим источником развития противоречий между капиталом и трудом. Трудящееся население, по мысли монополистов и военщины, существует только для того, чтобы поставлять, вооружать и кормить солдат.

В странах Западной Европы, стоящих перед угрозой утраты своей национальной независимости и свободы действий в области внешней, экономической и военной политики, растёт недовольство масс антинародной, антинациональной политикой правящего капиталистического класса и раскольниками рабочего движения. Самые широкие народные массы западноевропейских стран возмущаются той грубостью и бесцеремонностью, с какой американские империалисты третируют национальные чувства народов, возмущаются тем, что представители американских монополий с присущей им ограниченностью полагают, что за доллары можно издеваться над чувством национальной чести и достоинства людей.

Для подавления рабочего класса, для установления режима реакции и фашизма монополистический капитал использует покорную его воле государственную власть. Эпоха империализма и общего кризиса характеризуется стремлением буржуазии избавиться от ею же созданной и ставшей для неё ныне невыносимой законности. Монополистический капитал беспощадно попирает завоёванные рабочим классом демократические права, ограничивает права профсоюзов, яростно преследует коммунистические партии — верных защитников интересов рабочего класса, защитников подлинных интересов подавляющего большинства народа. Реакция ведёт наступление на профсоюзные права рабочих. В США действует антирабочий и антипрофсоюзный закон Тафта—Хартли. В Италии за три года (1950—1952) свыше 53 тысяч трудящихся были привлечены к судебной ответственности и свыше 24 тысяч из них были осуждены. В Западной Германии на основании реакционного «Закона о положении рабочих на предприятиях» суды привлекают к ответственности рабочих за участие в забастовках, принося им денежный штраф в пользу предпринимателей.

Общий кризис капитализма находит своё проявление и в кризисе буржуазной идеологии. Правящие капиталистические круги и их идеологические оруженосцы отrekliсь от бывшего либерализма и стали открыто исповедовать различные человеко-ненавистнические «теории» и среди них — космополитизм, жертвующий национальными интересами в угоду иностранным монополиям, национальный и расовый шовинизм, неомальтузианство с его проповедью уничтожения «избыточного населения», геополитику, обосновывающую в наукообразной форме империалистическую политику разбоя и войн.

Буржуазной идеологии разложения и распада противостоят идеология пролетариата — марксизм-ленинизм, — победившая в лагере социализма и овладевающая умами миллионов трудящихся капиталистических и колониальных стран.

Вся обстановка, сложившаяся в капиталистических странах, неизбежно ведёт к росту классового сознания пролетариата. Для послевоенных лет характерен подъём стачечного движения. Забастовки принимают всё более массовый и затяжной характер, отличаются высокой организованностью, дисциплиной. Экономические бои пролетариата всё чаще переплетаются с политическими боями, с борьбой за национальную независимость, против наступления реакции и фашизма, против новой мировой войны. В ходе экономической и политической борьбы крепнет единство рабочего класса. В 1952 году число участников стачек в Англии составило около полутора миллиона человек. В США, по официальным данным, резко возросло число забастовок и число бастующих: в 1952 году произошло 4 950 забастовок с 3 500 тысячами бастующих (в 1948 году — 3 419 забастовок с 1 960 тысячами бастующих).

Одним из важнейших показателей роста классового самосознания рабочих масс является стремление к единству. Рабочий класс всё успешнее преодолевает раскол в своих рядах.

Рабочий класс в своей борьбе находит союзников среди непролетарских трудящихся масс, в первую очередь и главным образом среди крестьянства. Лозунг «земля тем, кто её обрабатывает», борьба против монополистического капитала, против реакции и войны сплавивают крестьянство вокруг рабочего класса и его коммунистического авангарда.

В связи с нарастающей угрозой войны, подготавливаемой любителями наживаться на крови и горе народов, развёртывается всенародное движение в защиту мира, создаётся антивоенная коалиция различных классов и социальных слоёв, заинтересованных в прекращении международного напряжения и в предотвращении новой мировой войны.

Коммунистические партии, которые завоевали огромное доверие народных масс в дни войны против фашизма как авангард всенародного сопротивления захватчикам, ныне собирают вокруг себя большинство народа, становятся руководящей силой нации.

Таким образом, если уже для первого этапа общего кризиса капитализма был характерен рост рабочего движения, то ныне, на втором этапе общего кризиса, рабочее движение в капиталистических странах поднялось на новую высоту, происходит резкое обострение борьбы внутри империалистического лагеря — между силами фашистской реакции и демократическими силами народов империалистических стран.

Освободительные революции в колониальных и зависимых странах, пробуждение пролетариата этих стран и его гегемония в революции свидетельствуют о кризисе колониальной системы империализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция расшатала устои империализма в колониальных и зависимых странах, подорвала его авторитет. Империализм оказался не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах. После Великой Октябрьской социалистической революции национально-освободительное движение стало составной частью мировой пролетарской революции.

Уже на первом этапе общего кризиса капитализма происходил подъём национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах. В результате второй мировой войны и нового подъёма национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах фактически происходит распад колониальной системы империализма.

Непосредственным результатом разгрома фашистской Германии и империалистической Японии был прорыв фронта империализма в Китае, Корее, Вьетнаме, где на месте полуколоний и колоний возникли народные республики. В 1949 году после победы китайского народа образовалась Китайская Народная Республика. Отпадение Китая явилось сильным ударом по всей системе империализма. Победа китайского народа ещё больше революционизировала Восток и способствовала подъёму освободительной борьбы угнетённых империализмом народов.

Корейский народ, создавший свою независимую Корейскую Народно-Демократическую Республику, при поддержке китайских добровольцев три года героически сопротивляется наступлению империалистических агрессоров.

В Юго-Восточной Азии освободительные войны против японской оккупации, начавшиеся во время второй мировой войны, переросли затем в борьбу против западноевропейских империалистов. Народ Вьетнама борется против 220-тысячного французского экспедиционного корпуса, защищая свою независимость, свою демократическую республику. В Малайе и на Филиппинах сопротивление народных масс вылилось в вооружённые восстания, в создание революционных баз и национально-освободительных армий.

Вслед за Дальним Востоком и Юго-Восточной Азией поднимаются против колонизаторов народные массы Ближнего Востока и Африки. В Алжире, Тунисе, Марокко усиливается брожение среди народных масс.

Всколыхнулся весь колониальный мир. С каждым днём усиливаются профсоюзы и политические партии рабочего класса. Забастовки, демонстрации протеста, сопротивление крестьян стали повседневной действительностью в колониях.

В послевоенный период противоречия между метрополиями и колониями ещё больше возросли, поскольку Англия, Франция, Бельгия и другие колониальные державы стремятся компенсировать за счёт колоний тяготы, возлагаемые на них милитаризацией экономики и экспансией Соединённых Штатов. В то же время американские монополисты проникают в колонии и сферы влияния этих колониальных держав, завоёвывают там позиции для себя, усиливая эксплуатацию народов колониальных и зависимых стран. В ходе этой борьбы американские захватчики инспирируют заговоры против своих английских и французских «союзников», способствуя своими действиями дальнейшему углублению кризиса колониальной системы империализма. Территория многих колониальных и зависимых стран используется для военных баз, их население готовится к роли «пушечного мяса» в будущей войне.

Капитализм не может существовать без усиления гнёта в колониальных и зависимых странах. И чем больше в результате национально-освободительной борьбы суживается сфера колониального владычества империалистов, тем больше возрастает эксплуатация народов тех колониальных стран, которые ещё не освободились от ига империализма.

Монополистический капитал беспощадно грабит колониальные и зависимые страны. Экономика колониальных и зависимых стран, особенно сельское хозяйство, находится в состоянии упадка. Десятки миллионов людей в Индии, Индонезии, Иране, в странах Африки голодают. Хищническая эксплуатация колониальных и зависимых стран империалистическими державами приводит к тому, что развитие производительных сил в этих странах задерживается, покупательная способность населения находится на крайне низком уровне, рынки сбыта для промышленной продукции суживаются. Империалистические страны в послевоенных условиях ещё больше усиливают неэквивалентный обмен с зависимыми странами, закупая у них по дешёвке сырьё и продовольствие и сбывая им втридорога свои товары.

Тяжёлое экономическое положение колониальных и зависимых стран Азии усугубляется тем, что колонизаторы создают помехи этим странам в их торговле с СССР, Китаем и странами народной демократии. А развитие торговли стран Азии с мировым демократическим рынком имело бы большое значение для их экономики.

Усиление империалистического нажима на колониальные народы вызывает у них решительное сопротивление. Знаменательным явлением в борьбе колониальных и зависимых народов является укрепление руководящей роли рабочего класса в национально-освободительном движении, рост авторитета коммунистических партий. В странах Азии крепнет союз рабочего класса и крестьянства, по инициативе коммунистических партий создаётся единый национальный демократический фронт для борьбы за независимость и свободу. В странах Ближнего Востока и Африки усиливается руководящая роль рабочего класса в национально-освободительном движении, широкие народные массы сплачиваются под знаменем единого национального фронта.

Народные массы метрополий и колоний всё более убеждаются в том, что пролетарский, интернациональный метод освобождения угнетённых народов есть единственно правильный метод. Всё глубже проникает в умы сознание необходимости тесной связи национально-освободительного движения в колониях с классовой борьбой пролетариата капиталистических стран, возможность и целесообразность создания братского союза рабочих и крестьян самых различных народов на началах добровольности и интернационализма.

Антифеодалное и антиимпериалистическое движение в колониальных и полуколониальных странах развёртывается всё шире под знаменем борьбы за национальную независимость, за народную демократию, за коалицию всех демократических, антифеодалных и антиимпериалистических сил с целью гарантировать права народу, дать безвозмездно землю крестьянам, охранять национальную промышленность от конкуренции иностранных монополий, обеспечить индустриализацию страны, создать трудящимся более высокий жизненный уровень.

Обострение кризиса колониальной системы, успехи борьбы колониальных народов против империализма расшатывают основы и влекут за собой дальнейшее сужение сферы господства мирового капитализма, ведут к распаду империалистической колониальной системы.

Общий кризис мировой капиталистической системы и развивающиеся на его базе экономические и политические кризисы надламывают класс эксплуататоров, оказывают огромное революционизирующее влияние на рабочий класс и остальные трудящиеся массы капиталистических стран. Кризисы прежде всего помогают массам глубоко осознать смысл происходящего. На собственном опыте трудящиеся массы капиталистического мира познают, что болезни капитализма — кризисы, безработица, расточительство, паразитизм, нищета масс, агрессивные войны — неизлечимы. Под ударами кризиса рушатся иллюзии о всемогуществе капитализма, изживаются социал-демократические предрассудки о возможности «мирного перерастания капиталистической системы в социалистическую», происходит крах всего вредного, гнилого в рабочем движении. В современных условиях, когда капиталистические монополии, подчинившие себе государственный аппарат, осуществляют фашизацию государственной системы, когда реакция, ведя подготовку к новой мировой войне, создаёт предпосылки новой военно-политической катастрофы, рабочий класс во главе всех трудящихся ведёт борьбу за демократию, национальную независимость, за мир.

Углубление кризиса капиталистической системы способствует раздуванию авантюристических планов поджигателей войны, направленных против лагеря демократии и социализма. Однако попытка капитализма вырваться из тисков общего кризиса путём новой мировой войны лишь ускорит его окончательную гибель. Об этом убедительно говорит ход истории: в период первой мировой войны от капиталистической системы отпала Россия, в период второй мировой войны отпал ряд стран Европы и Азии.

Из общего кризиса у буржуазии нет выхода. Такой кризис нельзя изжить; он исчезнет только вместе с исчезновением самой капиталистической системы.

Б. РЮРИКОВ

★

ВЕЛИКИЕ ТРАДИЦИИ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ

«Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда её», — записывает молодой Чернышевский 20 января 1850 года в свой дневник. А в феврале 1853 года он говорит своей невесте: «...у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нём».

С каким напряжённым и острым чувством действительности воспринимал Чернышевский события жизни своей страны! Как пронизательно видел он в малых явлениях отражение того великого и грозного, что окрашивало собой всю эпоху, и как смело и уверенно определял своё место в надвигающихся бурных событиях.

История русского народа выдвинула бессмертные имена героических борцов, которые во мраке беспробудной ночи увидели зарю освобождения и счастья народа. Они боролись за это светлое будущее; без силы мысли и чувств, всю свою жизнь без остатка посвятили они делу народа, самоотверженно служа высокой идее революционного свержения вскогого рабства.

Жизнь и борьба великого русского народа породили таких титанов революционной мысли, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов. Их статьи — гнев народа, его стремление к свободе, запечатлённые в пламенных, негодующих словах. Вся история нашей публицистики отразила возмущение народных масс крепостническим гнётом, бесправием, духовным угнетением.

«Народ, — писал В. Г. Белинский, — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы». Великие деятели всегда бывают призваны великой исторической потребностью. Русские революционные демократы, развернув-

шие активную, страстную, непримиримую борьбу с крепостничеством и самодержавным деспотизмом, с реакцией и мракобесием во всех областях общественной жизни, выражали назревшую и неодолимую потребность народных масс в освобождении от гнёта эксплуататорского строя.

Деятельность Н. Г. Чернышевского развернулась в тот период, когда «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹, когда феодально-крепостнический строй испытывал тягчайший кризис, приведший к революционной ситуации. Крепостное право, сковывавшее экономическое развитие страны, потерпело крах: правительство крепостников вынуждено было отменить его сверху, страшась взрыва народного возмущения. И в это сложное, трудное время Чернышевский проявил гениальную ясность ума, пронизательность и прозорливость, мужество, верность народу, счастью которого он служил. Он был воистину великим деятелем великого народа.

Мы не поймём ни одной стороны деятельности Чернышевского, если не обратимся к борьбе его народа, не установим связи между этой борьбой и всей многообразной деятельностью великого революционера и патриота.

В замечательных трудах по вопросам истории, политической экономии, философии, эстетики, в публицистических и критических статьях, сразу обративших на себя внимание, Чернышевский смело, неутомимо логично разоблачает крепостническое, мракобесное мировоззрение, наносит удары по реакционной идеологии. Журнал «Современник» он вместе с Некрасовым и Добролюбо-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 473.

вым сумел сделать воинствующим органом революционной мысли. Ленин отмечал, что Чернышевский и подцензурными статьями умел воспитывать революционеров. «Современник» стал действительно властителем дум, вдохновителем всего честного и передового в стране; влияние его проникало в самые глухие уголки.

Борьба материализма с идеализмом никогда не была столкновением абстрактных теорий, — за борьбой философских систем мы видим острую и напряжённую борьбу классов. Идеалистическая философия была оружием крепостнической реакции и служивших ей либералов. Господствующие классы насаждали идеализм, мистику, поповщину, пытались отвлечь народные массы от реальной борьбы за свободу и человеческие условия жизни на земле. Чернышевский опирался в своей деятельности на основы науки, которая помогает открыть истинные закономерности развития мира, закономерности общественной борьбы. Такой наукой могла быть только материалистическая философия. Чернышевский был одним из основоположников материалистической традиции русской философии, традиции, столь блестяще представляемой именами Ломоносова, Радищева, Белинского, Герцена.

Он с гениальной пронизательностью раскрыл зависимость философии от политики классов и партий. В целом ряде статей он развивает мысли о классовом, партийном характере философии.

Если идеалистические теоретики лицемерно писали о философии как о науке, далёкой от тревожений общественной борьбы, Чернышевский подчёркивал, что учёные трактаты служили и служат «отголосками исторической борьбы, имеют целью задержать или ускорить ход событий».

Нетрудно видеть, как эти положения великого революционного мыслителя верны и действенны и сегодня: они быют по идеалистическим теориям, отрывающим философию от реальных общественных отношений, от нации и эпохи и изображающим процесс развития идей как замкнутый ряд, как процесс, совершающийся в сфере «чистого мышления». Они быют и по космополитическим извращениям в науке, по всем попыткам оторвать науку от социально-исторической почвы, её взрастившей.

Чернышевский продолжил дело Белинского, подвергнув глубокой критике идеали-

стическую систему Гегеля, показав её двойственность и противоречивость. Он поднялся неизмеримо выше Фейербаха, преодолевая созерцательность, абстрактный характер его материализма. Воинствующий и активный материализм Чернышевского, несмотря на известную историческую ограниченность, был мировоззрением крестьянской демократии, поднимающейся на борьбу.

В силу отсталости русской жизни Чернышевский не мог подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса. Однако его философское учение было вершиной не только русской, но и мировой философии домарковского периода. Ленин, отмечая его заслуги в борьбе за материализм, писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма; и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников».

Чернышевский был социалистом-утопистом. Он не видел, да и не мог в 60-х годах XIX века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. В экономически отсталой России он не мог понять роли рабочего класса как руководителя всех революционных сил общества, не понимал, что крестьянские восстания могут победить только в том случае, если они сочетаются с революционным движением пролетариата, если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Он возлагал все надежды на крестьянскую революцию, настойчиво готовя к ней передовые элементы русского общества. Экспроприация помещичьей земли и общее владение ею казались Чернышевскому основой будущего социалистического общества. В планах социалистических преобразований у него основную роль играла крестьянская община.

«Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе...»².

Уклончивой, робкой, трусливой политике либералов он противопоставлял политику смелую, прямую, решительную. Боец по на-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 343.

² Там же, т. 17, стр. 97.

туре, он замечательно понимал природу боя, сложность его, необходимость риска.

«Исторический путь - не тротуар Невского проспекта; он идёт целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дистрикты», «не может ковать железа тот, кто боится потревожить сонных людей стуком».

Революцию, революционные скачки он называл «краткими периодами усиленной работы», «периодами благородного порыва», «светлыми эпохами одушевлённой исторической работы».

С поразительной ясностью и трезвостью мысли подходил он к подготовке приближающейся революции. Он учил русских революционеров действовать быстро, смело, энергично. «Только энергия может вести к успеху... а энергия состоит в том, чтобы, не колеблясь, принимать такие меры, какие нужны для успеха».

Либералы запугивали «пугачёвщиной», расписывали, какие жестокие страсти возбуждает революция. Чернышевский, который ещё в годы юности заявил, что в борьбе с жестокими и кровавыми поработителями и палачами народа его не устроят ни резня, ни мужики с дубьём, предупреждал робких и неуверенных:

«...Если вы бонтеесь или отвращаетесь тех мер, которых потребует дело, то и не принимайтесь за него и не берите на себя ответственности руководить им, потому что вы только испортите дело».

Мыслитель, полный горячей веры в творческие силы народных масс, Чернышевский резко критиковал низкопоклонство перед Западом, культивируемое правящими классами. Он писал, что русский ум не преклоняется перед чужими авторитетами, а смело идёт вперёд, руководствуясь интересами народных масс. Всем своим творчеством Чернышевский доказывал силу, глубину и самостоятельность русской мысли.

Одной из величайших заслуг Чернышевского явилась гениальная разработка им вопросов эстетики. Эстетические взгляды Чернышевского оказали огромное влияние на духовное развитие ряда поколений писателей и художников в России.

В области эстетики он выступил как продолжатель дела Белинского, отстаивающий и развивающий взгляды своего великого предшественника. Знаменитая диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности» была глубоким теоретиче-

ским обоснованием и страстной пропагандой идей революционного демократизма и реализма в литературе.

Лишь в свете философских и политических взглядов Чернышевского можно понять значение этого выступления. Сам он прямо связывал свой труд с необходимостью борьбы против идеалистических взглядов, которые привели к упадку философскую и эстетическую мысль. Работая над диссертацией. Чернышевский писал: «Вообще у нас очень затмилась философия с тех пор, как умерли или замолкли люди, понимавшие философию и следившие за нею». Чернышевский имел в виду Белинского, скончавшегося в 1848 году, и Герцена, с 1847 года вынужденного эмигрировать из России. Он ставил своей задачей в борьбе с реакционной, идеалистической эстетикой обосновать и обогатить эстетику демократическую и реалистическую.

Чернышевскому было всего 25 лет, когда он писал свою диссертацию. Но уже в эти годы он обнаружил такую ясность мысли, глубину понимания проблем философии и искусства, всеобъемлющую образованность, что смог выступить на борьбу с корифеями идеалистической эстетики и одержать победу в этой борьбе.

Теоретической основой школы «чистого искусства» была эстетика Гегеля, — ей и нанёс удар Чернышевский. «Мы... должны признать за произведениями искусства высшую реальность и более истинное существование, чем за обыденной действительностью», — утверждал Гегель. Идеалистическая эстетика доказывала, что искусство имеет цель само в себе и не должно быть связано с действительностью, что прекрасное в искусстве выше прекрасного в действительности. Эстетика Гегеля рассматривала искусство как этап в развитии абсолютно духа, презрительно третировала действительность. Стремления человека к истине, добру и красоте отделялись от реального мира, от грубой действительности. Законы мысли, законы науки, действующие в грубом практическом мире, идеалистическая эстетика объявляла не имеющими отношения к миру искусства.

«Красота в искусстве, — писал Гегель, — выступает на самом деле в форме, которая явно противоположна мысли, и если последняя хочет функционировать по-своему, она вынуждена разрушить эту форму». И если практическая жизнь есть царство суровой

закономерности и сосредоточенности научной мысли, то искусство, по Гегелю, приносит успокоение. «Искусство представляет себе скорее отдых, ослабление энергии духа, между тем как субстанциальные, существенные интересы жизни нуждаются, наоборот, в напряжении сил духа».

Вся эта система воззрений разоружала искусство, лишала его и познавательного значения и действенной роли в жизни общества. А ведь именно в жизни и борьбе русского народа литературе и искусству суждено было сыграть особую роль. «Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть ещё жизнь и движение вперёд», — писал Белинский в письме к Гоголю. В николаевской России, лишённой самых элементарных демократических свобод, страдающей под гнётом самодержавно-феодалного строя, литература была единственной трибуной, с которой могло звучать живительное слово правды и негодования. Народ видел в русских писателях, по выражению Белинского, «своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности».

После смерти Белинского его враги пытались похоронить и его наследие. Они объявили «устаревшими» идеи общественного служения искусства и ратовали против «дидактики», за «чистое» искусство. Реакции было выгодно в трудное для народа время разоружить искусство, лишить народ слова правды и оградить его от воздействия передовых идей.

Вслед за Белинским и Герценом Чернышевский развивал взгляды о высоком общественном значении литературы. Мужественно и энергично выступал он против теорий, уводящих искусство от жизни и борьбы. Он указывал, что нить преемственности связывает его идеи с идеями Белинского. что «большую часть тех мыслей, которые признаёт он справедливыми, можно отыскать не далее, как, напр., в «Отечественных записках».

В своих работах по эстетике Чернышевский смело обобщил весь опыт развития русской и мировой литературы и эстетической мысли. Он дал широкие обобщения, высмеял критику мелочную, библиографическую, лишённую широкого взгляда на явления искусства. Человек, которого реакционеры провозгласили чуть ли не «врагом эстетики», писал:

«Или эстетика уже потеряла право на наше внимание? Или нашего внимания достойны только библиографические исследования? Или мы из-за подробностей должны пренебрегать целым? Мне кажется, что такой взгляд, имеющий ныне очень многих защитников, односторонен, и что если мы признаём важность исследований об отдельных произведениях искусства, об отдельных писателях, то не можем не признавать важность исследований о значении искусства. Странно было бы отвергать всеобщую историю и признавать заслуживающими внимания только вопросы о подробностях отдельных событий, странно отвергать и эстетику из-за подробностей истории литературы».

Чернышевский глубоко, философски обосновал революционное решение вопроса об искусстве. Он дал материалистический ответ на коренной вопрос эстетической теории — вопрос об отношении искусства к действительности. Основным принцип материализма — первичность материи и вторичность сознания — он положил в основу своего труда.

«Уважение к действительной жизни, недоверчивость к априорическим, хотя бы и приятным для фантазии, гипотезам — вот характер направления, господствующего ныне в науке, — писал Чернышевский. — Автору кажется, что необходимо привести к этому знаменателю и наши эстетические убеждения...»

Привести эстетические убеждения к материалистическому «знаменателю» и значило лучше вооружить передовые, революционные силы общества в их борьбе с реакцией, полнее использовать могучие возможности искусства для свободы и счастья народа.

И если идеалистическая эстетика уводила от настоящего, была обращена в прошлое, в призрачный мир фантазии, то эстетика Чернышевского обращена к настоящему и будущему, к реальной действительности, в которой живёт, работает, борется простой человек.

Чернышевский дал бой идеалистической эстетике на самых важных её, решающих позициях: в вопросе о сущности прекрасного. Согласно учению гегелевской школы, прекрасное — это полное проявление идеи в отдельном существе или единство идеи и образа. Чернышевский показал, что, согласно этому взгляду, прекрасное лишается какой бы то ни было связи с действительностью, прекрасного нет в действительности:

это только призрак, влагаемый в неё нашей фантазией.

Эта теория практически служила защите крепостнически-эпикурейского, паразитического идеала. Недаром идеологи «чистого искусства» так третировали жизнь и правду жизни во имя прекрасного, во имя наслаждения.

В 1849 году Дружинин писал в своих «Письмах иногороднего подписчика»: «Вы скажете: жизнь выше слов, и правда выше лжи. Против этого многое можно сказать, но я скажу только: если я наслаждаюсь, что мне за дело, почему я наслаждаюсь... Если воображение моё дарит мне радостные и счастливые часы, я благодарен ему и долго ещё не погоню за действительными радостями. На весах моей жизни наслаждение значит всё».

Идя от жизни, от действительности, Чернышевский противопоставляет идеалистическим, лживым формулам своё понимание прекрасного:

«Ощущение, производимое в человеке прекрасным, — светлая радость, похожая на то, какою наполняет нас присутствие милого для нас существа...»

Самое общее из того, что мило человеку, и самое милое ему на свете — жизнь... И кажется, что определение:

«прекрасное есть жизнь»;

«прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни», —

кажется, что это определение удовлетворительно объясняет все случаи возбуждающие в нас чувство прекрасного».

Прекрасное принадлежит самой действительности, оно объективно. Прекрасное в искусстве есть воспроизведение, отображение прекрасного в действительности. Действительность, а не мир фантазии, не мир беспечной и ленивой грёзы — вот источник искусства. Чернышевский говорил: «Предлагаемое нами определение возводит в основную мысль эстетики достоинство и красоту действительности»; при этом он подчёркивал пирроту и диалектичность своего понимания действительности: «Действительность обнимает собою не только мёртвую природу, но и человеческую жизнь, не только настоящее, но и прошедшее, насколько оно выразилось делом, и будущее, насколько оно готовится настоящим».

С неумолимой последовательностью и целеустремлённостью мыслитель-революционер исследует и решает самые сложные вопросы искусства. В противовес идеалистической эстетике, отрицавшей земные корни понятия прекрасного, он показал, что представления о жизни и о прекрасном связаны с общественными отношениями людей, определяются этими отношениями.

Замечательно глубокое и самостоятельное открытие Чернышевского — обоснованный им вывод о том, что понятия «прекрасного», «хорошей жизни», «жизни, как она должна быть» различны у представителей разных классов, и зависят они от условий жизни, от отношения к труду этих классов. Прекрасное есть категория историческая. Так, анализируя идеал женской красоты, великий критик показывает, как различны взгляды и стремления трудового народа и паразитических классов. У трудового народа, у крестьянства этот идеал является выражением цветущего здоровья и равновесия сил в организме, следствия жизни в довольстве «при постоянной и нешуточной, но не чрезмерной работе». Чернышевский знал, что русский крестьянин лишён довольства, что труд его — рабский, изнурительный, чрезмерный; само определение идеала человеческой красоты служило вместе с тем скрытым призывом бороться за достижение этого идеала.

Идеалу трудового человека Чернышевский противопоставлял «идеал» красоты господствующих классов — маленькие бездействующие ручки, «интересная бледность», мигрени как результат паразитической жизни, заслуживающей осуждения и презрения.

Чернышевский характеризует и представление о красоте передовых, образованных людей. «Всякий истинно образованный человек чувствует, что истинная жизнь — жизнь ума и сердца. Она отпечатывается в выражении лица, всего яснее в глазах — потому выражение лица... получает огромное значение в понятиях о красоте, господствующих между образованными людьми; и часто бывает, что человек кажется нам прекрасен только потому, что у него прекрасные, выразительные глаза».

Свободный труд и полнота духовной жизни: — вот черты эстетического идеала демократических масс, противопоставляемого «идеалам» крепостнического паразитизма.

Разработанная Чернышевским теория прекрасного выбивала почву из-под ног сто-

ронников «чистого искусства». Она разоблачала представления о пассивно-созерцательной роли искусства: в понятие прекрасного Чернышевский включал не только объективную действительность, взятую в развитии с её прошлым, настоящим и будущим, но и активную, творческую, преобразующую деятельность человека, борющегося за жизнь, «какой она должна быть по нашим представлениям».

Только непониманием революционного, диалектического взгляда Чернышевского на искусство можно объяснить утверждения некоторых критиков, что формула «прекрасное есть жизнь» якобы статична и не ориентирует на борьбу со старым. Зерно подобных утверждений мы находим в работах Плеханова. В порочной, вульгаризаторской книжке по истории эстетики Л. Зивельчинской ложная мысль эта вырастает до чудовищных размеров.

«Следовало бы Чернышевскому... отметить, предостеречь,— поучает автор,— что суждение «прекрасное есть жизнь» необратимо. Из контекста самой диссертации, без анализа других произведений Чернышевского, получается впечатление, будто жизнь, действительность есть прекрасное. И тогда получается нечто весьма схожее с гегелевской формулой в её неправильном истолковании молодым Белинским: «всё разумное — действительно, а всё действительное — разумно».

Мы приводим это странное толкование как пример меньшевистского извращения учения Чернышевского, которое основывалось на непонимании революционного содержания его взглядов. Ибо, даже не обращаясь ни к каким другим трудам Чернышевского, кроме его диссертации, легко установить, что в понятие прекрасного входит жизнь, какой она должна быть, и, следовательно, борьба с тем, что мешает жизни быть такой. В его понятие прекрасного входит и движение и развитие, он боролся с представлением о жизни как о чём-то неподвижном и застывшем. Эстетический идеал он воспринимал не как абстрактную формулу, а как руководящее начало борьбы за передовое, революционное искусство.

Огромное революционизирующее значение имели мысли Чернышевского о предмете искусства. Идеалистическая эстетика утверждала, что предмет искусства — прекрасное. Чернышевский считал узким и непра-

вильным такое понимание, уводящее от отображения действительности, в которой есть не только прекрасное, но и отвратительное, искажающее и уродующее жизнь.

Область искусства не ограничивается областью прекрасного в эстетическом смысле слова, прекрасного по живой сущности своей, а не только по совершенству формы: искусство воспроизводит всё, что есть интересное для человека в жизни.

Эстетика Гегеля и его учеников, в том числе Фишера, книга которого подвергнута критике в диссертации Чернышевского, была скована по рукам и ногам идеалистическими абстракциями «абсолютного духа».

Материалистическая эстетика раскрепощала искусство, открывала перед ним как законную сферу его всю жизнь, всё общественно интересное, делала искусство могучим оружием познания и революционного преобразования действительности. Искусство не только зеркало жизни — оно объяснение жизни, источник светлых идей, оно могучее орудие обличения и утверждения.

Итоговая формула диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» даёт триединое определение назначения искусства:

«Воспроизведение жизни — общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни».

Реакционная критика кричала, что Чернышевский якобы принижает искусство, уничтожает его значение. Один из реакционных писак, Е. Эдельсон, в своей книжонке «О значении искусства в цивилизации» так и заявил, что диссертация Чернышевского возникла «из глубокого презрения к искусству». На деле именно Чернышевский и его соратники, развивая взгляды Белинского, возвышали искусство, поднимали его значение в жизни общества. Принижали же искусство те, кто погружал его в туман бесплодных фантазий, отрывал его от общественной, практической жизни, делал красивой безделушкой праздных бездельников. Служением человеку, говорил Чернышевский, «и возвышается реальное значение искусства, потому что таким объяснением даётся ему неоспоримое и почетное место в числе деятельностей, служащих на благо человеку».

Научная, марксистская эстетика видит

и слабые стороны учения Чернышевского об искусстве. Он был прав, страстно утверждая объективность красоты, приоритет действительности над искусством. Он был прав, когда писал, что произведение искусства — не плод свободной, ничем не связанной фантазии художника, а воспроизведение действительности, отражение её. плод изучения её. Но когда в полемике со жрецами «чистого искусства», сторонниками идеалистических теорий, он утверждал, что искусство — суррогат действительности, он глубоко ошибался. Нанвным кажется нам и рассуждение его, что выше — красота природы или красота искусства: красота искусства — особая, обладающая качественным отличием красота. Известная ограниченность материализма Чернышевского отразилась и на его эстетических взглядах.

Некоторые «истолкователи» наследия Чернышевского пустили лживую версию о якобы несамостоятельном, подражательном характере его эстетического учения. Не видя глубоко народных, национальных корней этого учения, они объявляли его простым переложением трудов Фейербаха. Даже Плеханов разделял эту глубоко ошибочную позицию.

Разумеется, Чернышевский создавал свою революционную, демократическую эстетику на основе творческого восприятия и использования всех достижений мировой культуры, философской и эстетической мысли. Но прежде всего он творил новое, отчётливо понимая превосходство своей мысли над самыми высокими вершинами научной мысли Запада. В частности, находя много ценного у Фейербаха, он в то же время видел и неполноту, недостаточность его работ и отмечал необходимость выработать «систему понятий более точных и полных, чем те, которые изложены Фейербахом». Сочетание широты и глубины познания действительности с активным, революционным отношением к её явлениям, с требованием встать на позицию определённой общественной группы придало эстетике Чернышевского особую силу и значение.

Чернышевский отрицал и развенчивал пропагандировавшееся идеалистической эстетикой понятие возвышенного как чего-то противостоящего обычному, повседневному. Великий русский мыслитель уничтожает непреходимую грань между великим и «обыкновенным» человеком, открывая дорогу к великим поступкам каждому, кто стремится

к ним. «...От самого человека зависит, до какой степени жизнь его наполнена прекрасным и великим... Пуста и бесцветна бывает жизнь только у бесцветных людей».

Эстетика Чернышевского утверждает героическое начало в человеке, она вся пронизана оптимизмом, верой в народные массы, борющиеся и побеждающие. Эстетика эта в полном смысле слова есть порождение своего бурного времени. Дух борющегося народа отразился на её смелости, силе и широте, на её глубокой и революционной последовательности.

Вот почему требования широты содержания, значительности поднимаемых в искусстве вопросов, отказа от мелочности, индивидуалистической замкнутости проходили через все работы Чернышевского по эстетике.

«Содержание, достойное внимания мыслящего человека, одно только в состоянии избавить искусство от упрека, будто бы оно — пустая забава, чем оно и действительно бывает чрезвычайно часто; художественная форма не спасёт от презрения или сострадательной улыбки произведение искусства, если оно важностью своей идеи не в состоянии дать ответа на вопрос: «да стоило ли трудиться над подобными пустяками?» Беспольное не имеет права на уважение».

Выражая глубокие потребности народа, Чернышевский и боролся за искусство, служащее народу в его борьбе. С этой точки зрения решал он такие вопросы, как сущность возвышенного, изгоняя из понятия возвышенного мистику, религиозные тенденции; с этой точки зрения он рассматривал и проблему трагического. Определяя трагическое как ужасное в жизни человека, отрицая понятие о роке, судьбе, перед властью которых якобы бессилён человек, Чернышевский боролся против реакционной эстетики, принижавшей человека и значение его деятельности. В отрицании предопределённости, неизбежности трагической судьбы крылось, таким образом, большое прогрессивное содержание. Однако в этом вопросе также проявлялась и известная ограниченность мыслителя. Справедливо отказываясь следовать понятиям о неизбежности судьбы, он сводил, однако, трагическое к случайному, не видя связи этого понятия с закономерностью общественной борьбы. Марксистская философия смогла диалектически разрешить проблему случайности и необхо-

димости; она показала, что случайность действует и проявляется в рамках необходимых, закономерных процессов. Марксистская эстетика связывает трагическое с закономерностями общественного развития, с борьбой новых, нарождающихся сил со старым, борьбой, раскрывающей всю сложность и противоречивость действительности. Замечательный образец научного понимания трагического дали Маркс и Энгельс в своей критике трагедии Ф. Лассалю «Франц фон Зикинген»; в письме Энгельса Лассалю вскрывается трагическая коллизия, составляющая противоречие «между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления»¹. Но, разумеется, то, что марксистская эстетика пошла дальше Чернышевского и ответила на вопросы, которые великий мыслитель смог только обозначить, не умаляет значения той громадной очистительной работы, которую вёл он в борьбе с реакционной идеологией.

Идеалистическая эстетика пессимистична по духу; она обрекает на гибель великое, смелое, новое. Чернышевский, выступая против идеи обречённости возвышенного, героического, срывая мистические покровы с картин борьбы общественных сил, утверждал, что природа — не место суда, а поприще для деятельности человека, то удобное, то неудобное. Полны великой, воодушевляющей силы исторического оптимизма его слова: «Пусть всегда нужна борьба; но не всегда борьба бывает несчастна. А счастливая борьба, как бы ни была она тяжела, — не страдание, а наслаждение, не трагична, а только драматична».

Известно, что Плеханов видел слабость Чернышевского в его проповеди активной, действенной роли искусства. В проповеди этой он находил влияние «просветительства», дидактизма. Связанный меньшевистскими взглядами, Плеханов считал, что не дело науки устанавливать, чем должно быть искусство: наука должна установить лишь, чем оно является.

Но в этом споре Чернышевский ближе нам, чем Плеханов. Требование активной роли искусства в жизни общества было далеко от дидактики и риторики, от голой назидательности, ибо Чернышевский всегда живо и глубоко чувствовал природу искусства. Отстаивая принципы реализма, худо-

жественной правды, он призывал писателей создавать произведения, в которых образы действительности, освещённой передовыми идеями, будут отражением, объяснением явлений жизни и приговором над ними. Он глубоко понимал всю сложность творческого процесса и писал о влиянии на характер творчества ума, сильного, здорового смысла и тонкого вкуса. Писателей, которых природа наградила талантом и живым вкусом, он призывал «дорожить в себе этим прекрасным сочетанием таланта с мыслью, дающей силу и смысл таланту, дающей жизнь и красоту его произведениям».

Призывая к воспроизведению явлений действительности, Чернышевский не представлял себе этого воспроизведения упрощённо и механически.

Знание жизни, ум, талант, творческая фантазия, художественный вкус — всё это образует драгоценный сплав при создании произведений искусства. Чернышевский издевался над теориями, возводившими китайскую стену между сферой мысли, науки и сферой чувства. Он доказывал, что передовая научная мысль обогащает художественное творчество, но в то же время понимал всё значение эмоционального подъёма, воображения, вдохновения, творческой фантазии.

Эстетические взгляды Чернышевского развивались и высказывались в связи с анализом литературного процесса, конкретных явлений литературного творчества. Чернышевский опирался на опыт великой русской литературы, на опыт Пушкина, Лермонтова, Гоголя, создавших целую галерею живых образов, ярко и полно отразивших жизнь родной страны. Он гордился правдивостью русской литературы, обратившей внимание не на мелочи и пустяки, а на существеннейшие стороны русской жизни, как это и подобает подлинному искусству, от которого «требуется верное воспроизведение известной стороны жизни, а не какого-нибудь отдельного случая».

В своей диссертации Чернышевский довольно обстоятельно анализирует процесс создания поэтического произведения. Он показывает, как художник отбрасывает мелочное и случайное, отделяет главное содержание от ненужных эпизодов, изменяет многие подробности, творческой фантазией восполняет образовавшиеся пробелы, и делает вывод: «...круг деятельности твор-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 261.

ческих сил поэта очень мало стесняется нашими понятиями о сущности искусства». Верность жизненной правде, служение передовым идеям не сузят свободу творчества, а, напротив, предоставляют такую свободу в подлинном и высоком значении этого слова!

Анализируя произведения Островского, он говорил о значении верного взгляда на мир, понимания жизни, без которого правды сказать нельзя: «В правде сила таланта; ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже в чисто художественном отношении».

Глубокие и светлые мысли не стареют — живыми и злободневными кажутся сегодня мысли великого критика о типическом в искусстве, мысли, в которых нашла выражение глубина и тонкость понимания Чернышевским сущности искусства.

Общественное в жизни — вот содержание искусства. Мыслящий человек не может мыслить над ничтожными вопросами, никому, кроме него, не интересными. Развивая эти мысли, великий критик ставил задачей освободить искусство от влияния мелких, эгонистических, сибаритских стремлений паразитической идеологии. Поэзия, писал он, воспроизводя жизнь, должна изображать «не случайные и ничтожные мелочи её, а то, что есть в жизни существенного и характеристического». В человеческих характерах должна раскрываться жизнь в её решающих тенденциях, в напряжённости общественной борьбы, в сложности её развития. Искусство «двигателями и участниками событий» выставляет людей, которых существенный характер совершенно соответствует духу событий».

Искусство поднимается над мелким и случайным, оно обобщает, типизирует, но типическое не существует вне конкретного, индивидуального, верно понятого и изображённого художником. Вот почему Чернышевский не уставал повторять, как важно поэтическому таланту «уметь понимать сущность характера в действительном человеке, смотреть на него проницательными глазами». Степенью приближения к живой индивидуальности, писал критик, «определяется достоинство поэтического образа». Серьёзным недостатком произведений литературы и искусства Чернышевский считал однообразие и монотонность лиц и событий; «от разности в характерах действующих лиц

и самые происшествия, существенно сходные, приобретали бы различный оттенок, как это бывает в жизни, вечно разнообразной, вечно новой».

Требую от произведений искусства правдивости и идейности, великий критик подчёркивал вместе с тем значение художественной формы, мастерства изображения, без которых самое лучшее содержание останется нераскрытым. Он учил писателей величайшей требовательности к себе, вставал против рыхлости, растянутости произведений, неопределённости образов, серости языка. Он говорил иронически, что писатель не должен считать для себя «несравненно драгоценностью» всякое выражение, какое только мелькнёт в его голове, всякую подробность», и напоминал, что «художественность состоит в том, чтобы каждое слово было не только у места, — чтобы оно было необходимо, неизбежно и чтоб как можно было меньше слов. Без сжатости нет художественности».

Ясная, чёткая мысль, правдивое содержание требуют и ясности, простоты художественного выражения. Форма выражает содержание, а «когда форма есть выражение содержания, она связана с ним так тесно, что отделить её от содержания — значит уничтожить самое содержание; и наоборот: отделить содержание от формы — значит уничтожить форму».

Враги обвиняли Чернышевского в «забвении художественности», но это была клевета ослеплённых злобой людей. Высмеивая тех, кто «изысканностью формы» прикрывал пустоту содержания, он писал, что форма наиболее плодотворно развивается именно тогда, когда искусство насыщено богатым содержанием. Он говорил о критиках, ставящих вопросы общественной жизни, что «именно эти люди имели на развитие литературы, не только по содержанию, но и в отношении художественной формы, решительное влияние, какого не достигал ни один критик, думавший преимущественно о художественных вопросах».

Работы Чернышевского по эстетике, а особенно его диссертация вызвали ярые нападки представителей теории «чистого искусства», «аристократической поэзии». За разногласиями по вопросам искусства стояли разногласия по решающим вопросам политики и философии.

Отдавая все силы ума и весь жар души борьбе против дворянской эстетской литера-

туры, прикрывающей реакционное, крепостническое нутро фразами о «чистом искусстве», Чернышевский опирался на лучшие традиции русской литературы с её реализмом, свободолобием, патриотизмом, с её неустанным и напряжённым интересом к судьбам своего народа.

Плеханов был совершенно неправ, когда писал, что Чернышевский в своей диссертации перенёсся «в область отвлечённых рассуждений». Сам Чернышевский подчёркивал, что мысли его «возникли на почве реальности», — от первой до последней страницы его труды по эстетике пронизаны острым чувством современности.

На задачи искусства великий критик смотрел с высоты задач общенародного дела. Разоблачая тех, кто выхолащивает идейное, жизненное содержание искусства, он учил, что блестящего развития достигают только те направления литературы, которые «возникают под влиянием идей сильных и живых» и «удовлетворяют настоятельными потребностями эпохи».

Гордясь своей отчизной, великим русским народом, которому он посвятил столько вдохновенных страниц, Чернышевский, как не многие, умел видеть национальные корни искусства. С какой настойчивостью и внимательностью, анализируя творчество Пушкина, Гоголя или Толстого, он обращал внимание на национальные особенности этого творчества! Какое негодование вызывали в нём космополитические попытки оторвать творчество русских писателей от народной почвы!

В блестящей работе «Очерки гоголевского периода русской литературы» Чернышевский глубоко раскрыл народность русской литературы, дал анализ реализма Пушкина и Гоголя, показал, насколько огромным было значение критики Белинского для литературного развития. Ряд статей посвятил он творчеству великих русских писателей — Пушкина, Гоголя, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Островского и других. Эти работы — замечательный образец сочетания постановки коренных вопросов общественного развития, анализа литературного процесса в целом, широких эстетических и историко-литературных обобщений с тонким и убедительным анализом творчества отдельных писателей, их своеобразия, их неповторимых особенностей. Борьба за глубоко правдивое, боевое реалисти-

ческое искусство составляет пафос этих статей.

Следуя традициям Белинского, Чернышевский высоко ценил Пушкина, видя в нём основоположника русской реалистической литературы, первого великого русского национального поэта, деятеля, возведшего литературу в достоинство национального дела. Близость к жизни своей страны, умение правдиво, с гениальной художественной силой воспроизвести её критик считал великой заслугой Пушкина.

«...Пушкин первый стал описывать русские нравы и жизнь различных сословий русского народа с удивительной верностью и пронизательностью. Прежние писатели редко избирали предметом своих рассказов русскую жизнь, а если и делали это, то описывали её неточно и неестественно».

После Пушкина русская литература уже не могла свернуть с пути реалистического творчества, ибо поэзия его «обратила мысль народа на те предметы, которые именно должны занимать его, и отвлекла от всего туманного, призрачного, болезненно-мечтательного, в чём прежде поэты находили идеал красоты и всякого совершенства». Гениальный художник слова, Пушкин первым «показал русской публике поэзию во всей её очаровательной красоте».

В шестидесятые годы вокруг имени Пушкина разгорелась ожесточённая борьба. Дворянские эстеты пытались изобразить Пушкина холодно-объективным, далёким от волнений жизни художником и из такого искажённого Пушкина сделать своё знамя. В полемическом пылу, не зная, к тому же, ряда произведений Пушкина, опубликованных позднее, располагая лишь фальсифицированными реакционными эстетскими материалами биографии поэта, Чернышевский иногда несправедливо отзывался о Пушкине как о поэте бесстрастном, холодно-наблюдательном. Нельзя не видеть, как противоречат эти полемические преувеличения всему существу высоких оценок великим критиком значения поэзии Пушкина.

Близким соратником Чернышевского, великий сатирик Салтыков-Щедрин, точно и остро вскрыл тактику ревнителей «чистого искусства», пытавшихся ореолом поэзии Пушкина скрыть своё кбсное, реакционное содержание.

«Только шутки шутят современные Ноздрёвы, приглашая литературу отдохнуть под сенью памятника Пушкина. В действитель-

ности они столь же охотно пригласили бы Пушкина в участок, как и всякого другого, стремящегося проникнуть в тайности современности. Ибо они отлично понимают, что сущность пушкинского гения... в тех стремлениях к общечеловеческим идеалам, на которые тогдашняя управа благочиния, как и нынешняя, смотрела и смотрит одинаково неприязненно».

Если Пушкин был основоположником реализма в русской литературе, то Гоголь был продолжателем его дела и ярчайшим выразителем нового этапа развития этого реализма.

Гоголь занимал выдающееся место в жизни Чернышевского, начиная с юношеских лет критика. В творчестве Гоголя Чернышевский видел пример искусства, которое приобретает особо важное значение для жизни, играет активную роль в преобразовании действительности. Это глава школы, написавшей на своём знамени страстное, непримиримое отношение ко всему уродливому и злему. «...Должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочного введения в русскую изящную литературу сатирического — или, как справедливее будет называть его, критического направления... за Гоголем остаётся заслуга, что он первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию, и притом стремление в столь плодотворном направлении, как критическое».

В то же время Чернышевский прямо и чётко говорил о тесноте горизонта Гоголя, помешавшей писателю удержаться на избранном им пути и приведшей к таким срывам, как «Выбранные места из переписки с друзьями». Великий критик пронзительно видел, что в идейных заблуждениях последних лет немалую роль сыграло окружение Гоголя из реакционного лагеря: «Этим знакомствам надобно приписывать сильное участие в образовании у Гоголя того взгляда на жизнь, который выразился «Перепискою с друзьями».

Чернышевский сблизил имена Гоголя и Белинского, так как видел их идийное родство: это были вожди направления, которое «до сих пор остаётся в нашей литературе единственным сильным и плодотворным». Гоголь и Белинский учили постигать правду о русском обществе, ненавидеть царство крепостников, обличать носителей бесчеловечных общественных отношений.

С радостью указывал Чернышевский, что русская литература после Гоголя пошла дальше по пути реализма. Жизнь ежедневно выдвигает новые задачи, новые потребности; замечательные гоголевские традиции развиваются, и направление их развития великий критик блестяще раскрыл, обратившись к произведениям Салтыкова-Щедрина.

Статья Чернышевского о «Губернских очерках» Щедрина — замечательный пример критики, зажатой тисками цензуры, но всё же умеющей языком намёков и иносказаний высказать смелую революционную мысль.

Чернышевский очень точно характеризует особенности таланта Щедрина: «Он писатель, по преимуществу скорбный и негодующий» — и указывает, что никто «не карал наших общественных пороков словом, более горьким, не выставлял перед нами наших общественных язв с большей беспощадностью». Но великий критик как бы хочет «смягчить» характеристики, даваемые Щедриным своим героям. Он пространно рассуждает, что взяточник-чиновник берёт взятки не потому, что у него дурная натура, а потому, что так делают все кругом, такова общая привычка, а «обычай никогда не возникает без причины; он всегда создаётся необходимою силою исторических обстоятельств». Делая вид, что он оправдывает характер прохвоста-подьячего и других подобных типов, строя целую систему «отвлечённых» психологических рассуждений, Чернышевский мастерски подводит к выводу, что дело не в личных свойствах отдельных представителей самодержавно-крепостнического строя, а в «обстоятельствах общественной жизни», в системе общественных отношений. Иронически высказавшись в «оправдание» обычаев и человеческих слабостей, он делает вывод большой революционной силы:

«Упрёками делу не поможешь. Надо бы отыскать причины, на которых основывается неприятное нам явление общественного быта, и против них обратить свою ревность».

Силой революционной мысли, сознательностью отношения к явлениям действительности Щедрин представляет новый, высший этап развития русской литературы; такой глубины понимания природы социальных отношений, сознательности критики всей системы этих отношений ещё не было у Гоголя. В этом росте сознательности и глубины отрицания несправедливых общественных

отношений видел Чернышевский рост, возмужание русской литературы.

С огромной любовью, внимательно следил он за новыми явлениями реалистической литературы, смело поддерживая всё передовое, талантливое, новое, решительно критикуя ложные и отсталые взгляды. Так, ценя Тургенева, он критиковал его за либерализм, за неверное освещение облика передовых людей в «Рудине»; так, он первым подверг критике черты славянофильства в творчестве Островского.

Чернышевский первым проникновенно оценил гений Толстого, увидел, какой могучий новый талант пришёл в литературу, и глубоко определил своеобразие этого таланта. Он отмечал в произведениях Толстого умение изобразить «психический процесс, его формы, его законы, диалектику души», то есть процесс духовного развития человека во всей сложности и многогранности. Он высоко ценил ту чистоту нравственного чувства, не осквернённого влиянием эксплуататорской морали, которую так умел выражать писатель, его умение проникнуть в психологию народа — простых солдат и крестьян.

Чернышевский прекрасно понимал всё значение поэзии Некрасова. Необычайно тонко исследуя своеобразие этой поэзии, он умел оценить и стихи, посвящённые гражданским темам, и глубоко сердечные лирические стихи поэта.

Чернышевский и Добролюбов были вождями и вдохновителями всей передовой русской литературы своей эпохи; их критика, их деятельность в «Современнике» сплачивали на позициях реализма и идейности все лучшие литературные силы.

Разоблачая половинчатых и бесхарактерных либеральных героев типа героя тургеневской повести «Ася», позволившей Чернышевскому создать свой блистательный памфлет против русского либерализма — статью «Русский человек на rendez-vous», великий критик поставил вопрос: какого же положительного героя ждёт Россия? Разоблачая разрыв между прекраснодушными словами и делом, свойственный либерализму, Чернышевский писал, что мы ждём такого человека, «который, привыкнув к истине с детства, не с трепетным экстазом, а с радостною любовью смотрит на неё; мы ждём такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышалась бы

не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может владычествовать над жизнью, и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями».

Деятельность человека бесполезна и ничтожна, когда не одушевлена высокой идеей, но «идея получает ценность в действительности только тогда, когда в человеке, посвящающем себя служению высокой идее, есть достаточные силы для её удовлетворительного осуществления».

Чернышевский не только анализировал черты такого нового положительного героя в статьях о Белинском и Огарёве, но и создал художественные произведения, ставшие наиболее ярким воплощением революционного, социалистического идеала во всей допролетарской литературе. Его роман «Что делать?» продолжает жить, вдохновляя великими идеалами поколение за поколением; роман «Пролог» помогает нам понять и мрачные фигуры крепостнической России и светлые образы борцов за её освобождение.

Одним из важнейших заветов Чернышевского является мысль о критике, активной, воздействующей на всё развитие литературы. Критика не имеет права ограничиваться библиографическими, регистраторскими обязанностями. В статьях Чернышевского и его соратника Добролюбова давался ответ на коренные вопросы общественного развития, поставленные жизнью. С позиций материализма и революционной демократии в них анализировался литературный процесс в связи с борьбой сил демократии и реакции. Чернышевский и Добролюбов выступали против критики мелочной, уклончивой, неспособной влиять на развитие литературы. «Критика есть суждение о достоинствах и недостатках какого-нибудь литературного произведения. Её значение — служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе», — писал Чернышевский. Он указывал, что русская критика не должна быть похожей на шепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французских фельетонов. От неё требуются живые и ясные убеждения, определённости мнений и прямота выражения их. «Критика должна стать гораздо строже, серьёзнее, если хочет быть достойною имени критики».

Ленин отмечал, оценивая деятельность Чернышевского, Добролюбова и их соратников:

«Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов»¹.

В величии Чернышевского и Добролюбова воплощено величие русского народа, величие его революционной борьбы.

Русский народ создал искусство, изумляющее мир красотой и благородством идейных стремлений, щедрой широтой картин жизни, яркостью и богатством красок. Под ярмом крепостничества, в оковах самодержавия народ создал искусство и литературу — сокровище и гордость человеческого цивилизации, великий вклад в мировую культуру.

В Радищеве, Пушкине, Гоголе, Некрасове, Толстом, Горьком, Глинке, Чайковском, Сурикове, Репине видим мы воплощение творческой мощи, талантливости великого, свободолюбивого, духовно прекрасного народа.

История русской критики — это прежде всего история того, как на сложнейшем и труднейшем участке идейной борьбы люди, достойно служившие народу, оружием слова боролись за интересы порабожденных масс, за их счастье и свободу, против всего косного, лживого и реакционного в жизни и искусстве.

Деятельность Белинского, Чернышевского, Добролюбова — это великий революционный, патриотический подвиг, который никогда не забудет человечество. Классические произведения русской критики возникли в тяжелой, но славной борьбе — в этом их пафос, в этом же объяснение их неумирающего значения.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 100.

Марксизм произвел революционный поворот в развитии общественной мысли. По сравнению со всеми предшествующими учениями это — совершенно новое мировоззрение, впервые превратившее социализм из мечты в подлинную науку. Это — идеология пролетариата, мудрость и справедливость которой проверены в огнях революций и войн, в великом трудовом пафосе социалистического строительства.

Но марксизм, будучи принципиально новым учением, наследует всё ценное, созданное многовековым развитием человечества; ему близки передовые, прогрессивные элементы культуры прошлого, ему близка демократическая, социалистическая русская культура, характеризую которую Ленин назвал имя Чернышевского.

Русская революционно-демократическая критика создала благородные традиции, борясь за революцию и за социализм, за высокую идейность и активную общественную роль литературы, за художественную правду, за прекрасную форму, достойную великого народа. Традиции марксистской критики — это продолжение и развитие, обогащение на новой идейной основе традиций классической революционно-демократической русской критики.

Творчество Чернышевского — свидетельство той огромной, действенной роли, которую играла критика во всем развитии нашей литературы. Оно близко и дорого советской критике, призванной быть оружием партии в борьбе за новый подъём нашей литературы. Оно близко и дорого всем советским людям, любовно ценящим великого мыслителя и борца, всей своей жизнью-подвигом, своей патриотической деятельностью приближавшего торжество дела социализма, ныне восторжествовавшего на необъятных просторах нашей Родины.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. БАЙКОВ

★

ЛИТЕРАТУРА СВОБОДНОЙ ВЕНГРИИ

В своей исторической речи на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза товарищ Сталин сказал, что в настоящее время «от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран...»¹.

Венгерский народ, освобождённый в 1944—1945 годах героической Советской Армией от фашистского гнёта, с честью носит почётное звание одной из ударных бригад мирового революционного и рабочего движения. Коренные изменения, происшедшие во всей структуре экономического и общественного строя Венгрии, вызвали к жизни могучие творческие силы народа. В современной Венгрии, строящей социализм, создаётся новая культура. Литература и искусство народно-демократического государства становятся родным делом народа. Изменилась и роль писателя, художника. Писатели освобождённой Венгрии стремятся завоевать почётное право называться инженерами человеческих душ, стать воспитателями людей, помогать формированию в них новых черт человека социалистической эпохи. Они ставят своей задачей правдивое, исторически конкретное изображение новой венгерской действительности в её непрерывном революционном развитии, в её устремлении к прекрасному, социалистическому будущему.

Творчество прогрессивных современных писателей народно-демократической Венгрии тесно связано с революционными и демократическими традициями классической венгерской литературы.

Исходя из марксистско-ленинского учения об огромном значении классических традиций в борьбе за социалистиче-

скую культуру, Венгерская партия трудящихся призывает писателей своей страны критически осваивать опыт классиков, развивать и продолжать их патриотические и гуманистические традиции, учиться у них высокому мастерству реалистического художественного воплощения жизни в искусстве. «Мы являемся законными наследниками, прямыми продолжателями всего того, что в течение нашей тысячелетней истории было прогрессивного, жизнеспособного, всего того, в чём выражалась вера в будущее», — сказал вождь венгерского народа товарищ М. Ракоши на Втором съезде Венгерской партии трудящихся.

Имена крупных венгерских художников слова — Бачани и Чоконаи, Петефи и Тянчича, Этвеша и Миксата, Морица, Ади и Йожефа, творчество которых пронизано идеями свободолюбия и патриотизма, чувством национальной гордости и ненависти к иноземным поработителям, — составляют славу венгерского народа.

Могучим фактором в создании передовой венгерской литературы являются произведения советских писателей. Книги Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева и других советских писателей выходят в Венгрии огромными, невиданными ранее тиражами. Так, роман Горького «Мать» выдел тиражом в 125 тысяч экземпляров, «Тихий Дон» Шолохова — 100 тысяч, «Педагогическая поэма» Макаренко — 100 тысяч экземпляров и т. д. В прошлом году вышла обширная «Антология советской поэзии», в которой представлены произведения лучших поэтов всех шестнадцати республик Советского Союза.

Высокий гуманизм советской литературы, самый её характер — жизнеутверждающий, проникнутый идеями интернационализма — поучительный пример и образец для венгерских писателей.

¹ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952, стр. 9.

Литература Венгерской Народно-Демократической Республики выходит на широкую дорогу социалистического реализма. Она рассказывает об огромной воспитательной роли Венгерской партии трудящихся, направляющей силы народа на строительство социализма, об изменениях в моральном облике человека — участника этой великой стройки. «И для старых и для новых писателей, — говорит председатель Союза венгерских писателей Йожеф Дарваш, — характерно, что в их сочинениях всё сильнее звучит пафос социалистического строительства, пафос созидания. Их вдохновляет рождение новых заводов, трудовое соревнование, победоносная борьба рабочего класса, свобода, которую получили крестьяне, любовь к Советскому Союзу и партии, ненависть к врагам; в их произведениях всё явственнее отражается непобедимая радость жизни».

За последние годы венгерские писатели создали ряд талантливых произведений. Шандор Надь, Тамаш Ацел, Петер Вереш, Дьюла Ийеш, Золтан Зелк, Оскар Геллерт, Бела Иллеш, Лайош Коня, Ференц Юхас, Дьюла Хай, Ласло Беньямин, Петер Куцка, Эва Манди, Эрне Урбан, Пал Сабо, Шандор Гергей и другие писатели получили признание не только в самой Венгрии, но и за её пределами. Лучшие произведения современной венгерской литературы удостоены национальной премии имени Кошута. Достижения венгерских писателей, ярко показавших жизнь своей страны в её непрерывном движении вперед, высоко оценены и братским советским народом. Молодым талантливым писателям Тамашу Ацелу и Шандору Надь присуждены в 1952 году Сталинские премии.

Одна из важнейших задач искусства социалистического реализма, как известно, состоит в том, чтобы раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты в характере человека, создавать его яркий художественный образ, который мог бы стать примером и предметом подражания. В этом направлении стремятся работать и писатели демократической Венгрии. В лучших своих произведениях они показывают типические и в то же время индивидуализированные образы людей нового мира. В центре их внимания стоит рядовой труженик Венгрии, смело пролагающий новые пути общественного развития. Этот передовой человек вы-

шел из класса угнетённых, гонимых людей, того класса, который впервые в истории поднялся до положения класса господствующего. Это новый человек новой Венгрии.

Первые успешные попытки воспеть Венгрию, вставшую на путь социализма, были сделаны поэзией. Старейшие пролетарские революционные поэты Эмиль Мадарас, Андор Габор, представители старшего поколения художественной интеллигенции Дьюла Ийеш, Оскар Геллерт, Золтан Зелк, молодые поэты Тамаш Ацел, Ференц Юхас, Лайош Коня, Ласло Беньямин и другие посвятили свои произведения поэтическому изображению новой жизни. Созидательный труд рабочего класса, идущего в авангарде венгерских трудящихся, — такая основная тема поэзии освобождённой Венгрии. Герои стихов и поэм — венгерский рабочий, крестьянин, передовой интеллигент. В художественных образах поэтических произведений поэты воплощают девиз народно-демократического государства: «Страна — твоя, ты строишь её для себя».

Тяжёлые условия жизни трудящихся в капиталистической Венгрии, изнурительный подневольный труд батрака, рабочего побуждали передовых писателей прошлого изображать работу как унижающее бремя, подавляющее человека. Труд — это то, от чего «разъедены пальцы и стёрты ладони», что заставляет земледельца припадать к земле и кровь — сочиться из самой лопаты, — так говорил революционный поэт Аттила Йожеф («Что готовит судьба...», «Ночь зимы»). В своей знаменитой «Балладе о капиталистическом барыше» он выразительно описал положение угнетённых в обществе, где на долю одних достаётся безрадостный, иссушающий тело и мозг человека труд, а на долю других — «капиталистический барыш».

В освобождённой Венгрии труд стал почетной обязанностью каждого гражданина. Поэты воспевают новых людей, строящих заводы, фабрики, дороги, домны, шахты, людей, создающих будущее своей родины.

Радостное восприятие жизни вдохновлено передано в стихотворении Дьюлы Тот «Небо блестит»:

Лейся, вода, пеняся, волна,
Чепель, гуди!
Домен огонь, ярко шлифуй
Рифмы мои!

Тёплую ткань ткнут для меня
 Руки ткачи,
 А на бумажных белых полях
 Зреет мой стих.

Оптимистическое восприятие настоящего неразрывно связано у поэтов со стремлением заглянуть в завтрашний день, увидеть в настоящем ростки будущего.

И день сегодняшний в грядущее уходит.
 Желаний много в явь превращено.
 Любой трудящийся промолвит вместе
 с нами,
 Что будет так, что так и быть должно!
 (Петер Куцка. «Подсчёт»)

Демократическая поэзия венгерского народа проникнута идеями интернационализма. Мысль о стране Советов — защитнике и друге венгерского народа — одухотворяет творчество молодых поэтов. Думами об этом проникнуто стихотворение «Ранним утром» Э. Даража, где поэт размышляет, стоя возле постаментов, на котором высится отлитый из бронзы памятник советскому солдату, завоевавшему свободу для венгерского народа.

Стихи, поэмы, оды посвящают венгерские поэты великим вождям Коммунистической партии Советского Союза, гениям человечества — Ленину и Сталину.

В стихотворении «Два имени» поэт Иштван Полгар приводит народное сказание о великом человеке, который поднял звезду над Россией, навеки дав счастье её народам. Великим пресмником В. И. Ленина стал И. В. Сталин.

Сталин — свет всемирного восхода,
 Он надежда наша, наша жизнь...
 Мир, свобода, братство всех народов
 В этом славном имени слились!
 (Лайош Коня. «Имя Сталина»)

С именем И. В. Сталина поэты связывают радостное преобразование своей страны, глубокие изменения в жизни, быту, в сознании людей.

В поэме «800 миллионов» Ласло Беньямин, обозревая трудный путь венгерского народа к свободе, говорит о том, что появление в сорок пятом году героической Советской Армии вдохнуло новое мужество в сердце свободолюбивого венгерского народа.

И Сталин в эти дни пришёл к нам
 Предвестником иной судьбы,

Как будто растворились окна
 И свет увидели рабы.

Поэт Золтан Зелк в «Песне преданности и благодарности», удостоенной национальной премии имени Кошута, как бы продолжает тему поэмы Ласло Беньямина: в ней обозревается тот славный путь, который венгерский народ прошёл за последние годы. Автор воспекает «обновлённый край — страну свободы, её сады, и школы, и заводы», воспекает человека, воспитанного родной партией, управляющего своей страной.

Имя гениального Сталина навеки заключено в сердца людей. Его образ нераздельно слит в творчестве поэтов новой Венгрии с величественным образом Коммунистической партии, ведущей народ к победе социализма.

Народы освобождённых стран влились в могучий лагерь мира, возглавляемый Советским Союзом. Борьба за мир стала поэтому одной из важнейших тем венгерской литературы.

Борьба
 И мир —
 вот стяг грядущих лет!
 За ним идёт
 Народ
 и я, его поэт.
 (Золтан Зелк. «16 мая 1949 года»;

Разрабатывая новые темы, активно вторгаясь в жизнь, современная поэзия свободной Венгрии знаменует собой качественно новый этап в истории венгерской литературы. Её новые черты связаны в первую очередь с образом положительного героя. Новый лирический герой венгерской поэзии обладает активной, волевой натурой. Он смело ведёт своё наступление на старый, отживший мир, никогда не удовлетворяется достигнутым, постоянно стремится всё вперёд и вперёд, творчески проявляя себя в замечательных делах. Его размышления проникнуты пониманием тех коренных сдвигов, которые происходят в его стране в эпоху строительства социалистического общества. Не случайно многие стихи современных венгерских поэтов посвящены весне. Образ природы, пробуждающейся от зимней спячки, ассоциируется у поэтов с пробуждением венгерского народа, молодые весенние побеги как бы символизируют ростки нового в жизни страны. Такие ас-

социации можно найти в стихах многих поэтов, описывающих первую впашку, майский дождь, праздник Первого мая.

Золото облачных гребней,
гребни чернеющей впашки,
зыбью подёрнуты лужи;
почки, побеги, ромашки.

Снег почернел от проталин;
холм от потока фиалок
синей покрылся глазурью —
так он наряден и ярост!

Описание природы, бурно стремящейся навстречу весне, составляет основу этого стихотворения Ференца Юхаса «На пашне». И этот расцвет природы неразрывно связан с расцветом жизни, окружающей поэта.

— Эй, я живу! — прокричал я
ветру весенней отчизны.
Вдаль понесли меня крылья,—
видите, чьи они? — Жизни!

Эта поэтическая картина динамична. Всё ликует, всё движется, всё мчится вперёд на крыльях жизни. Весенний пейзаж входит, таким образом, важнейшим компонентом в раскрытие социальной идеи стихотворения.

Было бы, однако, неправильно утверждать, что вся современная венгерская поэзия находится на высоком идейно-художественном уровне. Венгерская литературная общественность указывала некоторым поэтам, что в их творчестве встречаются иногда произведения слабые и по содержанию и по форме, критиковала их за то, что глубокие противоречия жизни пока ещё не нашли отражения в их произведениях, что реализм они зачастую подменяют лакировкой действительности. Не все поэты Венгрии отдают себе отчёт в том, что движение народа к социализму сопряжено с преодолением огромных трудностей, что классовая борьба в стране не закончилась.

Помочь венгерским поэтам освободиться от этих недостатков, преодолеть болезни роста может в первую очередь глубокое изучение творческого опыта советской литературы, советской поэзии с её жизнеутверждающим пафосом и большой силой разоблачения.

В лучших произведениях современных венгерских прозаиков также описываются кипучие трудовые будни сегодняшней Венгрии. Герои романов и повестей Т. Ацела,

А. Шандора, Ф. Каринти, Л. Себерени, Б. Иллеша, новелл П. Вреша, Ш. Надя, пьес П. Сабо, Э. Урбана, Э. Манди и других — это трудящиеся люди, самоотверженно создающие новый мир.

В двух романах Бела Иллеша — «Воспеваю герсев и их оружие» и «Битва у Вигсинмхаза» — рассказывается о том, как была освобождена Венгрия. В романах ярко обрисована освободительная роль Советской Армии. Наряду с запоминающимися образами венгерских рабочих, коммунистов-подпольщиков Бела Иллеш с большой теплотой рисует образы советских солдат, офицеров и генералов — Бабкина, Румянцева, Левина, Ушакова, принимавших участие в освобождении Венгрии.

Первые шаги трудового народа на пути демократического развития, его героическая борьба за создание и укрепление нового общественного строя, переворот в сознании людей, по-новому взглянувших на мир, и ряд других проблем, имеющих жизненно важное значение для современной Венгрии, нашли своё отражение в задуманной Тамашем Ацелом трилогии.

Первая и вторая части этой трилогии — романы «Под сенью свободы» (1948) и «Буря и солнце» (1949) — охватывают период с февральских дней 1945 года по август 1946 года. За это время освобождённая Венгрия прошла первый этап своего развития, завершив антифеодальную, антиимпериалистическую революцию, и вступила во второй этап, установив в стране диктатуру рабочего класса в форме народной демократии.

Действительность первых послевоенных лет воссоздана писателем в разных социальных разрезах. Он правдиво описал героическую борьбу трудящихся со старым, загнивающим миром — оголтелой кликой врагов, поддерживаемых международным империализмом и Ватиканом. Писатель показал, какие глубокие изменения произошли в Венгрии и какое место занимали в событиях первых послевоенных лет различные социальные группы Венгрии встаёт на страницах его романов в бурном столкновении общественных сил.

В своих романах Ацел рассказывает о жизни коллектива рабочих инструментального завода в предместьях Будапешта. Руководимые коммунистом Яношем Хольдерси, рабочие самоотверженно восстанавливают свой завод. Их работа показана авто-

воспитанной в духе космополитической, загнивающей культуры буржуазного Запада. Сибарит, не способный к полезному труду, Туратти пытается скрыть свою духовную опустошённость под маской поборника «чистого искусства». Поклонник символистов, он мечтает об уединении в «башне из слоновой кости», чему в немалой степени способствует его текущий счёт в банке. Революционный поворот в жизни страны лишил Пала Туратти текущего счёта и привычного комфорта, разрушил его грёзы о «чистом искусстве». Поклонник Рильке и Верлена становится «личным секретарём» американского шпиона и спекулянта Миронеску, выполняет его грязные поручения. Опасаясь справедливого народного гнева, предчувствуя близость расплаты, Туратти вынашивает план убийства своего патрона, маскируя свой животный страх ветхими рассуждениями о «дозволенном» и «недозволенном», об исключительных правах «сверхчеловека». От проповеди «эстетизма» к службе в шпионско-диверсантской организации — такова логика развития образа Туратти.

В изображении уродливого, отрицательно-го, враждебного новому миру писатель часто пользуется сатирическими приёмами: с острым, беспощадным сарказмом он рисует образ «взбесившегося» мещанина Кондои, проделавшего путь от нигилиста-анархиста до американского эмиссара, специалиста по шпионским делам. Сначала, приспособляясь к новым условиям, Кондои пытается примазаться к молодой республике, объявляет себя «бунтарём» против условностей буржуазного общества. Но от громких деклараций относительно «свободы индивида», «презрения к деньгам» вскоре не остаётся и следа. При первом же замалчиваем предложении американского шпиона и спекулянта Миронеску Кондои примыкает к его шайке.

Формирование нового общества протекает в обстановке больших трудностей. Народная демократия рождается в процессе ожесточённой борьбы с реакцией, с явными и скрытыми врагами, со всем старым, косным, что мешает развитию нового, революционного начала. В романах Тамаша Ацела реалистически изображены гибель старого мира и рождение нового общества.

Мы видим здесь две Венгрии: Венгрию молодую, строящую под руководством партии социализм, и Венгрию старую, пред-

ставленную людьми опустошёнными, готовыми в любой момент предать свою страну в руки интервентов. Трупным запахом гниения несёт из лагеря старой, умирающей Венгрии. В этом лагере — Зентаи, Кондои, Туратти, Миронеску и целая свора бывших богачей, помещиков, аферистов, шпионов, спекулянтов, связанных с американо-английскими империалистами. Им противопоставлены светлые, как бы пронизанные солнцем новой жизни образы коммунистов Хольдера, Бодоцкого, Чера, простых рабочих людей — Анны, Кранца, Варги и других. И чем дальше развёртывается рассказ о подлых происках врагов народа, тем ярче вырисовываются в романах Ацела полные лиризма образы представителей нового мира народной демократии.

В своём творчестве, подобно другим, лучшим литераторам народной Венгрии, Ацел выступает как наследник революционных традиций пролетарской литературы 20—30-х годов. Тема непобедимости народа определяет и художественные особенности творчества молодого писателя. Обе книги Ацела овеяны жизнерадостным поэтическим настроением, источник которого — правдивое изображение новой жизни. Это особенно заметно там, где лирически описывается мощное поступательное движение народных масс.

Описывая день Первого мая, писатель сравнивает народные массы с безбрежной рекой, которая лилась по мостовой. Демонстрация трудящихся Будапешта и митинг перед зданием ЦК, расправа заводского коллектива рабочих с лютым врагом народа, диверсантом Зентаи, разгром кафе на улице Андраши — притона будапештских спекулянтов, — во всех этих эпизодах возникает образ народа, величественного в своём гневе, прекрасного в своём стремлении к свободе, к счастью.

Одной из существеннейших черт реализма Ацела является сочетание национальной формы и социалистического содержания. Эта национальная форма сказывается у молодого писателя и в лексической окраске речи героев, и в венгерском народном юморе, и в описаниях родной природы.

Одни из самых сильных в романе — страницы, посвящённые Будапешту. Роман «Под сенью свободы» начинается с картины осаждённого Будапешта. В грозных отблесках пламени, взрывающегося к небу, в грохоте артиллерийских залпов встаёт пе-

ред читателем образ огромного города, в котором проживает половина всего городского населения Венгрии. Растерзанным длительной войной, голодным, лишённым хлеба и топлива — таким изображается Будапешт в суровые дни весны 1945 года. С реалистическим мастерством показано возрождение города. Оно началось с приходом советских войск. С появлением Советской Армии — освободительницы связаны первые изменения во внешнем облике Будапешта, которые становятся приметам нового Города, так недавно истекавший кровью, возвращается к жизни. Вновь на окраинах Будапешта задымили трубы фабрик и заводов. Преображённый Будапешт, залитый лучами весеннего солнца, становится центром объединения прогрессивных сил страны.

Произведениям Тамаша Ацела свойственны и серьёзные недостатки. Особенно это относится ко второй книге трилогии — «Буря и солнце», — в которой молниеносная калейдоскопическая смена лиц, происшествий, событий часто не позволяет автору давать развёрнутые психологические характеристики образов. Вместо глубокого изображения действительности автор иногда ограничивается беглыми очерковыми зарисовками, что придаёт роману элементы схематизма, ибо, как справедливо заметил А. Н. Толстой, «искусство для своего обобщения не стремится к количеству фактов, а стремится к поиску характерного факта».

Об этих недостатках романов Ацела говорил Йожеф Дарваш на Первом съезде венгерских писателей, отмечались они и в венгерской печати.

Основные проблемы современной венгерской действительности, освещённые в творчестве Тамаша Ацела, — стремление народа к мирной созидательной жизни, борьба рабочего класса за подъём отечественной промышленности, становление новой деревни, приход трудовой интеллигенции в ряды строителей социалистического общества. Борьба с врагами народной демократии — всё это получил дальнейшее развитие в других произведениях современных венгерских писателей. Стремление воплотить в художественных образах типические черты нской жизни характерно и для творчества Ференца Каринти, Эвы Манди, Дьюлы Хай, Бориша Палотай, Лехела Себерени и других.

После 1947/48 года, получившего в Вен-

грии название «года перелома», в литературе появился ряд произведений, где нашли своё отражение различные этапы социалистического строительства в стране. Новые формы труда, творческие искания, непрерывный духовный рост стали характерными явлениями в жизни передовой части венгерских трудящихся. Возникшее в Венгрии в ознаменование семидесятилетия товарища Сталина массовое трудовое социалистическое соревнование стало мощным рычагом, с помощью которого Венгерская партия трудящихся сплотила народ на борьбу за досрочное выполнение трёхлетнего плана.

«Как вода, прорвавшая плотину, текут волны созидательного труда, и, как по мановению волшебного жезла, появились венгерские стахановцы...» — писал товарищ Ракоши в 1949 году.

Сборник рассказов Ференца Каринти «Прекрасная жизнь» посвящён новаторам производства, стахановцам заводов и фабрик. Писатель убедительно показывает, как изменяется в новой Венгрии весь строй мыслей и чувств простого человека.

Содержанием рассказа «Прекрасная жизнь» является конфликт между сварщиком Эмилем Чонтом и его напарником, старым рабочим, «дядюшкой Берци». Молодой коммунист Эмиль Чонт не удовлетворён результатами своей работы и ищет новых возможностей для рационализации производственного процесса. Берци, наоборот, живёт по старинке, он принципиальный противник «всяких новшества». Машина, по его мнению, — враг человека, «безразлично, кому она принадлежит — хозяину или самим рабочим».

В этом конфликте нет ничего исключительного, он характерен для стран народной демократии, и автор показывает, что победа Чонта над Берци есть победа нового, прогрессивного начала над старыми, косными предрассудками, потерявшими свою силу.

Правдиво, убедительно рисует Каринти образы простых людей, рабочих заводов и фабрик. В рассказе «Жизнь Шандора Кнехта» писатель изображает немолодого рабочего-механика, за плечами которого безотрадная юность, многолетний изнурительный труд на хозяина, хроническая безработица, полуголодное существование.

Но вот в Венгрии к власти пришёл народ. Отныне Кнехт не может равнодушно отно-

ситься к работе. Он не просто рабочий,— он участник великой стройки социализма. Постепенно в сознании старого пролетария происходит коренной перелом. Замечательный почин советского токаря-скоростника Быкова вдохновил венгерского рабочего. Советский кинофильм «Повесть о настоящем человеке» показал ему, что человеческая воля может быть способна на чудеса. И Кнехт оправдал доверие своих товарищей. Он значительно перевыполняет свои обязательства. Теперь Кнехт считает себя достойным вступить в ряды Венгерской партии трудящихся.

Через все рассказы Каринти проходит мысль об организующей и вдохновляющей на творческий труд роли партии. Образ секретаря партийной организации Фаркашича обрисован в нескольких рассказах, и в каждом из них Фаркашич выступает как воспитатель рабочего коллектива, всеми силами поддерживающий творческую инициативу трудящихся.

Пафосом социалистического труда проникнута и повесть Ф. Каринти «Каменщики» (1950). Название повести символично. Каменщики — это не просто строители нового комбината, о котором говорится в повести, но весь венгерский народ, закладывающий фундамент будущего социалистического общества. Черты нового человека нашли своё отражение в ряде образов: парторга строительства, энергичного, волевого Безереди, пылкой и жизнерадостной Агнеш Балаж, энтузиаста строительства, организатора первой стахановской бригады Данчо, инженера-конструктора Конкоя, прораба Тулипан и многих других.

Достоинством произведения является то, что Каринти отнюдь не идеализирует своих героев, он правдиво показывает их недостатки, ошибки. Наряду с энтузиастами строительства Данчо, Пали, Пирошка есть и скептики типа дядюшки Бруннера, которые любят работать с прохладцей, не торопясь; есть и лодыри, прогульщики, срывщики производства, легко поддающиеся под пагубное влияние врагов народа. У каждого из персонажей повести свои взгляды на жизнь, своя психология, однако между людьми постепенно возникает та особая рода трудовая связь, которую Горький считал основой новых отношений к труду и к обществу.

Так же как и в романах Апела, в книге Каринти главная роль в трудном и почёт-

ном деле перевоспитания человека принадлежит коммунистам. Обаятелен образ парторга строительства Безереди. Это умный, волевой, проницательный человек, талантливый организатор, умеющий быстро ориентироваться в окружающей обстановке. Безереди много занимается воспитанием людей, пробуждает и развивает в них чувство личной ответственности за общее дело. Безереди знает, что кадры не создаются простым росчерком пера, приказом, как это казалось начальнику строительства Кнурру, с которым Безереди с первых же дней вступает в конфликт. Он понимает, что нужна длительная, настойчивая воспитательная работа, борьба за каждого рабочего, за каждого специалиста.

Примечателен в этом отношении разговор Безереди с новым начальником строительства Терекком. Начальник спрашивает парторга, как могло случиться, что враги народа долго и безнаказанно действовали на строительстве.

«— Здесь есть и ваша вина, товарищ Терек.

— Моя?

— Да, и немалая.

— О чём вы говорите? Строительство впервые начало выполнять план только после моего приезда. Мы даём сейчас сто двенадцать процентов! Разве это бывало раньше?

Безереди забарабанил пальцами по столу:

— Вот, вот, вот оно самое. Вы видите только цифры... А за этими цифрами скрывается очень многое... в сознании людей должно измениться ещё очень и очень много... И вот здесь-то мы могли сделать больше, чем сделали до сих пор... а люди у нас такие, что о каждом хоть роман пишешь».

Отношение к людям, вопросы воспитания новых кадров составляют предмет спора между начальником отдела кадров строительства Агнеш Балаж и талантливым инженером-конструктором Конкоем. Рабочий стол инженера завален художественно выполненными чертежами — проектами грандиозного строительства комбината. Зоркий глаз Конкоя предусмотрел каждую деталь, каждый винтик производственного агрегата. Но за этими винтиками он не видит человека.

«— Вы видите в своём воображении порт, а докеров и матросов не видите, — говорит Агнеш. — Вы прекрасно рисуете мартемов-

ские печи, но забываете о сталеварах. А нам прежде всего надо создать новых людей, даже прежде, чем самый завод».

В «Каменщиках» убедительно показано, как твёрдо и неуклонно идут коммунисты Безереди и Агнеш к намеченной цели, какую огромную работу они проделывают, чтобы сплотить строителей в дружный боевой коллектив. За короткий срок партком становится душой строительства. «Люди шли сюда со всем тем, что было у них на сердце, с обидами, мечтами, затаёнными надеждами; точно драгоценный подарок, несли они сюда лучшую половину своей души и смело вручали её Безереди». Люди, которые ещё недавно были чужими друг другу, становятся членами единой трудовой семьи, куда трудно проникнуть врагу. Характерно, что рядовые рабочие строительства комбината оказались более бдительными, чем руководство: именно ненависть простых людей к инженеру Холичу, надевшему на себя личину «честного специалиста», дала повод Безереди вначале заподозрить, а потом и разоблачить лютого врага трудового народа, диверсанта и шпиона.

Повесть «Каменщики» проникнута глубокой любовью к родине, гордостью за её достижения. Эти чувства особенно ярко раскрываются в переживаниях Агнеш Балаж, когда она смотрит на расстилающуюся перед ней панораму строительства:

«Жизнь кипела, была ключом по всей стране. Там, где раньше простирались бесплодные степи, теперь зеленели молодые леса. Тёмная земля расступалась под напором плуга, открывая людям свои чёрные жирные недра. Инженеры буравили горы прямыми узкими штольнями, искали уголь, густую, тягучую нефть, лесные массивы прорезала прямая, как стрела, сверкающая своим белым бетоном автострада. В высоком голубом небе парил самолёт. Сердце Агнеш забилось быстрее. Это была её родная земля, она обеими руками держалась за неё...»

Наряду с большими достоинствами повесть «Каменщики» не свободна и от серьёзных недостатков. Желая отобразить всё богатство жизни новой Венгрии, пафос великих строек пятилетки, направляющую роль партии, борьбу с предательством, со шпионажем и т. д., молодой писатель не смог глубоко разработать все поставленные им проблемы. Повесть получилась в известной мере схематичной, ряд образов

лишь намечен, не все сюжетные линии завершены. Серьёзного упрека заслуживает и композиция книги. Она отличается рыхлостью, фрагментарностью. Действие часто подменяется длинными рассуждениями. Язык «Каменщиков» не всегда выразителен. Выступающие на митингах и собраниях обычно говорят сухо, бесцветно.

Борьба венгерских трудящихся за подъём промышленности, трудовой энтузиазм венгерских стахановцев отражены в романе Лехела Себерени «Горы отодвигаются», опубликованном в 1951 году. Среди читателей современной Венгрии эта книга нашла горячее признание.

В центре повествования стоит простой рабочий литейного цеха Матьяш Чорба. Вместе со своими товарищами, такими же патриотами народной демократии, как и он, Матьяш Чорба борется за внедрение новых способов производства, за повышение норм выработки.

Отнюдь не приукрашивая действительности, Себерени показывает, какие огромные трудности приходится преодолевать рабочим, которым всячески мешают проникнувшие на государственное предприятие шпионы и диверсанты. Героические дела рабочего коллектива одного из заводов новой Венгрии показаны автором как типическое явление современной венгерской действительности. В то же время Себерени сумел сочетать типическое с индивидуальным, показать характеры героев в сложном переплетении различных, иногда противоречивых черт. Это в особенности относится к образу главного героя — Матьяша Чорба. С большой симпатией, с тёплым юмором нарисован облик пожилого рабочего, честного, справедливого, но вспыльчивого и упрямого. Умение найти яркие краски для характеристики персонажей, динамичность действия, увлекательность сюжета — всё это говорит о мастерстве писателя.

О рождении нового человека, о формировании его сознания повествует роман Оркена «Супруги». Достоинством этой книги является то, что в ней противоречия жизни, сложный комплекс личных психологических переживаний человека даны более углублённо по сравнению со многими произведениями на ту же тему. Всё, что рассказано в романе о семейном конфликте рабочего Шандора Лугоши и его жены Эстер, помогает читателям хорошо озна-

комиться с личной жизнью венгерских рабочих, понять, как зреют новые отношения между трудящимися, новая мораль. Личная драма Лугоши и его жены не изолирована от окружающей их среды. Друзья и товарищи по работе окружают семью Лугоши чутким вниманием, искренней дружеской заботой. Значительную роль играет в романе партийная организация завода. Секретарь партийной организации и коммунисты цеха воспитывают рабочий коллектив в духе социалистической морали, в духе новых общественных отношений. Под их благотворным влиянием происходит процесс перерождения Лугоши. Он освобождается от груза старых предрассудков, примиряется со своей женой, в которой он отныне научился видеть друга и товарища по работе, развивая незаурядные творческие способности, выходит в ряды передовых рабочих завода.

Глубокая вера в могучие творческие силы народа характеризует коммуниста Михая Бодог — героя пьесы Дьюлы Хай «Мост жизни». Михай Бодог, в прошлом рабочий-металлург, ныне — талантливый организатор всенародной стройки моста через Дунай.

Его спокойная, целеустремлённая воля коммуниста, верящего в неисчерпаемые творческие силы освобождённого народа, противостоит сознательной враждебности главного инженера стройки Фейте, скептицизму инженеров Кардоша и Гонды, недоверчивости старого плотника Антала Варги.

«Каждый удар молота, сделанный людьми нового труда, двигает вперёд творчество и оттесняет назад разрушение», — внушает Бодог нытикам и маловеерам.

Венгерские писатели показывают, что труд в новой Венгрии становится почётной обязанностью, что трудовая деятельность на благо народа пробуждает творческую инициативу людей. Эта мысль хорошо раскрыта в одной из современных венгерских пьес — «Герои будней» Э. Манди. Действие пьесы относится к 1949 году и развёртывается на одном из крупных предприятий страны. Внедрение стахановских методов работы позволило повысить производительность труда; завод перевыполняет план. Отстаёт один мартеновский цех, что особенно обидно директору завода — коммунисту Яношу Дунаи, бывшему рабочему этого цеха. Размышляя о том, как увеличить выпуск стали, Дунаи прихо-

дит к выводу о необходимости увеличить загрузку печи, а следовательно, реконструировать ковш. Предложение директора и поддерживающих его работников завода встречает яростное сопротивление главного инженера, скрытого врага трудового народа. Потрясая английскими и американскими справочниками по металлургии, главный инженер «авторитетно» заявляет, что увеличить загрузку невозможно, а реконструкция ковша немыслима. Однако Дунаи не верит главному инженеру, так же как не верит ему парторг Тот и все честные рабочие. Под руководством молодого инженера Надь коллектив рабочих мартеновского цеха осуществляет реконструкцию ковша и даёт увеличенную планку.

Для героев будней характерно устремление в будущее, вера в то, что им удастся своими силами сделать жизнь лучше, прекраснее.

«— Тот, кто стоит на месте, тот идёт назад», — справедливо говорит Дунаи

Носительницей прекрасной мечты о будущем венгерского народа является в этой пьесе простая работница Анна. В её словах, с которыми она обращается к секретарю партийной организации Тоту, чувствуется забота не только о настоящем, но и о будущем завода, о будущем всей страны.

«— А вы знаете, товарищ Тот, о чём я часто думаю? О том, что через двадцать лет здесь будет совсем другой мартеновский цех. Он будет такой же, как сейчас в Советском Союзе. А потом, через двадцать лет, когда я расскажу своей дочке, что я была первой женщиной в мартеновском цехе, она посмотрит на меня удивлённо и скажет: «Да что тут такого? Ведь я тоже там работаю. Сталь варить всё равно, что варенье варить!»

В этих словах Анны выражена мечта о будущей жизни, гордость за свой народ, который преодолел все трудности на пути строительства социализма.

До освобождения Венгрия принадлежала к тому типу полуфеодальных стран, о которых товарищ Сталин говорил: «Кроме стран капиталистически развитых, где победа революции приведёт сразу к пролетарской диктатуре, существуют ещё страны, капиталистически мало развитые, с феодальными пережитками, со специальным аграрным вопросом антифеодального типа

(Польша, Румыния и т. д.), иде мелкая буржуазия, особенно крестьянство, обязательно скажет своё веское слово в случае революционного взрыва...»¹.

Тяжкое положение венгерского крестьянина, кабальная зависимость от барина, бесчеловечная эксплуатация, надругательство над человеческим достоинством — всё это нашло своё отражение в творчестве лучших писателей венгерского народа Шандор Петефи, Михай Танчич, Янош Арань, Янош Вайда, Йозеф Этвеш, Кальман Миксат, Жигмонд Мориц и другие классики венгерской литературы с гневом и болью описывали безразостную долю сельских тружеников, надрывающихся в непосильной работе, показывали стихийный крестьянский протест против социальной несправедливости. «Что ела ты, земля? Ответь на мой вопрос. Что столько крови пьёшь и столько пьёшь ты слёз?» — горестно вопрошал великий поэт венгерского народа Петефи.

Совсем иначе живёт крестьянство в народно-демократической Венгрии. Вскоре после освобождения страны государство осуществило земельную реформу: было ликвидировано крупное помещичье земледелие, конфискованы земли, принадлежавшие фашистам и изменникам родины. В результате раздела земли сотни тысяч безземельных крестьян получили наделы.

Развитие сельскохозяйственных кооперативов было дальнейшим шагом венгерской деревни на пути к социализму. Эти кооперативы помогают крестьянам встать на ноги, полностью освободиться от кулацкой зависимости; коллективное начало всё больше и больше входит в жизнь, быт, сознание сельского труженика.

Современная венгерская литература обогатилась за последние годы реалистическими произведениями о становлении новой деревни. Новые социальные отношения, формирование новых людей в крестьянской среде — вот главные темы этих книг. Жизнь села, сложность совершающихся в нём перемен показаны в острых, жизненно правдивых конфликтах. В различных литературных жанрах, разнообразными художественными средствами рисуются типические черты новой деревни: победа прогрессивных форм жизни, непреодолимое движе-

ние вперёд под знаком торжества идей социализма.

Одним из наиболее видных современных венгерских литераторов является Петер Вереш. В своих рассказах он создаёт широкую картину многообразных явлений, характерных для венгерского села наших дней. Его сборник рассказов «Испытание» и повесть «Железнодорожники» отмечены высшей национальной наградой — премией имени Кошута. В рассказах Вереша отражены первые шаги нового села, связанные с конфискацией земли у эксплуататорских классов, и переход разрозненных мелких хозяйств единоличников на рельсы коллективного земледелия. Так, в рассказе «Стойкость» бывший баграк Габор Варна, отдавший лучшие годы жизни работе на помещика, теперь, под влиянием социальных изменений, становится сознательным строителем новой жизни «Земля принадлежит тому, кто её обрабатывает», — гордо заявляет он своему бывшему хозяину.

В большом рассказе «Испытание» П. Вереш показал сельскохозяйственный кооператив. Новая жизнь в коллективе изменяет сознание людей, их отношение к труду. Уборка кооперативного урожая становится проверкой добросовестности людей, их отношения к общественной собственности.

Стремясь к правдивому изображению действительности, Вереш не скрывает и отрицательных явлений в жизни венгерской деревни. В рассказе «Шули Киш Варга» выведен тип человека, который всеми способами стремится к личному обогащению. Писатель показывает, что лекавери, потеря бдительности приводят к тому, что стяжатели-подкулачники типа Шули Варги пролезают в трудную крестьянскую среду.

Произведения Петера Вереша — заметная веха в развитии литературы, посвящённой актуальным проблемам жизни крестьянства. Однако его рассказам свойственны и недостатки, характерные для творчества некоторых современных венгерских писателей, в частности заметен налёт объективизма в изображении как положительных, так и отрицательных персонажей. Нередко образы представителей старого, буржуазного мира нарисованы Верешем ярче, чем новые люди венгерской деревни.

Больших успехов добился Шандор Надь. Уже в его ранних рассказах — «Мост нового хозяина» и «Десятая часть урожая» — реалистически описаны те коренные изменения,

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 155.

которые произошли в венгерской деревне после земельной реформы. Наиболее зрелым произведением писателя является рассказ «Примирение», переведенный на русский язык и удостоенный Сталинской премии за 1951 год. В этом рассказе правдиво показан рост социалистических элементов в сельском хозяйстве. В основе сюжета рассказа — конфликт между единоличником Иштваном Хайду и крестьянами села Иллимань, объединившимися в кооператив. Хайду не хочет вступать в кооператив, всеми силами цепляется за свой маленький клочок земли. Мало того, он открыто выступает против тех, кто записался в кооператив. Это вызывает возмущение и глубокую неприязнь к нему со стороны объединившихся крестьян. В конце рассказа писатель жизненно верно разрешает этот конфликт. Осознавший преимущества коллективного хозяйства, Хайду просит своих односельчан принять его в члены кооператива имени Петефи. Вслед за ним — «самым одержимым» противником коллективных методов хозяйства — «половина села Иллимань вступает в кооператив имени Петефи».

Шандор Надь показал в «Примирении» победное становление социалистических начал в венгерской деревне. Правдивость разработанного автором конфликта — в его типичности. Писатель уловил и обобщил характерные черты развития, показал ростки социалистического уклада в сельской жизни новой Венгрии. Пусть эти ростки ещё молоды, пусть они ещё не окрепли в достаточной мере, — они всё же несут в себе приметы будущего, и именно в этом заключается их типичность. Типично в этом рассказе и разрешение глубокого противоречия между мелкособственническим и социалистическим укладом. Неумолимая логика жизни привела Иштвана Хайду к признанию правоты тех, кто вступил на новый путь.

На земле села Иллимань лютует засуха, «бедствие здесь постоянное». Сожгла она все посевы и на восьмикошловом участке Иштвана Хайду, который в одиночку ничего не мог сделать для спасения своего урожая. А на землях кооператива, где устроено искусственное орошение, несмотря на засуху, снова, как и в прошлом году, зреет богатый урожай. У Хайду, как и у других единоличников, всё поле заросло сорняками, почерневший картофель источен мури-

вями, а «четыре-пятьдесят кошлов кооператива имени Петефи на фоне других полей села Иллимань выглядели настоящим оазисом».

Простое сравнение своей жизни с жизнью членов кооператива убеждает Хайду сильнее любых слов. В кооперативе лучше и сельскохозяйственный инвентарь и кони, а у Хайду лошадь хоть и носит, словно в насмешку, имя Тальтоша, легендарного могучего коня из венгерского эпоса, на самом деле — измождённое непосильной работой животное.

Глубокое знание сельской жизни помогло писателю нарисовать яркие живые образы — председателя кооператива Кальмана Юхаса, его жены Юлиш и других.

Необходимо отметить и своеобразие стиля Ш. Надь. Его произведения насыщены добродушно-ироническим юмором. Согреты тёплой авторской усмешкой, герои рассказов Ш. Надь становятся ещё более близкими и понятными читателю. Юмористическая окраска придаёт его образам характерный национальный колорит. Речь действующих лиц, пересыпанная поговорками, шутками, многочисленными жанровыми сценками вводит читателя в атмосферу быта и нравов венгерского крестьянства.

Тема новой деревни, изменений в жизни крестьянства находит отражение и в повести Шандора Андраша «Их было двадцать четыре», в пьесах «Сев» Эвы Манди, «Глубокая вспашка» Михая Фельдеша, «Летний ливень» Пала Сабо, «Боевое крещение» Эрне Урбана. Жизненно правдиво показаны противоречия в среде крестьян в драме «Боевое крещение» Эрне Урбана, написанной в 1951 году. Газета «Сабад неп» высоко оценила художественные достоинства этой пьесы, назвав её глубокой, убедительной пьесой, самой лучшей венгерской драмой, написанной со времени освобождения страны. В пьесе нет схематического деления на чёрное и белое. Человеческие характеры показаны во всей их сложности, поступки героев психологически мотивированы. Зрителя глубоко волнует конфликт между председателем правления кооператива имени Двух Октябрей Шандором Кёрёсом и крестьянином-середняком Игнацем Хато. Сложность коллизии заключается здесь не в том, что Игнац Хато отказывается вступить в кооператив (он уже вступил в него после долгих колебаний, тщательню взвесив все практические

преимущества коллективного хозяйства), а в том, что политически бестактное поведение, левачские перегибы Кёрёма побуждают Хато выйти из кооператива и возвратиться к единоличному хозяйству. Борьба за Игнаца Хато, за его идейное перевоспитание — одна из главных сюжетных линий пьесы.

Не менее сложен и образ Шандора Кёрёма — старого коммуниста, участника революционного движения 1919 года в Венгрии. Объективно честный и преданный своему делу человек, энтузиаст кооперативного движения, Шандор Кёрём, однако, долгое время не может осознать свои ошибки, которые чуть было не привели к развалу всего коллективного хозяйства села. Сектантским заблуждениям Кёрёма противопоставлена спокойная, разумная деятельность секретаря партийной организации кооператива Жужки Бози, в лице которой Урбан создал прекрасный образ коммуниста, друга и воспитателя крестьянства. Именно ей, Жужке Бози, удаётся найти путь к душе Игнаца Хато, доказать ему необходимость возвращения в кооператив, именно ей удаётся заставить Кёрёма осознать глубокую принципиальную ошибочность его поступков.

Сочный индивидуализированный язык действующих лиц, шуточные песенки, ряд бытовых деталей придают пьесе национальное своеобразие. Многие в этом плане роднит её с рассказом Ш. Надь «Примирение». Есть также и внешнее сходство сюжетных мотивов между этими двумя произведениями.

Подобная переключка образов, мотивов, сюжетных положений в произведениях различных писателей объясняется не случайным совпадением или заимствованием, а реальными фактами жизни, в силу которых литераторы создают родственные друг другу типические образы, рисуя их в сходных типических обстоятельствах.

Становление социалистического реализма в литературе народно-демократической Венгрии происходит в непримиримой борьбе передовых писателей и критиков с пережитками буржуазного космополитизма, в преодолении антимарксистских извращений в литературной теории и критике. Эту борьбу возглавляет Венгерская партия трудящихся, которая с первых дней освобождения уделяет огромное внимание вопросам литературы и искусства. Венгерские

коммунисты высоко ценят литературу, отчетливо видят её великую историческую миссию и роль в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа.

Венгерская партия трудящихся в своём центральном органе «Сабад неп», в теоретическом органе ЦК ВПТ «Таршадалми Семле» («Общественное обозрение») резко критикует проявления буржуазной идеологии в венгерской литературе и критике, неустанно воспитывая литераторов в духе гениального учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

По инициативе ВПТ в 1950—1951 годах были проведены широкие литературные дискуссии, на которых обсуждались болезненные явления в современной венгерской литературе: схематизм, которым поражены отдельные произведения, идеологические ошибки некоторых литераторов и т. д.

Организованное газетой «Сабад неп» обсуждение рассказа Тибора Дери «Белый мотылёк», в котором в извращённом виде изображены представители рабочего класса, превратилось в дискуссию об основных принципах социалистического реализма.

По инициативе ВПТ в 1951 году был созван Первый съезд венгерских писателей, на котором были подведены итоги литературного развития страны за шесть лет. Отмечая огромные успехи в развитии социалистического реализма в венгерской литературе, участники съезда одновременно подвергли серьёзному принципиальному разбору глубокие ошибки в творчестве некоторых писателей и критиков. Первый съезд писателей Венгрии оказал большое влияние на развитие национальной литературы и всей культуры в целом. Об этом говорит тот факт, что уже после съезда появились такие произведения, как пьесы «День гнева» Кальмана Шандора, «Пример села Озора», «Пламя факела» Дьюлы Ййеша, повесть «Железнодорожники» Пётра Вереша, сборники стихов Ласло Беньямина «Огнём и мечом» и Лайоша Коня «Шахтёрские лампы», репортаж о Корее Тибора Мераи, книга Имре Добози «Новый Туркеве», посвящённая строительству нового кооперативного села, и многие другие.

Пьесы Дьюлы Ййеша «Пример села Озора» и «Пламя факела» идут сейчас с большим успехом на сценах театров Венгрии. Действие пьесы «Пример села Озора» относится к революционным событиям 1848 года

и развивается в одном из венгерских сёл, где крепостные крестьяне под предводительством пастуха Йозефа Берчека ведут героическую борьбу с отрядами австрийских императорских войск. Герой пьесы, простой овчар Йозеф Берчек, вдохновляет односельчан на борьбу с врагами, показывает пример мужества и беззаветной преданности своей родине. Автор воскресил в этой драме одну из самых славных страниц в истории борьбы венгерского народа за свободу. Написанная живым, образным языком, насыщенная подлинно народным юмором, пьеса Ийеша «Пример села Озора», как и другая его драма — «Пламя факела», посвящённая последним дням революционно-освободительной войны 1849 года и борьбе предводителя прогрессивных сил страны Лайоша Кошута с главнокомандующим — изменником народа Гергеем, — ценный вклад в современную венгерскую драматургию.

Венгерская партия трудящихся помогала и помогает писателям исправлять свои ошибки, совершенствовать своё мастерство. Большое значение для дальнейшего развития венгерской литературы имела литературная дискуссия, организованная Центральным лекционным бюро при ЦК ВПТ в связи с появлением порочного романа Тибора Дери «Ответ». В выступлениях руководящих деятелей Венгерской партии трудящихся и в партийной печати были даны не только обобщающие итоги этой литературной дискуссии, но и содержалась оценка состояния современной венгерской литературы. Указывая, что в целом после Первого съезда писателей венгерская литература пошла по правильному пути — по пути развития социалистического реализма, партия в то же время обратила внимание венгерской общественности на ряд идейных и художественных срывов в литературной жизни страны. В качестве конкретных примеров можно привести вторую часть романа Тибора Дери «Ответ», в котором в искажённом виде представлена деятельность героических венгерских коммунистов в годы хортистского террора, или новеллу «Лиловые чернила» Оркена, представляющую собой экскурс в область голой физиологии. Критическому анализу была подвергнута и лирика последних лет. Руководители партии прямо поставили вопрос о том, что в некоторые стихи талантливых венгерских поэтов, создавших много удачных произведе-

ний, вкрались мотивы декадентской поэзии: мотивы одиночества, тоски, ожидания смерти. Серьёзные упреки в этом отношении были сделаны Золтану Зелку («Хвала прекрасной старости»), Ласло Беньямину («Падающая звезда») и другим.

Далеко не благополучно и на фронте художественной прозы. В этом плане были подвергнуты критике два новых произведения Петеера Вереша: «Яблоневый сад» и «Любовь бедняков».

Рассказ «Яблоневый сад» хотя и отличается большими достоинствами, однако имеет крупные недостатки. В нём отсутствует настоящий герой, идеализируется крестьянская жизнь, кажущаяся автору вечной и неизменной. В рассказе не показана борьба за создание новой жизни. Налёт идеализации лежит и на втором рассказе — «Любовь бедняков», в котором крестьянский быт дан как нечто застывшее, косное. Подобные промахи со стороны крупного венгерского писателя объясняются тем, что Петер Вереш забыл основной завет коммунистической партии — писать правду, ибо, только создавая правдивые произведения, писатель может воспитывать народ в духе социалистических идей.

На дискуссии со всей остротой был поставлен вопрос о сатире. Современные венгерские писатели ещё не создали полноценных сатирических произведений, бичующих всё отжившее, уродливое, всё, что мешает продвижению вперёд. Необходимо обратиться к животворным традициям национальной венгерской сатирической литературы — к творчеству Морица Толнаи, Миксата, бережно используя драгоценное наследие прошлого, поднимая его на новую ступень, на ступень социалистического реализма. На страницах «Сабад неп», посвящённых дискуссии, дан глубокий анализ как положительных, так и отрицательных явлений литературной жизни страны, разъяснён ряд положений марксистской эстетики, творческое усвоение которых поможет венгерской художественной интеллигенции выйти на правильный путь. Партия призывает писателей настойчиво и решительно бороться против рецидивов буржуазной идеологии в литературе, против схематизма и натурализма. Партия призывает писателей учиться высокому мастерству художественного изображения у классиков национальной литературы и у мастеров русской и советской литературы.

Анализируя лучшее, что было до сих пор создано писателями свободной Венгрии, газета «Сабад неп» приходит к выводу, что достоинства таких произведений, как «Примирение» Шандора Надь, «Боевое крещение» Эрне Урбана или «Пример села Озера» Дьюлы Ййеша, а также некоторых других заключается в первую очередь в их глубокой правдивости, в том, что наиболее талантливые и вдумчивые художники острым глазом следят за тем, как развивается новое, и видят это новое.

Неустанная и повседневная помощь, которую Венгерская партия трудящихся под руководством Матиаса Ракоши оказывала и оказывает венгерским писателям и критикам, поможет им создать полноценные художественные произведения, вполне достойные той новой жизни, которую они призваны отражать. Венгерские писатели стремятся работать так, чтобы быть достойными сынами своего народа, активно участвовать в созидательной работе, в строительстве социализма.

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

В. Жданов. Книга о мастерстве поэта.— **И. Козлов.** Герои Красного Гангута.— **Вл. Николаев.** Неуважение к теме.— **Ст. Злобин.** «Россия молодая».— **С. Егенов.** Невоплощенный замысел.— **В. Логунсва.** В борьбе за передовую японскую литературу.

ПОЛИТИКА И НАУКА

В. Деорцов. В сегодняшней Америке.— **Ю. Милёнушкин.** Проблемы наследования в биологии.— **В. Доброхвалов.** О своих родных местах.— **М. Голей.** Русские люди — творцы машин.— **С. Флор.** Путь советского гроссмейстера.

Литература и искусство

Книга о мастерстве поэта

В наших литературоведческих работах, в книгах, посвящённых тому или иному художнику слова, о мастерстве его говорится обычно мимоходом, авторы чаще всего ссылаются на то, что вопрос этот должен быть предметом специального рассмотрения. Хотя в каждом отдельном случае это в известной мере справедливо, но на практике получается, что важнейшие вопросы мастерства ждут своего рассмотрения слишком долго. Между тем потребность в исследованиях и статьях на эти темы огромна. Они нужны и преподавателю литературы и школьнику старших классов, они полезны и лектору и библиотечарю. Они принесут неоценимую пользу и журналисту и начинающему литератору, каждому читателю, который хочет поглубже разобраться в великом наследии русской литературы.

Вот почему читатель с особым интересом возьмёт в руки объёмистую книгу Корнея Чуковского «Мастерство Некрасова»; она заполняет существенный пробел в изучении творчества великого народного поэта. В своё время много неверного было сказано об его искусстве. Не говоря об идейных и литературных противниках, пытавшихся

Корней Чуковский. «Мастерство Некрасова». Редактор **М. Ерёмин.** Государственное издательство художественной литературы, М. 1952.

отрицать художественное дарование Некрасова, были у него и «друзья», отказывавшие ему в поэтическом таланте. Сторонники так называемого «чистого искусства» обвиняли поэта-демократа в дидактизме, злоупотреблении прозаизмами и т. п. Они ненавидели Некрасова за его страстный протест против самодержавия и крепостничества. Известно, что даже такой критик, как Г. В. Плеханов, имеющий большие заслуги перед марксизмом, также занимал неправильную позицию в оценке эстетических достоинств его поэзии. «Поэтический талант Некрасова», — писал Плеханов, — был недостаточно силен и — это, может быть, главное — недостаточно пластичен». Плеханов считал, что стихи Некрасова («почти каждое стихотворение») грешат «против требований строго эстетического вкуса». Он пытался при этом сослаться на мнение Белинского, которому якобы следовал, но ссылки эти, разумеется, неубедительны; восторженное отношение критика-демократа к молодому Некрасову общеизвестно, а ведь Белинский не знал Некрасова — автора «Коробейников», «Железной дороги», «Кому на Руси жить хорошо». При этом Белинский ценил в поэзии Некрасова отнюдь не только её направление, но и ту художественную форму, в которой это направление воплощалось. Даже о сравнительно второстепенном стихотворе-

нии «Чиновник» Белинский говорил, что это «одно из тех в высшей степени удачных произведений, в которых мысль, поражающая своей верностью и дельностью, является в совершенно соответствующей ей форме...» Эту высокую оценку разделяли и последователи Белинского — Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Плеханов же в этом вопросе отдал дань тому самому эстетизму, против которого сам не раз выступал. Уже самый факт наличия столь противоположных точек зрения говорит о том, как необходимо глубоко и всесторонне разобраться в вопросах некрасовского мастерства.

Книга К. Чуковского состоит из двух больших частей. В первой из них автор рассматривает поэзию Некрасова в её взаимоотношениях с традициями Пушкина и Гоголя. Во второй части он анализирует поэтику и стиль Некрасова, разбирает его работу над фольклорными источниками, исследует «эзопову речь» в его стихах. Небольшая заключительная глава книги посвящена знаменитому стихотворению «Железная дорога». Опытный литератор и знаток Некрасова, К. Чуковский написал увлекательную книгу, которая заинтересует отнюдь не только специалистов, но каждого, кто любит родную литературу. Обращает на себя внимание высокая культура литературоведческого анализа, который во многих случаях можно назвать образцовым. Книга легко читается, она написана прекрасным языком.

Выясняя значение учителей и предшественников Некрасова для формирования его поэзии, К. Чуковский всецело стоит на исторической почве. Наследство Пушкина автор рассматривает в свете той борьбы, которая разгорелась вокруг имени гениального поэта в 50—60-х годах. В этой борьбе Некрасов, вопреки мнению его противников, был на стороне Пушкина, но Пушкина живого, реального, такого, каким он был в действительности; он был для него настоящим автором рассматриваемого певца «сладких звуков и молитв», каким его пытались изобразить защитники «искусства для искусства». Как и для Белинского, Пушкин для Некрасова был великим национальным поэтом, художником-гуманистом, основоположником новой русской литературы; он был для него наставником и учителем. К. Чуковский путём тщательного анализа устанавливает степень и характер влияния Пушкина на Некрасова. Многие наблюдения автора очень интересны

и свежи. Однако в поисках так называемых «пушкинизмов» у Некрасова автор иногда подбирает отдельные слова и выражения, встречающиеся у обоих поэтов, и на этом основании пытается делать далеко идущие выводы. Нам кажется, что было бы важнее установить более глубокое, органическое влияние Пушкина на Некрасова, как это, например, сделал К. Чуковский, приведя известные пушкинские стихи «Румяный критик мой», где содержатся такие поистине «некрасовские» строки:

...На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы
вслед.
Без шапки он; несёт подмышкой гроб
ребёнка
И кличет издали ленивого попёнка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Сторей! ждате некогда! давно бы
схоронил.

Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что Некрасов не только учился у Пушкина, но и боролся за него против реакционной, эстетской критики.

Если при рассмотрении влияния Пушкина на Некрасова К. Чуковский в той или иной мере пользуется уже известными материалами и сопоставлениями, то в главе о Гоголе он проделал оригинальную и в высшей степени ценную работу. При всей очевидности гоголевского влияния на поэзию Некрасова подтвердить это конкретными примерами и доказательствами не так легко хотя бы уже потому, что Некрасов был поэтом, а Гоголь, как известно, кроме малодачного «Ганса Кюхельгартена», стихов не писал. Но именно сравнение Некрасова с Гоголем с наибольшей наглядностью позволяет проследить силу прогрессивных традиций, которая сказывается не в следовании отдельным приёмам или поэтическим принципам, а в общем идейно-художественном содержании творчества писателя. Некрасов явился продолжателем дела Гоголя. Ещё в начале своей деятельности он выступил с очерком «Петербургские углы», который свидетельствовал об успехах гоголевской школы критического реализма. В стихах Некрасова принципы этого направления получили ещё более полное и глубокое воплощение. В стихотворении, посвящённом памяти Гоголя, Некрасов, в сущности, как правильно отмечает К. Чуковский, говорит и о себе:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.

Сатирические образы Некрасова, которые так ценил В. И. Ленин, навеемы раньше всего Гоголем. Вместе с М. Е. Салтыковым-Щедриным Некрасов продолжал традиции бичующей гоголевской сатиры; высокое искусство разоблачения сказалось в некрасовских портретах помещика-крепостника, либерала-пустозвона, чиновника-фарисея. Сатирические поэмы «Балет», «Современники» и многочисленные стихотворения, насыщенные гневным обличительным пафосом,—это во многом плоды того воспитания, которое Некрасов получил в гоголевской школе. К. Чуковский обстоятельно, с помощью многочисленных примеров, показывает как плодотворно отразилось влияние Гоголя на мастерстве Некрасова-сатирика.

Центральным главам книги автор дал названия, в которых использованы слова самого поэта: «Щедрая дань» и «Стиль, отвечающий теме». «Форме дай щедрую дань»,—писал Некрасов, поэт, которого его литературные враги обвиняли в пренебрежительном отношении к законам искусства. Стремление к красоте и пластичности поэтической формы всегда отличало Некрасова, прекрасно понимавшего, что только подлинное искусство может донести мысли и чувства поэта до народа. Некрасов стремился, как он сам говорил, сочетать в своих стихах «добро» и «красоту»:

...наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты.

(«Мать»)

Этические и эстетические принципы поэзии Некрасова нераздельны. С помощью ярких, выразительных примеров автор книги показывает, как своеобразно, поэтично воспринимал Некрасов природу, как умел он найти в ней и раскрыть такие красоты, о которых и не подозревали поэты-эстеты, славившиеся своим умением живописать природу. Что же касается изображения человека, его страданий, его надежд, то тут Некрасов не имел себе равных.

Глава о стиле Некрасова, важнейшая в книге, начинается следующей фразой: «Как создавал свои стихотворения Некрасов? Какими путями он дорабатывался (!) до тех поэтических форм, которые, наряду

с их сюжетной основой, составляют в своей совокупности то, что называется некрасовским стилем?». Такое начало главы не кажется нам удачным — и стилистически и по существу. Слово «дорабатывался» в данном случае вряд ли точно выражает мысль автора. В Толковом словаре, под редакцией Д. Н. Ушакова, к этому слову дан пример: «Доработаться до чахотки». Но дело не в этом. Самое понимание стиля поэта у К. Чуковского неясно. Нельзя понимать под стилем совокупность «поэтических форм» и их «сюжетной основы». Стиль поэта—явление куда более целостное и органическое; определяющим началом в нём служит, конечно, идейная концепция автора, его мировоззрение, его взгляды на жизнь. Все эти наиболее существенные черты, определяющие стиль, отсутствуют в приведённой формуле. Вслед за тем К. Чуковский сразу переходит к анализу текстов поэта, а определение стиля так и остаётся нечётким, неправильным. Надо сказать, что эта нечёткость отразилась на содержании всей главы, в которой конкретный анализ произведений — сам по себе весьма интересный,—к сожалению, мало связан с идейной проблематикой поэзии Некрасова. Это несомненный недостаток книги.

Тщательное изучение черновиков и различных вариантов стихотворений Некрасова предпринятое К. Чуковским, заслуживает всяческого внимания. Автор очень убедительно показал, как неутомимо трудился поэт над каждой строкой и каждым словом в любом своём стихотворении; добиваясь совершенства, он отбрасывал случайное, ненужное, нетипичное для изображаемой среды или обстоятельств, стремился наиболее глубоко, правдиво воспроизвести ту или иную картину жизни, тот или иной характер. К. Чуковский наглядно иллюстрирует это, обращаясь к работе Некрасова над поэмами «Княгиня Трубецкая» и «Княгиня М. Н. Волконская». Обе они основаны на реальных исторических фактах и материалах, однако поэт считал возможным отходить от конкретных бытовых деталей в той мере, в какой это было необходимо для воссоздания правдивой картины жизни. Далёкий от натуралистического копирования действительности, Некрасов стремился в то же время к подлинной правде факта, если, разумеется, этот факт представлял собой явление не случайное, а типическое. Этим же принципом поэт руководствовал-

ся и работая над поэтической фразой, строфой, отдельным словом. К. Чуковский приводит такой пример. В черновике стихотворения «Ночлеги», где изображён старец, сидящий у костра, первоначально было сказано:

Патриархом библейских времён
Он глядел, драпируясь в рогожу.

Слово «драпируясь» явно не шло к крестьянину из новгородской деревни, и поэт исправил:

Он глядел, облачённый в рогожу.

Но и это звучало неестественно, напыщено. Наконец поэт нашёл нужное решение:

Патриархом библейских времён
Он глядел, завернувшись в рогожу.

Проследивая ход работы Некрасова над черновиками и вариантами своих стихов, К. Чуковский устанавливает её некоторые общие принципы. Стремление к простоте, доступности, народности языка сочетается у Некрасова с использованием «высокого» поэтического словаря в тех случаях, когда он украшает речь, делает её более выразительной.

Исследователь показывает, как, обрабатывая свои стихи, Некрасов освобождался от излишних прозаизмов, которые были в первоначальных вариантах. Процесс работы поэта над образом и словом раскрыт К. Чуковским с подлинным блеском. Ни в одной работе о Некрасове до сих пор не было столь широко использовано всё богатство рукописей, черновиков, вариантов, которые привлек для своей книги К. Чуковский. Эта фундаментальность и полнота исследования в ещё большей мере характеризуют главу, названную «Работа над фольклором».

Общеизвестно, что Некрасов охотно прибегал к фольклорным источникам, во многих произведениях опирался на народное творчество. Но только сейчас, познакомившись с работой К. Чуковского, читатель увидит истинную глубину и органичность взаимосвязей некрасовской поэзии с русским национальным фольклором. Вероятно, ни один поэт в истории нашей литературы не был в такой мере связан с народным творчеством, как Некрасов. Автор справедливо указывает, что причина этого лежит в духовной близости поэта к народу, в глубоком понимании его горестей и радостей,

в сочувствии его страданиям и вере в грядущее освобождение. Этим объяснялось и различное отношение Некрасова к разным фольклорным материалам. Произведения, отразившие реакционно-патриархальные, пассивные настроения крестьянства, поэт решительно отвергал. Его привлекали те народные песни, сказания, рассказы, в которых слышался протест против вековой кабалы. В этом сказалась революционно-демократическая идеология Некрасова. Разумеется, он не просто обрабатывал фольклорные сюжеты и мотивы, как полагали некоторые исследователи, а творчески их пересоздавал, сообщая им нужное (иногда совсем новое) идейное и художественное звучание. Так, используя в «Кому на Руси жить хорошо» причитания знаменитой сказительницы-вопленицы Ирины Федосовой (описанной впоследствии М. Горьким), Некрасов придал её стихотворным плачам и воплям более острый социальный характер и с их помощью воспроизвёл обобщающую картину жизни народа, его страданий. Устное поэтическое творчество было для Некрасова дополнительным источником познания жизни, помогавшим ему наиболее правдиво, реалистически изображать действительность. С большим вниманием отнесся он к художественным богатствам народного творчества, к поэтическому строю русских песен, к их образности, лексике. Отказываясь от устаревших форм, он в то же время широко использовал живые, свежие образы и слова, грамматические и стилистические формы.

В книге приведён такой пример. В устном народном творчестве часто наблюдается переход сказителя в изображении своего героя с третьего лица на второе. Вместо холодного эпического возникает взволнованное обращение к нему на ты. Прибегая к этому приёму, Некрасов добивался необычайно выразительных художественных результатов. К. Чуковский пишет: «В знаменитых стихах о жнице поэт сначала наблюдает её со стороны, и она для него «третье лицо»:

Слышится крик у соседней полоскильни,
Баба туда — растрепалися косыньки.—
Надо ребёнка качать!

И вдруг обращается непосредственно к ней:

Что же ты стала над ним в ступении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Глава «Работа над фольклором» принадлежит к лучшим частям книги. Очень интересна и следующая глава — «Эзопова речь» в творчестве Н. А. Некрасова». В ней приведены примеры, показывающие, как Некрасов, вместе со своими соратниками — боевыми публицистами «Современника», искусно использовал «эзопов язык» для того, чтобы в подцензурной печати говорить с читателем о насущных политических вопросах, звать его к революции. К сожалению, глава, о которой идёт речь, несколько загромождена материалами, не имеющими прямого отношения к Некрасову.

Интересный образец монографического изучения одного произведения Некрасова — «Железной дороги» — предложил К. Чуковский в заключительной главе своей книги. По сути дела, это образцовый историко-литературный и реальный комментарий к стихотворению, которое предстаёт перед нами в трактовке автора как замечательный идейно-художественный манифест русской революционной демократии.

Новая книга К. Чуковского, как бы подводящая итог его многолетней работы над Некрасовым, представляет собой ценный вклад в изучение творчества поэта. Надо сказать, что её значение было бы ещё выше, если бы автор уделил больше внимания вопросу о влиянии Некрасова на современную советскую поэзию, о значении его мастерства для повышения её художественного уровня. Весьма схематично, всего на полтора страничках, сказано о роли Некрасова в творчестве Маяковского. Эта мало разработанная тема только намечена в книге. Не много говорится в ней и о влиянии Некрасова на других советских поэтов. Автор рассматривает эту тему только в связи с разговором о фольклоре, хотя вопрос, конечно, много шире; именно К. Чуковский, не только исследователь, но и поэт, мог бы полнее осветить проблему мастерства в современной поэзии в связи с мастерством её великого предшественника — Николая Алексеевича Некрасова.

В. ЖДАНОВ.

★

Герои Красного Гангута

В грозные дни осени 1941 года «Правда» напечатала письмо гарнизона Ханко защитникам Москвы. «Это письмо, — отмечала «Правда» в одной из своих передовых, — нельзя читать без волнения. Оно будто бы написано кровью — сквозь мужественные строки письма видна беспримерная и неслыханная в истории борьба советских людей, о стойкости которых народ будет слагать легенды».

Повесть В. Рудного «Гангутцы» — хороший памятник мужеству и доблести отважных защитников Ханко, до конца выполнивших приказ Родины.

Как известно, советская военная база на полуострове Ханко была создана в 1940 году, в соответствии с условиями мирного договора между СССР и Финляндией после поражения финской реакции, развязавшей войну против Советского Союза.

Более двухсот лет назад, в 1714 году, близ полуострова Гангут (Ханко) Пётр I одержал славную победу над шведским флотом. Советские моряки назвали свою базу Красным Гангутом.

Владимир Рудный. «Гангутцы». Повесть. Редакторы Б. И. Соловьёва и Г. Ф. Стрехнин. Военмориздат, М. 1952.

В. Рудный начинает повествование с мирных картин, описывая создание военно-морской базы. Строительство базы было делом большой государственной важности, делом чести всего гарнизона Ханко. Однако главные события на полуострове развернулись с началом Великой Отечественной войны, и описание этих событий составляет основное содержание повести. Фашисты ежедневно обрушивали на Ханко тысячи снарядов и мин, совершали воздушные налёты на полуостров, бросали в бой морские десанты. Но слабые защитники базы не отдали гитлеровцам ни пяди земли. Наоборот, проникнутые боевым наступательным духом, они непрерывно атаковали врага, заняли и прочно удерживали несколько финских островов в непосредственной близости от полуострова. Ханко был оставлен лишь после пяти с лишком месяцев обороны по приказу Верховного Главнокомандования.

«Гангутцы» — произведение документального жанра. Следуя законам этого жанра, писатель старается возможно полнее охватить события героической обороны и показать людей, имена которых вошли в историю Отечественной войны. Он изображает ханковскую эпопею с начала боевых дей-

ствий и до того момента, когда от Ханко отошли последние советские корабли, осуществлявшие эвакуацию гарнизона.

Документальный жанр тайт в себе большие опасности для писателя. Тут легко впасть в обычную хронику, в дневниковую запись, встать на путь простой фактографии, особенно в изображении людей. Автору «Гангутцев» во многом удалось справиться с трудностями избранного жанра. Героическую борьбу защитников крепости он изображает как художник, создавая яркие, запоминающиеся образы.

Писатель умеет интересно рассказать и о морской пехоте, и о лётчиках, и об артиллеристах, и о подводниках, и о политработниках. Он хорошо знает, чего стоит круглосуточная вахта в окопе под непрерывным огнём противника, высадка десанта на остров, занятый врагом, снайперский поединок на месте, голым, как ладонь, переправа на шлюпках по штормовому морю. Почти во всех случаях это рассказ очевидца, остро пережившего события.

В первые месяцы войны Советская Армия терпела неудачи и была вынуждена отходить. Но неудачи эти не повергли в уныние, не деморализовали наш народ и Вооружённые Силы. В сердцах советских людей жила неистребимая вера в победу над гитлеровской Германией. И. В. Сталин в речи от 3 июля 1941 года подчёркивал ленинское указание о том, что «...основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины»¹. В Рудный показывает, что вера красных гангутцев в торжество нашего правого дела была поистине непоколебима. Не было в гарнизоне паники даже тогда, когда фронт отодвинулся на восток и защитники Ханко оказались, по существу, в тылу врага. Не было переоценки сил гитлеровцев. В жестоких схватках убеждались советские воины, что не так страшен чёрт, как его малюют. Атмосфера героической гангутской эпопеи выражена в повести в соответствии с правдой жизни.

Галерея персонажей повести состоит из воинов различных служебных рангов — от командующего до матроса, и различных родов оружия — от подрывника до снайпера. Писатель глубоко раскрывает харак-

теры своих героев, ярко рисует их подвиги, в которых нашли своё выражение горячая любовь советского человека к Родине, высшее понимание своего долга, самопожертвование во имя счастья народа, твёрдая воля и многие другие качества, рождённые и воспитанные в советских людях социалистическим строем.

Героическое и возвышенное составляет сущность образа капитана Гранина — наиболее яркого образа повести. У Гранина много и других хороших человеческих черт: чувство товарищества, добрая, открытая душа, весёлый характер. Черты эти придают образу обаятельность, жизненность. Гранинские подчинённые с гордостью называют себя «дети капитана Гранина». Командир их смел, прославлен в боях, к нему в отряд хотят идти бойцы всех частей гарнизона.

Героическое — главное и в характере начальника гранинского штаба Пивоварова. Мужеством и самоотверженностью проникнуты образы и других героев повести — Фетисова, Щербаковского, Данилина, Томилова, Макахаина, Беды, Сокура.

Но героизм и отвага в бою — это только одна сторона дела. Не менее важно и воинское умение. Советская Армия вступила в битву с фашистами, имея крепкий, подготовленный командный состав. Многие из защитников Ханко прошли до того боевую школу на Карельском перешейке. Люди умели воевать, а главное, понимали, что в условиях фронта военное дело развивается особенно быстро и, для того чтобы быть сильнее врага, надо учиться и учиться.

В. Рудный наделяет своих героев ценными воинскими качествами — знанием законов боя, способностью к творческому решению боевой задачи, солдатской сметкой, военной хитростью. Уже в первом единоборстве с врагом (при высадке воздушного десанта на Ханко) советский лейтенант сапёр Репнич оказывается сильнее белофинского капитана Халапохья. Адскую машину, заложённую белофинном под здание нашего штаба, Репнич сумел обнаружить и обезвредить. С началом боёв, после первых воздушных схваток лётчик капитан Белоус проводит опыты над бронёй вражеского самолёта, чтобы узнать, с какого расстояния пробивается броня; Белоус помогает развенчать пропагандистский трюк врага о неуязвимости бронированных фашистских бомбардировщиков. Матрос Макахаин разра-

¹ И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Госполитиздат, 1951. стр. 14.

сатывает план создания диверсионных групп с учётом опыта войны на островах. Пивоваров организует с командирами разбор итогов боя. «Академия на Ханко», — гсво-ры: об этих занятиях.

Сочетание двух высоких качеств — патриотизма и умения бить врага по правилам сталинской военной науки — вот типичные черты положительных образов повести. Это настоящие воины, советские люди, способные на подвиг во имя любимой Родины.

Показывает писатель и иных людей. Он выводит образ лейтенанта Прохорчука — труса, расстрелянного по приговору трибунала. Подобные трусы — явление, не часто встречающееся в среде советских воинов; редко встречались такие люди и в среде защитников Ханко. Это сорная трава на хорошей ниве. В. Рудный поступает правильно, делая этот образ обособленным, лишая труса не только опоры в массе, но и какого-либо сочувствия с её стороны. Всеобщее презрение и ненависть — вот удел предателя.

В повести много действующих лиц, но их отличишь друг от друга по многим приметам: по манере говорить, по портретному облику, по другим чёрточкам и штрихам, с помощью которых создаётся типаж.

Капитану Гранину, командиру смелому и опытному, но сохранившему известную приверженность к «вольностям» краснофлотцев времён гражданской войны, присущи черты «романтического моряка». Он любит повеселиться — спеть, сыграть на баяне, любит поговорить с подчинёнными по душам. Пивоваров смел, дисциплинирован, и эти внутренние качества гармонируют с его поведением. Бесстрашие у него проявляется в форме постоянного трезвого расчёта; он склонен к анализу. Ярко очерчены и другие образы повести.

Следует сказать, что речь героев книги вполне соответствует их характерам. Язык Гранина, Репнина, Щербаковского, Загребельного и некоторых других персонажей самобытен, оригинален. Строй речи, употребление поговорок и пословиц, приверженность к весёлой шутке подчёркивают родство героев повести с народом, с морем, раскрывают неунывающую, простую и честную душу русского моряка.

Для писательской манеры В. Рудного характерна короткая, энергичная фраза, хорошо передающая напряжённость действия, динамику событий: «Гудели вентиляторы, подгоняя влажный ветерок с воли. После многочасовой подводной духоты он дурманил голову. Богданоз задремал, когда прозвучал сигнал команде ужинать». Автор старается быть экономным на слово, немногим сказать много: «Странная тут местность, в этой Финляндии. Будто всё переломано гремучим штормом. навалено одно на другое»; «Машина бежала по шоссе через нетронутый мачтовый лес. Стройные сосны косыми тенями разливали дорогу».

Повесть «Гангутцы» вначале была напечатана в журнале «Звезда». Готовя её к отдельному изданию, автор многое доработал и улучшил. Но и сейчас ещё осталось поле для приложения писательского труда.

Сквозь художественную ткань повествования местами всё же пробивается хроникальное начало. Герои в этом случае получают лишь фамилии — незначительное упоминание о их делах не создаёт характера. Таков, например, полковник Симоняк. Автор не раскрыл его внутреннего мира, не нарисовал внешнего портрета. Остался незавершённым и образ Любы Богдановой. Как-то нелепо и, возмём на себя смелость сказать, неправдоподобно оборвалась жизнь Богданова-большого. Вряд ли можно удовлетвориться образом генерала Кабанова. Фигура эта важна для повествования, но подана она бледно, а главное — сухо.

Не все боевые эпизоды, приводимые автором, запоминаются. Это происходит потому, что некоторые из них написаны одинаковыми красками, аналогичными друг другу приёмами, создающими впечатление однообразия и растянутости.

Но не по этим мелким недостаткам следует оценивать повесть. «Гангутцы» — интересное, правдивое произведение о мужестве людей, которые в грозном 1941 году достойно и самоотверженно выполнили роль «вперёд смотрящего Советского государства на Балтике», как называли моряки базу на Ханко.

И. КОЗЛОВ.

Неуважение к теме

Книга называется «Чудесная сила». И само это по-настоящему увлекательное название и заманчивое обещание рассказать о «мастерстве, граничащем с искусством», несомненно привлекут внимание юных читателей, которым адресована книга. Ребята возмутся за эту книгу ещё и потому, что в послевоенной детской литературе о труде взрослых написано ничтожно мало. Если тема созидательного труда строителей коммунизма является главной в нашей «взрослой» литературе, определяющей всё её развитие, то в детских книгах она неправомерно отодвинута на задний план. Детские писатели пишут о труде взрослых редко, бегло и порой без должного знания дела. Нельзя считать случайностью, что наиболее слабой стороной многих детских книг является недостаточное яркое изображение трудовой деятельности взрослых героев, часто только присутствующих, но не действующих в романах, повестях и рассказах для детей.

Обо всём этом невольно думаешь, когда берёшь в руки новую книгу, посвящённую столь важной и ответственной теме. Обо всём этом должны были бы, на наш взгляд, как следует подумать и те двадцать авторов, чей труд вложен в создание книги «Чудесная сила». Но, к большому сожалению, так не случилось. Книга о чудесной силе интересно задуманная, привлекающая к себе внимание читателей и своей темой и обещанием интересных встреч с прославленными мастерами стахановского труда, в лучшем случае пробудит любопытство, но не удовлетворит его. Почему? Думаешь, не только потому, что большинство очерков, помещённых в книге, не блещет литературными достоинствами, но и потому, что они, как правило, мелки по содержанию, не насыщены ценным познавательным материалом. Читая книгу, невольно ловишь себя на мысли: не все авторы очерков, составивших сборник «Чудесная сила», достаточно отчётливо представляют себе суть стахановского движения, его движущие силы, а потому иногда не только поверхностно, но и попросту наивно судят о самом процессе творческого труда новаторов-стахановцев.

«Чудесная сила». Рассказы о стахановском труде. Редактор-составитель Л. Давыдов. Ответственный редактор С. Миримский. Детгиз, М.—Л. 1952.

Во многих очерках творческая победа того или иного стахановца, важное изобретение или даже целое открытие представляются делом счастливого случая, рождаются на свет сразу, с лёгкостью необыкновенной и беспрепятственно завоёвывают себе всеобщее признание и распространение. Мастер Первой образцовой типографии имени А. А. Жданова Василий Митрофанович Баранов изобрёл важное приспособление, позволившее намного ускорить работу на линотипках. Его изобретение влекло за собой серьёзные конструктивные изменения в машине. Можно представить себе, каких трудов, какого творческого напряжения потребовало всё это от изобретателя! Но С. Дружинин в очерке «Рождение книги» рассказывает об этом так:

«Баранов хотел найти такой способ охлаждения, чтобы доставлять холодную воду прямо в форму, чтобы она подходила вплотную к застывшей строчке... Василий Митрофанович долго стоял, глядя в форму. Он то приводил в движение колесо линогипа, то останавливал его. Баранов никак не мог уловить, что именно напоминало ему движение этого колеса.

И вдруг он ясно представил себе плывущий пароход. За кормой вращается винт. Его ось проходит через отверстие обшивки корабля в машинное отделение. Между вращающейся осью винта и неподвижной обшивкой есть небольшое свободное пространство, однако вода не проникает через него внутрь парохода...

Задача тут же была решена. Решение было просто и ясно: он вставит в ось колеса вращающуюся трубку и соединит её трубочками с формами. По этим трубочкам вода и будет доставляться прямо в форму.

Но это ещё не всё. Нужно и форму приспособить для приёма воды. Смелая новаторская мысль Баранова находит и это решение: он сделает во всю толщину металлической формы канавку — плоскую выемку для воды. Выемка будет тоненькой перегородкой отделяться от отливающейся строчки. Проходя по этой канавке, вода будет не только сразу охлаждать строчку, но и форма не будет нагреваться, как бы быстро ни работала машина.

Баранов сам себе не верил: «Неужели решение найдено?»

И мы не верим! Ведь, конечно же, не «вдруг», не «тут же», не так «просто и

ясно» решена была сложнейшая техническая проблема. Возможно, что ключ к её решению действительно был найден в одно из поистине счастливых мгновений. Но и перед этим и после этого наверняка были долгие месяцы напряжённого и тяжёлого труда. И дело не только в том, что Василий Митрофанович много и упорно работал над своим изобретением, а ещё и в том, что изобретателем он стал потому, что расширил свой технический кругозор, приобрёл широкие познания, что жажда творчества и исканий является одной из примечательных черт его характера. Об этом автор очерка даже и не упоминает. Стоит ли после этого удивляться, что в очерке нет живого образа изобретателя.

Но, может быть, одного только мастера Баранова заставили в сборнике так «вдруг», «тут же», «просто и ясно» решать сложнейшую техническую задачу? К сожалению, не одного его. В очерке А. Владимировича «Подарок министра» рассказывается о том, как стахановец-машинист Кучер своим остроумным и технически обоснованным предложением позволил увеличить производительность машины. Произошло это, если верить автору очерка, без особых усилий и тревог, буквально в одно прекрасное утро. Поведая невнятно, торопливо и предельно невыразительно о предложении стахановца, автор далее скорбительно пересказывает несколько эпизодов из его жизни, не считая нужным знакомить читателя ни с биографией героя, ни с чертами присущего ему характера.

Если стахановцы Баранов и Кучер по воле авторов очерков совершают изобретения чуть ли не по наитию, то тракторист Яроцкий в очерке В. Елагина «Подкованный трактор» улучшает свою машину по приказанию начальства. Директор МТС приказал комсомольцу Яроцкому подумать до утра, как наладить работу всех тракторов в сложных условиях. И что же? Утром комсомолец Яроцкий, оказывается, не просто дал ответ, но удивил всех невиданным приспособлением, позволившим работать обыкновенному трактору «Универсал» на песчаных почвах. До чего же всё просто получается!

Юный читатель не найдёт в книге и ответа на вопрос, что же вдохновляет наших стахановцев на творческие поиски, во имя чего они неутомимо трудятся.

О. Слёзкина в очерке «Знатная прядиль-

щица» пытается уверить читателя в том, что Мария Рожнева и Лидия Кононенко стали стахановками из таких побуждений:

«...не даёт мне покоя вот эта девушка,— Маруся кивнула головой на Доску почёта,— Анята Мишина. Работает во второй смене после меня на той же машине, а вырабатывает больше. Почему?»

Лидя громко рассмеялась:

— У меня, Маруся, такая же работа! И тоже от Мишиной. Только не от Аняты, а от её сестры Маши. Перекрывает меня эта самая Мишина. Вот бы обеих сестёр нам с тобой обогнать! — Глаза Лиды лукаво блеснули.

У Маруси зарделись щеки:

— А давай обгоним! Ты в ткацком, я в прядильном. Вместе-то веселее!»

И ни слова о том, что Мария Рожнева и Лидия Кононенко выступили не просто как две стахановки, добившиеся высокой производительности, а как авторы большой и оригинальной технической идеи, двинувшей вперёд работу нескольких отраслей нашей промышленности. Даже неискущённому человеку подобные описания не могут не показаться далёкими от жизни, довольно низкопробным литературным ремесленничеством, опошлением высокой и важной темы.

Вина многих авторов сборника и перед читателем и перед теми, о ком они взялись писать, усугубляется и тем, что прославленные новаторы производства в подавляющем большинстве очерков изображены в отрыве от производственного коллектива, одиночками, волею случая выделившимися из безликой массы. Читая очерки о прославленных стахановцах, мы почти ничего не узнаём об окружающем их коллективе, о товарищах по работе, не говоря уже о том, что они не живут обыкновенной жизнью, не радуются, не увлекаются, не мечтают, словом, не проявляют себя как живые люди. И поэтому, видимо, рядом со стахановцем появляются в очерке, как правило, условный мастер, инженер, наладчик, не только никак не охарактеризованные, но даже не названные по имени. А ведь именно атмосфера коллективного творчества стимулирует столь успешное развитие стахановского движения в целом и порождает выдающиеся достижения отдельных новаторов.

Преследуемая теория бесконфликтности оказала пагубное влияние и на некоторых авторов сборника «Чудесная сила». Нельзя

представить себе замечательных производственных побед наших новаторов без борьбы, без преодоления трудностей, без напряжения сил и воли. И тем не менее, герои книги не только не ведут никакой борьбы за утверждение своих идей, за внедрение смелых новаторских предложений, но даже не встречают сколько-нибудь серьёзных трудностей. Бывает, правда, что иногда речь заходит о неожиданно возникшем препятствии, о появившейся вдруг угрозе, но читателю волноваться и в этом случае не приходится. Услужливая рука очеркиста, озабоченного тем, чтобы прилизать несколько накопившихся в записной книжке производственных фактов, а отнюдь не тем, чтобы отобразить жизнь во всей её сложности и глубине, — быстро и легко устраняет с пути героя и препятствия и опасности. Вот довольно красноречивый пример этого:

«Виктор Хлюст был в рубке, когда произошёл первый большой обвал грунта. Высская песчаная стена впереди треснула и стала оседать, угрожая завалить корабль. С огромным шумом земля обрушилась перед самым носом земснаряда. Багермейстер не успел отодвинуть машину, и грунт завалил бур. Землесос не смог справиться с огромной массой земли.

В это же время произошёл разрыв трубопровода. Работа остановилась: плотина перестала расти. Но экипаж выдержал первое испытание. Последствия обвала были устранены в короткие сроки».

Огромные усилия людей, их бесстрашие и выдержка, подлинный трудовой героизм оказались втиснутыми в прокрустово ложе казённой фразы, холодно информирующей читателя о том, что «последствия обвала были устранены в короткие сроки». Да неужели это написано писателем, пристально изучающим жизнь, для живого и любознательного читателя, желающего видеть за словами живое дело!

Диву даёшься, с какой «трогательной простотой» повествуется иногда о деле трудном, ответственном и даже опасном. Вот герои очерка М. Чернина «Водолаз первого класса» заняты очень ответственным делом, в котором ошибиться никак нельзя, ибо малейшая оплошность или неточность грозит аварией, срывом работ. Автор говорит об этом довольно определённо:

«Ошибись кто-нибудь из них, опоздай на

минуту с донесением — и могла бы последовать неверная, не соответствующая положению воды в тоннеле, команда, нарушилось бы так ревностно оберегаемое равновесие, и авария сорвала бы работу.

Ошибаться было нельзя. Это все хорошо понимали. И никто не ошибся».

В жизни, вероятно, так оно и было — действительно никто не ошибся. Но каких усилий это стоило! Вот об этом и нужно было рассказать в поучение юному читателю, ведь это-то по-настоящему и интересно для него, это и должно было бы быть сутью повествования.

В сборнике «Чудесная сила» труд стахановцев не только лишён творческого пафоса, но изображается неправоммерно облегчённым, не поучающим серьёзного напряжения сил, воли и разума. Разве такое изображение может воспитать подрастающее поколение в духе мужества и отваги, в духе преодоления любых трудностей, как того требует от нас партия! Нет, медвежью услугу оказывают и своим героям и читателям авторы сборника, поступаясь правдой жизни, лакируя действительность.

Читая книгу о самых замечательных представителях двадцати профессий, естественно было ожидать, что перед глазами читателя предстанет собирательный образ передового человека нашего времени, всесторонне развитого, чей труд требует не столько физического, сколько интеллектуального напряжения, и по самому своему существу близок труду умственному. Увы, эту весьма характерную черту в облике своих героев подмегили очень немногие авторы сборника. Большинство же очерков о знатных людях промышленности и сельского хозяйства написано по избитым трафаретам. Стахановцы показаны людьми скучными, даже ограниченными, чьи помыслы сведены только к решению какой-нибудь частной производственной задачи. Вот как, к примеру, раскрыты думы, мечты и помыслы знатного евошевода одного из колхозов Ленинградской области в очерке С. Воронина «Длинное лето»: «Сидит ли дома — думы о помидорах: «Будут ли красные?». Сидит ли на колхозном собрании, опять думает: «Будут ли красные помидоры?». Даже ночью во сне их видит». И ни о каких других мыслях своей героини автор уже не сообщает. В другом очерке всеми уважаемый знатный человек, Герой Социалистического Труда изображается, как заведённый, «с утра до

сумерек на ногах». Не спит, оказывается, ночей и машинист метро Мишина. В очерке Ольги Зив «Счёт идёт на секунды» об этом рассказывается так: «Даже по ночам Екатерина Дементьевна обдумывала, где можно выгадать ещё десяток-другой секунд».

Было бы несправедливо утверждать, что все очерки, помещённые в сборнике «Чудесная сила», из рук вон плохи. Приятное впечатление производят два очерка Л. Давыдова — «Фамильная специальность» и «Конец кустарщины», свидетельствующие о том, что их автор с успехом может работать в области научно-художественной литературы для детей. В них содержится ценный познавательный материал, отобранный со знанием дела и преподнесённый читателю в занимательной форме. Яркие, живые места есть в очерках: Ю. Вебера «Аттестат

зрелости», Н. Томана «Поезда идут к великой стройке», в том же очерке О. Зив. Но в целом сборник составлен из скучных, поверхностных, сырых очерков, написанных серым языком, не способных ни увлечь, ни порадовать требовательного юного читателя.

Книга издана, а важная, ждущая своего достойного воплощения тема не реализована. Думается, явная неудача не должна останавливать дальнейших попыток создать подлинно значительную, художественно яркую книгу для детей о стахановском труде. К работе над такой книгой необходимо привлечь лучших наших писателей, хорошо знающих промышленность и сельское хозяйство.

Вл. НИКОЛАЕВ.

★

„Россия молодая“

Традицией буржуазного исторического романа, отражавшего идеалистический взгляд на роль личности в истории, явилась ориентация на образы царей и полководцев, прославление деяний выдающейся личности, изображение народа как безликой, инертной массы.

Метод социалистического реализма определил новый путь развития исторического романа. Новаторской сущностью советского исторического романа является народность, показ творческой, созидательной роли народа в историческом процессе.

Именно на этой основе и построен роман Юрия Германа «Россия молодая».

Роль народа Крайнего Севера России в преобразовании Русского государства в петровскую эпоху — такова тема романа.

В основу книги положены документальные факты. Но Ю. Герман, талантливый и богатый фантазией писатель, не идёт на поводу документов, он становится на путь самостоятельного исследования.

Результатом такого творческого подхода к историческому материалу явился взволнованный рассказ о создании русского Северного флота.

Общезвестно традиционное представление о голландском ботике боярина Никиты

Романова как о «прадедушке русского флота». Буржуазная историческая наука превратила этот бот чуть ли не в символ петровской эпохи, изображавшейся, как коленопреклонённое ученичество у Запада. Не попадись на глаза юного царя Петра этот бот, так и плавала бы Россия на допотопных стругах, на «насадах» или в долблёных челнах, так и не додумалась бы никогда до настоящего морского корабля, — пропаганда этой мысли занимала видное место в дореволюционной истории и художественной литературе.

Однако задолго до знакомства молодого царя с голландским игрушечным судёном русский Север растил свою кораблестроительную и мореходную культуру, сохраняя наследие тех времён, когда прадедовская Русь лежала на берегах Балтийского и южных морей, ещё не отторгнутых у неё хищными соседями.

В борьбе с морской, суровой и мощной, стихией Севера выросли покорители бурь, кормщики, строители кораблей, люди великой воли и великой любви к родине, люди, знакомые с лопциями и очертанием морских побережий, с компасом и картой звёздного неба, — могучий народ-мореход, не отставший в знаниях от западных соперников.

«Архангельский город всему морю ворот!» И сюда приезжают соратники Петра, «птенцы гнезда Петрова», чтобы взять уроки морского дела. Внимательно разглядывают

Юрий Герман. «Россия молодая». Роман. Ответственный редактор М. Довлатова. Издательство «Молдая гвардия», Л. 1952.

они древнюю берестяную книгу — морской атлас поморов, удивляются тому, что видят восточню на севере России, и шепчут между собой, что многому из реально существующего на Севере в Москве не поверят.

«Перебивая друг друга, весело смеясь над своими неудачами, кормщики, рыбаки, весельщики, наживщики рассказывали, куда хаживали, чего выдвали, как зимовали, скорбно вспоминали, как хоронили своих дружков в промёрзшей земле, как море крушило лодьи и как уходили люди от морской беды. Воронин с Иевлевым сидели неподвижно, широко раскрыв глаза, веря и не веря. Яким хохотал на смешные рассказы, ужасался на страшные, толкая Сильвестра Петровича под бок, шептал:

— Да, господи преблагий, вот он, корабельный флот. А мы там, на Переяславле? Бот да струг? Отсюда надобно народ вести, они знают, с ними всё поделаем, как надо!»

Великая творческая сила простого человека раскрывается в романе от страницы к странице всё ярче. Любовь автора к своему главному герою — терпеливому и настойчивому в труде русскому народу — сквозит в каждом образе. Характеры простых людей русского Севера написаны во всей человеческой и исторической правде: в них благородство, достоинство, гордость, талантливость своих собратьев, великодушие и верность в любви, преданность родине.

В литературе нередко бывает, что изображение народа, действующего в массовой сцене, показанного как бы издали, на первый взгляд кажется правдивым. Когда же дело доходит до отдельных образов, то выдвинутый на первый план персонаж из массы теряет свою реальность, расплывается, утрачивая какую бы то ни было характерность, речь его звучит неестественно, чувствуется, что автор внутренне недоработал образ, считая его второстепенным, «неважным».

Для Юрия Германа эпизодические и главные персонажи равно важны. Художник мастерски индивидуализирует народные образы, выдвигает всё новых и новых героев, и, вступив на страницы романа, они тотчас начинают жить полнокровной жизнью.

Нередко в исторических художественных произведениях, изображающих рост и укрепление могущества Русского государства (а таких произведений в советской

литературе немало), приходится видеть историю в благопристойно прибранном и приглаженном виде. Рисуя положительных, прогрессивных деятелей феодально-дворянского государства и их исторические дела, авторы часто не справляются с разносторонним изображением жизни и, чтобы «не запутать» отношений, устраняются от вскрытия общественных конфликтов, сглаживают социальные противоречия. Такое искусственное сглаживание неминуемо ведёт к искажению картины исторического процесса в целом.

У Юрия Германа петровская эпоха показана в классовом разрезе, дана во всей реальной суровости, во всей её непреклонной жёсткости.

России угрожает превращение в колонию западных соседей, если она не сумеет создать свой флот. Усилить свою военную и техническую мощь — это реальная историческая задача, и она находит убедительное преломление в ряде сцен романа.

С такой же реальностью показана безысходная, тяжкая нужда, в которой живёт народ русского Севера, притесняемый воеводами и чиновниками, эксплуатируемый монастырями, разоряемый иноземцами и корыстным русским купечеством, конкурирующим с иноземными торговцами.

Создаётся неразрывная цепь противоречивых связей: иноземный купец стремится к экспансии в Россию через архангельский берег, и этому содействует российская тенденция к ученичеству у Запада; иноземного купца, нередко шпиона, поддерживает шведское правительство, и его же поддерживают изнутри России наёмные иноземцы, состоящие на службе в русской армии, и взяточники приказные. Иноземцы обманывают русского царя, однако от связи с ними он отказаться не может: разрыв означал бы преждевременное вступление в войну, а Россия для этого ещё недостаточно сильна.

Русские хищники — купцы Баженины распродают иноземцам корабельный лес. Они же крадут харчевые деньги, а строители славного российского флота живут в рабской, голодной неволе, гибнут под плетями бесчеловечных немцев-надсмотрщиков, мрут от цыги и истощения.

За этими историческими, национальными и социальными противоречиями видна более мелкая сеточка живых и тончайших нервов человеческого бытия — личные отно-

шения, столкновения человеческих характеров, убеждений, взглядов и верований.

От крупнейших деятелей эпохи — Петра, Меншикова, Апраксина — до эпизодических фигур простых поморских рыбаков люди в книге живут, развиваются, меняются.

Пётр, хотя он появляется в романе только эпизодически, Апраксин, Меншиков, просвещённый, честный, умный и человеческий Иевлев, офицер из народа капитан Крыков растут и зреют ощутимо и убедительно для читателя. По-своему меняется купец Баженин, становясь крупным хищником.

Центральным, очень хорошо написанным эпизодом романа является исторический подвиг русского кормщика Ивана Рябова, который, будучи поставлен как опытный лоцман к штурвалу вражеского корабля, посадил на мель в устье Двины разбойничьи шведские корабли, шедшие, чтобы уничтожить Архангельск и истребить мореходов-поморов.

Кормщик Рябов — центральная героическая фигура романа — воплощает в себе характерные черты русского народа. В нём олицетворены наиболее яркие качества, которыми наделён русский народ, — непреклонная воля, бесстрашие и прямота, горячность и настойчивость, свободолюбие, любовь к родине, живой творческий ум, оптимизм. Но именно потому, что Рябов является слишком продуманным воплощением положительных народных черт, его облик лишён тех живых противоречивых свойств, которые присущи реальному человеку и которыми отличаются другие герои романа. И потому, при всём стремлении автора наделить его человеческой теплотой, образ этот несколько книжен и картинен, хотя в его обрисовке и нет того, что можно было бы назвать фальшивой нотой. Рябов последователен и верен себе, но слишком последователен и слишком верен. Пётр, например, показан в момент колебаний, слабости, сомнений (эпизод первого салюта иностранцев русскому морскому штандарту). Пётр проявляет несправедливость и жестокость (эпизод осуждения поручика Крыкова, отвержение Петром жалоб на иноземцев). Пётр проявляет недоверие к творческим силам родного народа и порой слепо преклоняется перед авторитетом иноземцев (эпизод с морскими картами). Все эти эпизоды соответствуют реальному историческому образу Петра.

Иван Рябов, являясь олицетворением самого народа, по мнению автора, не может совершать несправедливостей, делать ошибки, испытывать слабость. Отсюда и рождается при всей реальности этого образа некоторая его нарочитость и статичность по сравнению с другими. Это, между прочим, довольно распространённая черта для героических литературных образов, задуманных как откровенное обобщение типических черт народа. И жаль, что вследствие этого центральный персонаж романа утрачивает известную долю того живого обаяния, которое превратило бы его в любимый миллионами читателей образ народного героя.

Бледновато обрисованы в романе царевич Алексей, большинство иноземцев (исключая Патрика Гордона, Резена, Юленшерны), воевода Прозоровский, поручик Мехоношин, полковник Снинин, традиционными, «голубыми» кажутся образы Таисьи — жены Рябова — и Машеньки Иевлевой.

Думается, что при последующих изданиях Ю. Герману следует поработать над совершенствованием этих образов и прежде всего — образа Ивана Рябова.

Язык романа чист, прост и мужествен. Редко изменяет автору превосходное знание языка, но обилие приводимого художником поэтического фольклора создаёт несколько однообразное впечатление. Русский народ много поёт, песня сопровождает его всюду: в труде бодрит, в печали облегчает, в радости помогает веселью, однако это не означает, что песня должна быть каждый раз воспроизведена с этнографической точностью и предельной полнотой.

Неумеренное и слепое следование по пятам фольклорных записей приводит иной раз к историческим неточностям. Так, автор цитирует песню о Степане Разине, в которой дважды повторяются слова: «астраханского губернатора». Автору следовало учесть, что в начале царствования Петра в песне не могло быть слова «губернатор», так как губернаторы появились лишь в 1708 году, когда не стало уже астраханского воеводы и воеводство было переименовано в губернию. Период же, к которому относится первая часть романа, охватывает 90-е годы XVII века.

Есть в романе и другие мелкие неувязки, например, боярин, сидящий на коне в шубе летом (при испытании царского бота на Язуе). Тот же боярин с неправдоподобной

простотой разговаривает с заезжим помощником из толпы. Пётр I удивляется не только существу понятия, но и самому слову «куранты», тогда как ещё ко двору царя Алексея Михайловича выписывались иноземные куранты, а с начала 70-х годов по инициативе А. Л. Ордын-Нащёкина рукописные «Куранты» (именно с этим названием) издавались при дворе Алексея Михайловича, чего юный Пётр не мог не знать. Таким образом, между соратниками Петра речь могла идти лишь о превращении рукописной придворной газеты в более широкую, печатную.

Можно сделать замечание по поводу композиции романа: он несколько рыхл, разбросан и производит впечатление какой-то «неокончателности» формы. Хотелось бы, чтобы роман был приведён в более стройный вид.

Иногда автор слишком строго придерживается последовательного описания со-

бытий. Может быть, не следовало дважды возвращать своего героя в монастырь, может быть, не к чему было подробно описывать возвращение шведского резидента и так глубоко интересоваться его неудачной судьбой и судьбой его любовницы.

За счёт этих эпизодов автор мог бы, не расширяя романа, дать менее схематичное изображение активного этапа Северной войны — взятие Нотебурга и Нииненшанца, что послужило опорой для выхода в Балтику.

В целом роман Юрия Германа «Россия молодая» — произведение, имеющее большое художественное и воспитательное значение. Этому роману, по-моему, предстоит долгая и славная жизнь, и именно по этой причине надо настойчиво пожелать талантливому художнику выправить те недочёты, которые есть в книге.

Ст. ЗЛОБИН.

★

Невоплощённый замысел

Писатель-костромич Алексей Никитин написал роман, посвящённый советским текстильщикам.

В этой книге есть неоспоримые достоинства. Она написана о рабочем классе. В её основу положен материал, собранный в одном из наших крупных текстильных центров. В ней изображён советский производственный коллектив, простые советские люди. Показаны здесь и социалистическое соревнование, стахановское движение, массовое распространение передового опыта.

Ткачи в романе А. Никитина изображены не только на производстве, но и в быту, они не только трудятся, но и отдыхают — весело справляют праздники, ходят в театры и на концерты, увлекаются спортом и т. д.

Сюжет романа заключается в следующем. Огромная льнопрядильная фабрика «Красная текстильщица» в послевоенные годы продолжала производить грубые ткани и перевыполняла план в количественных показателях. Но такая работа фабрики уже не отвечала запросам советских людей, и Министерство лёгкой промышленности даёт задание руководству фабрики: оборудовать

новый цех усовершенствованных ткацких машин и наладить производство высококачественных узорных тканей. По словам секретаря парткома Руднева, коллективу фабрики предстоит «выткать такие скатерти и покрывала, какие никогда не ткались в мире», «дать народу такие ткани, чтобы они не только облагораживали быт советских людей, но и прививали им новые эстетические вкусы». Это задание увлекает передовых рабочих и инженеров. Горячо берутся за его выполнение начальник нового цеха инженер Черкасова, художник Зорин, многие старые и молодые ткачи и ткачихи. Однако производство новых тканей тормозят главный инженер Касторский, инженер Глаздин и некоторые другие руководители фабрики, которые привыкли перевыполнять план «навалом», без учёта ассортимента и качества продукции. Борьба лучшей части производственников против консерваторов и составляет содержание романа.

В книге как бы иллюстрируется действие основного экономического закона социализма на сравнительно небольшом участке текстильной промышленности. Путём перехода на новую, высшую технику, использования новых форм труда ткачи «Красной текстильщицы» осуществляют высшую цель социалистического производства — способствуют

Алексей Никитин. «Ткачи». Роман. Редакторы Е. Птицын, В. Лебедев. Костромское областное государственное издательство, 1952.

максимальному удовлетворению постоянно растущих материальных и культурных потребностей советского общества.

В романе довольно хорошо раскрыты характеры некоторых героев, типичных для нашего рабочего класса и интеллигенции,— энергичного молодого инженера Черкасовой, старого хозяйственника Вершинина, ткачихи Власовой, кадровых рабочих Волкова, Петрова, Черёмухина.

Есть в книге отдельные запоминающиеся страницы, где автор правдиво передаёт настроения героев, их думы. Такова глава, в которой секретарь парткома Руднев размышляет над гениальными трудами товарища Сталина, черпая в них руководство и вдохновение для своей работы. С тёплым юмором написан разговор молодой ткачихи-стахановки Вьюшкиной и строгого браковщика Черёмухина, который по-настоящему воюет за высокое качество продукции и воспитывает в молодом поколении чувство ответственности за честь фабрики. Убедительно звучат слова парторга Волкова, объясняющего инженеру Глаздину, какими путями добился успехов цех, возглавляемый Черкасовой: «Придумал поммастера Горячев крючок для заводки нити в челнок — давай его сюда. Посмотрели, проверили — важное изобретение. Сразу человека на цит, а крючок — всем ткачихам... Заметили, что ткачиха Вихрева из месяца в месяц выходит победительницей в соревновании. Решили присмотреться — чем берёт? Оказалось, быстротой выполнения рабочих операций. Каких? Ликвидация обрыва нити и смена челнока. Давай и это сюда. Изучили приёмы, описали, организовали стахановские школы и начали учить ткачей. И так во всём. В большом и малом — опора на народ, внимание к людям. От этого и пошёл цех в гору...» Здесь как бы подводятся итоги трудов рабочих и инженеров цеха, и в кратком обобщении даётся целая программа действий при организации социалистического производства.

Несправедливо критиковал Н. Асанов роман «Ткачи» в «Литературной газете» от 9 апреля 1953 года за то, что в нём речь будто бы идёт о профессии, а не о человеке. Так называлась и его заметка — «Профессия, а не человек». Профессия играет большую роль в жизни советских людей, зачастую неотделима от них. Оснащение всех отраслей нашей промышленности новейшей техникой требует всё более и более

квалифицированных кадров рабочих и специалистов, а следовательно, и большей профессионализации. Об этом можно и должно писать, и никакого «узкого взгляда на задачи литературы», вопреки утверждениям Н. Асанова, не заключается в том, что А. Никитин посвятил свой роман профессиональным ткачам. Но, конечно, бесспорно, что писатель не должен показывать советского человека, ограниченного узким профессиональным мирком, необходимо по-настоящему глубоко раскрывать характеры людей во всей их сложности.

Приходится согласиться с Асановым, что «диалог в этом произведении не имеет художественной нагрузки». Роману «Ткачи» не хватает художественности, к сожалению, не только в диалогах. Автор, обладающий литературным опытом, много лет писавший очерки и статьи на самые различные темы, в том числе и о текстильщиках, не обработал должным образом собранный им обширный материал о работе и быте передового текстильного предприятия и опубликовал роман в сыром виде.

Это привело к тому, что некоторые герои выглядят в нём тусклыми и бледными. Таков, например, художник Зорин. Он становится мужем Черкасовой, но нельзя понять, чем Зорин мог привлечь эту волевою и энергичную девушку. По словам автора, «Зорин остался по натуре таким же, каким был на фронте, — смелым в решениях, энергичным и настойчивым в действиях, верным данному слову». Но эти черты Зорина никак не раскрываются в романе.

Двойственное впечатление оставляет и секретарь парткома Руднев. Писатель уделил ему много места и внимания, стремился сделать его одним из главных положительных героев, но так и не сумел создать цельный, запоминающийся образ. Излишняя восторженность сменяется в характере Руднева какой-то сухостью, равнодушием к людям.

На открытом партийном собрании Руднев выступает хуже всех, причём начинает свою речь с выспренного, непонятого для большинства присутствующих и недоказательного примера о разнице между курсом и маршрутом корабля. Конечно, секретарь парткома мог выступить на собрании неудачно, и никто его за это особенно не осудил бы, но автор подаёт бесцветное выступление Руднева как образец красноречия.

Секретарь комсомольской организации Туманова. по внешнему виду вполне современная девушка, придерживается взглядов, какие когда-то, во времена военного коммунизма, исповедовали некоторые комсомольские «загибщики». Разумеется, может и в наше время появиться такая Туманова и даже попасть в руководители комсомольской организации, но автор должен объяснить такое явление, дать ему оценку. А. Никитин этого не делает.

Отрицательные персонажи в романе «Ткачи» — Касторский, Глаздин и другие — маловыразительны. Автор не нашёл для них сатирических красок и предпочёл воспользоваться довольно плоскими литературными шаблонами. Так, инженер Касторский наделён «манерами кавалера онегинских времён» и, к тому же, носит черты какой-то роковой обречённости, которую подтверждает и секретарь парткома.

«— У него какая-то душевная драма», — говорит о Касторском директор фабрики Вершинин.

«— Этого нужно было ожидать, — нахмурился Руднев.

— Почему? — остановившись, спросил директор.

— Вы знакомы с его автобиографией?.. Сын дворянина, был за границей, дважды женат...»

После этого приговора Касторский так и катится под откос, не вызывая ни у кого сожаления.

Собрания, заседания, совещания и другие общественные встречи и обсуждения играют роль в жизни советских людей, недооценивать их нельзя, но нельзя и перегружать ими литературно-художественное произведение. В романе «Ткачи» изображается около десяти различных собраний и совещаний, причём содержательны и что-то вносят в развитие действия только три из них (заседание парткома с разбором заявления Фрумкина, открытое партийное собрание с докладом Черкасовой и заседание технического совета фабрики, на котором провалилась бюрократка Студенцова).

В романе встречаются немотивированные положения и неточные описания. Директор фабрики, секретарь парткома и все другие руководители почему-то забывают о жилищно-бытовых нуждах рабочих «Красной текстильщицы». Как добрая фея в старинных сказках, появляется из Москвы жена директора, Варвара Павловна. «Забыл ты

совсем про быт рабочих», — заявляет она директору фабрики и принимается за устройство быта: при фабрике строятся дома, распределяются квартиры, появляется топливо и т. д. А что было бы с рабочими «Красной текстильщицы», если бы Варвара Павловна задержалась в Москве? Вся эта история кажется нам надуманной и наивной.

Стиль романа страдает от выпренности и литературного штампа.

Автор пишет: «Зорин держал Черкасову под руку и без усталости говорил, красиво, вдохновенно». Следуя вкусам автора, Черкасова вспоминает о профессоре Наумове: «Как он говорил! Голова запрокинута, рука в воздухе, а глаза совсем молодые, горят». О чём же он говорил — неизвестно.

То же стремление автора к дешёвой красивости, к мелодраматичности ощущается в таких фразах: «Ксения под завывание ветра за окном и лай беспокойной собаки рассказывала печальную историю своей жизни»; «Она была увлечена симфонией (!) работающего цеха».

И тут же, рядом, читаем сухие, казённые фразы: «После памятного партийного собрания он (Вершинин. — С. Е.), как и весь коллектив фабрики, загорелся идеей быстрее пуска цеха узорного ткачества... Приезд на фабрику Андрея Петровича Наумова зарядил Вершинина ещё большей энергией. Он безотлагательно внедрил в производство все предложения профессора...»

В романе о рабочем классе почти невозможно обойтись без размышлений и разговоров о производстве, без технических терминов. Но эти разговоры и эти термины должны быть понятны возможно более широкому кругу читателей. У А. Никитина — слишком много подробностей организации и техники льнопрядильного производства. Рядовой читатель, не специалист текстильного дела, не сможет принять участия в споре о том, что важнее: монтаж жаккардов или ремонт шлихтовки, как «облагородить короткое волокно», как лучше составлять «схемы проборки аркадных шнуров в касейную доску» и т. п. Не понять рядовому читателю и такое «объяснение» ткачи:

«— Вот возьмём, к примеру, вязку узла. Как я делаю её? На ходу станка между лиц и скало, около брачного места, обрываю нить. Конец, идущий от лиц, придерживаю левой рукой, правой — беру нить, идущую с навоу, и связываю узел».

Автор собрал обширный материал, заслуживающий, как нам думается, художественного воплощения. Но именно в художественном отношении эта книга недоработана. Автор и издательство явно поспешили с её выпуском в свет. Поспешность сказалась даже на оформлении. Художник (Ю. Васильев) стремился изобразить на обложке книги узорные скатерти, «какие никогда не ткались в мире», а получились у него инфузории — разные ресничные, сосушки, спиральные и другие, довольно неприятные на вид простейшие организмы, асимметрично

плавающие на каком-то скучном голубовато-сером фоне.

Роман «Ткачи» может служить ещё одним наглядным примером того, что очень хорошие намерения автора, правильно выбранная идея произведения, обширный материал, отдельные находки и удачи в изложении этого материала ещё не решают успеха произведения в целом, — необходимо художественное мастерство, упорство и тщательность в работе писателя.

С. ЕВГЕНОВ.

★

В борьбе за передовую японскую литературу

Много тяжёлых испытаний принесли прогрессивным японским писателям послевоенные годы. Не раз японская реакция при поддержке американских империалистов предпринимала попытки задуть передовую литературу, дезорганизовать демократическое культурное движение в стране. На борьбу против прогрессивной литературы были брошены писатели так называемого «физиологического» направления — проповедники наркомании и самоубийств, проституции и гангстерства. На подмогу к ним спешили писатели милитаристского направления, стремившиеся запугать простого человека угрозой новой войны, «красной опасностью» и т. д. Книжный рынок Японии наводнился реакционнейшими американскими журналами: «Католик дайджест», «Ридерс дайджест», «Лайф», пропагандирующими идею мирового господства, атомный психоз и пресловутый американский образ жизни. Реакция мобилизовала свою агентуру — правых социалистов, которым было поручено раскалывать изнутри демократические организации, в том числе массовые литературные кружки, с такой заботой создававшиеся прогрессивными писателями.

Большую роль в борьбе за передовую литературу Японии играет журнал «Дзиммин бунгаку» («Народная литература»), начавший издаваться в ноябре 1950 года и с тех пор ведущий плодотворную работу наряду с другим прогрессивным литературным журналом — «Синнихон бунгаку».

Активное участие в журнале «Дзиммин бунгаку» принимают крупные теоретики-

«Дзиммин бунгаку», ноябрь 1950 — декабрь 1952, Токио.

литературоведы и талантливые публицисты — Симада Масао, Экэмура Ёситаро, Иваками Дзюн'ити. Симада Масао японские читатели обязаны знакомством с литературой нового Китая. Знаток русской и советской литературы, Экэмура пропагандирует творчество великого русского писателя Горького, возглавляет работу над трёхтомным изданием истории советской литературы. Критик Иваками Дзюн'ити, известный своими статьями, направленными против писателей, состоящих на службе американско-японской реакции, сейчас помогает разрешать вопросы теории демократической литературы.

Часто выступают на страницах журнала виднейшие представители старшего поколения прогрессивных японских писателей — Токунага Сунао, Такакура Тэру, Фудзимори Сэйкити, Эма Накаси. Ещё в двадцатые годы эти писатели тесно связали свою судьбу с жизнью народа и с тех пор смело несут вперёд знамя реализма (на русский язык переведены романы Токунага Сунао «Токио, горд безработных», «Улица без солнца», «Тихие горы», рассказ Такакура Тэру «Песенка свиньи», рассказ Фудзимори Сэйкити «Человек, который не аплодирует»).

Журнал относится с большим вниманием к молодым писателям и поэтам. Их произведения постоянно публикуются на его страницах.

С самого начала своего существования журнал «Дзиммин бунгаку» задался целью всемерно способствовать расцвету передовой литературы, широко пропагандировать среди народа произведения, помогающие

ему жить и бороться, укрепляющие его веру в победу. В первом же номере «Дзиммин бунгаку», в передовой статье «Литература, служащая народу», Такакура Тэру говорил о задачах народной литературы, призванной воспитывать в массах веру в человека, пробуждать творческие силы.

Огромную помощь передовой японской литературе, развивающейся по пути реализма и народности, оказывает критический раздел журнала. В ряде статей («Литература в массы», «Что такое народная литература», «Во имя народно-освободительной литературы», «Пути развития народной патристической поэзии», «Путь, пройденный «Дзиммин бунгаку», «Вместе с борющимся народом» и других) неоднократно освещались вопросы связи передовой литературы с борьбой народа, говорилось о необходимости ярко и полнокровно отражать растущее изо дня в день сопротивление японского народа антинародной политике правящей верхушки. После заключения сепаратного «мирного» договора журнал неустанно разоблачал истинный смысл этого договора. В статье «Литература народного освобождения» Симата Масао на конкретных фактах ясно показал, что правительству Иосида, продавшему за доллары независимость страны, нет дела до судьбы народа. Да, говорит Симата, после заключения «мирного» договора действительно произошли некоторые изменения. Так, отныне американская армия называется не оккупационной, а «армией, базирующейся в Японии», полицейский резервный корпус переименован в корпус национальной безопасности. Симата приводит две характерные заметки, опубликованные в буржуазной газете «Асахи». В одной из них сообщается, что на японской земле оккупационная армия проводит среди вольнонаёмного состава учения по защите от атомной бомбы. Это значит, замечает Симата, что Япоцию собираются рано или поздно превратить в поле боя атомной войны. Когда же депутат парламента осмелился выразить тревогу за судьбу народа в случае войны, сообщается в другой заметке, министр иосидовского правительства хладнокровно ответил, что такого рода вопросы относятся к компетенции американской армии.

Защита мира и независимости находится в руках народа, и огромная роль в деле активизации борьбы трудящихся за свои права принадлежит литературе. Симата Ма-

сао говорит в своей статье о тех критериях, которые ныне должны быть положены в основу при оценке произведений прогрессивной литературы. Произведения эти только тогда представляют действительную ценность, если они служат интересам народа, если они написаны правдиво, с такой «художественной силой, благодаря которой идеи, заложенные в произведении, могут глубоко проникнуть в сердце читателя, потрясти его душу».

Преступная антинародная политика правительства Иосида встречает всё большее возмущение в стране. Многие из тех, кто ещё вчера испытывал сомнения и колебания, сегодня смело становятся в ряды сторонников мира и демократии. В течение послевоенных лет прогрессивные писатели не раз обращались к человеческому достоинству и национальной чести буржуазных деятелей литературы и искусства. Их полные правды слова заставили многих буржуазных писателей задуматься над вопросом: с кем же они в эти тяжёлые для японского народа годы? События, развернувшиеся вслед за заключением сепаратного договора, ускорили решение этого вопроса. Те из буржуазных японских писателей, в ком ещё жив талант, кто ещё сохранил человеческое достоинство, стремятся вырваться из мира духовного разложения. Внимательно следят передовые писатели за развитием этого процесса. Журнал из номера в номер печатает статьи, посвящённые анализу новых явлений в творчестве некоторых буржуазных писателей. Так, например, в статье «Писатели меняются» Экэмура Ёситаро с радостью отмечает, что за последнее время в части буржуазной литературы исчезают культ эротизма, нигилистическое отношение к человеку. Тяготение к реалистическому изображению действительности проявляется по-разному. Один, как, например, Акава Хироюки, раскрывая разрыв между идеальностью и безжалостным эгоизмом своих героев, стремится найти объяснение этим чертам характера в условиях социальной жизни. В произведениях других — и их большинство — всё сильнее звучит, как говорит Симата, «чувство тревоги народа за Японию, не принадлежащую японцам». Типичным в этом отношении является произведение Хотта Ёсиэ «Подземная крепость». Героем его выступает инженер Сацита, возглавляющий строительство здания, четыре этажа которого возводятся под землёй. Са-

кита уверенно чувствует себя на строительстве, он отдаёт работе все силы, весь свой талант. Но вот он присутствует на собрании представителей культуры и науки, на котором отклоняется резолюция, предлагающая защищать закон о мире. Тревога и сомнения охватывают инженера. Он думает о том, что возглавляемое им строительство ведётся при участии иностранного капитала, а когда здание будет готово, оно перейдёт в руки иностранных капиталистов. Настанет время — и четыре этажа под землёй превратятся в бомбоубежище... «Почему же люди не используют возможности отвести опасность, почему они всё ещё продолжают колебаться, а не начинают решительную борьбу сейчас, пока ещё не поздно?» — думает Сакита.

Прогрессивные японские писатели хорошо знают, что расцвет подлинно народной литературы невозможен без усвоения демократических традиций национальной литературы. В журнале часто печатаются статьи, посвящённые литературному наследию. Так, в связи с сорокалетней годовщиной со дня смерти поэта Исикава Такубоку была опубликована статья критика Ватанабэ, в которой творчество талантливого поэта, прожившего всего 27 лет, рассматривается с точки зрения того огромного влияния, которое оказало на него демократическое движение «Хэймин ундо», явившееся откликом на первую русскую революцию. Ватанабэ проследживает последовательный рост Такубоку как поэта-реалиста, решительно боровшегося против ухода от жизни, против натурализма, ставших в начале века типичными явлениями буржуазной литературы. Ватанабэ показывает, как связь Такубоку с развивающимся в стране рабочим движением обогатила его, помогла решительно порвать с формалистическими канонами.

В ряде статей рассматривалось наследие классика пролетарской литературы Кобаяси Такидзи, зверски замученного в тюремных застенках в 1933 году. Кобаяси известен советскому читателю такими произведениями, как «Крабовлов», «15 марта», в которых отражена борьба японского рабочего класса. Особенно большое воспитательное значение имеет повесть «15 марта». В этом смысле характерно, что герои романа Токунага «Тихие горы» — будущие члены Японской компартии Син'ити и Фурукава — проверяют свою выдержку и закалку именно по этой повести, стараются равняться на

её героев — мужественных и стойких коммунистов.

Важное место занимают в журнале разделы «Портреты народных писателей» и «Международная почта». Здесь помещаются статьи, посвящённые советской и китайской литературе, прогрессивной литературе капиталистических стран. В первом разделе, например, были опубликованы статьи, посвящённые Островскому, Лу Синю, Луи Арагону, Чжао Шу-ли, Назыму Хикмету, Дин Лин. Во втором разделе из номера в номер освещается литературная жизнь многих стран мира. Особый интерес представляет одиннадцатый номер журнала за 1951 год, посвящённый советской литературе. В статье Нисио «Октябрьская социалистическая революция и литература» автор знакомит японских читателей с такими произведениями, как «Чапаев» Д. Фурманова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Цемент» Ф. Гладкова. Статья Иваками Дзюн'ити «Советская литература борется за мир» построена на анализе «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, «Белый берёзы» М. Бубеннова, «Крымского подполья» И. Козлова, «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Жатвы» Г. Николаевой.

Много внимания уделяет журнал популяризации и изучению литературы нового Китая. Любимыми произведениями в Японии стали «Солнце над рекой Сангань» Дин Лин, «Перемены в Лицзяжуане» Чжао Шу-ли, «Движущая сила» Цао Мин. Глубокий интерес вызывают у японских писателей образы крестьян — сознательных строителей новой жизни, выведенные в современной китайской литературе.

Передовая литературоведческая мысль Японии находится в неразрывной связи с творческой деятельностью прогрессивных писателей. Характерной чертой художественных произведений, публикуемых на страницах «Дзиммин бунгаку», является отражение всё более растущего сопротивления японского народа натиску реакции. Так, в рассказе Сава Маяко «О том, как выручали товарища» описывается, как полиция незаконно арестовывает коммуниста Мияки и пытается предъявить ему политическое обвинение за расклейку предвыборных листовок. Однако на выручку его в полицейский участок приходит целый отряд коммунистов, и струсившие полицейские уже обвиняют Мияки лишь в нарушении правил

уличного движения, а затем освобождают его. Очерк Ацута Горо «Душителю борьбы» рисует забастовку на заводе Мидзутани, для подавления которой японские реакционеры прибегли к помощи американцев. Забастовка подавлена, но боевой дух рабочих не сломлен, их настроение лучше всего передаёт выступающий на митинге рабочий Ямадзакэ: «В колонию, в базу третьей мировой войны — вот во что превращается Япония... А наша сила возрастает, ни колонии, ни военной базы из Японии не сделать». Повесть Харукава Тэцуо «Японские рабочие» показывает, как под руководством компартии на одной из военных баз развёртывается организованная борьба рабочих против американских оккупантов. Ряд рассказов посвящён жизни и героической борьбе японских безработных и полубезработных.

Одним из популярнейших образов прогрессивной японской литературы становится рядовая японская женщина, поднимающая свой голос в защиту мира и национальной независимости. В рассказе «В ответ на «Слушайте голос моря» писатель Ямамото показывает, какое колоссальное впечатление произвёл на простых людей Японии антивоенный фильм «Слушайте голос моря». Героиня рассказа, пожилая японская женщина, которая потеряла на фронте двух своих сыновей, требует, вернувшись после просмотра этого фильма, чтобы её дети немедленно прекратили работу на военном заводе. В рассказе Исигэ «Мать и резервный отряд» японская женщина, понявшая, что под видом резервного корпуса возрождается японская армия, отказывается отдавать в этот корпус своего сына.

Издавать демократический журнал в современных условиях Японии — дело очень нелёгкое. Душат налоги, нет бумаги, нехватает денег. Не раз в жизни журнала наступали тяжёлые времена. Но ещё не было случая, чтобы читатели не пришли к нему на помощь. Нередко на первой странице журнала редакция выражает благодарность за средства, присланные из различных уголков страны от организаций и отдельных лиц.

Самоотверженный труд прогрессивных японских писателей встречает глубокую благодарность со стороны народа. Корреспонденты с мест сообщают, что, когда японским крестьянам читают вслух или представляют на сцене «Песенку свиный» Такакура Тэру, опубликованную в журнале «Дзиммин бунгаку»¹, на их глазах появляются слёзы. Массу писем получил Такакура Тэру после выхода в свет его романа «Воды Хаконэ», написанного вскоре после освобождения автора из тюрьмы. В одном из этих писем рабочий-печатник писал, что истратить 200 иен на покупку книги означало для него остаться голодным; «а всё-таки я её куплю, ничего, что придётся поголодать, думал я И вот наконец сегодня я купил её и сразу же принялся за чтение... Вот она и прочитана. Я не знаю, как выразить свои чувства. Но моё волнение — искреннее волнение. Я думаю, что это и есть настоящая рабочая, народная литература».

Народная литература! Именно за неё и борется журнал, на заглавном листе которого стоят эти слова.

В. ЛОГУНОВА.

¹ Перевод рассказа напечатан в № 2 «Нового мира» за 1953 год.

Политика и наука

В сегодняшней Америке

Новая книга прогрессивного английского публициста Дерек Картэна, выпущенная в марте этого года, названа им «США в 1953 году». Автор уже знаком советскому читателю по переведённой на русский язык книге «Такова Америка» и статьям, публиковавшимся в нашей печати.

Обширный материал, собранный в послед-

Дерек Картэн. „USA' 53“. London, 1953. (Дерек Картэн. «США в 1953 году». Лондон, 1953).

нем произведении Д. Картэна, помогает лучше понять то, что происходит сегодня в Америке. Как указывает автор, многие из приведённых в книге фактов «не делают чести ни американским властям, ни американской цивилизации. Но они изложены потому, что типичны, знаменательны и вызывают большую тревогу».

Одна из глав книги — «Система, которая оказывается недейственной» — посвящена американской экономике. «Чтобы понять,

что представляют собой США в 1953 году,— пишет Д. Картэн, — нужно учитывать экономическое положение, вызывающее те страхи, которые, подобно призраку, преследуют Америку». До последнего времени американские монополисты возлагали все свои надежды на гонку вооружений, рассчитывая, что она поможет преодолеть им трудности, стоящие перед промышленностью США. Однако реальное положение показывает всю тщетность подобных надежд.

Всё чаще американская печать говорит о том, что усиление милитаризации уже не помогает, что на американскую экономику надвигается кризис. Однобокое, искусственное расширение военных отраслей влечёт за собой свёртывание гражданского производства, сокращение платёжеспособного спроса внутри страны, ухудшение внешнеторгового баланса.

Осенью 1952 года, отмечает автор, на съезде Ассоциации американских банкиров в Атлантик-сити многие выступавшие указывали на близость экономического краха. Американский исследовательский институт также дал неутешительный прогноз, предупреждая, что в 1953 году надо подготовиться к «спаду, который может оказаться более глубоким и затяжным, нежели любой период трудностей с 30-х годов».

Особенно тяжело отражается гонка вооружений на материальном положении рабочих США. Только за последних три года, с начала войны в Корее, цены на продовольствие в Америке повысились на треть, а налоги — на три четверти. Жизненный уровень трудящихся американцев снизился за этот период на десять процентов. Как говорит Д. Картэн, для многих миллионов рабочих в США слова «американский образ жизни» должны звучать издевательством.

«Вашингтонское правительство, — пишет автор, — разработало образец минимального бюджета, необходимого для сохранения здоровья. По счастливому стечению обстоятельств, это достаточно спартанский бюджет, и всё же, согласно статистическим данным самого правительства, в 1950 году этот минимальный бюджет оказывался доступным лишь для 38 процентов всех рабочих семей. А к 1951 году доля семей, могущих позволить себе такие расходы, упала до 25 процентов, то есть составила одну четвертую общего количества трудящихся».

На это наступление монополий трудящихся Америки отвечают усилением стачеч-

ной борьбы. Число забастовок в стране растёт из месяца в месяц. Даже официальные американские сведения свидетельствуют о том, что только в первом квартале нынешнего года имело место 1300 забастовок, в которых приняли участие 550 тысяч рабочих. Волна стачек продолжает возрастать. В апреле и мае бастовали рабочие фордовских заводов в штате Мичиган и на предприятиях резиновой промышленности, строители Пенсильвании, электрики и многие другие.

Д. Картэн приводит яркие примеры, свидетельствующие о росте борьбы американского народа за повышение своего жизненного уровня, о мужественном сопротивлении, которое оказывают его лучшие сыны и дочери наступлению реакции, о благородной деятельности прогрессивных мастеров американской культуры, несущих народу слово правды.

В книге рассказывается об усилении репрессий, о новых посягательствах на гражданские права и демократические свободы американских трудящихся. Примером может служить судебная расправа над одним из лидеров Американской коммунистической партии, руководителем питтсбургских рабочих Стивом Нельсоном.

Когда Нельсон обратился за помощью к адвокатам города, он встретил отказ. Запуганные люди боялись взять на себя защиту заведомо невиновного человека. Нельсон посетил более восьмидесяти юристов, но безуспешно. Он обратился письменно ещё к семистам адвокатам. Это также не дало результатов. Наконец адвокат Шлезингер согласился оказать Нельсону помощь и... был немедленно посажен в тюрьму. Состоялся процесс, который, по словам Д. Картэна, «с точки зрения любых достойных уважения юридических норм был фарсом». Стива Нельсона, единственной «виной» которого была стойкая защита кровных интересов американского рабочего класса, приговорили к двадцати годам тюремного заключения. Однако мужественное поведение Нельсона, выступившего на суде с разоблачением антинародной деятельности финансовых магнатов, показало всю бесплодность попыток реакции заставить замолчать прогрессивную Америку.

Интересны страницы книги, посвящённые рассказу о духовной жизни Америки 1953 года. Миллионы людей, проживающих в США, пишет Д. Картэн, подвергаются с по-

мощью сложного «культурного» аппарата систематической деморализации. Цель её: создать послушных, недумаящих, беспринципных и невежественных солдат — пушечное мясо империализма.

Для достижения этого широко используются кино, радио, литература. О том, как развращает своей «продукцией» Голливуд, можно судить хотя бы по приводимому Д. Картэном перечню некоторых фильмов, выпущенных в послевоенный период. Среди них такие, как «Виновен в измене», «Одержимый стрельбой», «С пистолетом в руках», «Кольт-45», «Винчестер-76». «Сотри кровь с моих рук поцелуями», «Вымогательство». «Атомный человек».

Своими фильмами Голливуд стремится запугать американского обывателя, оглушить его стрельбой, заморочить невероятными любовными историями.

По тем же стопам идёт и американское телевидение. Вот описание типичной телевизионной программы, приведённое газетой «Чикаго дейли ньюс». «Два человека избивают старика. В результате избивания старик навсегда теряет зрение, падает с обрыва на камни и разбивается насмерть... Ветеринарный врач — вор убивает в постели раненого товарища, впрыснув ему в кровь яд... Двое мужчин похищают девушку и затем избивают её» и т. д. Самое чудовищное заключается в том, что эта передача была написана и поставлена специально для детей. «С ужасом смотришь на этих пяти-шестилетних малышей, которые, как очарованные, сидят перед телевизорами, впитывая в себя этот садизм», — пишет газета.

Те же цели развращения людей преследует и стряпня реакционных американских художников. Буржуазный критик Рут так описывает «произведения» одного из наиболее модных современных американских художников, Б. Томлина: «Люди, которым нравится эмоционально нанесённая краска и идеи движения, внушаемые линиями, поймут его окрашенные поверхности и увидят в его сложных композициях петель, крючков, бумерангов, букв, точек, прямоугольников, зигзагов и т. п. своего рода балет в живописи, в котором многочисленные фигуры колышутся, вращаются, извиваются и колеблются в двух или более планах, со стимулирующей непосредственностью и общей координацией, которая даёт удовлетворение, не будучи навязчивой».

Д. Картэн убедительно показывает, что «Новый мир», № 7.

весь этот «балет в живописи» вовсе не так уж абстрактен, как это пытаются изобразить, и пишет: «Обратившись к художникам, мы вступим в мир безо всяких людей, без предметов, ничем не напоминающий мир, в котором мы живём. Американские художники не нападают на человека, они у него что жают его».

Презрение к человеку, стремление унижить его, внушить мысль с бесчеловечности человеческой жизни, торгашеский дух — вот что является характерным для буржуазного искусства Америки. О чём, как не о предельной степени деградации, свидетельствует, например, заявление известного журналиста Эрла Вильсона, назвавшего «Двенадцатую ночь» Шекспира «дрянным, которое неспособно заработать денег за постановщикам».

Кто же пришёл сегодня в Америке на смену Шекспиру? Некая Гертруд Стейн. Она написала пьеску под названием «Четыре святых в грёх актах». Вот что сама она заявила о содержании своего творения: «Настоящий святой никогда ничего не делает. Поэтому я захотела создать четырёх святых в грёх актах, и они ничего не делают, и это всё. Вообще говоря, всякий бывает интереснее, если он ничего не делает, чем если он что-либо делает».

Остаётся только пожалеть, что сама мисс Стейн не следует этому принципу, утруждая себя изделием подобных пьес.

В своей книге Д. Картэн раскрывает всю глубину падения реакционных литераторов Америки. В их произведениях царит всё та же тема убийства, разложения, морального опустошения. «Я надеюсь и твёрдо верю, что в будущем столетии цивилизованный мир будет стёрт с лица земли», — провозглашает, например, американский романист Генри Миллер.

А вот что пишет газета «Нью-Йорк таймс» об одном из наиболее ходких сейчас в Америке произведений — романе Р. Эллисона «Человек-невидимка»: «Это сенсационная и возбуждающая книга. Она поразит некоторых читателей и вызовет у них тошноту... Герой её символизирует сомнение, растерянность, предательство и поражение». Другой орган, «Нью лидер», пишет об этой книге: «Здесь автор доказывает, что общность судьбы всех людей — небытие».

Всей этой разнузданной кампании, проводимой реакцией, противостоит смелая деятельность честных художников — писателей,

поэтов, артистов. Несмотря на все происки мракобесов, на препятствия, чинимые созданию прогрессивных произведений, несмотря на заговор молчания, организуемый против них американской пропагандой, они способствуют развитию подлинной культуры американского народа. Нельзя говорить о сегодняшней Америке, не сказав об их мужественной деятельности, пишет Д. Картэн. «Группа прогрессивных демократических писателей продолжает работать, несмотря на невыносимые финансовые и политические трудности. Говард Фаст, Ллойд Браун,

В. Дж. Джером, Герб Танк, Джон Говард Лоусон, Майкл Голд, Рубин, Биберман, Коул, Мальц и другие сохраняют мерцающий огонь гуманизма и реализма».

Прогрессивная Америка продолжает свою борьбу. Всё громче звучит голос протеста против антинародного курса монополий.

«Именно этим доблестным американцам и американкам, подвергающимся притеснениям и преследованиям, но готовым к борьбе» и посвятил Дерек Картэн свою правдивую книгу.

В. ДВОРЦОВ.

★

Проблемы наследования в биологии

Книга профессора П. П. Сахарова «Наследование приобретаемых свойств» посвящена важной и актуальной теме, которая интересует сейчас многих советских учёных.

Вопрос о наследовании приобретаемых свойств имеет большое значение. Теоретические соображения, практические работы в сельском хозяйстве, данные медицины говорят нам со всей убедительностью, что приобретаемые признаки передаются по наследству. В противном случае невозможно представить себе эволюцию живых существ в их неразрывной связи с внешней средой. На признании факта такого наследования основана, в сущности говоря, вся многовековая и многообразная практика выведения новых сортов растений, новых пород животных, новых форм микроорганизмов.

Проблема наследования приобретаемых свойств издавна служит ареной острейшей борьбы передовой науки с реакцией, материализма — с идеализмом. История биологии богата фактами, свидетельствующими о том, как яростно боролись реакционные псевдоучёные против прогрессивных теорий, последующая разработка которых дала возможность уже в наши дни создать непобедимое мичуринское учение, основанное на правде жизни, на философии диалектического материализма.

Труды Ламарка были осмеяны реакционными учёными, а впоследствии либо извращены, либо подвергнуты «критике мол-

чанием» прежде всего потому, что французский натуралист провозгласил наследование приобретаемых свойств одним из краеугольных камней своей эволюционной теории. Однако, как известно, Ламарк придавал своей, в основе верной, точке зрения идеалистический характер, считая причиной наследственности мистическое «стремление к совершенствованию».

На признании наследования приобретаемых свойств основана и теория Дарвина. Эта сторона — одна из сильнейших в дарвиновском учении — была также затуманена буржуазной наукой.

В начале нынешнего столетия биологию стала заливать мутная волна вейсманизма-морганизма. Последователи этого лженаучного направления проповедовали теорию «наследственного вещества», якобы независимого от влияния внешней среды. Эта «наука» служит буржуазии и до сих пор. Она противостоит передовой биологии, в основе которой лежат труды Дарвина и Мичурина.

В книге П. П. Сахарова правильно подчёркивается, что «победа мичуринского учения есть победа диалектического материализма над идеализмом в биологии». Эта победа обеспечила нашей науке возможность глубокой разработки проблемы наследования приобретаемых свойств и направила её по верному пути. Советскими учёными накоплен большой материал, подтверждающий зависимость качественных изменений природы растительных и животных организмов от условий жизни, воздействующих на живое тело, на организм. Исследования в этой области с каждым годом всё более расширяются и углубляются.

П. П. Сахаров. «Наследование приобретаемых свойств». Под общей редакцией проф. Ф. А. Дворянкина. «Советская наука», М. 1952.

Крупный вклад в изучение проблемы наследования приобретаемых свойств внесли растениеводы и ботаники — прямые продолжатели дела Мичурина. Немало сделали для правильного решения этой проблемы и наши микробиологи. Их работы неопровержимо доказывают, что признаки, приобретаемые под влиянием условий внешней среды, могут передаваться по наследству.

Книга П. П. Сахарова состоит из семи глав, в которых содержится интересный и в основном правильно обобщённый материал. Автор счастливо соединяет в себе эрудицию и биолога и медика. В течение многих лет он вместе со своими сотрудниками изучал закономерности наследования приобретаемых свойств в мире живых организмов.

В монографии, о которой идёт речь, освещены преимущественно вопросы, касающиеся области медицинской микробиологии. В ней рассказывается вначале о наследовании приобретаемых свойств микроорганизмами. Далее автор рассматривает вопросы о приобретаемых свойствах у растений и беспозвоночных животных (инфузории, ракообразные, насекомые), а затем переходит к позвоночным животным (рыбы, земноводные, млекопитающие).

Следует отметить такие интересные разделы книги, как «Изучение передачи по наследству приобретённых дефектов у млекопитающих» и «Опыты с трансплантацией яичников с целью доказательства воздействия тела материнского организма на половые клетки и развитие зародыша».

Отдельная глава посвящена наследованию приобретённого иммунитета, то есть невосприимчивости к заразным болезням у животных.

Сравнительно мало места отведено в книге вопросу о закономерностях наследования приобретаемых признаков высшими животными. Объясняется это главным образом объективным положением вещей. Автор справедливо замечает, что мы имеем в настоящее время лишь возможность наметить некоторые общие закономерности наследственности у высших животных, ибо естественизм-морганизм в течение 60 лет сильно тормозил исследовательскую работу в данном направлении, объявив, что наследования приобретаемых свойств нет и не может быть. Далее П. П. Сахаров выра-

жает обоснованную надежду на то, что в недалёком будущем «генетика животных станет в уровень с генетикой растений, далеко шагнувшей вперёд, благодаря трудам И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко».

Однако уже имеющийся в наличии — пусть сравнительно скромный — материал, полученный нашими животноводами, недостаточно использован в работе П. П. Сахарова. Обойдена молчанием, например, область охотничьего собаководства, где накоплен немалый запас сведений, касающихся наследования приобретаемых свойств, в частности рефлексов. Не использованы в книге и данные, относящиеся к биологии, точнее — экологии различных диких животных (пушные звери, копытные, птицы, грызуны).

Проблемы наследования приобретаемых свойств в книге освещены с правильных теоретических позиций. В предисловии говорится, что «закономерности высшей нервной деятельности позвоночных, установленные академиком И. П. Павловым, и открытия И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко свойств мира растений находят полное выражение в закономерностях наследования. Нам необходимо выявить особенности этих закономерностей, вскрыть их единую сущность и их качественное своеобразие на разных ступенях развития».

Далее читаем: «в мире микробов и вирусов, в осуществляемых ими инфекционных процессах мы можем правильно разобраться, лишь применяя диалектико-материалистические принципы, положенные в основу советского творческого дарвинизма И. В. Мичуриным и Т. Д. Лысенко».

Эти принципиальные установки являются ведущими во всей книге. Разумеется, что использовать их полностью автор не всегда имел возможность вследствие ограниченности материала по ряду вопросов. Это относится, например, к вопросу о приобретённом иммунитете к заразным болезням. Изучение данной проблемы начато лишь в самые последние годы.

Очевидно, что по отдельным малоразработанным вопросам положения, высказанные в книге, подвергнутся критике. Некоторые из таких спорных пунктов отмечает в своём редакторском примечании профессор Ф. А. Дворянкин. На наш взгляд, весьма спорным является, в частности, положение о скачкообразной в одних случаях и о постепенно нарастающей

в других случаях изменчивости свойств микроорганизмов. Этот вопрос подлежит особому обсуждению в специальной печати.

Правильные теоретические установки дали автору возможность разобраться в ряде очень сложных проблем, оживлённо обсуждаемых в последнее время нашими учёными. Верно, например, что так называемые вакцины, применяемые для профилактики и лечения заразных болезней, представляют собой, по сути дела, не просто ослабленные или изменённые формы микробов, а новые формы или, возможно даже, новые их виды.

Очень интересны соображения насчёт «обратимой изменчивости». По мнению автора, «обратимая изменчивость микробов не отрицает наследуемости приобретаемых свойств и прогрессирующей наследственности». Нам кажется правильным это важное положение.

В книге отмечается значение известных работ советских учёных М. Д. Утенкова и Г. М. Бошняна для вопроса о наследственности у микроорганизмов. Но, пишет автор, наиболее «важный для теории развития вопрос о путях видообразования микробов и вирусов этими авторами даже не поставлен...»

Кстати: неверно, по нашему мнению, говорить о «микробах и вирусах», как это делается в монографии. Правильнее говорить «бактерий и вирусов» или, ещё лучше,— просто микроорганизмов, подразумеваемая под этим термином и вирусы, и бактерии, и спирохеты, и грибки, и простейшие. Вопрос этот не терминологический, а принципиальный, ибо нельзя противопоставлять друг другу микробы и вирусы. Эти последние являются, судя по всему, не какой-то особой группой существ, а очень своеобразными представителями мира микробов и связаны узами «кровного родства», например, с бактериями. Крупнейший советский микробиолог, почётный академик Н. Ф. Гамалея, в своей последней работе прямо пишет: «Рассмотрев вопрос о природе вирусов с обеих точек зрения — мик-

робной и химической, мы приходим к окончательному выводу, что они должны быть признаны микроорганизмами».

Непонятно, далее, о каких исследованиях свойств вирусов И. И. Мечниковым идёт речь в книге. Известно, что этот учёный занимался бактериями, спирохетами, грибами. Да и вирусологии в то время ещё не существовало.

Жаль, что довольно объёмистая и насыщенная фактическим материалом книга выпущена без предметного указателя. Плохо воспроизведены в ней иллюстрации. Штриховые рисунки ещё выглядят сносно на серой бумаге, но тоновые вышли совершенно мутными. Очень трудно, например, рассматривать рис. 62, 75. Немало в книге опечаток и редакционных небрежностей (например, фамилия одного автора приводится с его инициалами, а другого, рядом,— без инициалов).

Написана монография, в общем, хорошим литературным языком. Однако в изложении местами встречаются длинные, тяжёлые фразы, употребляются такие странные выражения, как «непередача» и т. п.

Кстати говоря, вызывает некоторое недоумение, почему на обложке и на титульном листе стоит имя только одного профессора П. П. Сахарова, тогда как в предисловии и в оглавлении указано, что три главы, то есть чуть ли не половина книги, написаны им вместе с Е. И. Гудковой. На совместные работы обоих учёных имеется и много ссылок в тексте.

Издание данной монографии—немаловажное и отрадное явление в нашей биологической печати. Выход этой интересной книги показывает, что в разработке проблемы наследования приобретаемых свойств передовая советская наука имеет много серьёзных достижений. Она успешно ведёт иллейную борьбу с реакционными течениями типа вейсманизма-морганизма, столь распространёнными в странах капитала и обслуживающими интересы империалистической буржуазии.

Ю. МИЛЕНУШКИН.

О своих родных местах

Беспредельна любовь советского человека к своей социалистической Родине. Близка и мила нашему сердцу природа родной страны с её неисчерпаемыми богатствами недр, голубыми морями и снежными горами, с дремучими лесами и необъятными просторами колхозных полей. Всё это принадлежит нашему народу и используется для дальнейшего подъёма благосостояния людей.

Побывать в различных уголках Советского Союза, познакомиться с их физической и экономической географией и достопримечательностями, словом, как можно полнее узнать свою страну — естественное желание каждого советского человека. Это стремление проявляется особенно сильно теперь, когда наш народ, вооружённый историческими решениями XIX съезда партии, во всю ширь развёртывает коммунистическое строительство. Вряд ли найдётся у нас такой край, где бы геологи не заглядывали в глубь земли в поисках новых природных богатств, ботаники и зоологи не изучали бы растительный и животный мир, а гидрологи не бороздили бы воды рек и озёр. Результаты изысканий учёных, работы по освоению богатств природы глубоко интересуют советских людей.

К сожалению, всё ещё слишком мало издаётся у нас книг, которые просто, ясно и красочно рассказывают об отдельных областях, краях, а может быть, даже и районах. В этом легко убедиться, побывав в книжных магазинах областных центров. Здесь можно увидеть немало литературных новинок, но среди них далеко не везде вы найдёте книгу, повествующую о природе и экономике данной области.

С тем большей благодарностью встречают наши читатели инициативу тех областных и краевых издательств, которые стремятся удовлетворить интерес трудящихся к природе своих родных мест. К числу таких издательств относится, на-

«Воронежская область. Часть первая. Природные условия». Под редакцией доктора географических наук С. И. Костина. Воронежское областное книгоиздательство, 1952.

Профессор С. С. Станков. «Очерки физической географии Горьковской области». Третье, исправленное издание. Редактор Л. С. Морозова. Горьковское областное государственное издательство, 1951.

пример, Воронежское областное книгоиздательство, начавшее выпуск коллективного научного труда «Воронежская область». В городе Горьком уже третьим изданием вышла в свет книга профессора С. С. Станкова «Очерки физической географии Горьковской области».

О разных местах рассказывают эти две книги, различно излагается материал, но есть у них одно общее — это та основная задача, которую ставили перед собой авторы и которую профессор С. С. Станков в своих «Очерках» выразил так: «...пробудить интерес ко всей природе нашей области в целом, раскрыть перед читателем наиболее интересные закономерности физико-географического облика области, являющейся хотя и небольшим, но наиболее близким нам уголком всей территории нашей страны».

Обе книги рассказывают о геологии и рельефе, о реках, озёрах и других водоёмах, о климатических и почвенных условиях, о растительном покрове и животном мире области.

Сравнивая содержание этих книг и выясняя, как решена авторами их задача, нужно отметить, что каждая из них имеет свои достоинства и свои недостатки.

Книга С. С. Станкова написана, если так можно сказать, педагогично. Не случайно профессор Станков, человек с большим педагогическим опытом, посвящает свои «Очерки» учителю советской начальной школы. Излагая ученикам общие положения физической географии, преподаватель может с успехом проиллюстрировать их примерами из этой книги.

Читая книгу, чувствуешь, что автор прекрасно знает окружающую его природу и страстно любит её. Эти знания и эту любовь он хочет как можно лучше передать массовому читателю. На страницах «Очерков» встречаешь и отрывки из произведений классиков русской художественной литературы и высказывания наших учёных. Автор книги приводит стихи Н. А. Некрасова, полные любви к родной природе:

Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей.
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.

Чтобы книга о физической географии края, области была общедоступна и приглянулась по душе школьнику и его учителю, рабочему и колхознику, она должна быть написана образно, ярко и в то же время на высоком научном уровне. На произведениях такого рода как нельзя лучше выявляется талант популяризатора знаний. Нужно сказать, что «Очерки» профессора С. С. Станкова вполне отвечают этому требованию. Любый читатель прочтёт их с большим удовольствием, найдёт в них много полезных сведений.

Нередко автор столь удачно рисует картины природы, что этим приближает свою книгу к художественному произведению. Вот он описывает «провальные» пещеры в Ичалковском бору: «Когда в июльский знойный день вы, скитаясь по провалам этих замечательных мест, изучая природу и ландшафт их, утомлённые от бесконечных поднятий и спусков по склонам, вдруг попадаете под мрачные своды пещеры и по ледяным ступенькам спуска скользят ваши усталые ноги, когда вы начинаете ощущать, что лёд хрустит у вас под ногами, а на стене искрятся блёстки инея, и вы видите ледяной язык, когда после зноя вы чувствуете, холодное дыхание «сквозьземелья», — согласитесь, что зрелище получается изумительное». И немудрено, что у читателя появляется желание обязательно побывать в этих пещерах.

Для большей доходчивости своего рассказа автор «Очерков» прибегает к интересным сравнениям, приводит неизвестные для многих людей географические и биологические сведения. Читатель узнаёт, например, что если бы растаял весь лёд, имеющийся в настоящее время на земном шаре, то это повысило бы уровень мирового океана на 50 метров; что пещерам, образующимся в известковых толщах, народ дал меткое название «сквозьземелий»; что по размерам толщи торфа можно без особого труда определить тот период, на протяжении которого произошло заболачивание данной местности; что в Горьковской области водится один из самых карликовых на свете зверьков — малая землеройка, которая весит всего лишь 3—4 грамма. Все эти разнообразные сведения, во множестве приведённые в «Очерках», придают им особый познавательный интерес, значительно оживляют изложение материала.

Автор книги не просто рассказывает о том, что он знает, но и обращается к читателям с призывом глубже ознакомиться со своей областью, указывает на те явления природы, которые ещё ожидают своего изучения и объяснения. Он предлагает краеведам более активно изучать процесс развития местной природы, пишет, в частности, о том, что необходимо исследовать многие озёра, которыми богата Горьковская область и которые имеют большое хозяйственное значение. Он советует любителям природы обратить больше внимания на изучение животных, населяющих дубравы области, на поиски новых полезных человеку растений.

«Очерки» С. С. Станкова имеют и ряд недостатков. Наиболее существенным из них является слабый показ народнохозяйственного значения природных богатств Горьковской области. Между тем в наше время, когда везде и всюду совершаются величайшие преобразовательные работы, вряд ли целесообразно ограничиваться лишь физической географией, не насыщая книгу данными экономической географии. А вот последних в «Очерках» явно недостаточно. Бегло и общими фразами очерчена здесь, например, роль Волги, которая, как известно, делит Горьковскую область пополам. Мало сказал автор о промышленном значении лесов области.

В этих пробелах «Очерков» повинно и Горьковское издательство. В то время когда шла работа над очерками физической географии, издательство собиралось выпустить книгу по экономической географии области. Однако это благое намерение почему-то до сих пор не осуществлено. Очевидно, такая книга значительно дополнила бы «Очерки» профессора С. С. Станкова.

Ряд недостатков, свойственных «Очеркам», в известной мере избежали авторы книги о природных условиях Воронежской области. В первой главе (автор — доцент И. Н. Ежов), посвящённой геологии области, правильно подчёркивается значение геологических исследований для устройства гидротехнических сооружений, строительства прудов и водоёмов, капитальных зданий, мостов, для проектирования дорог. Во второй главе книги авторы — доценты М. С. Точилин и А. Г. Яковлев — дают описание полезных ископаемых Воронежской области и рассказывают о возмож-

ности использования наиболее важных из них. Большой практический интерес, особенно для засушливых районов, представляет глава о подземных водах. Автор её — инженер Т. Н. Елфимов — даёт краткую характеристику гидрогеологических районов, отмечает, что в пределах области почти повсеместно распространены подземные воды в тех или иных геологических отложениях.

Материалы, приведённые в этой книге, тесно связаны с практическими мероприятиями, проводимыми в области. Так, например, читатель получает представление не только о флористическом составе растительности, но и о её развитии во времени, узнаёт о работах по ползащитному лесоразведению в Воронежской области и т. д. Сборник ставит перед краеведами и естествоиспытателями ряд задач по дальнейшему изучению области, освоению её природных богатств в интересах народного хозяйства.

Тем не менее книга о природных условиях Воронежской области во многих отношениях уступает «Очеркам» профессора С. С. Станкова. Прежде всего в ней нет той стилистической цельности, тех тесных связей между отдельными главами, которые весьма характерны для «Очерков физической географии Горьковской области». В частности, очень схематично, как в справочнике, изложена глава о растительном мире области. В разделе «Деревья и кустарники» мы находим лишь перечисление древесных и кустарниковых пород и цифровые данные о выявленных на территории области видах древесных растений. В книге почти не встречается широких и ярких картин живой природы, язык сборника вялый, однообразный.

Не все авторы сборника «Воронежская область» позаботились о популярности своих статей. В главе о геологических отложениях встречается такого рода фразы: «Палеогеновые отложения в области представлены следующими ярусами, начиная снизу: каневским, бучакским, киевским и харьковским. Первые три яруса относятся к эоцену, последний — к олигоцену»; «Южная часть области затоплялась морем Донецкого бассейна, представляющим собой боковую ветвь альпийско-гималайской геосинклинали». Ясно, что эти описания, правильные по существу и понятные специалистам, являются слишком сложными для

массового читателя, если не сопроводить их соответствующими объяснениями.

В сборнике слишком много громоздких таблиц. Таковы, например, таблицы скорости ветра, характеристики расходов воды в реках. Вместе с тем книга плохо иллюстрирована рисунками, фотоснимками, графиками. Среди опубликованных фотоснимков имеются очень слабые, невыразительные. Главы о геологии и рельефе целесообразно было сопроводить чёткими схематическими картами.

«Очерки» профессора С. С. Станкова оформлены значительно лучше. Книга богато иллюстрирована хорошо выполненными рисунками, картами, чертежами. Всё это привлекает внимание читателей, а следовательно, повышает воспитательное значение книги.

Несколько слов об авторах такого рода очень нужных, полезных книг. Книгу о природе области может написать и один человек, если он, разумеется, располагает достаточно широким естественнонаучным и прежде всего географическим кругозором. Бесспорно, что в этом случае — больше возможности достигнуть цельности произведения. Подтверждением этого могут служить «Очерки» С. С. Станкова.

Однако неплохая книга может получиться и в результате коллективного труда. Но здесь, конечно, неизбежна некоторая разнотильность, что частично может быть устранено единым и тщательным редактированием. Следовательно, должна повыситься роль ответственного редактора, который обязан не только проследить за научным содержанием материалов, но и установить органические связи между главами, добиться популярности и яркости изложения. Немаловажное значение имеет обсуждение таких рукописей перед сдачей их в издательство. Нам кажется, что обсуждение их следует проводить не только в научно-исследовательских учреждениях, но и в школах, институтах, среди активной читательской аудитории.

Хорошие книги о природе областей должны занять подобающее им место в нашей научно-популярной литературе. Издание таких книг необходимо всячески поощрять, привлекать к этому делу не только учёных, специалистов, но и краеведов, любителей природы.

В. ДОБРОХВАЛОВ.

Русские люди — творцы машин

Выпускаемая Машгизом серия брошюр «Из истории техники» рассказывает о замечательных русских новаторах, своими изобретениями и открытиями обогативших теорию и практику отечественной техники. Книжки эти представляют интерес не только для специалистов, но и для широких кругов наших читателей. К достоинствам брошюр следует отнести ясность и доходчивость языка, а также композиционную стройность содержания каждого выпуска; все они построены по единому плану. Вначале читатель узнаёт о социально-экономической обстановке, в которой протекала деятельность данного изобретателя, инженера или учёного; затем следует рассказ о его жизни и творчестве и, наконец, оценивается та роль, которую сыграли его труды в развитии научной мысли. Ценным является то, что исторический материал увязывается, как правило, с современными техническими проблемами.

Из этой серии мы рассмотрим две работы: Ф. И. Бойко «Замечательные русские механики Черепановы» и А. И. Александрова «Первая водяная турбина».

Рассказывая о деятельности Черепановых, Ф. И. Бойко приводит ряд новых документов, дополняющих уже известные работы советских авторов. Он описывает «механическое заведение» Черепановых, устроенное на Выйском заводе, постройку ими на Нижне-Тагильских заводах первой в России железной дороги с паровой тягой.

Русские крепостные мастера первой половины XIX века Черепановы — Ефим Алексеевич, его сын, Мирон Ефимович, и племянник, Амос Алексеевич, — были механиками известных демидовских заводов на Урале. Талантливые изобретатели, они создали ряд оригинальных заводских и рудничных машин, станков, изобрели первый русский паровоз.

Крепостное право, тормозившее развитие машинной техники, раболепие правящих классов царской России перед иностранщиной не позволили замечательному изобретению Черепановых выйти за пределы вотчи-

ны Демидовых — Нижне-Тагильских заводов. Как и ряд других выдающихся технических открытий простых русских людей, детище Черепановых не получило широкого распространения, а сами они с течением времени были незаслуженно забыты, разделив судьбу таких талантливых зачинателей машиностроительной техники, как И. Ползунов, К. Фролов и другие. Их заслуги перед русской наукой были по достоинству оценены лишь советскими исследователями.

Автор рецензируемой книжки последовательно, шаг за шагом, осветил творческий путь изобретателей. Ярко и убедительно показаны выдающаяся одарённость Черепановых, их сила воли и настойчивость в достижении поставленной цели. Основываясь лишь на собственных расчётах, конструкциях и чертежах, они создали свой замечательный «сухопутный пароход» в исключительно короткий срок, особенно если принять во внимание уровень техники того времени.

Работая над материалом, Ф. И. Бойко сумел уточнить время постройки Черепановыми первого паровоза — август 1834 года. Дата этого исторического события ошибочно указывалась рядом исследователей истории техники, а также «Горным журналом». Уточнены и даты рождения и смерти Е. А. и М. Е. Черепановых (вопреки утверждениям некоторых авторов о невозможности сделать это), точно установлено время эксплуатации черепановских паровозов.

Книжка Ф. И. Бойко принесёт, несомненно, большую пользу читателям, интересующимся историей отечественного машиностроения. Однако она не свободна от некоторых, подчас существенных, недостатков.

Справедливо отмечая приоритет Черепановых в создании первого типа чугунных рельсов — «колесопроводов», превосходивших в тот период все зарубежные типы, автор мало сказал о трудностях создания «удобного механизма для содержания паровоза способным ходить взад и вперёд без поворачивания». Между тем то обстоятельство, что Черепановы на своём «пароходном дилижанце» впервые в мире создали механизм перемены хода, является весьма важным.

Следовало подробнее рассказать и о том, что на паровозе были установлены предо-

Ф. И. Бойко. «Замечательные русские механики Черепановы». А. И. Александров. «Первая водяная турбина». Урал-Сибирское отделение Машгиза. И. о. главного редактора А. Н. Пятницкий. Москва — Свердловск, 1952.

хранительный и запорный клапаны конструкции Черепановых и впервые осуществлён выхлоп пара в трубу через конус. Указывая, что по своим конструктивным достоинствам первый русский паровоз далеко опередил европейские и американские паровозы того времени, Ф. И. Бойко должен был несколько подробнее остановиться на огличительных чертах конструкции черепановской машины. Неудачно оказалась попытка автора дать описание паровоза Черепановых по приведённым в книге чертежам (фиг. 19 и 20). Недостаточно подготовленному читателю очень трудно разобраться в сборном чертеже модели.

Необоснованным, на наш взгляд, является следующее утверждение автора. Известно, что Е. А. Черепанов ездил в Англию ознакомиться с водоотливными «огневыми машинами» Ньюкомена. Автор приходит к выводу, что эта поездка ничего Черепанову не дала, так как «английского языка Е. А. Черепанов не знал. Ему удалось осмотреть лишь внешний вид английских машин. Не получив представления об их внутреннем устройстве, он не мог извлечь для себя ничего полезного из иноземного опыта». Трудно поверить, чтобы Е. А. Черепанов, уже знакомый с машиной Ползунова и за несколько лет до поездки в Англию задумавший свой проект паровой машины, не мог разобраться в примитивной конструкции машины Ньюкомена хотя бы по её внешнему виду. Точнее было бы сказать, что именно из-за несовершенства машины Ньюкомена ничего полезного из иноземного опыта Черепанов извлечь не мог. Неубедительна и оценка автором результата поездки в Англию М. Е. Черепанова.

Книжка Ф. И. Бойко заканчивается главой «Основоположники передовой транспортной техники». Глава эта представляет особенный интерес для читателя потому, что автор показывает здесь связь работ Черепановых с творчеством других выдающихся русских инженеров-паровозостроителей — Бородина, Петрова, Раевского, Карташова, которые обогатили важнейшие отрасли железнодорожного транспорта ценными открытиями.

В книжке А. И. Александрова «Первая водяная турбина» рассказано о трудах талантливого русского гидротехника, уральского крепостного мастера Игнатия Егоровича Сафонова. Изобретение им водяной турбины явилось огромным вкладом в ми-

ровую гидротехнику. Установление приоритета И. Сафонова, что документально следовало в рецензируемой книжке, является, безусловно, большой заслугой автора. Как известно, до последнего времени в работах по истории нашей техники не было дано ни одного более или менее подробного описания творчества И. Е. Сафонова.

Автор правильно показывает деятельность изобретателя на фоне значительного развития гидротехнических знаний в России. Работы русских «водяных людей» обеспечили успехи не только отечественной гидротехники, но и способствовали общемировому техническому прогрессу.

Идея создания водяной турбины с кривыми лопатками и направляющим прибором, принадлежавшая петербургскому академику Эйлеру, впервые была осуществлена русским плотинным мастером И. Сафоновым, опередившим многих видных западноевропейских учёных — Баркера, Сегнера, Фурнейрона. Построив первую в мире водяную турбину, И. Сафонов совершил подлинный научно-технический подвиг, поставивший его имя в один ряд с именем И. Ползунова — творца первой универсальной паровой машины.

Свои первые турбины изобретатель применял в качестве привода к прокатным станам собственной конструкции. В книжке А. И. Александрова помещён ряд технических документов — чертежей подобных установок, выполненных И. Сафоновым для различных уральских заводов. Изображение одной из турбин (фиг. 12) ясно и наглядно. Этот рисунок значительно облегчает понимание принципа работы сафоновской водяной турбины, её преимуществ перед водяным колесом.

Как уже указывалось, имя И. Сафонова лишь вскользь упоминалось нашими авторами и притом только в связи с созданием водяной турбины. Изучив большой архивный материал, А. И. Александров показывает, что техническое творчество И. Сафонова не ограничивалось постройкой водяных турбин и было весьма разносторонним. Талантливый русский мастер создавал новые заводские механизмы, конструировал и совершенствовал прокатные станы, улучшал воздухоудное и молотовое хозяйство заводов.

В специальной главе, посвящённой приоритету И. Сафонова в изобретении первой водяной турбины, документально доказы-

вается ошибочность взглядов тех учёных и историков техники, которые ставили изобретение И. Сафонова в прямую связь с работами французского инженера Фурнейрона. Автор отмечает ошибочные утверждения по этому вопросу, имеющиеся в некоторых учебниках, изданных не только в дореволюционное, но и в советское время.

Книжка А. И. Александрова об основоположнике современного передового гидротурбиностроения заслуживает положительной оценки. Она будет с интересом прочитана широким кругом советских читателей.

М. ГОЛЕЯ.

★

Путь советского гроссмейстера

В чём секрет успехов советских шахматистов? Этот вопрос часто задают за границей нашим гроссмейстерам и мастерам после их очередной победы на международном турнире.

Конечно, дело здесь не в том или ином чисто шахматном секрете — какой-нибудь неизвестной противнику теоретической новинке, которая обычно имеется в запасе у каждого сильного шахматиста. Успехи советских мастеров имеют более широкую и прочную основу.

Шахматы стали в СССР подлинно народной игрой. У нас насчитывается свыше миллиона квалифицированных шахматистов. Отсюда — обилие сильных мастеров, закономерное появление новых талантов из среды растущей шахматной смены.

Юные советские шахматисты не представлены самим себе. Начальное шахматное образование они, как правило, получают в домах пионеров под руководством опытных инструкторов.

Так начал свой шахматный путь и автор рецензируемой книги гроссмейстер В. В. Смыслов. Он был одним из воспитанников Московского дома пионеров.

С шахматами В. В. Смыслов познакомился, когда ему было всего лишь шесть лет. Под руководством отца — В. О. Смыслова, опытного и сильного шахматиста, — мальчик быстро начал овладевать тайнами трудной и умной игры. В день, когда ему исполнилось восемь лет, отец подарил ему книгу о шахматах первого русского чемпиона мира А. А. Алёхина.

Теперь перед нами книга самого В. В. Смыслова «Избранные партии».

Сборник шахматных партий, сыгранных в ответственных соревнованиях тем или

иным мастером, представляет собой его подлинный творческий отчёт.

В основе шахмат, как и любого вида искусства, лежит глубокий творческий процесс. Для создания полноценной шахматной партии, которая способна доставить эстетическое удовлетворение и вместе с тем принести большую пользу любителям шахмат, требуется огромное нервное напряжение, мобилизация всех шахматных знаний, опыта, выдержки. Полёт шахматной фантазии, борьба двух интеллектов облекается в форму захватывающей маленькой драмы, разыгрываемой на шахматной доске. В многогранности шахмат — этого своеобразного создания человеческого гения, — представляющих собой сочетание элементов науки, искусства и спорта, заключается их обаяние для многих миллионов людей.

Естественно, что партии выдающихся представителей шахматного искусства носят отпечаток индивидуальности создавших их мастеров. Это отчётливо видно также из анализа «Избранных партий» В. В. Смыслова, представляющих большой интерес ещё и потому, что они отражают и более общие черты — черты определённой шахматной школы.

Этой школой является самая передовая в мире советская шахматная школа, выросшая на славных традициях великого русского шахматиста М. И. Чигорина. Она воспитала и вырастила нынешнего чемпиона мира М. М. Ботвинника и многих выдающихся международных гроссмейстеров. Достаточно сказать, что во всём мире имеется 33 гроссмейстера, причём 16 из них являются представителями СССР.

Уже первые партии, приведённые в книге В. В. Смыслова, показывают его глубокое понимание шахматной стратегии и тактики, его строго научный подход к их изучению. Это не мешает, а, наоборот, помогает полёту шахматной фантазии молодого мастера

В. В. Смыслов. «Избранные партии».
Редактор В. Б. Орлов. «Физкультура и спорт», М. 1952.

(Смыслов получил это высокое звание в возрасте 17 лет, разделив первое и второе места в чемпионате Москвы).

Стремление к инициативе, умение создать неожиданные, красивые комбинации, покоящиеся на прочной позиционной основе, — вот черты, органически присущие Смыслову и характерные для советской шахматной школы. Партии, приведённые в книге и расположенные в хронологическом порядке, можно рассматривать, как определённые вехи пути, пройденного не только самим В. В. Смысловым, но и всей советской шахматной школой.

Партии №№ 4 и 6 были сыграны Смысловым в XII чемпионате СССР в 1940 году и в матч-турнире шести сильнейших советских шахматистов в 1941 году. За отличные результаты в этих соревнованиях 20-летнему мастеру было присвоено звание гроссмейстера.

В 1942 и 1943 годах московские шахматисты провели свои первенства. Партия № 9, сыгранная тогда в чемпионате столицы, свидетельствует о дальнейшем прогрессе мастерства Смылова. Его противник М. М. Ботвинник применил теоретическую новинку и смело пожертвовал фигуру за атаку. На доске создалась исключительно сложная ситуация. Но Смыслов хорошо разобрался во всех тонкостях позиции, точной и хладнокровной защитой отразил натиск своего грозного противника и нанёс ему поражение.

В 1945 году состоялся памятный радиоматч СССР—США. Американцы проиграли со счётом $4\frac{1}{2} : 15\frac{1}{2}$. А между тем команда США не раз выходила победительницей на «турнирах наций» (советские шахматисты в то время в них не участвовали). Весь шахматный мир узнал имена Смылова, Болеславского, Котова, Бронштейна и других выдающихся молодых советских шахматистов.

В этом ответственном соревновании М. М. Ботвинник выиграл обе партии у тогдашнего чемпиона США Денкера, а И. Е. Болеславский набрал полтора очка из двух против американского гроссмейстера Файна. Трудная задача выпала на долю Смылова. Ему пришлось отражать натиск сильнейшего американского гроссмейстера Решевского. В обеих партиях (они помещены в книге под номерами 17 и 18) победителем вышел советский шахматист. Решевский и другие американцы не знали,

чем объяснить этот разгром. «Мы бы хотели увидеть советских шахматистов воочию», — говорили они, стремясь к реваншу.

Эта возможность была им предоставлена. Вторая встреча двух команд состоялась в Москве в 1946 году. На этот раз Решевский проиграл Ботвиннику, а Смыслов одержал две победы над Денкером (партии №№ 29 и 30). Американцы снова потерпели решительное поражение.

Наши шахматисты дважды выиграли у сборной команды Англии в радиоматче в 1946 году и в Лондоне в 1947 году. Смыслов одержал убедительные победы над Кенигом (партия № 23) и над Голомбеком (партия № 33).

Во главе первого после войны крупного международного турнира (в голландском городе Гронингене) оказались, как обычно, советские шахматисты. Первое место занял Ботвинник, а третье — Смыслов, нанеший, между прочим, поражение бывшему чемпиону мира Эйве.

Смыслов получил право оспаривать звание чемпиона мира. Дело в том, что чемпион мира А. А. Алёхин скорострительно скончался в 1946 году, и решено было организовать матч-турнир сильнейших современных шахматистов, победитель которого должен был быть увенчан лавровым венком чемпиона.

Это выдающееся соревнование, состоявшееся в 1948 году, закончилось, как известно, полным триумфом советской шахматной школы. Ботвинник стал чемпионом мира, а Смыслов, занявший второе место, завоевал репутацию «второго шахматиста мира». Матч-турниру посвящены партии №№ 37—41. Особенно интересна из них партия № 41 против Эйве, игранная в последнем туре.

В книге приведены также партии, сыгранные Смысловым против шахматистов стран народной демократии, где благодаря дружескому общению с советскими мастерами шахматы получают сейчас массовое развитие.

Партии В. В. Смылова во многом обогатили шахматную теорию. Вот что он пишет во вступлении к книге: «Мне кажется, что в наши дни шахматист-художник должен стремиться к широте шахматных воззрений, к непрерывным поискам таких путей, которые могут двигать шахматы вперёд, к освобождению от чуждых советской шахматной школе элементов догматизма». Это выска-

звание вполне соответствует взглядам советских людей на любой вид искусства.

Обладая высоким совершенством в области шахматной техники, В. В. Смыслов, как и другие наши ведущие шахматисты, в отличие от многих американских и западноевропейских мастеров-профессионалов, видит в ней не самоцель, а лишь средство для подлинно художественного творчества. Именно такой подход к шахматам, свойственный нашим мастерам, способствовал великолепным достижениям представителей советского шахматного искусства.

Благодаря глубоким и обстоятельным примечаниям к партиям читатель ясно понимает ход развития борьбы, знакомится с творческой лабораторией Смылова. Это очень хорошо. Но, несомненно, большую пользу, особенно молодым шахматистам, принесло бы и знакомство с теми методами,

которые помогли Смыслову занять место в первом ряду советских шахматистов. Хотелось бы знать, как он преодолевал свои недостатки, как совершенствовал свою технику, как готовился к ответственным соревнованиям. Обо всём этом, например, рассказывает в своих работах М. М. Бствинник.

Жаль, что книга не разбита на отдельные главы — в соответствии с этапами творческого роста Смылова. Напрасно не приведены таблицы турниров, где участвовал Смыслов.

Нужно пожелать издательству «Физкультура и спорт», которое выпустило в свет избранные партии М. М. Ботвинника и В. В. Смылова, продолжить это ценное начинание и быстрее опубликовать лучшие партии и других ведущих советских шахматистов.

Гроссмейстер С. ФЛОР.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Май — июнь 1953 года)

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

В. И. Ленин. Сочинения. Том 5. Издание четвертое. 530 стр. Цена 6 р. 50 к.

И. В. Сталин. Сочинения. Том 3. 428 стр. Цена 6 р.

И. В. Сталин. Класс пролетариев и партия пролетариев. 16 стр. Цена 15 к.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. 352 стр. Цена 4 р. 50 к.

Ф. Энгельс. Дialectика природы. 328 стр. Цена 6 р. 30 к.

Б. Багликов. О произведении В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Второе, дополненное издание. 48 стр. Цена 55 к.

А. П. Гагарин. Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. Второе, дополненное издание. 208 стр. Цена 2 р. 40 к.

М. Дмитриев. Вопросы внутриводского хозрасчета. 180 стр. Цена 2 р. 60 к.

М. А. Ильин. О ленинском кооперативном плане и его осуществлении в СССР. 136 стр. Цена 1 р. 60 к.

Д. М. Конаков. Организация заработной платы и нормирования труда в промышленности СССР. 48 стр. Цена 60 к.

Ф. Т. Константинов. Болгария на пути к социализму. Второе, дополненное издание. 384 стр. Цена 6 р. 50 к.

В. Конторович. Техпромфинплан промышленного предприятия. Второе, исправленное и дополненное издание. 404 стр. Цена 8 р.

А. Куропатов, И. Лаврухин. В великой стране победившего социализма. Зарубежные гости о Советском Союзе. 168 стр. Цена 2 р.

М. С. Кусельман, И. Е. Велькин. Механизация труда — основа подъема угольной промышленности СССР. 224 стр. Цена 2 р. 60 к.

И. Сидельников. О произведениях И. В. Сталина «О задачах хозяйственников» и «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства». 68 стр. Цена 80 к.

Д. Сизов. Пятая конференция РСДРП. (Съезды и конференции КПСС): 56 стр. Цена 60 к.

Л. Сленов. О стиле в партийной работе. 132 стр. Цена 1 р. 55 к.

С. Титаренко. О произведении И. В. Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Второе, дополненное издание. 36 стр. Цена 40 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Остап Вишня. Рассказы и фельетоны. Авторизованный перевод с украинского. 160 стр. Цена 2 р. 80 к.

В. Ермилов. Н. В. Гоголь. Издание второе, дополненное. 446 стр. Цена 9 р. 65 к.

Анна Саксе. В гору. Роман. Авторизованный перевод с латышского Д. Глезера. 558 стр. Цена 9 р. 35 к.

Анатолий Софронюв. Пьесы. 320 стр. Цена 7 р. 95 к.

А. Твардовский. Василий Тёркин. Книга про бойца. 228 стр. Цена 6 р.

Микла Шпак. Стихотворения. 1928—1942. Перевод с украинского. 86 стр. Цена 1 р. 85 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Вольтер. Философские повести. Перевод с французского. 356 стр. Цена 5 р. 95 к.

Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в шести томах. Том шестой. Избранные статьи и письма. 456 стр. Цена 8 р.

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 24. Статьи, речи, приветствия. 1907—1928. 576 стр. Цена 12 р.

А. Дейч. Леся Украинка. Критико-биографический очерк. 132 стр. Цена 2 р. 70 к.

Теодор Драйзер. Собрание сочинений в 12 томах. Том девятый. Оплот. 328 стр. Цена 15 р.

Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Том тринадцатый. Воскресение. 464 стр. Цена 10 р.

Тарас Шевченко. Лирика и поэмы. Перевод с украинского. 120 стр. Цена 1 р. 25 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Борис Горбатов. Донбасс. Книга 1. 412 стр. Цена 8 р. 55 к.

Ваган Давтян. Рассвет в горах. Стихи. 85 стр. Цена 2 р. 30 к.

М. Капица. Молодёжь великого Китая. 160 стр. Цена 2 р. 50 к.

Илья Маркин. На берегах Дуная. Роман. 458 стр. Цена 9 р. 60 к.

«Молодая гвардия». Альманах № 7. 332 стр. Цена 9 р. 50 к.

Т. Николаев. Великие перемены во Вьетнаме. 142 стр. Цена 2 р. 20 к.

Николай Островский. Сочинения. Т. 1. Как закалялась сталь. 318 стр. Цена 10 р. 70 к.

В. Хмелева. Антонина Жавдарова. (Молодые строители коммунизма). 76 стр. Цена 1 р. 15 к.

ДЕТГИЗ

Г. Х. Андерсен. Соловей. Перевод с датского А. Ганзен. 20 стр. Цена 1 р. 70 к.

И. Валентинов. Рассказы об Африке. 160 стр. Цена 3 р. 50 к.

А. Голубева. Мальчик из Уржума. Повесть о детстве и юности С. М. Кирова. 188 стр. Цена 6 р.

Гороховый Стручок — огородный старичок. Польские народные сказки. 80 стр. Цена 2 р. 50 к.

В. Гюго. Гаврош. Отрывок из романа «Отверженные». Перевод с французского и обработка для детей Н. Касаткиной. 56 стр. Цена 4 р. 45 к.

Живые дела. Стихи и рассказы. 48 стр. Цена 60 к.

Жизнь и творчество Н. Г. Чернышевского. Составитель Ю. Миронова. Материалы для выставки в школе и детской библиотеке к 125-летию со дня рождения писателя. 43 стр. Цена 1 р. 85 к.

Б. Житков. Белый домик. 32 стр. Цена 50 к.

Л. Ихсанова. На реке Серебрянке. Рассказы. Перевод с татарского Ш. Сукчелей. 64 стр. Цена 1 р.

Л. Кон. Детская литература в годы гражданской войны. 40 стр. Цена 65 к.

С. Маршак. Курочка ряба и десять утят. Сказка. 12 стр. Цена 1 р.

Л. Молчанова. Детство Лены. Повесть. 96 стр. Цена 2 р. 95 к.

Рассказы русских писателей. 192 стр. Цена 4 р. 30 к.

Рукавичка. Украинская народная сказка. 16 стр. Цена 85 к.

Советская детская литература. Сборник статей. 272 стр. Цена 7 р. 30 к.

К. Д. Ушинский. Первые сказки. 15 стр. Цена 75 к.

И. Фролов. Хлеб идёт. Стихи. 32 стр. Цена 40 к.

А. Шаров. Жизнь побеждает. Повесть о героях науки. 192 стр. Цена 4 р. 45 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Василевская. Реки горят. Роман. Авторизованный перевод с польского. 470 стр. Цена 9 р. 70 к.

Я. Галан. Pamфлеты. Из книги «Избранное». (Библиотека солдата). 88 стр. Цена 1 р. 10 к.

Герой Советского Союза генерал-майор Иван Васильевич Панфилов. 30 стр. Цена 30 к.

Знамя победы. 40 стр. Цена 45 к.

Ф. Кнорре. Рассказы. (Библиотека солдата). 78 стр. Цена 95 к.

В. И. Козлов. Люди особого склада. Перевод с белорусского. 294 стр. Цена 6 р. 30 к.

И. П. Погребняк. Учись правильно бегать. (В помощь молодому легкоатлету). 46 стр. Цена 75 к.

К. Седых. Даурия. Роман. 827 стр. Цена 15 р. 75 к.

Н. Филиппов. Твёрдая воинская дисциплина — залог успехов в учёбе и в бою. 50 стр. Цена 50 к.

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К. М. Станюкович. Избранные произведения. 487 стр. Цена 13 р.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

Минимум библиотечной техники. 80 стр. Цена 1 р. 70 к.

М. М. Постникова-Лосева. Русские серебряные и золотые ковши. 76 стр. Цена 3 р. 10 к.

Леонид Циновский. Сложный вопрос. 30 стр. Цена 50 к.

Арк. Эриванский. Первый в мире. 72 стр. Цена 1 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на берёсте. 66 стр. Цена 6 р. 60 к.

Географические исследования в центральном Тянь-Шане. 204 стр. Цена 9 р. 80 к.

Чарлз Дарвин. Сочинения. Том 5. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных. 1040 стр. Цена 53 р. 50 к.

А. А. Ильшенецкий. Микробиология целлюлозы. 439 стр. Цена 29 р. 60 к.

История английской литературы. Том II, выпуск I. 391 стр. Цена 12 р.

Б. А. Колчин. Чёрная металлургия и металлообработка в древней Руси. 257 стр. Цена 17 р. 50 к.

Краткие сообщения Института славяноведения. Выпуск 10. Основные вопросы болгарской грамматики. 142 стр. Цена 6 р. 60 к.

Литературное наследство. Том шестьдесят первый. Герцен и Огарёв. Том I. 938 стр. Цена 55 р. 25 к.

Материалы по истории отечественной химии. Второе Всесоюзное совещание. 348 стр. Цена 21 р. 20 к.

Д. И. Менделеев. Научный архив. Т. I. Периодический закон. 866 стр. Цена 42 р. 40 к.

В. П. Невская. Византия в классическую и эллинистическую эпохи. 157 стр. Цена 7 р. 50 к.

Д. А. Петров. Тройные системы. 314 стр. Цена 18 р. 80 к.

Н. А. Северцов. Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных. 269 стр. Цена 18 р. 35 к.

Советская археология. Том XVII. 378 стр. Цена 20 р. 50 к.

П. В. Таванец. Суждение и его виды. 176 стр. Цена 6 р. 85 к.

Труды Монгольской комиссии. Выпуск 43. **Г. Р. Литовченко.** Вопросы овцеводства Монгольской Народной Республики. 142 стр. Цена 7 р. 70 к.

Универсальный столик Е. С. Фёдорова. 837 стр. Цена 51 р. 50 к.

Д. И. Шполянский. Монополии угольно-металлургической промышленности юга России в начале XX века. 147 стр. Цена 6 р. 65 к.

Учёные записки Института востоковедения. Т. V. 274 стр. Цена 12 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Белая книга о милитаристском «общем» договоре. Перевод с немецкого. 336 стр. Цена 7 р. 25 к.

Джеймс Олдридж. Дипломат. Роман. Второе издание. Перевод с английского. 831 стр. Цена 24 р. 70 к.

К. Причард. Крылатые семена. Роман. Перевод с английского Т. Кудрявцевой и Т. Озеровой. Предисловие Н. Банникова. 399 стр. Цена 12 р. 85 к.

Песни свободной Албании. Перевод с албанского. 103 стр. Цена 3 р. 60 к.

«ИСКУССТВО»

А. Анастасьев. МХАТ в борьбе с формализмом. 243 стр. Цена 12 р. 25 к.

М. Горький. На дне. Пьеса. 73 стр. Цена 1 р. 75 к.

Ежегодник МХАТ за 1949—50 год. 856 стр. Цена 70 р.

А. Лебедев, В. В. Верещагин и В. В. Ставов. 236 стр. Цена 13 р. 10 к.

Г. Мдивани. Новые времена. Пьеса. 112 стр. Цена 2 р. 15 к.

Мольер. Мещанин во дворянстве. Комедия. 75 стр. Цена 1 р. 85 к.

Б. Никифоров, П. А. Кривоногов. 34 стр. Цена 1 р. 30 к.

Переписка И. Н. Крамского и П. М. Третьякова. 458 стр. Цена 25 р. 50 к.

И. Е. Репин. Далёкое близкое. 4-е издание. 520 стр. Цена 29 р. 65 к.

В. Соловьёв. Золотая чума. Пьеса. 196 стр. Цена 3 р. 10 к.

Шеридан. Школа злословия. Комедия. 109 стр. Цена 2 р. 60 к.

МАШГИЗ

Б. А. Аханмов и А. Е. Демаков. Скоростные методы выплавки электростали в основной дуговой печи. (Новаторы производства). 20 стр. Цена 40 к.

А. Н. Гаврилов и В. Н. Мюйр. Пути повышения производительности труда в приборостроении. 240 стр. Цена 8 р. 90 к.

С. А. Грановский, В. М. Орго, Л. Г. Смоляров. Конструкции гидротурбин и расчёт их деталей. 392 стр. Цена 19 р. 20 к.

А. П. Гуляев. Термическая обработка стали. 384 стр. Цена 17 р. 10 к.

В. М. Дегтярев. Скоростной нагрев при термической обработке изделий крупных сечений. Опыт завода имени С. Орджоникидзе. 36 стр. Цена 65 к.

Л. Г. Иоффа. Восстановление инструментов. Из опыта Уралмашзавода. 32 стр. Цена 60 к.

И. Я. Касицкий. Оргтехплан машиностроительного завода. 200 стр. Цена 8 р. 5 к.

А. А. Королев. Новые исследования деформации металла при прокатке. 268 стр. Цена 10 р.

В. П. Кунгуров. За качество при токарной обработке. (Слово передовиков производства). 32 стр. Цена 50 к.

А. Г. Ланг и В. С. Майзель. Портальные краны. 208 стр. Цена 9 р. 85 к.

Д. А. Локтев. Металлорежущие станки для производства инструмента. 304 стр. Цена 8 р. 45 к.

С. Н. Мылко и В. Е. Видишев. Практика скоростного сталеварения. Из опыта Ворошиловградского паровозостроительного завода. 64 стр. Цена 1 р. 25 к.

Т. В. Толчёнов. Техническое нормирование в машиностроении. Альбом. 48 стр. Цена 30 р. 60 к.

И. А. Труфанов. Обработка деталей на карусельном станке. (Новаторы производства). 16 стр. Цена 25 к.

МЕДГИЗ

Ф. Р. Бородулин, С. П. Боткин и неврогенная теория медицины. Издание 2-е. 184 стр. Цена 6 р. 40 к.

З. Г. Василькова. Основные гельминтозы человека и борьба с ними. Издание 2-е. 208 стр. Цена 5 р. 50 к.

И. Д. Ганецкий, И. Г. Древаль, П. С. Катаев. Руководство по лечебной кулчнари и составление меню для санаториев и домов отдыха. 816 стр. Цена 25 р. 60 к.

Е. Н. Мешалкин. Техника интубационного наркоза. 168 стр. Цена 5 р. 10 к.

С. Д. Носов. Скарлатина. 160 стр. Цена 5 р. 40 к.

Н. И. Орлов. Съедобные и ядовитые грибы, грибные отравления и их профилактика. 272 стр. Цена 9 р. 10 к.

Н. П. Чистякова. Фармакология и рецептура. 288 стр. Цена 4 р. 80 к.

М. П. Чумаков, И. М. Присман, Т. С. Зацепин. Полиомиелит Дегский спинно-мозговой параличи. 480 стр. Цена 23 р. 10 к.

ГОСЛЕСБУМИЗДАТ

Л. В. Гордон. Технология лесохимических производств. 432 стр. Цена 11 р.

В. Т. Лихомский. Дефекты бумаги и их устранение. 28 стр. Цена 60 к.

П. И. Мосевич, С. И. Сушин. Сертировка древесины цепной бревчотаской с механическими сбрасывателями (спыт Суслонгерского ЛПХ). 28 стр. Цена 60 к.

Р. М. Павлинова. Обезвреживание сульфитных щёлоков. 40 стр. Цена 1 р. 40 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Д. Белянкин, Н. Лобанова. Наглядные пособия в системе партийного просвещения. 45 стр. Цена 60 к.

За рулём автомобиля. Сборник статей. 56 стр. Цена 90 к.

А. Макаренко. Педагогическая поэма. 663 стр. Цена 12 р. 35 к.

С. Максимов. Производство строительных дегалей на полигонах. 107 стр. Цена 1 р. 75 к.

В. Молодцов. Марксистская диалектика о развитии в природе и обществе. 71 стр. Цена 85 к.

И. Поляков. Массово-политическая работа в колхозе. 70 стр. Цена 85 к.

Н. Пузынчиков. Механизированная ферма. 67 стр. Цена 90 к.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Избранное. 459 стр. Цена 8 р. 35 к.

МУЗГИЗ

Л. Данилевич. А. Н. Скрябин. 112 стр. Цена 2 р. 25 к.

Ц. Рацкая. Н. А. Римский-Корсаков. 142 стр. Цена 3 р. 95 к.

С. Шейн. «Демон» А. Рубинштейна 72 стр. Цена 1 р. 70 к.

И. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Чехова. 96 стр. Цена 1 р. 90 к.

АЗЕРНЕСП

Али Велиев, Гюльшен. Повесть. Авторизованный перевод с азербайджанского М. Юфит. 243 стр. Цена 5 р. 50 к.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Борис Бедный. Большой поток. Повесть. 200 стр. Цена 4 р. 20 к.

ВЛАДИМИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Иван Симонов. Сказки Ярополческого бора. 32 стр. Цена 1 р.

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Абрамов. Поэтическое мастерство Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин». 200 стр. Цена 5 р. 40 к.

А. А. Знаменский. Искусственное осеменение сельскохозяйственных животных. 64 стр. Цена 85 к.

А. М. Мальцев. Социалистическое соревнование на производстве. Из опыта профсоюзной работы на Воронежском экскаваторном заводе имени Коминтерна. 40 стр. Цена 40 к.

Владимир Шамша. Рассказы. 48 стр. Цена 50 к.

ЛЕНИЗДАТ

Павел Далецкий. На сопках Маньчжурии. Роман. Том I. Издание 2-е, исправленное и дополненное. 308 стр. Цена 17 р. 5 к.

«РАДЯНСКИЙ ПИСЬМЕННИК»

Б. Д. Палийчук. Новая Каховка. Роман в стихах. 176 стр. Цена 4 р. 65 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. Ватин. Творчество П. П. Бажова. 284 стр. Цена 8 р.

Колхозный путь. Очерки о достижении колхозов Свердловской области. 704 стр. Цена 15 р. 65 к.

В. К. Очеретин. Первое дерзание. Повесть 560 стр. Цена 11 р.

В. К. Фаворский. Синонимы в русском языке. 72 стр. Цена 1 р. 50 к.

ЯРОСЛАВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. Бобров, Н. Ракитин. Южные ветры. Повесть. 135 стр. Цена 2 р. 10 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**
Редколлегия: **М. С. Бубеннов, В. П. Катаев,**
С. С. Смирнов, А. К. Тарасенков, К. А. Федин, М. А. Шолохов

Редакция: Москва, в. Пушкинская площадь, 5 (ночтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-06-96

Сдано в набор 14/V-53 г. Подписано к печати 10/V1-5
А 00298. Формат бумаги 70×108/16. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 130.000. Заказ №

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская площадь, 5.

Цена 7 руб.